

ББК 76–12

Р–69

Книга подготовлена при содействии офиса
Представителя ОБСЕ по свободе прессы
и посольства США в России

Редактор — Илья Максаков
Фотографии — Юрий Романов, Геннадий Хамельянин,
Владимир Сварцевич, Валерий Киселев
Художник — Вячеслав Т□

Р–69 **Романов Юрий.** «Я снимаю войну...». Школа выживания.
— М.: «Права человека», 2001. — 308 стр.

Написанная известным российским журналистом Юрием Романовым книга — своеобразный итог его работы в «горячих точках» на территории бывшего СССР. Написанная как мемуары, книга тем не менее может стать ценной для журналистов, готовящихся стать военными репортажами.

Предназначена для журналистов, студентов, а также для исследователей самого широкого профиля, прежде всего конфликтологов.

ББК 76–12

ISBN 5–7712–0213–4

© Юрий Романов, 2001

© Центр экстремальной журналистики, 2001

© Издательство «Права человека», 2001

Памяти

*Андрея Соловьева, погибшего в Сухуми,
Володи Житбаренко,
Наташи Алякиной – погибших в Чечне.*

*Володе Сварцевичу, Саше Земляниченко, Валере
Киселеву, Тете Хамельянину, Володе Веленгурину,
Володе Машатину, телегруппам Саши Сладкова,
Леша Самолетова, режиссерам Карену Теворкяну
и Сереже Товорухину, а также всем сумасшедшим
репортерам «горячих точек», которые прошли все
и случайно остались живыми.*

Юрий РОМАНОВ

Содержание

Предисловие. <i>Олег Панфилов</i>	7
В начале было слово. Советы дилетанта	9
Введение	20
Москва.	
Чрезвычайщина—91	24
Нагорный Карабах.	
Билет в один конец	45
Из жизни фидаинов	57
Обреченная крепость	62
Как хорошо быть генералом	88
Такси на Геташен	95
Таджикистан.	
Странная война	125
В 100 метрах от Коммунизма	136
Заложники чужой войны	153
Керосиновая радуга	169
Колонна	182
Гибель заставы	206
Грузия.	
Незванный гость	223
Абхазия.	
Под итальянской «крышей»	233
Взятие Сухума	239
Москва.	
Русский бунт в прямом эфире	262
«Не верь, не бойся, не проси!». Послесловие	299

Предисловие

Для журналистов написано много учебников. О том, как писать, как снимать на фото и видеокамеру, как брать интервью или собирать материал для очерка. И учат их примерно так, как в кулинарных училищах учат поваров — готовить по рецептам...

Как «показать» войну, учебников нет. Есть рекомендации о том, как на войне работать. Эти рекомендации до сих пор создавались в других странах, по поводу военных событий вдалеке от России и бывших советских республик. Например, несколько лет назад американский комитет защиты журналистов (СРЖ) подготовил такие рекомендации для журналистов, освещавших события в Югославии. Международная организация «Репортеры без границ» выпустила небольшой справочник о том, как безопасно работать на войне. Киргизские коллеги попытались обобщить свою работу на юге страны во время боевых действий 1999–2000 годов.

До сих пор не хватало еще одной книги — о том, как журналистам вести себя во время работы на войне. Помимо обычных мер безопасности существует и такое непреложное понятие, как общение, поведение, возможность выпутаться из сложной, порой очень опасной ситуации. Не открою секрета, если упомяну о том, что это приходит с опытом, проведенными на войне многими годами.

Юрий Романов одним из первых российских журналистов стал стрингером и по заданиям крупнейших агентств и телекомпаний побывал на всех войнах, которые шли в мире в последние десятилетия, — во всех странах бывшего СССР, в Африке, Югославии. Кадры его съемок были показаны крупнейшими телекомпаниями мира. Вряд ли будет преувеличением заявить, что главным достижением Юрия были не столько бесценные кадры, сколько то обстоятельство, что он возвращался с каждой съемки живым.

Собственно, это и есть, на мой взгляд, основная идея книги: рассказать не столько о том, как работать на войне, сколько научить молодых (и не молодых, но в первый раз выезжающих на войну) коллег, как сохранить себя для дальнейшей работы.

Военная журналистика — не только опасная профессия, она еще и «заразная». Единожды побывав в качестве репортера на войне, журналисты стремятся поехать вновь и вновь, несмотря на тяжелые психологические травмы, несмотря на трудности, в том числе и бытовые. Но большинство военных журналистов понимают, что их работа необходима, поскольку они ОБЯЗАНЫ показы-

вать войны. В большей степени для того, чтобы они поскорее закончились.

Как и у многих журналистов, у Юрия Романова есть свои страсти, в том числе и политические. От этого не избавиться, если ты не «сухарь» и знаешь подоплеку многих военных конфликтов. Может быть, это самый главный недостаток лежащей перед вами книги. Но иначе рассказать о своей работе было бы невозможно. Иначе эта книга состояла бы только из перечисления выработанных за годы работы правил. К сожалению, по правилам работать на войне нельзя, поскольку сами войны ведутся без правил.

Для Центра экстремальной журналистики эта книга — первая из намечаемой серии изданий о том, как журналисты могут работать на войне. Книга достойная и своевременная. Хотя каждый из нас предпочел бы, чтобы такие книги оставались на полках как воспоминания, а не как руководство...

ОЛЕГ ПАНФИЛОВ,
директор Центра экстремальной журналистики

В начале было слово

В прокуренной комнате, которую выделяет представитель Президента Ельцина в мятежной Чечне Николай Егоров в своей «резиденции» на военном аэродроме североосетинского городка Моздока, располагается пресс-служба Правительства России. Ее сотрудники, набранные «с бору по сосенке» из всех войск, составляющих объединенную группировку сил на Северном Кавказе, надели форму, у кого какая нашлась, и приехали организовывать фронт «информационной войны» со стороны России.

В конце 1994 года тогдашний министр обороны Павел Грачев обещает Президенту усмирить Чечню «одним парашютно-десантным полком»

Пресс-центр создается просто так, на всякий случай. Вот усмирит Грачев Чечню, и облагодетельствованные граждане поднесут победоносному «лучшему военному министру всех времен и народов» хлеб-соль и ключи от городов и деревень. Тогда-то и понадобится пресс-центр. Ибо пресса, по мнению некоторых военачальников, сильно нуждается в серьезном руководстве: «Если вы все такие умные, почему же строим не ходите?..»

Что такое «информационная война», толком никто не знает, но говорят о ней со значительным видом. По вечерам смотрят телевизор — все российские новости подряд и очень радуются, когда диктор произносит: «По сообщениям пресс-центра объединенного командования...» Полчаса после новостей гордятся — день прожит не зря...

На другое утро кто-нибудь опять идет в штаб, переписывает сводку, переводит ее с армейского языка на суконный русский и передает в Москву.

Вдруг комната наполняется шумом, гамом и беспорядком. Очередной журналистский десант заваливает все углы аппаратурой, припасами, бронежилетами, касками, а воздух уплотняется до кисельной густоты.

Как правило, приезжает разноплеменная и разноязыкая братия, знающая друг друга по многим командировкам на войну. С одними встречались в Нагорном Карабахе, с другими — в Абхазии, с третьими — в Таджикистане... В СНГовии стало сейчас

почти по Пушкину, «одна война сменить другую спешит, дав миру полчаса...».

Теперь вот — Чечня. На ближайшие полсотни лет? Буду счастлив, если ошибся...

...В распоряжении пресс-службы есть несколько видеокамер. Обычные бытовые «Панасоники» используются как оперативные камеры для фиксации событий, от боев до преступлений, для опознания погибших... Выносливость камер невероятная. Грязь, пыль, вибрация — им все нипочем...

Операторы — работники милиции и контрразведки ведут документальную съемку войны и мечтают, что когда-нибудь эти кадры, жестокие в своей непричесанной правде, покажут по телевидению...

И не думают фронтовые операторы, что телевизионщики много бы отдали за саму возможность быть в гуще событий.

Так и живем. Умеющие снимать — не допускаются. Допущенные — делают в съемке первые шаги...

Спасибо Валерию Валериановичу Гришину за то, что он — профессиональный журналист, телеоператор — оказывается хотя и внештатным, но сотрудником правительственного пресс-центра. Кто знает — помалкивает, остальным знать необязательно. Конечно, в первые дни висит мифическая угроза разоблачения. Кажется, что кто-то много знающий приподнимет брови и спросит: «А этот-то, журналист, что здесь делает?» И выпрут с позором. Но

проходит время, никто брови не поднимает и ничего не спрашивает. А спрашивают милиционеры с «Панасониками», как лучше снять, «чтобы по «телеку» показали»?

В самом начале были попытки пересказать своими словами учебник, который забылся уже лет двадцать назад. Потом по просьбе снимающих тружеников написал две–три странички. Прочитали, посмеялись... Сказали, что понравилось...

«Слушай, а сам напиши учебник...» Здесь уже мне становится смешно. Тоже мне, нашли Бархударова... Но мысль остается...

Только потом я начинаю понимать, во что ввязываюсь. Одно воспоминание тянет за собой целую цепочку других. Порой вспоминается и то, о чем давно постарался забыть.

Такой труд невозможно закончить, его можно только прекратить...

...После многих лет работы стрингером в одной из самых уважаемых в мире телекомпаний, после тысяч кадров, которые были включены в репортажи самых знаменитых корреспондентов и показаны в десятках стран мира, становится ясно, что учеба не кончается, как не кончаются войны. Она продолжается всегда. А раз продолжается учеба, нужен и учебник...

В написании учебников — нет никакого опыта, да и кто я такой, чтобы учить... Тот, кто сам работать не может, — учит других. Кто ни работать, ни учить не может, — учит учителей...

«Дурак учится на своих ошибках, а умный — на чужих». Лукавит пословица. Сколько ни говори ребенку, что огонь горяч, — не поверит, пока сам не обожжется. Каждое поколение должно набить собственные шишки, обжечься о собственный огонь.

Пусть лучшим «уроком» будет случай из практики. Если кто-нибудь, взявший в руки эту книжку, еще и прочтет ее, он будет умницей. Но если он еще и применит в жизни и работе хотя бы кое-что из изложенного... Нет, не мудрым он будет, а хотя бы целым и живым. Автору всего одна ошибка чуть не стоила жизни, а сколько их было — ошибок...

Один из великих сказал, что «история не имеет сослагательного наклонения», она происходит здесь и сейчас... И если кто-то после прочтения нижеследующего опуса снимет кадр, который войдет в Историю, мой труд не пропал даром...

Если ты остановился и сказал: я все постиг, я — крутой профессионал, ты умер для профессии.

Может быть, человек, взявший в руки видеокамеру, захочет прислушаться к советам? В добрый час, но пусть это будут

СОВЕТЫ ДИЛЕТАНТА

1. Общие положения

Видеокамера — не баловство, а источник существования. Но если хочешь разорить друга — подари ему видеокамеру. Ему понадобится еще куча вещей: штативы, батареи, свет, новые кассеты и многое-многое другое... Камера — источник не только наслаждения, но и больших неприятностей. (Снимавшие — поймут, а остальным объясню, как с помощью камеры нажать себе головной боли, чуть позже.)

Кнопки на камере ровно в четыре раза больше, чем необходимо, и в два раза меньше, чем хотелось бы.

Как не все золото, что блестит, так и не все, что цветно и шевелится, имеет право быть снято, а тем более — показано...

Снимающий должен знать цель съемки:

А. Для дома, для семьи. Ограничения накладывают только размеры кошелька и отсутствие времени.

Б. Для начальства (оно должно видеть, что его снимают, хотя это никогда и нигде не будет показано). В этом случае лучше не ставить пленку, чтобы напрасно не тереть записывающую головку. Но если пленка все-таки стоит, то необходимо подарить начальству VHS-копию. Это впечатляет.

В. Для хлеба насущного. Очень уважаемая категория съемщиков. Они сделали первый шаг к подлинному профессионализму, но еще не ушли от любительщины... Однако съемка свадеб, детородных, юбилеев, похорон и т.д. может стать хорошей тренировкой перед съемкой какого-нибудь крупного события, перед съемкой, которая сделает твоё имя знаменитым. Это — как перед исполнением какой-нибудь сложнейшей симфонии, когда даже самые великие музыканты не чураются играть гаммы...

Г. Для отечественного эфира («Останкино», прочее НТВ). Ни-какого хлеба — одно беспокойство...

А вот уж где профессионалы! Слова в простоте не скажут. Ни в одной «забугорной» телекомпании такого суперпрофессионализма

не наблюдал. Сляпал передачку, на которую без слез не глянешь, и уже «профи», на хромой козе не подъедешь...

Как нельзя есть селедку с изюмом, так нельзя смешивать политику с журналистикой. Как правило, это — невкусно, что мы и наблюдаем ежедневно на экранах отечественного ТВ...

Д. Для западного эфира. (Это уже хлеб с маслом, а если пове- зет, то и с икоркой.) Если человек сделал своим куском хлеба съемку для «забугорного» эфира — снимаю шапку, ибо он настоя- щий профессионал.

Ошибочно мнение обывателя, которого придерживаются и от- дельные наши руководители всех уровней, — что иностранцев ин- тересует только «негатив». Конечно, можно случайно снять какую- нибудь эпохальную помойку и попасть «в струю», заработать ка- кие-то деньги. Но — говорю с полной ответственностью за свои слова: в съемке для западного эфира главное — честность и точ- ность... Уважающая себя и своих зрителей западная компания ни- когда не удовлетворится сведениями из одного, да еще мутного источника, каковыми являются очень многие ведомственные пресс-службы. Она всегда перепроверит каждый факт и каждую цифру еще из двух-трех независимых источников.

Но это уже категории моральные, и не они предмет нашего рассмотрения. Но один вывод можно взять на заметку — никогда не

ври, не пытайся приукрасить, не создавай «правду жизни». «Единожды солгавши — кто тебе поверит?» Об этом подробнее в «Уроках выживания»...

...То, что снято (если повезло), должно быть доставлено в точную покупки. Желательно прямо туда, где платят. Еще более желательно, чтобы окошко приема снятой пленки находилось как можно ближе к окошку с надписью «касса».

Эфир — дело тонкое. И если твой сюжет скоммуниздили (*устар.*), то ты никогда, никому, нигде, ни за что, ничего не докажешь, сколько ни размахивай «исходником». Лучше плюнь и сними новый сюжет...

Все, кто относят себя к категориям А и Б, — могут дальше не читать.

В — тоже, они и так все знают.

Г — тоже можно было бы воздержаться, чтобы обид не было.

Д — немедленно отвернитесь, имейте совесть...

Конкуренция — вещь жестокая.

2. Камера

Камера — это обычно японский механизм с загадочными функциями и множеством кнопок. (См. п.1 «Общих положений», а также инструкцию. Если кто не знает, приложена к каждой камере.)

Если в этот механизм вставляется такая же кассета, как и ваш домашний видеомагнитофон или плеер, то это — не камера, а средство утешения и досуга для категорий А и Б.

Еще можно использовать этот механизм: в качестве пресс-папье, чтобы бумаги от сквозняка не разлетались; как грузило при рыбной ловле; как средство для забивания гвоздей (молоток) и т.д.

«Бетакам» мы здесь также не рассматриваем, так как мы не извращенцы, а честные, следовательно, бедные любители-дилетанты.

Hi8 — «хай восемь»!!! Это не камера, а песня. Маленькое чудо техники, за которым — будущее. По цене доступна. У кого сейчас за подкладку кошелек не завалились одна-две тысячи долларов (\$1000 — \$2000)?! Лучше иметь одну «хайку», чем ведро «вэхазсок», даже «супер».

Прошло всего четыре года после того, как были написаны эти строки. Тертая-перетертая «хайка» и сломанный десантным ботинком штатив уже года четыре лежат в ящике на заслуженном

отдыхе. Четыре войны, десятки командировок, несколько сот кассет неразобранного архива.

Сейчас в фаворе — цифровой формат. Качество картинки сравнимо с профессиональными камерами. Но и профессионалы не стоят на месте...

Что мы будем иметь через пару-тройку лет?

Поэтому воздержимся от дифирамбов цифровому формату и поговорим о вечном. Ведь любое самое гениальное полотно создается не кисточка, а художник. Хорошо, конечно, если он будет иметь самую лучшую кисточку. Мы с вами этого заслуживаем...

С другой стороны, в наш век Интернета и компьютеров что-то не слышно о новых Рембрандтах и Ван Гогах. Интересно, а если бы Рембрандт имел мощный компьютер? Стал бы он тем, кем стал с помощью кистей, красок и холста?

...Итак, мы имеем камеру, штатив (обязательно), запасные батареи, немножко света. За окном рычит БТР, что-то погромыхивает вдалеке, и нежно так посвистывают пули знакомых снайперов! Вперед!

3. Съемка

Для начала забудь все, чему тебя учили во ВГИКе и прочих университетах (культуры, марксизма-ленинизма, журналистики и т.д.). Забудь также все то, что ты прочитал в инструкции к камере. Забудь также все иностранные слова, такие, как «трансфокатор», он же «Zoom», «панорама» и тому подобные вредности.

Запомни только одно существительное — «картинка» и два прилагательных — «хорошая» и «плохая». Как можно больше — хороших и как можно меньше — плохих.

Оператор — это тот же фотограф. Только фотографий у него получается самое малое 25 штук в секунду. Может быть — 50, а может быть — 10 тысяч. Поскольку мы договорились забыть о панорамах и трансфокаторах, остается определить построение кадра.

Вспомним о том, что мы читаем страницу книги или газеты слева направо и сверху вниз. Снимаем по возможности так же. Для начала, чтобы не путаться, постараемся держать событие в кадре — в центре кадра. Это правило хорошо как для фотографа, так и для видеооператора.

Фотографу сложнее — он должен в одном снимке показать событие или человека так, чтобы обойтись минимумом слов. Опера-

тору проще — он может взглядеться в событие. И постараться, чтобы вместе с ним в событие взгляделся и зритель.

Общий адресный план, в котором должны быть узнаваемые предметы. Если это митинг в Москве, то на общем плане силуэт Кремля, Красной площади, что угодно. Событие происходит именно в Москве, а не в Краснопуинске.

Вторым общим планом может быть толпа на площади. Хорошо бы помнить — картинок должно хватить на то, чтобы диктор как можно меньше торчал на экране. Можно (и нужно) взглядеться в лики толпы.

«Лик» — это, пожалуй, слишком громко.

Настроение и состояние толпы во время одного из митингов «Трудовой России»: длинный крупный план, на котором дебильного вида тетка из «профессиональных революционерок» колотила

алюминиевой ложкой по кастрюле, надетой на голову. Это был «Марш пустых кастрюль».

Идея организаторов митинга — показать одному из множества правительств Ельцина, что народ голодает. Только эту идею толпа искажила до карикатуры. В итоге получился «Марш пустых голов». Что, впрочем, было недалеко от истины. Подумать, как работать, конечно, сложнее, чем протестовать стуком пустой ложки по пустой кастрюле, надетой на пустую голову.

Хорошо бы еще оказаться за спиной выступающего на митинге и, имея в кадре его лысеющую макушку и вскинутую руку, зажавшую кепку с пупочкой, показать общий план толпы на площади.

Потом нужно быстро сбежать с трибуны и показать выступающего крупно, останавливая внимание на характерных его чертах, знакомых любому октябренку.

Лысина, борода, бородавка возле носа, галстук в горошек, жилетка, сильно поношенное пальто, свидетельствующее о скромности наших «вождей».

Очень раздражает непрерывное блуждание камеры по объекту съемки. Бывает, знаешь, нельзя, но очень хочется — палец чешется нажать на кнопку.

Самый лучший способ подавить желание — уступить ему. «Если нельзя, но очень хочется, то — можно...» Но...

В начале и в конце как панорамы, так и наезда (отъезда) зафиксируй как начало, так и конец безумного деяния.

Кнопка «пуск» нажата. Начинай отсчет статичного плана: «21, 22, 23, 24, 25, 26, 27» — камера поехала. Наезд, отъезд, панорама — все что угодно. Но все это — на штативе. В конце — опять 6 — 7 секунд неподвижного плана. Таким образом, и волки сыты и овцы целы.

Есть режиссеры, которым нравится движущаяся камера, исползать им — есть движение. Для тех, кому нравится статика, — у тебя и она есть.

Монтажер — третий (первый, естественно, ты — оператор) после режиссера человек. Он может сделать как из дерьма конфетку, так и наоборот. Но это только в том случае, если у него в записе есть несколько статичных планов.

Оператор CNN Майкл Джонсон говорит: «В идеале, на каждом событии должны работать 5 камер. Однако жизнь далека от идеала —

ла, и одному оператору приходится работать за пятерых, показывая событие или предмет с пяти разных точек...»

Ты снимаешь беседующих людей. Казалось бы, ничего особенного — стоят и разговаривают два человека. А если это Саддам Хусейн с Джорджем Бушем Младшим? И ты на пороге сенсации?..

Понятно, что у любого оператора затрясутся руки. У любого — но не у тебя. У тебя — устойчивый штатив. И ты профессионально показываешь собеседников вдвоем, общим планом, чтобы было видно обстановку Овального кабинета в Белом Доме, потом быстро — средний план.

В кадре — две говорящие головы. Потом — крупно Хусейна, по возможности в тот момент, когда он говорит: «Как дальше жить будем, друг Жора?»

Сразу за этим планом — крупно Буш. Отвечает, глядя немного в сторону: «Нет, Садик! Во-первых, я тебе не друг. А во-вторых, жить будем мы, а тебе пора заказывать место на кладбище!!»

Дальше — дрожащие руки Хусейна, нервно теребящие аксельбанты на мундире.

Драматический план восточных глаз, из которых выступают и тяжело стекают по небритой щеке скупые мужские слезы.

Решительно сжатые скулы Президента. На лице нет привычной улыбки.

Снова средний план. Разговор заканчивается...

Опустив плечи, Саддам выходит из кабинета. Закрывается дверь. Камера возвращается к выразительному лицу Младшего, на котором уже написано торжество. Дипломатическая победа одержана. В камере — крупно — звезды и полосы американского флага.

Беседа в кадре может быть между кем угодно. Подойдут даже сосед с соседкой. Для тренировки лучше поснимать их, если они в этот момент не ссорятся. Иначе можно запросто получить по камере сковородкой. Это будет одна из первых неприятностей, которые могут ожидать человека с камерой. Кстати, не самая страшная...

Операторы — профессионалы, работая с тяжелыми «Бетакамами», таскают с собой еще и штатив, и стремянку, и свет. А чтобы был хороший звук — к его услугам еще и звукооператор с мохнатым микрофоном.

В твоём случае — все сам. Сам себе и режиссер, и продюсер, и звукооператор, и, самое главное, оператор.

Еще правило. Беззвучная картинка вообще не имеет права на жизнь. Свист пуль, чириканье воробьев, выкрики безграмотных ло —

зунгов толпы на митинге, гул мотора БТРа, разрывы снарядов и мин — весь этот и другой звуковой фон твоего сюжета образует «интершум».

Но если ты решил взять интервью, то лучше бы этот «интершум» был потише. В этом случае тебе понадобится выносной микрофон. Если он будет мягкий или лохматый — еще лучше. Ветрозащита снизит уровень шума во время интервью.

Впрочем, практика — лучшая школа. И после двух–трех неудач дело пойдет. Главное — не вешать носа.

На этом можно было бы поставить точку. Того, что здесь сказано, достаточно, чтобы сделать сюжет для передач «Вы — очевидец», «Сам себе режиссер», может быть, даже для одной из программ новостей. Тебе этого мало?

Тогда читай дальше. И если ты думаешь, что мир ждет тебя, что все телекомпании спят и видят именно твои сюжеты, то прочти то, чего нет ни в одном учебнике. Большинство тех, кто мог написать эти учебники, уже не напишут и не снимут ничего. Они погибли при выполнении редакционного задания...

P.S. При всей реальности описываемых событий, имена, отчества и фамилии некоторых действующих или бездействующих в книге лиц изменены или просто придуманы. Всякое совпадение с реальными историческими персонажами является случайностью...

Ю.Р.

Введение

Век черно-белой фотографии и жестоких споров, искусство ли фотография, как-то незаметно канул в Лету. Настольная книжка каждого фотографа — «уроков фотографии», написанная Виктором Петровичем Микулиным, становится библиографической редкостью. Я звоню в несколько ведущих фотоагентств и спрашиваю, помнят ли кто-нибудь эту книгу. Да, конечно, помнят. «А кто ее написал — помните?» В ответ — стыдливое молчание.

У нового века — новые песни. Сейчас не нужно думать о чувствительности пленки, о составе проявителя и фиксажа. Для фотографов и видеооператоров настал «золотой век». Кнопку нажал — и в кассу. Машина за тебя проявит, напечатает с высочайшим качеством великолепные цветные снимки.

Только на этих цветных снимках — такая «чернуха», которая в эпоху черно-белой фотографии фотографам и не снилась. Естественно, я не имею в виду фотографов и кинооператоров Великой Отечественной войны. Но то была другая война. Пережив ее ужасы, люди должны бы навеки закопать все оружие.

Империя, как сейчас называют СССР, рушится, рассыпается на обломки. И под этими обломками хоронится «крепнущая» из года в год «дружба народов». Остается один фонтан в Москве.

Политики будят «национальное самосознание», обращаясь не к разуму народов, а к самым низменным инстинктам «толпы». И будят монстра. А вместе с ним пробуждается зверский аппетит. Настолько «зверский», что объявленная сверху «perestroika» плавно переходит в перестрелку.

Почему-то войны идут там, где благодатный климат, где можно в землю палку воткнуть — вырастет дерево и начнет плодоносить. Все «горячие точки» находятся в теплых или относительно теплых краях. Видимо, в курортных местах есть та притягательная сила, которая заставляет людей браться за оружие и стрелять в ближних.

* * *

Для начала найди на глобусе или карте точку, куда ты собрался лететь (ехать, передвигаться). Если в этой точке стреляют и ты едешь туда именно по этой причине, то ты имеешь шанс попасть в высший класс — класс «стрингеров».

Однако если ты едешь туда за свой счет, в надежде на «авось», без аккредитаций, страховки, то ты, прости, не «стрингер», а дурак. Еще раз прочти ВСЕ предыдущие «Советы...» и хорошенько подумай.

Откуда в российской журналистике взялось слово «стрингер»? С английского языка «string» переводится двояко: «струна» и что-то очень военно-морское.

Какое отношение это слово имеет к фронтовой журналистике — мне не очень понятно. Но общее ощущение неприятное, вроде ты должен перед кем-то ходить «по струнке»...

Хотя есть «журналисты», с уничижительной гордостью причисляющие себя ко второй, после проституции, древнейшей профессии. Что уж тут говорить о струнке...

Еще есть слово «stinger» — жало. Но так называется американский переносной зенитный комплекс, который в зонах боевых действий доставил и доставляет нашим летчикам немало хлопот.

Наверное, великий и могучий русский язык добавил к «жалу» патристическое раскатистое «р», назвал так «свободных художников» от журналистики и наплевал на то, как это переводится. Получилось красиво, иностранно, и все знают, о чем речь...

Это моя собственная версия, и она мне нравится. Может быть, у кого-то есть другая, покрасивше...

Как говорится, «блеснул эрудицией». Прочтя сей пассаж, коллега достал Оксфордский словарь английского языка и ткнул меня носом в перевод.

Так вот, к сведению всех интересующихся — stringer'ом в Оксфорде считают «внештатного корреспондента».

А еще в Америке, на Западе журналиста, не связанного с определенной редакцией, называют «free lance» — дословный перевод «свободное копьё». Так же именовали и наемников-ландскнехтов. Ландскнехтов боялись, свободных журналистов — опасаются. Но это — там, за бугром.

В России многие западные компании пользуются услугами бесправных русских стрингеров, покупая их труд буквально за гроши. Оператору с американским паспортом нужно платить нормальные деньги, обеспечивать его страховкой, качественным жильем, медицинским обслуживанием, автомобилем, школой для детей... Русский стрингер — для любой компании находка. За пару сотен долларов он отдает сюжеты, приносящие миллионы...

У нас, в России, журналистика считается вроде бы «четвертой властью». Так говорят о журналистах представители первых «трех

властей». Этакое снисходительное похлопывание по выступающей части тела — «хе-хе, вы, четвертая власть...». Похлопывание и улыбки продолжаются до тех пор, пока гладишь их «по шерсти» и правила, ими же написанные, блюдешь. А как против шерсти, да пронохал или снял неподобающее, так — «вторая древнейшая».

...Подумай, что тебе ближе? Небольшой, но гарантированный кусок хлеба в прикормленной каким-нибудь банком газетке? А может быть, лучше и спокойнее работать подручным оператором у политической шавки в какой-нибудь ручной телекомпании, где спонсоры — шоколадки со стиральным порошком и жвачка с прокладками?

Здесь есть свой риск — при плохом раскладе оппоненты морду набить могут, да настоящие, не ангажированные журналисты будут здороваться сквозь зубы, а то и вовсе не замечать... Но — выжи-вешь... А там как фишка ляжет...

Зачем тебе наемничество-стрингерство с хилой до отчаяния надеждой на успех? При этом, правда, свобода, не надо рано вставать на работу. И вообще, хочешь — работаешь, не хочешь — лежишь себе на диване и плюешь в потолок...

Наверное, стоит огорчить того, кто так думает.

Настоящий стрингер — это не работа, не профессия. Это — образ жизни... 24 часа в сутки ты находишься в постоянном режиме «Stand by...». Загляни в видеоискатель включенной камеры. Там горит эта надпись. Камера готова к работе. Одно прикосновение пальца к кнопке — и надпись меняется. Теперь там горит «Record» — «Запись».

Стрингер — это сам себе и палец, и кнопка. И ты всегда, в любое время суток, в любую погоду должен быть готов к работе.

Ты должен знать, что где происходит в каждую следующую минуту времени. При этом нужно постоянно оценивать значимость события для судеб мира. И это не преувеличение...

...В два часа ночи раздается телефонный звонок. Сонный голос продюсера CNN Алексея Майорова:

— Атланта спрашивает, что за взрыв произошел в Москве?

— Взрыв!? — сна как не бывало. — Минутку...

Одна рука нащупывает ручку кофра с камерой, другая — жмет кнопки сотового телефона.

Дежурный по городу, узнав голос, успокаивает:

— От скачка напряжения взорвался старый компьютер. Разбито окно, пострадавших нет...

Дежурный, конечно, знакомый, но правило есть правило — не «складывать все яйца в одну корзину» и не верить одному источ-

нику. Звонок в «Службу спасения». Информация подтверждена. Можно спать дальше. Но уже не спится...

В этой истории три морали. Совсем как в старом анекдоте.

Мораль первая. В Центральном бюро CNN в Атланте сидят настоящие профессионалы, которые отслеживают все события. В свете взрывов в российских городах и постоянных угроз террористов любое происшествие такого рода привлекает внимание. Но как они узнали о происшествии раньше нас, живущих в Москве? Конечно, есть объяснение, которое звучит лучше, чем никакого: у нас 2 часа ночи, а у них — то белый день и на экранах компьютеров — все новости от всех агентств мира.

Мораль вторая. Камера в готовности, и полностью заправленная машина всегда стоит под окном. Если бы случилось что-то серьезное, через три минуты стрингер в пути на место происшествия.

Мораль третья. «Попал в дерьмо, так не чирикай...» — здесь не подходит. Ты всегда должен знать, куда обратиться за подробностями, адресом в конце концов. Тебя, твой голос должны знать в соответствующих оперативных службах. Так что «чирикай» — это тоже твоя работа.

Ты также должен, в случае необходимости, попасть на переполненный самолет, если он летит в нужном тебе направлении, ты должен пройти через милицейский и любой другой кордон, если он огораживает место твоей съемки, ты должен...

Впрочем, гораздо проще сказать, что ты «не должен». Самое главное — ты не должен ни при каких обстоятельствах фантазировать, врать и придумывать... Если ты не смог куда-то пройти, что-то организовать, скажи как есть — тебя всегда поймут и, если смогут, помогут...

Все остальное — ты должен...

«Сникерс» и «стрингер» — звучит похоже, правда?

Только в одном слове — орехи и гу-у-у-стая карамель с шоколадом. В другом — камера, тяжелый бронежилет, такая же густая, как карамель, грязь по колено. Вместо орехов — пули, осколки и въедливая трупная вонь, от которой не можешь отмыться и через неделю после командировки. При этом неизвестно, купят у тебя съемку или более злободневное событие заслонит то, чем ты жил все последние дни...

Москва.

ЧРЕЗВЫЧАЙЩИНА-91

Совершенно непереносимая привычка — по утрам слушать новости. Непереносима она, конечно, только для домочадцев, которые хотели бы чего — нибудь веселенького.

— Ну вот, — говорю жене, переключая каналы. — Смилости — вились над тобой телевизионщики, с утра «Лебединое озеро» передают...

Первый канал — «Лебединое озеро», второй — то же самое. Все каналы как сговорились...

Сердце сжимается от безотчетного страха. Что-то случилось... Что? Пока не ведаю... Из опыта знаю, что телевидение так просто сетку вещания не меняет. Если такое происходит, значит, кто-то из высших чиновников умирает либо в стране меняется строй...

Если умер, то кто? Горбачев еще молодой. Совсем недавно, каких-то шесть лет назад, никто и не знал фамилию нового члена Политбюро. Мне нужно было найти его портрет, так проехал чуть ли не десяток магазинов. Только в одном нашел портрет Михаила Сергеевича, отретушированный до блеска и без характерного пятна на голове. Помню, тогда мы очень веселились по этому поводу. Как так — по телевидению родимое пятно есть, а на фотографии нет? Высказывали всякие смешные предположения и придумывали коллизии, как Горбачева во время госвизита задерживают на границе ввиду несовпадения личности на фотографии и в натуре...

Кто может быть еще? Ельцин? Так из-за него вряд ли отменяют все передачи и поменяют сетку вещания, — уж слишком он поперек горла союзным начальникам стоит. Конечно, каналам в 91-м уже послабление вышло, не так плотно опекает Политбюро, да и цензура притихла. Она, конечно, никуда не делась. Ни разу не видел ни одного цензора, который бы искал работу. А по телевизору на всю страну иной раз такое говорят, что сердце сжимается от сладкого ужаса. Думаешь — вот кончится передача и ведущего, который на всю страну говорит то, о чем и на кухнях, с включенной водой, мы раньше говорить побаивались, заберут одинаковые люды в штатском, а у дверей студии ждет с открытой дверцей «чер-

ный воронок». Но что — то с трудом верится, что ради Ельцина партия поставит «Лебединое озеро». Скорее «Танец с саблями»...

Может быть, покушение? Были же покушения на Горбачева, правда, неудачные. Потомки — то, конечно, Горбачеву из чистого золота памятник отольют. Еще бы, Человек XX века. По результатам своей деятельности и влиянию на судьбы людей Горбачев встал в один ряд с Лениным. Только деятельность Ленина привела к созданию Советской империи на крови, а Горбачев перекроил всю карту мира относительно «бескровно». Ошибки потомками забудутся, а благодарность — останется. Современникам масштаб фигуры оценить трудно...

...Под «Танец маленьких лебедей» — бритве, душ... Пока шумит вода, по телевизору что — то говорят. Что? Не слышу... Жена приходит поблудневшая:

— Чрезвычайное положение... — роняет руки и присаживается на край ванны. — Сейчас пресс — конференцию передавать будут...

Слава Богу, от моего дома до того места, где проходит пресс — конференция, одна остановка на метро. Так что в зал я влетаю, опоздав к началу буквально на пару минут.

Длинный стол, за которым сидят новые наши правители. Ставлю на камеру мощный «телевик», перевожу кадр с одного лица на другое... С точки зрения фотографа, лица — мрак. В Америке ни один из членов ГКЧП не имел бы шансов быть избранным даже на должность сантехника, если бы она была выборной, не говоря уж о муниципальном или федеральном уровне.

Первое, что думается при взгляде на них, — эти люди чего — то смертельно боятся. Ни тени улыбки на лице. Взгляды бегающие, глаза никак не могут сфокусироваться на одной точке. Даже отвечая на вопросы иностранных журналистов, которых в зале абсолютное большинство, они говорят, наклонившись к микрофону и не глядя на собеседника.

На душе становится чуть веселее. Сразу, с первой минуты становится понятно, что вся эта затея, хоть и ГК, но ЧеПуха... Чем только обернется она для людей? Обменявшись взглядами с коллегами, приходим к выводу: печатью интеллекта новые наши правители явно не отягощены. А Янаеву, исполняющему обязанности Президента СССР, очень не помешало бы хорошо опохмелиться. На фотографиях и видеокдрах хорошо видны мешки под глазами, нездоровая синюшная бледность сильно выпивающего человека и

особенно — сильнейшая трясучка, которая не оставляет в покое лежащие на столе руки...

Озвучивается «Заявление советского руководства» и Поста— новление П1. Чрезвычайное положение!!! Этого нам только не хватало...

Иностранцы журналисты въедливо пытаются выяснить, каким путем пойдет страна при ГКЧП. В «президиуме» — легкая паника. Они продумали только первый шаг — как взять власть и устранить первого Президента страны. Похоже, дальнейшие шаги ими не просчитаны. Реакция мирового сообщества — неизвестна. Что делать, если будут заморожены кредиты и инвестиции, которые многие страны дают «под Горбачева», — тоже не ясно... Особого оптимизма в ответах не наблюдается...

Кому—то из западных журналистов передают на мобильный телефон, что в Москву идут танки. Эта весть по пресс—центру разносится мгновенно и вызывает шквал новых вопросов. Ответы никого не удовлетворяют. «Гекачеписты», как их мгновенно окрест— тили журналисты, либо изворачиваются и лгут, либо отказываются от комментариев...

После пресс—конференции остается двойственное ощущение. Первое: ГКЧП — это не всерьез и не надолго. На какой срок? Пока неизвестно...

Второе: ощущение обиды, что тебя пытаются держать «за ду— рака», подсовывая вместо серьезной политической фигуры каких— то марионеток. И мы выходим из зала, прикидывая: а кто же за всем этим стоит?

Но действительно весомых фигур на политическом олимпе не обнаруживается. Те, кто сможет удержать страну и повлиять на ситуацию, оказываются как бы в оппозиции. Наиболее странная си— туация с «болезнью» Горбачева. Что стоит за туманной формули— ровкой «в связи с невозможностью, по состоянию здоровья, испол— нения... обязанностей Президента СССР»? Отравление? Банальное убийство? Где «ядерный чемоданчик»? Если перекочевал к Янаеву, так он же своими дрожащими руками и кнопку—то не сможет на— жать. В общем, после этой пресс—конференции вопросов больше, чем ответов... Что это? «Чиновничий» бунт?

Остается без ответа и вопрос о танках... Отправляю в бюро от— снятую пленку, а сам сажусь за руль «Жигулей», чтобы прояснить ситуацию.

Выезжаю на Кремлевскую набережную и вдруг вижу — вдале— ке мелькает что—то похожее на боевую машину пехоты (БМП). До—

бавляю газу, но БМП сворачивает куда—то и в районе гостиницы «Россия» теряется из виду. Делаю еще круг.

На перекрестках центра города вдруг появляются военные регулировщики. В бронезилетах, полосатых касках, с автоматами, в стандартной экипировке, они похожи на вдруг выросшие зеленые грибы с белыми полосатыми шляпками. Нечто вроде сыроежек. Они стоят внешне безучастно почти на каждом перекрестке. Их появление всегда предшествует прохождению воинских колонн. Не со—врали иностранцы...

При повороте с бульваров на Тверскую улицу получаю знак от военного регулировщика — проезд закрыт. Но по улице, по троту—арам и по дороге в сторону Манежной площади спешат люди. Они идут широким шагом, некоторые даже бегут. И я сворачиваю во—преки указаниям военного. Пересекаюсь взглядом со стоящим не—подалеку милиционером—гаишником. Если он остановит, придет—ся подчиниться. Но он вдруг улыбается мне и подмигивает...

Это меня окончательно добывает. Чтобы работник ГАИ вот так пропустил грубейшее нарушение правил дорожного движения, да еще и одобрительно подмигнул!? Действительно, в Москве и в стране происходит что—то из ряда вон выходящее. Бросив машину возле «спичечного коробка» гостиницы «Интурист», подхватив ап—паратуру, выбегаю на Манежную площадь.

На Манежной площади — тысячи людей. Они стоят группками по всей площади и смотрят, печально и обреченно, в сторону облупленного желтого здания Манежа. Из всех улиц, выходящих на площадь, бегут люди. Толпа густеет.

На улице, за Манежем, вдоль всей длинной ограды Александровского сада растягивается воинская колонна. Впереди, в голове колонны, стоит зеленый монстр, похожий на персонаж из какого—нибудь фантастического романа о пришельцах из Космоса. На громадном танке с широченными гусеницами смонтировано циклопическое сооружение, напоминающее гигантский утюг. Люди стоят вокруг и заворожено смотрят на это чудовище.

— Это что же, толпу раздвигать будут таким «ножом»? — охает одна из женщин.

— Такая штука применяется для расчистки завалов...— авторитетно говорит мужчина в серой, помятой рубашке с брякающим на ходу полиэтиленовым пакетом в руках.

Откуда—то из—за танка выворачивается подтянутый высокий подполковник:

— Граждане, разойдитесь, дайте пройти колонне...

— Куда это вы собрались? — спрашивают из толпы на разные голоса...

— У нас приказ...

— Кто вам приказал?

— Как кто? Начальство!

— Нечего по нашей Москве на танках ездить! — кричит женщина, замахиваясь на подполковника хозяйственной сумкой.

У меня камера наготове, но сумка до офицера не долетает. Как-то пожилой мужичок перехватывает ее.

— Ты что? Обалдела? Он же подневольный человек. Приказали — пошел...

— Ага! Ему прикажут, он и по мне, и по моим детям стрелять будет! — не успокаивается женщина.

— Прикажут — будет! Работа у него такая, а вот если он не сможет по уважительной причине приказ выполнить — другое дело... А ну, ребята! Создадим ему трудности!

Через считанные секунды от здания факультета журналистики МГУ на Моховой люди тащат куски толстой арматуры, доски, бревна, и все это впихивается в гусеницы передового танка. Несколько мужчин помоложе останавливают троллейбус, оторвав от проводов рога тоководов. Водитель троллейбуса безропотно выходит из кабины, и многотонная машина руками толпы быстро ставится поперек движения воинской колонны. Люди пытаются раскачать троллейбус, чтобы повалить его на бок, но безуспешно...

Подполковник безнадежно машет рукой и уходит куда-то. Тем временем с Тверской к Манежной площади спускается новая колонна бронетехники. Она доходит только до «Интуриста» и останавливается, не в силах двинуться среди густой толпы людей, которые не торопятся уходить с ее пути, а, напротив, взявшись за руки, образуют живую цепь, перегородившую всю улицу. Снимая эпизод за эпизодом, я так увлекаюсь, что не замечаю, как почти кончается пленка... С сожалением покидаю бурлящую площадь, чтобы отвезти съемку...

Кое-как выбравшись с Тверской улицы на Манежную площадь, поворачиваю направо и еду сквозь возбужденную толпу к улице Герцена. Проезжая часть непривычно пуста. Это немного настораживает. Обычно в это время она забита машинами. А сейчас по всей ширине улицы мне навстречу движутся только пешеходы. Поднявшись к Никитским Воротам, упираюсь в тупик, который образуют стоящие вплотную друг к другу десяток бронетранспортеров. Они со всех сторон блокируют здание ТАСС.

Паркую машину возле Театра Маяковского и подхожу. Солдаты сидят в машинах, а возле БТРов прохаживается молодой подтянутый офицер. Он неодобрительно смотрит на камеру, но, видно, приказа не давать журналистам работать он не получил, поэтому съемке не мешает. К нему подходит кто-то из журналистов и протягивает диктофон:

— Как вас зовут?

— А это еще зачем? Не важно. У меня есть звание...

— Хорошо. Товарищ капитан, какая задача поставлена перед вашим подразделением?

— На этот вопрос я не могу отвечать...— сердито отрезает он.

— Но что вы здесь делаете?

— Выполняю приказ. Мне приказали встать здесь, я и стою...

— А что вы чувствуете при этом?

— Армию совсем не уважают! Вот что я чувствую...

— А вдруг вам прикажут применить оружие против мирного населения?

— Если будет такой приказ, куда же мы денемся? Будем выполнять! — говорит он уже менее уверенно.

В толпе окруживших нас людей слышится грозный ропот...

— Куда вы сейчас поедете?

— Пока никуда. Потом, возможно, поедем на улицу Горького...

Я ругаюсь про себя. Надо же, такое шикарное интервью могло получиться! Понятно, что репортеру из агентства не до тонкостей, лишь бы информация была. Но ничего он не узнает ни про офицера, ни про воинскую часть, ни про настроения в армии. А ведь парень, этот капитан, настоящий кладезь информации.

Почему бы не посмотреть внимательно на маркировку БТРов? А ведь у них на башнях нарисованы маленькие пантеры и две красные букочки ВВ. Внутренние войска. Значит, часть и этот офицер из отдельной дивизии особого назначения имени Дзержинского. Стоит дивизия в Балашихе, а живут офицеры в городке Реутово. Очень многие офицеры живут «на птичьих правах». Если он в звании капитана, то служит не первый год, а если такой ретивый служака, то наверняка без квартиры, но вот-вот получит... В общем, просчитать бы все это перед интервью, тогда и разговор другой получился бы.

Спрятав в кофр камеру, подхожу к капитану, который уже успевает отругиваться от бабушек из толпы. Через пять минут узнаю о нем решительно все, и мои предположения по поводу семьи, маленькой зарплаты и квартиры сходятся на сто процентов. Олег М. со своим батальоном стоит на перекрестке с 4 часов утра, а лич-

ному составу перед отправкой выдали сухой паек только на сутки, зато снабдили полным боезапасом патронов. Сам Олег думает, что никакой стрельбы не будет, и хочет перебраться на охрану Белого Дома. Но решение квартирного вопроса в таком случае затянется на неопределенное время. Еще пять минут спустя он и его солдаты берут интервью у меня. Что такое ГКЧП? Кто такие «гекачеписты»? Охотно делюсь с ними своими впечатлениями от пресс-конференции...

...Один из первых шагов ГКЧП — установление контроля над информацией. Но как можно контролировать информацию с помощью бронетехники? Непонятно и смешно. Мимо БТРов туда-сюда снуют пешеходы, которых никто не задерживает и никто не проверяет. Значит, блокирован только проезд транспорта... Но если знать город, никто не мешает проехать проходными дворами, которых в Москве множество. Что я и делаю.

«Сбросив» пленку, вновь прыгаю в машину и еду к Дому Советов, так называемому Белому Дому. По Калининскому проспекту движение официально не перекрыто, сотрудников милиции не видно, но машины почему-то не ходят. Перескочив Калининский мост, вижу и причину. По сторонам от моста, на подъемах с набережной, стоят танки со стволами расчехленных орудий, направленных друг на друга... С точки зрения фотографа или оператора — картинка почти идеальная, но представлять, во что это выльется в жизни, если вдруг стороны получают приказ стрелять, как-то не хочется...

Все это время сердце остается каким-то зажатым, словно ледяная ладонь обхватила его и не отпускает. При виде такой картины ладонь сжимается сильнее, перехватывая дыхание. Хорошо, что в автомобильной аптечке находится валидол. Положил мятную таблетку под язык — вроде отпускает. Никогда на сердце не жаловался, а тут...

Загоняю машину в арку жилого дома, что напротив «раскрытой книги» здания СЭВ. Идти надо чуть дальше, но без транспорта оставаться не хочется. Что там придет в голову танкистам? Толпа вокруг здания Дома Советов, где сейчас штаб Ельцина, густеет. Люди приходят тепло одетые, не по сезону. Ждут штурма. Время к полудню. Народ строит баррикады, таская откуда-то строительные материалы, арматуру, рельсы, столы, ржавые кровати... Откуда вокруг Белого Дома столько хлама, пригодного для строительства баррикад?

С лестничной площадки дома, куда я поднимаюсь, чтобы попробовать снять панораму, Белый Дом выглядит как жук в мура-

вейнике... У одного из центральных подъездов толпа неожиданно собирается вокруг какого—то единого подвижного центра.

Скатываюсь с лестницы и бегу к этому центру. Прорываюсь сквозь кордон добровольных проверяльщиков, которые несколькими живыми кольцами окружают Белый Дом. По лестнице в сопровождении охраны спускается Ельцин, на ходу пожимая тянущиеся к нему отовсюду руки. К танку, на который он тяжело взбирается с помощью охраны, мы подходим почти одновременно. С того момента, когда я его видел в последний раз на трибуне Кремлевского Дворца Съездов, он заметно похудел и стал каким—то поджарым и энергичным. Сквозь плотный кордон коллег с камерами я пробиться уже не успеваю и запрыгиваю на скользкий каменный парапет лестницы. Отсюда обзор отличный, но слова слышны плохо...

— В ночь с 18 на 19 августа 1991 года отстранен от власти законно избранный Президент страны. Какими бы причинами ни оправдывалось это отстранение, мы имеем дело с правым, реакционным, антиконституционным переворотом...— говорит Ельцин.

Площадь, запруженная народом, замороженно молчит. Слышно, как где—то вдалеке по асфальту громыхают траки танковых гусениц, Ельцин продолжает:

— Мы считали и считаем, что такие силовые методы неприемлемы. Они дискредитируют страну перед всем миром... Все это заставляет нас объявить незаконным пришедший к власти так называемый комитет...

...Внизу подо мной стоит оператор испанского телевидения. Он небольшого роста, и за спинами плотно стоящих людей ему ничего не видно.

— Хосе! — стучу его тихонько по макушке. — Поднимайся ко мне...

Он подает мне камеру и заскакивает на парапет, вызывая недовольное бурчание зевак.

— Тихо, мужики! Ты один смотришь, а его картинку миллионы увидят...— шепчу стоящим рядом молодым парням.

— Да ладно, чего там!? Пусть работает... — и пространство вокруг оператора расчищается.

— Спасибо! Спасибо! — Хосе вскидывает на плечо тяжелую камеру и наводит на Президента России.

— Не сомневаемся, — заканчивает Ельцин, — что мировое сообщество даст объективную оценку циничной попытке правого

переворота... — Вскидывает руку в ответ на шумную овацию, устроенную людьми.

Мы с Хосе спрыгиваем с парашюта и бежим, оглябая сравнительно медленно идущую группу по широкой дуге. Тем не менее по пути нам приходится преодолевать начатую баррикаду, проскальзывая мимо сотен людей. Все же мы успеваем и снимаем медленно идущую группу на фоне танков и баррикад.

С удивлением вижу в толпе знакомого фотографа. Рядом с фотоаппаратом у него на плече висит десантный автомат. Он идет вплотную за Президентом, а увидев нас, отворачивается от объективов. Странные метаморфозы иной раз происходят с людьми. Сначала удачливый инспектор дорожного надзора ГАИ. Потом неведомая сила заносит его в Фотохронику ТАСС. Работает фотографом... Не то чтобы звезды с неба хватает, но фотоаппаратуру ему выдают. И вот следующий шаг, но уже с автоматом на плече...

Что бы это значило? Ничего особенного. Просто в этом водовильном перевороте он поймал за хвост свою удачу и стал допущен «к телу». А это еще означает эксклюзивные возможности съемки, которых нет ни у кого, и полное отсутствие конкуренции. Не нужно теперь думать о композиции, о необходимости опередить конкурентов, об аппаратуре... Как говорят, все карточки «в кассу». Остается только вздохнуть, но не позавидовать... Вместе с приобретением возможностей теряется свобода творчества... Ты отныне и вовеки веков вынужден работать на одной и той же фактуре...

...Площадь перед Белым Домом возвращается к обычной жизни, прерванной было выступлением Президента. Носятся неясные слухи о приближении к Манежной площади нескольких танков, о появлении в районе Большого театра мотострелкового подразделения. Люди, собравшиеся на Манеже, вручную катают троллейбусы, перегораживая ими все улицы, выходящие на площадь.

Около половины второго на площадь пытаются прорваться спецмашины — водометы, но люди самоотверженно бросаются на них и пытаются сломать. Водометы отступают.

Меня не оставляет ощущение какой-то театральности, «показушности» всего происходящего. Ну что, в самом деле, за путч такой? Почему войска, которым надлежит выполнять приказы, их попросту игнорируют? Что это за комендантский час, на который всем наплевать? Нас пугают, а нам не страшно...

Буквально в первые же часы становится ясно, что весь этот «гекачук» провалился полностью. Девять человек комитета не ста-

новятся единым управляющим организмом... «Настоящих буйных мало, вот и нету вожаков...» Как тут не вспомнить Высоцкого?

Особенно меня смешит надпись углем прямо на стене Белого Дома: «Забил заряд я в тушку Пуго!» Что, на самом деле, делает министр внутренних дел, член ГКЧП? Подчиненная ему элитная дивизия внутренних войск переходит на сторону Ельцина. Отряд милиции особого назначения — ОМОН — охраняет в Белом Доме радиостанцию «Эхо Москвы», а сотрудники ГАИ и патрульные милиционеры, как по мановению волшебной палочки, исчезают с московских улиц.

Во второй половине дня разносятся опять новости. Горбачев, отстраненный от власти, в ночь на 19 августа, «в связи с неспособностью управлять государством по состоянию здоровья», находит — ся под домашним арестом на своей крымской даче.

Логика в этом сообщении маловата. Если «по состоянию здоровья», то почему не в больнице, а на даче? Как можно арестовать больного? Это же просто бесчеловечно!

На нашей памяти государством руководили — в состоянии полного старческого маразма Брежнев, больной Андропов, полуживой Черненко. Неужели молодого Горбачева довели до такого состояния, что он стал хуже Черненко? А где, в конце концов, «ядерный чемоданчик»? Если у «гекачепистов», то можно всего ожидать, а если у Горбачева, так что это за арест? Тоже мне заговорщики — концы с концами не сходятся, а туда же, в Цезари Борджа метят!!! Пустяковый заговор не могут продумать, а лезут во властители! Или все по Ленину: «В нашей стране любая кухарка сможет управлять государством!»? Кухарка суп должна варить, пирожки печь, а не лезть в правители. Тут другие навыки нужны...

Тем временем процесс «раскачивания лодки» идет полным ходом. Такое впечатление, что умные, проницательные люди договариваются играть в «солдатиков» на московских улицах. Мало того, в городах и весях России, восприняв как бы всерьез этот опереточный комитет, начинается размежевание на тех, кто поддерживает ГКЧП, и сторонников российского Президента, который категорически объявляет весь состав комитета — преступниками. А это уже не шутки. Это уже гражданская война в России...

На моих глазах растут баррикады у Белого Дома. Люди разбирают мостовую. На вечер вроде бы намечен штурм. В Белом Доме создается штаб по его защите. Но наступает вечер, а штурма нет. На ступенях и площадках лестниц, ведущих к Белому Дому, оставшие военные проводят инструктаж и обучают приемам обороны без

оружия. Проходит слух, что нападающие применят газы, и все участники обороны независимо от пола и возраста получают противогазы. На всякий случай я тоже получаю противогаз. Мало ли что...

Сгущаются сумерки. Штурм, похоже, откладывается. Если честно, то я никакого штурма не жду, но по просьбе агентства дежурю на площади. Когда совсем темнеет, еду на Манежную площадь. Центральные улицы и магистрали забиты бронетехникой. В стволах многих орудий торчат цветы. Танки, БТРы окружены народом. Восторженные мальчишки прыгают по броне. Люди настроены в целом доброжелательно и потчуют голодных солдат домашними пирожками и прочей снедью. Военные плохо знают Москву, и многих переулков они просто не замечают, поэтому до Манежной площади я добираюсь без особых проблем.

Площадь забита бронетехникой, как говорится, «под завязку». Крайние танки стоят вплотную друг к другу, с зазором в сантиметр. А что, интересно, делается на самой площади? Покрутившись возле танков, залезаю на один из них, чтобы снять панораму площади. Все пространство огромной площади, огороженной, словно бронированным забором, танками и транспортерами, तोпорщится башнями, антеннами, приборами ночного видения. Зрелище впечатляющее. Поднимаю камеру и снимаю. Мощная вспышка выхватывает из темноты почти все пространство площади, но больше двух щелчков мне сделать не удастся.

Появившийся откуда-то сбоку офицер бьет по камере, ломая вспышку. Корпус лампы отлетает и падает на броню, превратившись в грудку бесполезных осколков. На мгновение я теряюсь: вспышка в свое время так дорого мне досталась! В то время любая фотожелезка была жутким дефицитом, и доставали мы все «прибамбасы», переплачивая спекулянтам, умоляя знакомых, уезжавших за границу, привезти что-то необходимое...

— Ты что, сопляк, делаешь? — ору я на всю площадь, наступая на офицера.

— Запрещено снимать, — испуганный парень уже пытается выхватить из кобуры пистолет. К счастью, кобура закрыта на кнопку, которую он забывает отстегнуть. — Начальство запретило, вон оно...

— Да плевать мне на твое начальство! Камеру мне зачем сломал? Ты же за сто лет не расплатишься...

— Уходите, стрелять буду! — Кнопка на кобуре, наконец, расстегивается. Тут уже не поспоришь: «Против лома нет приема!», и я спрыгиваю с брони. Нарочито медленно иду к машине, брошенной в сквере, ожидая каждую секунду выстрела в спину. Дойдя до края

сквера, слышу крик: «Стой! Минуточку!» Оглянувшись назад, вижу бегущего ко мне офицера. То ли он спохватывается сам, что отпустил фотографа с камерой, то ли получает приказ от своего пресловутого начальства, но зачем—то я им понадобился. Свернув за угол, припускаюсь во весь дух к машине, быстро ныряю за руль. Спустя секунду на всех парах мчусь прямо через тротуарные бордюры на Калининский проспект. Поперек улицы стоит еще один бронированный барьер из танков. Вокруг суетятся солдаты. Что они собираются делать, неясно, но выяснять это я не собираюсь. С визгом колес делаю крутой поворот и через полосу встречного движения попадаю в переулок, который ведет к пешеходной зоне Старого Арбата.

Через проходной двор и арку выезжаю на Старый Арбат. Колеса дробно пересчитывают брусчатку, которой покрыта дорога. На улице ни души. Только вдалеке стоит одинокая бронированная боевая машина разведки. Потушив фары, медленно объезжаю ее и, минуя «высотку» Министерства иностранных дел, выбираюсь на Садовое кольцо. На середине Смоленской площади стоят два гаишника, которым я почему—то радуюсь как родным. Притормаживаю возле них:

— Ребята, можно нарушу слегка?

— Ты откуда взялся? — искренне изумляются они. — Куда направляешься?

— Да вот, домой не могу добраться... — слегка привираю.

— Где живешь?

— Вон там, за углом, в пятом доме...

— Да ладно, нарушай. Все равно никого из начальства нет. Все попрятались...

Пересекаю все разделительные полосы и скатываюсь с Садового кольца. Тут—то меня уже ни на каком танке не поймают... Фотографии площади получатся отменные, хотя вспышку очень жалко...

В бюро входят в положение и вместо обломка, оставшегося на камере, дают мне новую лампу. Работа продолжается...

* * *

Сложность работы в режиме «чрезвычайщины» не только в том, что нужно быть во многих местах, а патрули, кордоны, пикеты ограничивают свободу передвижения. Главное, что приходится преодолевать репортеру, это упрямая, часто злобная нетерпимость толпы. Она имеет магическую власть над человеком. Люди, спокойные и уравновешенные в обычной жизни, под влиянием толпы

могут порой совершать самые неожиданные даже для самих себя поступки. Самое страшное — это паника.

А репортеру нужно не просто уцелеть. Необходимо постоянно сохранять холодную голову и высматривать в толпе наиболее характерных людей, которые к тому же находятся в эпицентре какого-то действия. Но всякое действие происходит в том месте, где сталкивается наиболее активная часть толпы с силами правопорядка. Ни те ни другие совсем не жаждут сомнительной «славы», и журналист имеет шанс оказаться «между двух огней». В такой ситуации легко получить какой-нибудь железякой по камере, либо в самый острый момент чья-нибудь ладонь вдруг закроет объектив. К этому нужно относиться философски, как к неизбежному риску.

Если камера не испорчена непоправимо, лучше подождать и снять все заново. Лучше, конечно, уйти с этого места. Человек, поднявший руку на камеру, остается безнаказанным и смеется. Он может повторить свое действие, и результат окажется более плачевным. В режиме «чрезвычайных обстоятельств», как правило, репортер может помочь себе только сам. «Спасение утопающих — дело рук самих утопающих!»

Все смешивается в августе—91. Силы правопорядка деморализованы. Они никому не мешают и ни во что не вмешиваются. Приказы им приходят противоречивые, так как руководство тоже размежевалось. Одни подчиняются члену ГКЧП Пуго. Другие, рангом поменьше, подчиняются российской власти.

Самое забавное, что на самом деле все, кто стоит у власти, вся номенклатура работают только на себя. Чем выше — тем тоньше водораздел. В итоге активное противостояние происходит только на низовом уровне. Массы пичкаются недостоверной информацией, как ребенок недодаренной кашей. Получается, что люди верят в то, во что хотят.

Масла в огонь подливает и Предсовмина Иван Силаев. В одном из интервью он говорит: «У нас (российского руководства. — *Ред.*) нет танков и других видов оружия. Но у нас есть доверие российского народа, его поддержка...» Не касаясь общего настроения «оптимистической обреченности» этого интервью, видно, что в словах руководителя очень высокого ранга сквозит мысль о том, что российское правительство должны защитить безоружные люди. Содержится завуалированный призыв к народу грудью встать на защиту чиновников, которые не справляются со своими служебными обязанностями. С голыми руками идти против танков... В сущности, сейчас так оно и происходит... Десятки тысяч людей, совершенно безоружных и не подготовленных к боевым действиям, играют роль «живого щита».

Слава Богу, что опереточные правители, затеявшие бурю в стакане воды, оказываются попросту слабыми чиновниками средней руки, а не потенциальными диктаторами. Если бы они решились отдать приказ стрелять и все службы выполнили бы этот приказ, могло пролиться море крови совершенно невинных людей, которые остались верны идеалам цивилизованного мира.

К счастью, этого не происходит. Разложение пронизывает все структуры власти сверху донизу. На армию обрушивается нечто вроде «праздника непослушания». Неуверенность путчистов усиливается многократно при прохождении приказов по властной вертикали. В итоге до младшего офицера и солдата приказ доходит в форме «совета». Хочешь — выполняй его, не хочешь — не нужно. Ни в том ни в другом случае тебе ничего не грозит.

Со стороны российских властей, в свою очередь, нажим усиливается. Выходит Указ Бориса Ельцина: «...сотрудникам органов прокуратуры, государственной безопасности, внутренних дел СССР и РСФСР, военнослужащим, осознающим ответственность за судьбы

народа и государства, не желающим наступления диктатуры, гражданской войны, кровопролития, дается право действовать на основании Конституции и Законов СССР и РСФСР. Как Президент России, от имени избравшего меня народа, гарантирую вам правовую защиту и моральную поддержку. Судьба России и Союза в ваших руках».

Интересно, сколько солдат и офицеров «назубок» знают Конституцию? Тем более законы страны? Фактически своим Указом Президент России дает индульгенцию всему «беспределу», который может совершиться в эти по-настоящему тревожные дни и ночи.

Не зная закона, как его выполнять? А очень просто. Вступает в силу принцип «революционной целесообразности». Вместо того чтобы держать власть и править твердой рукой, в очередной раз ее добровольно отдают на откуп любым мошенникам и проходимцам.

Перед рассветом 20 августа к Белому Дому прибывают десантники из Тулы. На охрану Белого Дома встают профессионалы из ВДВ под командованием генерал-майора Александра Лебедева. На Калининском проспекте, который все чаще начинают называть Новым Арбатом, строятся бетонные заграждения. Из Питера сообщают, что войска, которые в полночь были должны войти в город, этот приказ ГКЧП не выполняют.

Иногда начинает накрапывать дождь, и защитники Белого Дома в блестящих от воды накидках из полиэтиленовой пленки напоминают издали большой слет бабочек — однодневок.

Тем временем из регионов страны приходят противоречивые вести. Где-то начинают забастовку в поддержку российских властей, а где-то, напротив, бросают работу в знак поддержки ГКЧП. Находится повод не работать, и работа естественным путем прекращается. А зачем работать, если неизвестно, кто будет платить?

Около 7 часов утра окружение Ельцина объявляет о созыве общегородского митинга в полдень 20 августа, но место его проведения назначает у Дома Советов, в связи с тем что войска все еще блокируют Манежную площадь.

К полудню у Белого Дома начинается митинг. Такого наплыва народа площадь еще не знала. Я стою практически у самого микрофона, к которому подходят ораторы. Подразделение воздушно-десантных войск, которое охраняло Белый Дом в течение ночи, сворачивается и уходит, оставив его практически без войскового прикрытия. Обстановка вокруг обостряется. Стоя на перилах балкона, я с трудом балансирую на самом краешке. Место не самое лучшее, но коллегам, стоящим на полу, сжатым толпой, приходит —

ся еще хуже. Они практически заблокированы охраной. Некоторые фотографии не могут даже поднять камеры.

К микрофону подходит Ельцин. Охрана, раздвинув плотное кольцо журналистов, разворачивает чемоданчики, которые приносят с собой. Эти «чемоданчики – кейсы» оказываются сложенными в гармошку броневыми щитами, которыми они закрывают Ельцина спереди. Говорят, что на окрестных домах где-то притаились снайперы. Эти щиты на самом деле довольно иллюзорная защита, так как большая часть фигуры и голова остаются без прикрытия. Разве что в распоряжении ГКЧП остаются только кривые снайперы или неумехи...

Сделав несколько снимков выступающего Ельцина, я пытаюсь выбраться из толпы. Но не тут – то было. Приходится разрядить камеру и перебросить пленку коллегам, находящимся в более удобном положении... Возвратившись на свой неустойчивый «наест», продолжаю съемку...

Агентства новостей распространяют информацию о том, что международное сообщество, выждав несколько часов, заняло решительную позицию неприятия комитета. Из разных регионов России приходят сотни телеграмм о поддержке российской власти. Наверное, для «гекачепистов» это было подобно холодному душу. «Запрещенные» комитетом газеты и радиостанции продолжают работать. Газеты размножаются на ксероксах, а радиостанции вещают прямо из стен Белого Дома. При поддержке военно – морских связистов Белый Дом подключен ко всем видам дальней связи...

После окончания митинга большая часть собравшихся присоединяется к защитникам Белого Дома. Все объявления штаба транслируются через хриплые громкоговорители и мегафоны, разбросанные по стенам. Объявления звучат такие, что люди невольно начинают нервничать. Несколько раз штаб предлагает покинуть площадь женщинам и подросткам. Потом вдруг начинается раздача противогазов. Множество раз звучат объявления о том, что вот – вот начнется штурм Белого Дома...

К пяти часам вечера разносится весть о том, что в восемь назначен штурм здания Моссовета. Моссовет и мэрия Москвы обращаются к москвичам с просьбой прибыть на Тверскую улицу и стать свидетелями кровопролития... Естественно, в семь часов вечера я уже у здания Моссовета. Если сейчас мне предложат повторить свой маршрут по кривым переулкам и проходным дворам, который я проделал на машине в тот вечер, я, наверное, не смогу сделать это даже под страхом смерти.

В каком-то месте фары выхватывают военную машину и людей, грузящих на нее загадочные тюки и коробки. Только неожиданность появления спасает меня... Люди с этими коробками на какое-то мгновение застывают в ярком свете фар. Прижав машину к стене дома, я на скорости пролетаю мимо и быстро сворачиваю в другой переулок. Вслед мне летит автоматная очередь, и пули разочарованно обваливают штукатурку на стенах домов.

Что за люди, что они грузили, остается загадкой для меня и по сей день... Но если судить по тому, что они без раздумий пустили в ход оружие, я чуть было не влез в какие-то крутые дела.

Хорошо, что выключаю свет в машине. Остается только надеяться, что мой номер разглядеть не успели.

Оставляю машину в Газетном переулке и выхожу на Тверскую к Моссовету. Добровольные патрули образованы и здесь. Они останавливают меня каждые несколько шагов и проверяют документы. К моменту объявленного штурма я уже подхожу к Моссовету. Из окна второго этажа на всю площадь голосом Гайдара орет громкоговоритель. Перехожу улицу к памятнику Юрию Долгорукому и занимаю удобную позицию для съемки штурма. Проходит час, другой...

По-прежнему по всей улице горят костры, на перекрестках высятся баррикады. Дождь, который накрапывал вначале редкими каплями, стоит сплошной шуршащей стеной. Никаких приготовлений к штурму не заметно. Прождав почти два с половиной часа, возвращаюсь к машине и еду в сторону Белого Дома. Радио в машине настроено на прием передач из Белого Дома. Со ссылкой на решение Моссовета сообщается, что сегодня, 20 августа, с 23 часов в Москве будет объявлен комендантский час и начнется вывод войск из Москвы...

Смотрю на часы. Уже полчаса как начался «комендантский час», а я все кружу переулками и проходными дворами, пробираясь к Белому Дому. За кинотеатром «Октябрь» дорога закрыта окончательно. Ехать совершенно некуда. Все жители окрестных домов пригнали сюда свои машины, надеясь на то, что бронетехника в узкие переулки не сунется и машины будут в сохранности.

Выхожу на перекресток Калининского проспекта с Садовым кольцом. На мосту над Садовым чернеет плотная кричащая толпа. К перилам, огораживающим вход в тоннель, толпа становится гуще. Очень много пьяных. Над головами витает густой дух водочного перегара. К перилам подойти невозможно, и я выбираюсь из толпы. Под ногами звенят и перекатываются бутылки, хрустят стеклянные

осколки. Калининский проспект заполнен до отказа веселящейся молодежью.

Вдали, ближе к Смоленской площади, полыхают троллейбусы. Чуть ближе к тоннелю стоит горящая боевая машина десанта — БМД. Солдаты вместе с пожарными пытаются ее погасить. Для многих зевак горящие машины — лишь еще одно щекочущее нервы зрелище. Может быть, завтра, когда пройдет угар этой ночи, отмеченной ожиданием штурма, стрельбы, еще большей крови, кто-то из них оглянется и ужаснется тому джину, который был выпущен из заточения и захватил неокрепшие души. Но если властители попирают закон, чего же ждать от подданных уважения к нему?

Обхожу толпу у входа в тоннель под мостом и натываюсь на знакомого полковника:

— Что случилось?

— Человек погиб... — растерянно машет он рукой и идет в сторону чернеющего зева тоннеля, подсвеченного горящими машинами...

Поперек Садового кольца у входа в тоннель стоит цепочка милиционеров и солдат. Они, пропустив полковника, преграждают мне дорогу. Но офицер, повернувшись, негромко, но жестко командует:

— Пропустить!..

Мы проходим нижнюю точку тоннеля и начинаем подниматься к горящим машинам.

— Как было дело?

— Мы получили команду на вывод из Москвы и пошли. Но толпа решила, что мы идем на штурм Белого Дома, и начали нас забрасывать бутылками с горючей смесью. Подожгли машину...

Подбегает молоденький лейтенант:

— Товарищ полковник, сюда нельзя, в БМД полный боезапас. Рвануть может...

— Так тушите скорее!

— Так точно... — невпопад козыряет лейтенант и бежит к горящей машине.

Дождь на дороге собирается в ручейки, весело текущие нам навстречу. Они переливаются всеми цветами радуги от попавшего в них горючего. Один из ручейков — глубокого красного цвета. В нем вода смешана с кровью... На обочине дороги навзначь лежит молодой парень в спортивном костюме. Рука, свисающая с обочины на проезжую часть, сочится свежей кровью...

— Он попытался открыть задний люк машины, и это ему удалось... Солдат то ли нечаянно, то ли со страху выстрелил и захлоп-

нул люк. Тело тащилось за машиной... Глупо как! — восклицает офицер. — Ведь мы уходили!.. Уходили!.. Но кто в это поверит? Клоуны! Подставили нас...

Очень скоро с горячей военной машины сбивают пламя. Вторая машина пытается таранить горящие троллейбусы, чтобы пробить путь колонне. Но ее водитель, видимо, не выдерживает напряжения и, боясь, что пламя перекинется на его машину, разворачивается практически на месте, задевая другие троллейбусы, из которых составлена баррикада.

Рев пламени заглушает голоса, но вдруг на машину запрыгивает еще один молодой человек в спортивном костюме. Он держит в руках большой кусок брезента и пытается набросить его на смотровые щели. Водитель, потерявший ориентировку, бросает машину в тоннель, но она снова натывается на троллейбусы. От удара парень срывается с машины — и еще через секунду все конечно. Молодой, полный сил и здоровья человек оказывается под гусеницами... Новые струи крови смывает дождь, и они ручейками бегут в тоннель. Толпа, которая только что свистела, кричала и улюлюкала, замолкает и, кажется, трезвеет... Из звуков остаются только гул и треск пламени, пожирающего троллейбусы, да шелест дождя...

...Возвращаюсь к Белому Дому. Вокруг него царит состояние, близкое к панике. Вице-президент России Руцкой по радио обращается к защитникам Дома Советов. Во избежание кровопролития он призывает всех отойти от здания на пятьдесят метров и не вступать в столкновения с военными. Предупреждает собравшихся о том, что на прорыв могут пойти сотрудники КГБ, одетые в штатское. Что он приказал охране открыть огонь по нападающим... Что по Кутузовскому проспекту движется колонна Кантемировской дивизии. Ее солдаты не знают, что происходит вокруг Белого Дома...

Люди возле Белого Дома, выслушав это выступление, встают вокруг огромного здания, взявшись за руки, и образуют живое кольцо. По всему периметру под усилившимся дождем выстраиваются люди, которых вывело из дома беспокойство за судьбу России.

Я решаю выяснить все про танки и Кантемировскую дивизию и прохожу все «кольца», ныряя под сцепленные руки. Возле моста стоят несколько мотоциклистов-рокеров.

— Мужики, там по Кутузовскому танки...

— Какие танки? — удивляются они. — Мы оттуда только что приехали, так там даже гаишников нет, не то что танков...

— Поехали, прокатимся, проверим. Руцкой сказал...

— А—а! Руцкой! Ну поехали...

Сажусь на заднее сиденье ревущего чудовища, и мы с сумасшедшей скоростью пролетаем весь проспект, выезжаем на Можайское шоссе и катим до самой окружной дороги. Тишина и безлюдье поразительные. Не встретив ни души, возвращаемся.

Жизнь начинается только у первой баррикады у Калининского моста через Москва—реку, возле которой горит костерок и греются, стоя под зонтиками, несколько женщин. Когда мы возвращаемся, они спрашивают с тревогой:

— Ну что? Видели танки?

— Нет там никаких танков...— успокаиваем мы женщин.

— Да нет, вот по радио передали. Сам Руцкой говорил...

— А мы своими глазами видели, нет там никого...

— Ну, слава Богу!

— Ребята, подбросьте меня еще немного, ноги уже не ходят, я там машину бросил...

— Там! Машину! — хохочут мотоциклисты. — Там уже все машины, наверное, раскурочили. Поехали!

Еще пара минут свиста ветра в ушах, и мы подъезжаем к поредевшей толпе у перекрестка. Я прощаюсь с мотоциклистами и бегу во двор дома, где оставил машину. Нахожу ее целой и невредимой. С трудом выбираюсь из тесного дворика и прямо по газонам, через бордюры выезжаю на Калининский проспект. Сквозь толпу просачиваюсь медленно, мигая фарами и включив «аварийку».

Совсем осмелев, следующую остановку делаю прямо под зданием СЭВа. В случае чего там есть хитрая дорожка, выводящая к гостинице «Мир» и американскому посольству. На Садовом кольце чадят, догорая, невинно пострадавшие троллейбусы. Вокруг них суетятся пожарные.

Последние танки и бронетранспортеры покидают город, а вокруг Белого Дома, ожидая их наступления, все так же взявшись за руки, стоят десятки тысяч людей. О том, что «переворот» закончен, они еще не знают.

* * *

К четырем часам утра вся военная техника исчезает с московских улиц, оставив на асфальте рубчатые следы гусениц, напоминающие о почти «бескровной», бездарной попытке переворота в августе 1991 года.

Еще неделю громоздятся на лестницах Белого Дома баррикады, на которых уже проходят рок—концерты и фестивали. Потом

окончательно развалится Союз, и Горбачев, триумфально вернувшийся из Фороса, навсегда останется первым и единственным Президентом несуществующего государства.

Снимут памятник Дзержинскому на Лубянке, свергнут еще несколько идолов. С помпой, красиво похоронят героев, отстоявших «демократию» в России, и жизнь войдет в нормальную колею с карточками на продукты, с бешеными очередями за водкой и дефицитными товарами, но это будет уже другая история...

Нагорный Карабах.

БИЛЕТ В ОДИН КОНЕЦ

Господи, да что же это за «национально–освободительная» борьба такая?

Когда число погибших в твоих кадрах начинает переваливать за критическую отметку, в голове как будто щелкает какой–то переключатель, и мозг уже перестает воспринимать страдания. И это у меня, пришлого, чужого человека, практически — наблюдателя на чужой войне. Начинаешь работать как–то отстраненно. И от этого кадры получаются технически достаточно совершенные, но из них уходит что–то неуловимое.

А заглянуть в душу местным жителям? Там, мне кажется, откровенно такая черная и беспросветная бездна горя и страданий...

Как–то так получается, что все мои маршруты по азербайджанскому «фронту» начинаются и заканчиваются возле агдамской соборной мечети и морга возле нее. Сюда привозят трупы, отсюда машины уезжают за новыми. Со многими водителями я уже познакомился, и они, разгрузив свой страшный груз, подсаживают меня в машину, идущую туда, где стреляют. И я уже спокойно сажусь в транспортное средство, в кузове которого переливаются литры крови, натекшей из ран. Иногда водители, жалая меня, берут в кабину, и я еду в бой в относительном комфорте, и одежду с обувью от чужой крови потом отмывать не приходится.

Конец февраля в Азербайджане ничем не отличается от декабря и января. Тот же промозглый туман над полями, то же воронье... Тот же снег, который на земле немедленно превращается в липкую грязь. Тучи, сползающие с Кавказского хребта, приносят новые порции дождя и снега. Противорадовые установки «Алазань» используются не для влияния на погоду, а, напротив, для влияния на людей, для запугивания и убийства.

На карабахском фронте появляются установки залпового огня, напоминающие «Катюши» военных лет. 13 января 1992 года при обстреле города Шаумяновска азербайджанцы впервые применяют боевую реактивную установку залпового огня «Град» (ранее все эти установки и снаряды принадлежали Советской Армии). В отличие от имеющих небольшую площадь поражения ракет «Алазань», которыми практически нельзя вести прицельный огонь, система

«Град» предназначена для поражения больших площадей, и ее ракеты обладают большой разрушительной силой. Если от «Алазани» еще можно было спрятаться под обычной крышей, то от «Града» спасения нет — он бьет по площадям. Все живое в «площади» попадания залпа взлетает на воздух и перемешивается с землей. Одну такую установку азербайджанские «самооборонцы» не то стащили, не то купили на армейских складах и поставили около села Шелли, практически рядом с Агдамом, и теперь голубой мечтой всех фотографов стала съемка этой установки. Мне повезло — пошел на звук залпа и обнаружил эту «Градину», стоящую между двумя небольшими сопками. Встал за дерево и начал ждать момента выстрела.

Один залп гремит по направляющим рельсам, все в огне и дыму, одна за другой срываются ракеты и уносятся в пространство. Установка окутывается дымом и пылью. Оказывается, она работает сама по себе. После того как зеленые фигурки-солдаты что-то там подкручивают, подвинчивают, в соответствии с указаниями, полученными по радию, они убегают и прячутся в недалеко вырытый окопчик. Но первый залп снять не удается, так как он происходит мгновенно, и я просто не успеваю настроить камеру. Приходится дожидаться следующего. Пока солдаты укладывают ракеты на направляющие, меня замечает зоркий глаз «соответствующего органа» и немедленно вытаскивает пистолет. Проверив все документы, но не очень-то поверив в них, он решает препроводить меня в штаб для «оргвыводов». Спасибо — не пристреливает на месте...

От околицы села Шелли, где стоит установка, до штаба нужно пройти несколько километров по грязным улицам Агдама. Мне तो ропиться некуда, мы идем спокойно. «Безопасник» идет на шаг сзади, словно отставая от меня, и держит пистолет в кармане длинного плаща. Я почти физически чувствую, что направлен ствол в мою сторону.

— Ты зачем меня задержал? — бурчу я недовольно.

Он даже приостанавливается от такого нахальства. Все задержанные обычно ведут себя тише воды ниже травы. Здесь управление безопасности, или как там называется местное КГБ, имеет огромную власть, и с ним стараются не спорить — себе дороже. А тут пленник, застигнутый на «месте преступления», за съемкой военного объекта, высказывает недовольство.

— Что я снимал «секретного»? — не успокаиваюсь я.

— Как «что»? А установка «Град» разве не секретная? И место ее дислокации... Вдруг к армянам попадет этот снимок?

— Установка продается во все страны, а место дислокации должно иметь «привязку» к карте... Даже если снимок попадет к армянам, они не смогут вычислить эту установку. Мало ли вокруг одинаковых гор...

— Ты был на той стороне? — неожиданно меняет он тему.

— На какой «той»? У армян, что ли? Был, конечно... — рассеян — но киваю я.

— Ну и как там у них?

— Обычно, — настораживаюсь я. — В принципе так, как и здесь. Никакой разницы...

— А танки у них видел?

— Не помню...

— Как это не помнишь? Есть там танки или нет?

— Что ты ко мне прицепился? Я на всех войнах был и со всех сторон... Последний раз был в Югославии, там точно видел танки. А у армян был в прошлом году, в 91 — м... Какой тебе толк в том, видел я там танки или нет? Там же войска советские стояли, конечно, были там танки. И пушки были... Тебе — то какая разница?

— Вот пристрелю «при попытке к бегству» или прострелю колесо, почувствуешь разницу...

— Интересно, как ты это Мусе Мамедову объяснишь? Куда я бежать собрался, что ты в меня «вынужден» был стрелять? И как он тебе поверит, если я по его разрешению работаю?

— Мамедову? — у «особиста» прерывается дыхание. Представитель президента в Агдаме слывет администратором крутым и скорым на расправу. С Мамедовым я, конечно, встречался, брал у него интервью. Мы говорили о гранях возможного в работе журнала применительно к войне в Нагорном Карабахе. Но разрешения на съемку конкретной установки я у него, конечно, не спрашивал... Если «гебист» обратится к столь высокому для него начальству, то Мамедов, конечно, вспомнит то интервью. Без подробностей, но вспомнит... Но основная надежда была на то, что с таким вопросом рядовой «безопасник» к Мамедову не осмелится обратиться...

Я продолжаю «додавливать»:

— Вот ты меня спрашиваешь о военной технике твоего противника. Хорошо, я, что знаю, расскажу, хотя знаю немного... Приеду на армянскую сторону, там спросят о том, что я видел у вас... Мне тоже рассказывать? И как это называется? Шпионаж? А я кто? Двойной агент? Ты знаешь, что вопросы такого рода журналистам задавать даже не полагается по Международной конвенции?

Про Международную конвенцию он что-то слышал, но тоже подробностей не знает. А я не знаю, существует ли вообще такая конвенция...

Как говорили Ильф и Петров, «Остапа несло...».

Я рассказываю «безопаснику» разные случаи своего задержания в тех или иных ситуациях, как правило, во время съемки объектов, которые местные считают очень секретными. Но они не являются таковыми с точки зрения закона. Естественно, все эти мои байки заканчиваются полным посрамлением «гебистов». Этот оказывается «крепким орешком», но часа через два, когда солнце начинает уже закатываться за горизонт и мы, наконец, подходим к штабу, он проникается сочувствием к тяжелой судьбе репортера. В штаб мы заходим уже лучшими друзьями, договорившись завтра вместе поехать на «передовую».

Всю ночь гостиницу сотрясает непонятный грохот. На горизонте, несмотря на конец февраля, полыхают зарницы, словно обещающая мощную грозу, но дождь так и не проливается. Утро встает хмурое, с легким морозцем и снежными «мухами», падающими на затвердевшую грязь. Она только сверху схватывается корочкой, которая легко продавливается, и ботинки то и дело норовят приклеиться к земной поверхности. Я с трудом добираюсь до штаба.

В штабе царит мрачное настроение. Все офицеры, накануне приветливые и разговорчивые, сегодня, увидев камеру или диктофон, стараются скорее спровадить журналиста. Отчаявшись получить какие-нибудь сведения в штабе, я отправляюсь к госпитальному поезду. Знакомый водитель «санитарки», который проводит за рулем большую часть суток, произносит название, которое с этого дня будет знать весь мир: ХОДЖАЛЫ... Было 26 февраля 1992 года...

Вообще в эти дни на карабахском «фронте» складывается странная ситуация. В газетах, по радио и по телевидению всей России рассказывают об этой действительно полномасштабной войне как о маленьком межнациональном конфликте. Вроде бы два соседа подрались из-за межи. А на самом деле здесь идет настоящая война — с танками, пушками и множеством убитых и раненых.

По телевидению показывают противоречивые сюжеты об азербайджанском ОМОНе, который то ли бесчинствует, то ли грудью стоит на страже закона в аэропорту Степанакерта. Что же происходит на самом деле? Поскольку автор может быть очевидцем ограниченного круга событий, он обращается к заслуживающим доверия независимым источникам. И этот независимый источник — Правозащитный центр «Мемориал». Прошу прощения за

пространную цитату, но без нее понимание дальнейших событий может быть затруднительным.

«Летом 1991 г. конфликт в Нагорном Карабахе переходит в стадию открытой войны. После провала августовского путча, в условиях паралича союзных властей, а затем распада СССР, боевые армянские отряды развертывают наступательные операции по освобождению депортированных в мае – июле 1991 г. армянских сел Нагорного Карабаха. В течение осени освобождены ряд сел в Нагорно-Карабахской Автономной области (НКАО) и в бывшем Шаумяновском районе Азербайджана.

Оставляя эти села, азербайджанские формирования в ряде случаев поджигают их. Вместе с тем, в результате боевых действий армянских вооруженных формирований, жители азербайджанских сел Башгешлаг, Шефек, Зейва, Тодан – в бывшем Шаумяновском районе, Туг, Салакатин – в Гадрутском районе НКАО, Имерет–Геревент – в Мардакертском районе НКАО, Джамилли, Лесное (Мешали) – в Аскеранском районе НКАО, Ходжавенд, Диваналар – в Мартунинском районе НКАО вынуждены покинуть их. Некоторые села, например Имерет–Геревент, сожжены нападавшими.

Места своего проживания покидают несколько тысяч азербайджанцев (без учета азербайджанцев, которыми заселили депортированные ранее армянские села). Имели место отдельные случаи тяжкого насилия против мирного населения (например, в селе Мешали).

Начиная с конца осени 1991 г. армянская сторона начинает целенаправленные действия против азербайджанских сел. Изгоняются жители из сел Малибейли и Гушчулар. При этом в результате обстрелов погибают несколько десятков мирных жителей. Обе стороны выдвигают обвинения, что села противника превращены в укрепленные районы, прикрывающие артиллерийские позиции.

В декабре проходит референдум о независимости Нагорно-Карабахской Республики и выборы в ее Верховный Совет. В результате выборов к власти в Нагорном Карабахе приходит новое поколение политиков, более тесно связанное с вооруженными отрядами, не коррумпированное и не склонное к компромиссам. По мнению этих политиков, переговоры о судьбе Нагорного Карабаха без участия представителей НКР в качестве равной договаривающейся стороны недопустимы. Сильно возрастает влияние партии «Дашнакцутюн».

В это же время, с осени 1991 г., в Азербайджане начинает формироваться и действовать в Нагорном Карабахе Национальная Армия Азербайджана. Продолжают действовать подразделения ОМОН МВД Азербайджанской Республики. Помимо этих официальных формирований, там же действуют различные отряды, на словах подчиняющиеся Народному Фронту Азербайджана, а на деле не подчиняющиеся никому.

Противостояние нарастает. В ноябре образуется Национально-освободительная Армия Арцаха (НОАА), объединяющая, по утверждению ее руководителей, все армянские вооруженные отряды Нагорного Карабаха под единым командованием. Оно подчинено властям провозглашенной Нагорно-Карабахской Республики.

Начиная с ноября 1991 г. азербайджанская сторона начинает предпринимать попытки крупных наступательных операций. В декабре подразделения внутренних войск бывшего МВД СССР покидают Карабах. Из боевых подразделений бывших союзных войск на территории Нагорного Карабаха остаются только 366-й мотострелковый полк, дислоцированный в Степанакерте, и батальон химической защиты.

В это же время азербайджанские вооруженные формирования начинают массированное наступление. Упорные бои происходят в пригороде Степанакерта — Киркиджане, населенном преимущественно азербайджанцами. Основная масса мирных жителей покинула его еще осенью.

В результате январских боев армяне выбивают оттуда азербайджанские отряды, уничтожив ряд огневых позиций, с которых обстреливался Степанакерт, при этом значительная часть домов Киркиджана сжигается.

Несмотря на преобладание в вооружении и численности, азербайджанская сторона несет большие потери боевого состава. По-видимому, наступательные операции не готовятся, а руководят азербайджанскими войсками партийные и хозяйственные работники.

Интенсивность обстрела с азербайджанской стороны в значительной мере объясняется тем, что боеприпасы были получены со складов армии СНГ, взятых под контроль азербайджанскими формированиями.

Обе стороны объясняют ведение огня по жилым кварталам тем, что не могут из-за рельефа местности напрямую подавить огневые точки противника и, обстреливая город, вынуждают противоположную сторону прекратить огонь. Мирное население обоих городов, как Степанакерта, так и Шуши, страдает не только от обстрелов, но и от отсутствия воды, продовольствия, медикаментов, отопления и освещения.

С февраля «Град» начинает применяться при обстреле жилых кварталов Степанакерта. В результате город имеет колоссальные разрушения, население практически живет в подвалах домов».

...Санитарный поезд стоит на полустанке «Агдам—товарная», расположенном недалеко от самого города. Его дома хорошо видны от платформы. По другую сторону путей — дощатые дачные домики на участках в стандартные 6 соток. Домики, в большинстве своем, частично разобраны на топливо. Станционное кирпичное здание играет роль «приемного покоя» в больнице. Сюда автомашины — и не факт, что это кареты «скорой помощи» — привозят раненых. Где водители автомашин подбирают раненых, непонятно, но вот когда раненый уже на борту, водители включают дальний свет фар и мчатся по скользкой от грязи, разбитой дороге с умопомрачительной скоростью, распугивая редких прохожих и еще более редкий транспорт прерывистыми, словно задыхающимися сигналами.

Очень часто, практически каждая вторая машина, привезшая раненого, опаздывает. Ее пассажир в помощи уже не нуждается, погибая от раны, тряски и потери крови. Но их тоже выгружают на этом скорбном поезде. Потом на носилках добровольные санитары уносят покойников за здание станции, где уже стоит длинный ряд таких же носилок, с которых умершие смотрят в пространство невидящими глазами. На холодные бледные их лица с серого неба, словно прощальный подарок Господа, падают и не тают на коже редкие снежинки.

... К поезду ведет широченная разъезженная дорога, которая по размерам могла бы соперничать с автострадой. Но ширина ее объясняется просто. Водители не хотят ехать по колеям, а прокладывая рядом с ними собственный путь и так, проскальзывая, с заносом и юзом, они преодолевают бездорожье практически по целине. С утра подмерзшая поверхность еще держит машину, а ближе к полудню, когда становится чуть теплее, движение почти замирает. Машину с ранеными, застрявшую на этой «автостраде», дружно вытаскивают солдаты, родственники раненых и даже врачи.

Когда мы приезжаем, наконец, к госпитальному поезду, на платформе и в вагонах идет кровавая работа. Одна за другой к перрону подъезжают машины с горящими фарами, и с них сгружаются уж совсем непривычных раненых: женщин, детей и стариков. Мужчин почти нет...

— Откуда привезли? — спрашиваю очумевшего водителя.

— Ходжалы... — машет он рукой, и как только кузов освобождается, машина рывком трогается и уезжает...

— А это откуда? — спрашиваю второго водителя, привезшего в салоне «уазика», в просторечии называемого «буханка», целую семью. Израненные, все в крови, женщина и трое детей. Глава семьи лежит на железном полу без признаков жизни. Четвертого ребенка, окровавленный сверток, женщина покачивает в руках... Когда глохнет перегруженный двигатель, становится слышно, как женщина тихо поет колыбельную без слов:

— Аа — аа — аа — а!

— Мама! Мамочка! — дергают ее за рукав мальчик и две девочки постарше... Они тоже покалечены или ранены, их одежда также залита кровью. Но мать на них внимания не обращает...

— Ходжалы... — говорит водитель, помогая выйти из машины раненой женщине с мертвым ребенком.

Одна за другой подходят машины с ранеными. На дороге образуются целая колонна разномастных автомобилей с горящими фарами. Один из водителей, садясь в кабину, замечает:

— У нас только свадебные колонны вот так днем с фарами ездят...

А кровавая «свадьба» продолжается...

По перрону вдоль состава мечется плотный подполковник медицинской службы. У него землистое лицо и одышка человека, у которого не в порядке сердце. Но необходимость быть во множестве мест одновременно не дает ему и минуты отдыха. Ханлар Гаджиев, начальник медицинской службы Министерства обороны

Азербайджана, на минуту приостанавливается и кладет под язык белую крупинку нитроглицерина.

— Что происходит в Ходжалы?

— Мы еще точно не знаем, но, по всей вероятности, группа беженцев попала под перекрестный огонь... Скоро туда полетит вертолет...

— Много пострадавших?

— Не то слово, — он достает блокнот. — Сейчас, на 13 часов, только врачи нашего поезда оказали помощь 290 человекам. Из них — 123 с обморожениями. Огнестрельных ранений — 67. Пулевых — 43, осколочных — 24. Плюс ножевые ранения имеют 8 человек...

Шлепанье лопастей и гул оглушают нас. Из низких облаков материализуется вертолет.

Гаджиев кричит:

— Мы в Баку уже 66 человек отправили... Сейчас следующая партия полетит.

— Сейчас не полетит...

Неслышно за шумом винтов подходит старый знакомый, Зульфий Касымов. Он заводит аппаратом исполнительной власти в райо-не. Своего рода — теневое правительство.

— Мы сейчас полетим в Ходжалы. Вы с нами? — обращается ко мне.

— Странный вопрос. Конечно...

— Сейчас наш оператор подъедет и тронемся...

— А раненые в Баку?

— Мы ненадолго. Максимум полчаса — час...

Из «санитарки» выскакивает старый знакомый, телеоператор Чингиз Мустафаев. Обычный бытовой «Панасоник», камера довольно большая, но на его плече кажется игрушкой. Он одет в армейский камуфляж, на плече — автомат, на пояском ремне — пистолет Макарова в кобуре.

Мы прыгаем в вертолет, за нами забираются Касымов и два милиционера. Все вооружены. Такой странный состав «делегации», да еще и вооруженной, мне не очень нравится, и я склоняюсь к уху Чингиза.

— Зачем мы туда летим?

— Для съемки. Распоряжение пришло с самого «верха»... — показывает он пальцами на потолок кабины вертолета.

— Ты думаешь, нам разрешат снимать? Кто там контролирует ситуацию?

— Армяне, конечно... Думаю, договоримся.

Я пожимаю плечами. По меньшей мере наш полет выглядит авантюрой. Без договоренностей, без подготовки летим туда, где несколько часов назад были расстреляны тысячи людей.

И как сами убийцы отнесутся к появлению вертолета с журна — листами? Авантюра чистой воды. Чем дольше я обдумываю сложившуюся ситуацию, тем меньше она мне нравится. Ну ладно, Чингиз вообще парень «безбашенный». Я много раз был с ним на съемке, поражаясь тому, как он совершенно бестрепетно снимал там, где не только что снимать — высунуть нос нельзя было.

Касымов явно хочет выслужиться перед президентом, а приказ на полет пришел, скорее всего, от Муталипова или его ближайшего окружения. Милиционеры и летчики — люди подневольные. Им приказали — они полетели... А меня — то почему сюда черт занес? Мне — то что, больше всех надо?

Пока я казнию и ругаю себя, тон работы двигателя меняется. Кажется, прилетели...

Я выглядываю в круглое окошко и буквально отшатываюсь от неправдоподобно страшной картины. На желтой траве предгорья, где в тени еще дотаивают серые лепешки снега, остатки зимних сугробов, лежат мертвые люди. Вся эта громадная площадь до близкого горизонта усеяна трупами женщин, стариков, старух, мальчиков и девочек всех возрастов, от грудного младенца до подростка...

Глаз вырывает из месива тел две фигурки — бабушки и маленькой девочки. Бабушка, с седой непокрытой головой, лежит лицом вниз рядом с крошечной девочкой в голубой курточке с капюшоном. Ноги у них почему — то связаны колючей проволокой, а у бабушки связаны еще и руки. Обе застрелены в голову. Последним жестом маленькая, лет четырех, девочка протягивает руки к убитой бабушке. Ошеломленный, я даже не сразу вспоминаю о камере...

Но шок проходит, и я начинаю съемку пока из окна. Вертолет зависает над полем, летчики выбирают место, чтобы колесо не потревожило никого из павших...

Вдруг винтокрылая машина, не приземлившись, как — то подпрыгивает в воздухе и сваливается вправо, в какой — то безумный вираж вниз, параллельно склону. Перед глазами в окне, совсем рядом, проносятся трава, камни и трупы, трупы, трупы...

— Что случилось? — отрываюсь от видеокамеры.

— Обстреливают...— лаконично говорит Чингиз, не отрываясь от камеры. — Хорошо, что они далеко.

— Кто это?

— А кто знает? Армяне, наверное...

Вдалеке, почти на границе видимости, темнеют фигурки людей, одетых в армейский камуфляж, которые, словно из шлангов, поливают наш вертолет автоматными очередями... От них к вертолету тянутся красные пунктиры. Один из сопровождающих нас милиционеров вскрикивает и бледнеет. Пуля, пробив обшивку вертолета, попадает ему в бедро.

Летчики, не поднимая тяжелую машину над холмами предгорий, держат ее буквально в метре от земли. Как им удастся на скорости почти 200 километров в час реагировать на малейшие неровности земной поверхности? Вертолет мчится, словно автомобиль по трассе. По сторонам мелькают редкие кустики, кучки камней... Через несколько мгновений такого сумасшедшего полета, показавшихся нам часами, вертолет взмывает в простор вечернего неба и почти сразу же скрывается в низких облаках.

Нас окутывает серый влажный туман. На прозрачном пластике окон собираются мельчайшие капли, которые, быстро укрупнившись, стекают на обшивку.

Мастерство летчиков выносит нас из зоны обстрела...

Я смотрю на Чингиза. По обветренному, остановившемуся лицу сильного человека бегут слезы. Поймав взгляд, он спохватывается и с силой проводит по глазам ладонью...

— Почему? Деток — то за что? — бормочет он... А слезы снова выступают на его глазах.

Я смотрю на счетчик своей камеры. Он показывает, что вся моя съемка продолжалась 37 секунд... 37 секунд кошмара.

Буквально через 20 минут полета мы возвращаемся на место старта у санитарного поезда. Приземлившийся вертолет оказывается в кольце людей, которые смотрят на нас словно на выходцев с того света. Словно не веря своим глазам, люди дотрагиваются до нас.

— А ведь мы вас уже похоронили... — говорит Гаджиев. — Ну, хвала Аллаху, целы!

— Не все целы, — откликается Касымов. — Пошлите санитаров, милиционера ранило...

Его лицо бледно, руки, когда он пыгается прикурить, дрожат и никак не могут справиться с зажигалкой. Потемневший лицом

Чингиз раздвигает кольцо людей, садится в машину и уезжает в Агдам.

У меня свои заботы, 37 отснятых секунд жгут мне руки. Я выхожу из круга людей и поднимаю камеру.

В видеоискателе — дорога, по которой мчится машина с ранеными. Вот раненых выгружают на носилки, прямо с платформы через открытые окна вагонов заносят в операционный вагон. Девочка лет шести с перевязанной головой. Повязка сделана так, что полностью закрывает ей оба глаза.

Не выключая камеры, я наклоняюсь к ней:

— Что с тобой, милая?

— Глазки горят... Глазки у меня горят... Дядя! Глазки у меня горят!!!

Врач трогает меня за плечо:

— Слепая она. У нее глаза были выжжены окурками... Когда ее привезли к нам, из глаз торчали окурки...

Пусть простит меня читатель. Но то, что видели мои глаза и слышали уши, не может передать мой бедный язык. Такие воспоминания даром не проходят, и, написав эту главу вечером, утром я обнаруживаю на висках новую седину...

Нагорный Карабах.

ИЗ ЖИЗНИ ФИДАИНОВ

...Кто — то из пишущих корреспондентов «Ассошиэйтед Пресс» передает информацию о том, что «фидайны» — армянские то ли боевики, то ли партизаны — отбили у азербайджанцев господствующие высоты в Нагорном Карабахе и на границе с Нахичеванской областью Азербайджана.

Саша Земляниченко, руководитель московской фотослужбы АП, задумчиво тянет:

— Картинку бы неплохо иметь...

— А пленочки подкинешь?..

...Следующим ранним утром в надежде на практически гарантированную продажу негативов, забрав из дома почти все деньги, я улетаю в Ереван.

Апрель в горах Армении — чудное время. Сквозь желтую прошлогоднюю траву пробиваются первые стрелки новой зелени. Полчаса пути от Еревана на такси, и я в Ерасхе — городке, что в километре от спорной границы. В штабе встречаются знакомые по прошлым приездам командиры, и формальности занимают минимум времени.

Меня сажают на «армянский броневик» — обшитый блестящим оцинкованным кровельным железом «уазик», до отказа загруженный какими-то длинными ящиками. Ящики немного перекалдывают, образуется небольшая ниша, в которую я с трудом втискиваюсь, и мы едем на передовую, сверкая на все горы солнечными зайчиками.

По дороге нас обстреливают. Наверное, блеск нашей машины ослепляет стрелков, или стреляют издали, но все пули шуршат и щелкают по камням, не долетев до цели, и к окопам мы добираемся благополучно.

Когда, наконец, начинается разгрузка, я с ужасом вижу, что все ящики, которыми до отказа загружена машина, заполнены взрывчаткой и «выстрелами» для ручных гранатометов.

В одном из ящиков, в том, который все время съезжал мне на спину, а я всю дорогу подталкивал его затылком, в дополнение к взрывчатке, лежат еще и детонаторы. Если бы хоть одна пуля из тех очередей, которые были выпущены в нашу сторону, попала в ма-

шину, то примерно полтонны взрывчатки разнесли бы нас на атомы. А в долине мог образоваться приличных размеров кратер.

...Радостные бородачи встречают нас с распростертыми объятиями. Радость их относится, конечно, не к журналисту, а к боеприпасам, но все равно приятно. Правда, при виде камеры они как-то скучнеют. Забрасывают «удочку»:

— За то, что ты привез нам боеприпасы, мы тебе дадим пострелять... — на их взгляд, «приманка» что надо.

— Нет, спасибо, — вежливо отказываюсь. Начинаю понемногу настраивать камеру. Баланс...Резкость... Боковым зрением вижу, что один из бойцов почти синхронно с моей камерой настраивает гранатомет. Подходит, протягивает оружие:

— Вот, возьми, стрельни по селу...

С высотки видны совершенно безлюдные дворы азербайджанского села Сандарак. Тишина могильная. Даже собаки и куры попрятались. Недоумеваю:

— Зачем стрелять, цели-то нет?

— Почему обижает? Вот она — цель! Все село... Они-то по нашим селам стреляли, пока здесь стояли...

Получив вежливый, но твердый отказ, боец как-то даже теряется. Как может человек, мужчина, вот так взять и отказаться от возможности безнаказанно пострелять? В его глазах даже какая-то жалость появляется.

Но к съемке бойцы относятся с пониманием и позируют азартно. Даже хотят сами пострелять «для карточки». С трудом постигают, что постановочные кадры мне не нужны. Наконец начинают разгружать машину, потом возвращаются к обычной жизни. Съемка пошла...

...Камера в работе, обо мне все забывают и занимаются своими делами. Солдат в окопе слишком озабочен тем, как бы самому не попасть под пулю, чтобы обращать внимание еще и на оператора или фотографа, поэтому спустя достаточно короткое время появляется возможность работать относительно спокойно.

Желательно соблюдать все тот же принцип — съемки «с пяти точек». Но «пятая точка» находится за бруствером. В том случае, если этот бруствер находится достаточно далеко от линии соприкосновения с противником, можно рискнуть зайти за него, чтобы снять фронтальный план...

...Но история со снаряженным гранатометом продолжается спустя некоторое время. После съемки и интервью с командиром я направляюсь к машине. Командир долго прощается...

Вдруг раздается жуткий грохот, и в нашу сторону по окопу летит пыльная взрывная волна. Поскольку мы уже спустились немного по склону высоты, волна проходит над головами. Командир одним прыжком исчезает в пыльном облаке. Через минуту возвращается, придерживая за плечи бойца, который настойчиво предлагал мне пострелять из гранатомета. У парня с руки капает кровь, скатываясь на землю пыльными шариками.

— Что случилось?

— Враги НУРСом обстреляли...

Позже выясняется, что никаких врагов и никакого НУРСа (неуправляемого реактивного снаряда) не было. Просто у парня чесались руки пострелять, а тут гранатомет снаряженный. Что уж он там из «Наставления по стрельбе из гранатомета» не выполнил, только прорубил себе палец вместе с ногтем и, к собственной досаде, вместе со мной отправляется в тыл.

...Ночью в штабе слышу недалекую стрельбу. Гостеприимные хозяева не особенно беспокоятся. Ужинаем половиной буханки сырого хлеба с упаковкой старого повидла, да сколько угодно воды из близкого арыка, и отправляемся спать. На рассвете с одним из командиров, Петром Саркисяном, отправляемся в село с совершенно непроизносимым названием — Ехегнадзор.

Машина — трясущийся от старости трехосный армейский «Урал» выдвигал лучшие времена. Что уж там в него налили вместо бензина? Только дымит он так, словно дымовую завесу ставит.

Вдалеке парит над землей та самая гора Арарат, где, по библейскому преданию, припарковал свой ковчег Ной. Она кажется совсем близкой, рукой достать. Саркисян, бывший школьный учитель, рассказывает, что на вершине нашли обломки очень старого огромного корабля, и библейская легенда не так уж далека от истины. Проверить это, к сожалению, невозможно, так как гора Арарат находится в Турции, да еще между Турцией и Арменией лежит территория Нахичеванская область враждебного армянам Азербайджана. С турками, полагает Петр, договориться можно, но с «азерами» — никогда... Называется, приехали! Наелись суверенитета по самые уши...

Непроизносимое село остается в стороне, а наш «Урал» начинает карабкаться в гору. Причем идет он каким-то невысказанным зигзагом. Петр объясняет, что «вот эта гора — наша, а та — еще азербайджанская, и оттуда нас могут обстрелять. Лучше проехать незаметно».

Взглянув в заднее стекло, я сильно сомневаюсь в скрытности нашего передвижения. Дымовая завеса, которую создает двигатель нашей машины, кажется, окутывает все соседние горы до самой Турции. Если бы Ной все еще находился на Арарате, то, наверное, передумал бы покидать ковчег, опасаясь после всемирного потопа еще и пожара. словно подтверждая мои худшие опасения, впереди, метрах в ста от нас, вырастает безобразно коричневый куст разрыва. Из – за рева мотора свиста снаряда не слышно.

Не слышно приближения и второго снаряда, который разрывается сзади, качнув машину взрывной волной. Мы, словно горох из дырявого мешка, высыпаемся на дорогу и бежим в сторону второго разрыва. Снаряд пробил в каменистой почве неглубокую воронку, но мы занимаем ее в надежде, что второй раз в одно и то же место никто стрелять не будет.

Противно и кисло пахнет взрывчаткой. Становится обидно за красоту величественных гор, за изумительно чистый воздух, за тишину, которые так варварски бездарно запакостил человек. И ради чего? Всего лишь ради амбиций нескольких политиканов, возомнивших себя властителями...

Разрываются еще несколько снарядов, которые, к счастью, не попадают ни в нас, ни в наше средство передвижения. У машины мотор самопроизвольно глохнет, и она, естественно, перестает дымить. Легкий сквознячок от речки уносит вонючую синюю завесу. Вероятно, артиллеристы считают, что их труды увенчались успехом, и обстрел прекращается. Мы сидим в воронке еще полчаса для страховки и решаем дальше идти пешком.

Как – то незаметно мы поднимаемся на приличную высоту, и вокруг нас только желтая сухая прошлогодняя трава. Кое – где на склонах, обращенных к северу, лежит серый ноздреватый снег. Идти с полным кофром аппаратуры трудно, воздуха не хватает. Бойцы, под завязку нагруженные оружием, патронными цинками, идут, словно по прямой асфальтовой дороге, без малейшего напряжения. Спустя полтора часа мы приходим на позиции отряда.

Груда огромных камней служит «фидаинам» надежным укрытием. Учитывая отсутствие у противоборствующих сторон авиации, позиция — лучше не придумаешь. Здесь никто пострелять не предлагает, попросту не обращая на меня внимания.

Работаю спокойно, стараясь никому не мешать, и как – то незаметно для себя выхожу из – за укрытия. Уж больно колоритен этот чернородый боец. Держа в руке снайперскую винтовку, он смо –

трет в огромный бинокль на штативе. Такие бинокли я видел только на вышках у пограничников. Несколько щелчков...

Вдруг богатырь поворачивается ко мне и произносит страшным шепотом по-армянски:

— Парьки!

Я понимаю, что делаю что-то не так, но до прояснения обстановки или хотя бы перевода прекращаю съемку и замираю на всякий случай. Парень отрывается от бинокля и вскидывает винтовку. Я не выдерживаю — вот кадр! Успеваю щелкнуть два раза. Боец орет на меня в голос:

— Парьки! Парьки! — и наконец понятно так, по-русски: — Ложись, е... твою мать!!! — и тут же стреляет.

Я плюхаюсь на живот и сползаю по крутому мокрому склону. В эту же секунду в то место, где только что была моя голова, врезается пуля. Боец раз за разом стреляет в кого-то, кто находится за моей спиной. Из-за других камней тоже начинается стрельба. Фидайны, о присутствии которых я и не подозревал, спасая меня, открывают буквально ураганный огонь. Под его прикрытием я успеваю переползти через гребень и спрятаться в расщелину.

Интеллигентный Саркисян материт меня на всех языках, какие знает, а потом объясняет, что я сорвал им засаду, которую они устроили на пути проникновения диверсионного отряда. А боец своими выстрелами меня спас, да еще подстрелил снайпера, в свою очередь сидевшего в засаде на его отряд. Так что нет худа без добра, но позицию придется менять. Выдав эту длинную тираду, на прощанье он дарит мне исковерканную пулю, которая очень даже могла быть в моей голове.

Возвращаюсь я с гор почти в полной темноте один под звездами. Вечером сильно холодает, но трясет меня не от холода, а от близко пролетевшей смерти...

...Съемка получилась великолепная, и в ожидании самолета на Москву я сижу в ереванском аэропорту. Вдруг по радио сообщают, что в соседней Грузии ночью произошло землетрясение, есть разрушения, погибли люди. И я понимаю, что все внимание газет и телевидения сейчас направлено на Грузию. Все мои три дня блужданий по армянским горам, вся съемка летят «псу под хвост»...

В аэропорту Еревана я срочно меняю билет и лечу вместо Москвы — в Тбилиси... Но это уже другая история...

Нагорный Карабах.

ОБРЕЧЕННАЯ КРЕПОСТЬ

Как выясняется, я совершенно не умею врать. Конечно, пытаюсь научиться, что—то придумываю, но меня поймать на вранье никакого труда не составляет.

Сборы в командировку, как правило, занимают не более полу—часа. Основное — смена белья, зубная паста, мыло, щетка, бритвенные принадлежности укладываются в день и час приезда из предыдущей командировки. Остается только проверить заряд батарей, смахнуть пыль с объективов и тщательно уложить камеру в двойной полиэтилен и в кофр с мягкими стенками.

Жена грустно наблюдает за сборами, но молчит. Это молчание хуже крика, истерик или обид. Возникает какой—то комплекс вины. Виноват в том, что где—то идет война и люди убивают друг друга. Виноват в том, что твой долг, твоя профессия опять отрывают тебя от дома. Пытаешься как можно дольше сохранять семью в неведении относительно цели командировки.

Сегодня я придумываю, что мы «едем в Прибалтику». Зачем туда ехать, когда война идет совсем в другом месте, в Нагорном Карабахе, мне и самому не ясно. Вроде бы снимать какой—то рекламный сюжет. На большее фантазии не хватает. Жена кивает, соглашаясь: «Это, наверное, здорово, снимать рекламу в Прибалтике, а не войну в Карабахе...», но грусть из глаз не уходит.

Звонит телефон:

— Машина будет через полчаса, самолет — через полтора, спускайся... — слышу в трубке голос шефа бюро. Прикидываю, что вполне успеваю перекусить. Когда, где и что удастся поесть, неизвестно.

В авиации, как и во всей стране, все в одночасье становится жутким дефицитом, поэтому в относительно коротких полетах, как Москва — Баку, в самолетах не кормят, предпочитая загружать вместо еды лишних пассажиров. Быстро ем что—то, не ощущая вкуса. В голове каша из аккредитаций, вертолетов, гостиниц, возможности добраться от Баку до линии фронта...

Из паутины размышлений вырывает голос жены:

— А где вы там жить будете?

— Первую ночь в «Азербайджане», а потом в «Агдам» перебе-
ремся...

— «Азербайджан», «Агдам»... Что-то я не помню в Риге таких
гостиниц...

— Новые, наверное... — спохватившись, быстро пытаюсь я ис-
править «прокол».

— Да не ври... — махнув рукой, как-то устало говорит жена. —
В Карабах ты летишь... Звони хоть, не пропадай надолго...

В горле стоит комок. Все она знает, чувствует. Ведь после
предыдущей поездки минуло всего три дня. Только вчера вечером
прошла простуда и восстановился голос. Еще потряхивает сла-
бость от сбитой «радикальными» средствами температуры. И вот
снова из сухой, морозной Москвы нужно лететь в промозглую зиму
Азербайджана...

Аэропорт Домодедово — второе, после агентства, рабочее
место. Отсюда — десятки полетов в воюющий Таджикистан. Вну-
ково — война в Грузии, потом — Абхазия. Кажется, совсем недавно
из Внуково летали на отдых в Гагру. «О, море в Гаграх!...» Но на от-
дых летали раз в год, а на войну — каждую неделю...

Вообще полеты в «горячие точки» — это настоящее испытание
характера и способностей к выживанию. И конечно, не в послед-
нюю очередь здесь, как нигде, нужно какое-то сумасшедшее ве-
зение. Мне во всяком случае везло — не было ни одного за многие
годы «прокола». Улетал в нужном направлении всегда и садился на
тот самолет, на который хотел. Как это удавалось, сейчас вспо-
нить невозможно, но каждый раз выручала хорошая реакция... и
умение безоглядно импровизировать...

Известны имена-отчества начальников аэропортов, всех на-
чальников смен, диспетчеров по «брони», кассиров, дежурных по
«залу официальных делегаций» и «Интуристу»... В каждый полет на
войну они провожают, как в последний раз, а через неделю-дру-
гую удивленно снова встречают твою надоевшую физиономию:

— Вы же неделю назад улетели?..

— Да! И снова лечу..

— Но ведь через нас не возвращались?

— Вернулся с попутным самолетом пограничников в Чкалов-
ский...

— И как вас дома терпят?

— Сам удивляюсь...

...В «Интуристе» завалы аппаратуры и разноязыкий говор. Не- сколько телевизионщиков, радиорепортеров, фотографы образуют в центре зала небольшой «монбланчик» из кофров с аппаратурой, едой, одеждой. Каски, бронежилеты, рюкзаки, сумки, чемоданы и чемоданчики...

Посадка в самолет напоминает кадры взятия Зимнего Дворца в фильме «Ленин в Октябре». Трап под напором толпы прогибается и скрипит. В итоге летим как в трамвае. Так и хочется спросить: «На следующей — выходите?..»

...Между азербайджанской Нахичеванской областью и собственно Азербайджаном зажата маленькая Армения — Айастан, «Страна камней». А в самом сердце Азербайджана, оформившего — ся как независимое самостоятельное государство в 1989 году, самопровозгласилась Армянская Нагорно-Карабахская республика (НКР), Арцах. По-армянски — «Солнечный лес».

Азербайджанцы, естественно, с существованием такого государства на своей территории не соглашаются, и мы приезжаем в Агдам в разгар полномасштабной войны с использованием ракет «Алазань», «Град», пушек и танков...

Об Агдаме, довольно большом, почти сорокатысячном азербайджанском городе, раньше было известно только по этикеткам гнусного портвейна «Агдам», который выпускался на местном коньячном заводе. Не приходилось мне, правда, слышать и о хорошем азербайджанском коньяке...

...В Агдам мы с журналистами разных агентств и изданий приезжаем далеко за полночь, на вторые сутки пути, и размещаемся на самом верхнем, четвертом этаже гостиницы, которая является как бы визитной карточкой города и называется так же — «Агдам». Но, странное дело, в совершенно переполненной гостинице весь верхний этаж остается практически свободным. Нас сегодня это вполне устраивает — не нужно далеко тянуть провода для спутниковой тарелки. Но остается какой-то червячок сомнения — с чего бы это? Поскольку мы приезжаем очень поздно, почти под утро, разбираться некогда, на сон остается совсем немного времени.

Пробуждение происходит мгновенно: на рассвете громовой, кричащий разрыв ракеты «Алазань», какие-то истошные вопли в коридоре, вой сирены за окном — сбрасывают с кровати почище будильника. В комнате холодно и дымно. Окно чуть приоткрыто. Видимо, по приезде я его открыл, чтобы выпустить застоявшийся воздух, да так и заснул.

Сильно и кисло пахнет взрывчаткой... За окном, совсем рядом, дымится расщепленный ствол карагача. Ракета совсем немного промахивается мимо плоской крыши гостиницы и разрывается в стволе дерева. Других залпов, к счастью, не слышно... Мы все в доли секунды выскакиваем в коридор. Оказывается, весь верхний этаж гостиницы забит российскими и иностранными журналистами. Решаю проверить свои ночные сомнения. Вертикальная лестница на чердак и крышу — тут же, на площадке нашего этажа. Поднимаюсь по ней и открываю люк.

Просторный чердак четырехэтажного здания накрыт шатром из проржавевшего кровельного железа, сквозь которое просматривается небо. Железо кое-как, на «живую нитку», набито на реденькие доски обрешетки, прибитой к стропилам. Двойной слой подгнивших досок нашего потолка с трудом удерживает тонкий слой керамзита, который служит здесь утеплителем. Другой защиты от непогоды, а тем более от обстрела нет. И тут становится понятно, почему, при всей переполненности гостиницы беженцами, на верхний этаж никто не хочет селиться. Междуэтажные бетонные перекрытия от «Алазани» и «Града» спасут, а потолок самого верхнего этажа, который при желании можно проткнуть и пальцем, спасет разве что от дождя. Поэтому верхний, самый беззащитный этаж может быть заселен только глупыми иностранцами да беспечными российскими журналистами. Одни по причине своего фатализма — «А вдруг не попадут!», другие в надежде на русское «авось» — могут послужить прикрытием для коренных жителей. Такой вот симбиоз.

* * *

На азербайджанской стороне война выглядит как-то трагичнее, чем на армянской. Это ни в коем случае ни упрек одной стороне, ни комплимент — другой. И сравнение это на первый взгляд выглядит кощунственно. Но когда побываешь на одной и той же линии фронта, но с разных сторон, невольно начинаешь сравнивать. И сравнение это не в пользу азербайджанцев... Здесь царит настроение какой-то обреченности.

Армянские бойцы выглядят предпочтительнее: выправкой, вооружением, какой-то веселой и бесшабашной лихостью, с которой они воюют... Хотя, казалось бы, какая разница? Жители одного села, одной долины, но настрой совершенно другой. Идет это не от сознания своей правоты или неправоты противника...

Может быть, разница религий? Армяне — христианское сообщество в окружении мусульман, и верят в загробное Царство Небесное, а азербайджанцы — мусульмане, но на своего Аллаха не очень — то надеются? Как знать?

Основные бойцы со стороны Азербайджана принадлежат к Народному фронту. Но в Народном фронте состоят не особенно религиозные люди. Начертав на своих знаменах демократические лозунги, они как — то отошли от религии. И воюют исключительно за территории, а не за идеи. А вот какие движущие силы подливают масла в огонь войны? Ведь не вчера же были построены города и села, которые сейчас разрушаются с варварским размахом. И территории всем хватало в течение многих десятилетий. А сколько распалось за время войны смешанных браков!

...Раннее пробуждение после почти суточной дороги не способствует хорошему настроению. Невыспавшиеся и злые, запив холодной водичкой черствый кусок сыра с хлебом, выходим из гостиницы.

Грязь в зимнем Агдаме — несусветная. Жидкая и черно — коричневатая, она прилипает к подошвам, обволакивая обувь. Походка у всех меняется, так как невозможно нормально ходить, имея на ногах тяжкие комья, которые никак не хотят отлипнуть. Их невозможно счистить или соскоблить, нужно опустить башмак в воду, лучше текущую — ручей, речку, на худой конец под кран и тихо дожидаться, пока грязь не растворится сама.

На площадь, ненадолго опустевшую сразу после взрыва, постепенно возвращаются люди. Опыт показывает, что если сразу после пристрелочного выстрела не прогремел залп, у стреляющих либо трудности с боеприпасами, что достаточно обыденно, либо поступила другая команда и появился более «лакомый» объект... Чаще — первое...

В так называемых «освободительных» войсках хронический дефицит оружия и боеприпасов. Где их берут противоборствующие стороны — «тайна сия велика есть». На вооружении — ружья и винтовки, выпущенные чуть ли не в прошлом веке. Я сам видел в руках одного из «ополченцев» трехлинейную винтовку Мосина выпуска 1903 года. В прекрасном состоянии, хорошо смазанная и вычищенная, она, может быть, и сейчас верно служит хозяину в карабахском конфликте. В ход идут и ритуальные, музейного вида кинжалы, которые вполне могут служить неплохим оружием...

Откуда берется современное вооружение, которое в основном используется в войне, — вопрос, конечно, интересный, но его изучение связано со слишком большим риском для жизни. Впрочем, это секрет полишинеля. Слишком много российских, а раньше советских войск находилось и находится в «горячих точках», слишком велики склады вооружения и слишком нищенскую оплату ратного труда предлагает служивым родное государство. И «уплывает» с воинских складов оружие и амуниция. А продав боевикам любой из противоборствующих сторон оружие или боеприпасы, начальники складов, заместители командиров по тылу и вооружению выступают в роли Иуды Искарриота. Ведь проданные эти снаряды и пули потом, рано или поздно, начинают попадать в спины солдатам, которые не по своей воле попали в «горячую точку». И множатся рейсы в глубину России с «грузом 200».

Если умелец может «на коленке» «выстрогать» пистолет и даже автомат, то современный бронетранспортер он в собственном сарае не соберет. Пойдет к отцам-командирам, поплачет в жилетку, и выкатят ему вполне современную технику за «свободно конвертируемые слезы»... Но это не есть предмет нашего рассматривания. Это — прокурору...

* * *

Скопление людей при полной возможности нового обстрела — явление неординарное, поэтому все журналисты подтягиваются к толпе и встают поодаль этакой яркой экзотической стайкой на фоне мрачноватой толпы местных жителей. Люди посматривают на сыто и нарядно выглядящих журналистов с откровенной враждебностью.....

Вопрос, как одеваться во время путешествий по «горячим точкам», заслуживает отдельного рассмотрения. Главное, не стоит одеваться ярко и броско... В самом начале, в первых поездках, журналисты имели какие-то иллюзии относительно неприкосновенности собственной персоны. Некоторые пытались писать на спинах яркие и броские надписи: «Пресса», «PRESS»... Особенно меня удивила обращенная к снайперам надпись «Не стрелять! Я — журналист!» на двух языках. Эта яркая надпись на спине служит лишь одному — помогает снайперу прицелиться... Никого эта надпись еще не спасла.

Вывод, который позволяют сделать многочисленные командировки в разные регионы, — одеваться нужно так, чтобы с даль-

него расстояния ты сливался с толпой, а вблизи — какая-то деталь, фасон твоей одежды, напротив, должны выделять тебя... Это важно во время прохождения через блокпосты, во время облав и т.п.

Полезно иметь с собой наклейки, значки, флажки, ручки и бейсболки с надписью — заголовком того издания, где ты работаешь, или любого другого, которое на конкретном участке фронта пользуется популярностью.

* * *

У Агдамской мечети — множество народа. На фоне зимы и серой погоды особенно ярко светит голая лампочка под навесом. Вокруг толпятся люди. Здесь расположился своеобразный морг. Два старика — добровольца готовят «в последний путь» тех, кто пал в

этой «народно-освободительной» войне. Зачем и кому понадобилось срывать крестьян с полей, рабочих от станков, чтобы они закончили свой земной путь под этим самодельным навесом?

Старики работают почти круглосуточно, как работает и смертный конвейер, превращая молодых, цветущих мужчин и женщин в безгласные, холодные трупы. Молодая, совсем недавно красивая чер-

новолосая женщина. Осколок гранаты или снаряда превратил тонкие иконописные черты правой стороны ее лица в кровавую кашу, слева — лицо уцелело и по какой-то нелепой случайности даже не запачкано ни грязью, ни кровью. Смертельная бледность окрасила черты неземной красотой... Ниже груди тело словно обрублено неровно пьяным мясником. Только немногие уцелевшие обрывки мышц и жилы да несколько клочков одежды соединяют верхнюю и нижнюю половины стройного тела...

На неструганом окровавленном «прозекторском» столе лежит обнаженный мужчина. Мускулистый торс сделал бы честь любому культуристу. Нога чуть полусогнута в колене. Молодое, прекрасное даже в смерти тело. Оно напоминает рисунки Микеланджело к одной из его великих картин, только оно... без головы. Круглые плечи заканчиваются обрубок шеи. В огромной разверстой ране видны розовая гортань и ярко белеющий осколок шейного позвонка... Крик родственников, опознавших главу семьи по наколке на руке...

Буднично и почти бесстрастно происходит действие. Приходит очередная машина, буднично сваливает трупы, в которые превращаются участники очередного боя, и уезжает за новой партией. Старики укладывают покойников на самодельные прозекторские столы, обмывают их и укладывают в гробы. Они громоздятся огромным штабелем здесь же, у стен мечети... Самые выдержанные из родственников, опознавшие своего, подгоняют транспорт и забирают покойного. Спустя несколько часов этот гроб в окружении безутешных родственников появляется в городском сквере, чтобы уйти под землю уже навсегда.

Наверное, в памяти навеки останутся этот морг при мечети и эти старики, которые день за днем делают свою скорбную работу...

Из азербайджанского Агдама хода на городское кладбище нет. Оно находится за городом, и ехать нужно в сторону села Аскеран, которое в основном населено армянами. Дорога простреливается, как простреливается и само кладбище. В самом начале конфликта делались упорные попытки хоронить убитых именно там, но похороны принесли новых покойников из числа провожавших... и было решено проводить их прямо в аллеях городского сквера.

Сквер, который стал последним пристанищем многих сотен погибших в этой совершенно безумной войне, расположен в самом центре города. Все газоны и аллеи сквера тесно покрыты аккуратными свежими могильными холмиками. Подъезжает машина с

гробом. Часть родственников уже стоят возле готовой могилы. Старший мужчина в семье, глубокий старик с почерневшим от горя лицом, обрамленным реденькой, ослепительно белой бородой, обводит взглядом собравшихся:

— А Гасан? Где Гасан?

— Мы его позавчера похоронили... — тихо откликается из толпы нежный женский голосок...

— Ах, да! А Лейла где? Внуки?

— Погибли вчера под обстрелом... Мы еще не можем дом раскопать... — откликается другой, уже мужской голос.

Старик неожиданно слабеет и, как подкошенный, падает на холм выброшенной из могилы земли. Гремя оружием, к нему подбегают двое похожих мужчин, видимо, сыновья, поднимают и сажают на заботливо подставленный стул. Стулья, табуреты, лавки и лавочки разбросаны и расставлены в сквере во множестве. После похорон хозяина сиротеет и мебель... Глаза братьев недобро блещут, то ли от сдерживаемых слез, то ли от множества бессонных ночей. На щеках многодневная щетина, автоматы, которые они повесили на плечи стволами вниз, как охотничьи ружья, поблескивают сильно потертыми прикладами...

Как только старик садится, женщины, словно по команде, начинают «плач»... Возможно, этот процесс оплакивания умершего или погибшего родственника называется как-то иначе... Несколько женщин разных возрастов кричат и ногтями расцарапывают себе лица, сдирая кожу со лба и щек. Из-под ногтей брызгами разлетается кровь... Я точно знаю, что начинают церемонию профессиональные «плакальщицы», но спустя одну-две минуты этот крик окровавленных, потерявших кормильца женщин остается единственным звуком в окружающем пространстве.

Камера дрожит в руке. Видимо, процесс оплакивания чем-то сродни массовому психозу, потому что уже десятки женщин захлопаются в безумном крике. От этого крика дрожит каждая жилка в теле, откликаясь на чужое горе, которое вот так, внезапно, стало твоим. И, несмотря ни на какую закалку, сердце начинает давать сбои, а глаза застилают слезы...

* * *

Когда-то Агдам, «районный центр республиканского подчинения», был довольно многолюдным и многонациональным городом — почти 40 тысяч жителей. Война сильно уменьшила население, и некогда веселый, зеленый город, где основным градообразующим

предприятием был коньячный завод, стал прифронтовым. За территорию, ведущую в сторону армянского селения Аскеран, хода нет. На перекрестке стоят два автоматчика и никого из журналистов не пропускают на «передовую».

К перекрестку подходят телеоператор Коля Шишков и фотограф французского агентства «Франс Пресс» — Миша Евстафьев. Они с интересом рассматривают некоторое время кучку журналистов, предпринявших было попытку пройти на «передовую» и теперь стоящих под дулом автомата. Часовой видит их, но они на другой стороне дороги, и он делает вежливый приглашающий жест... Журналисты отрицательно качают головой. Покинуть уже задержанных часовой не решается, так как штатские репортеры не очень — то слушаются команд военных и могут тут же разбежаться.

Николай с Мишей делают такой приветственный знак всем собравшимся на дороге, включая часового, и быстрым шагом отправляются в сторону передовой... Часовой от волнения даже забывает русский язык и кричит им вслед что — то по — азербайджански. На эти крики репортеры даже не поворачивают головы. И тогда часовой, забыв, что в руках у него автомат, поднимает с дороги камень и запускает его вслед тающим вдаль фигурам... Впрочем, не попадает...

Рация в руках у автоматчика что — то хрипит по — азербайджански. Парень, которому журналисты уже осточертели, говорит:

— Пропустить я вас не могу, но могу познакомить с батальоном «отцов»... На это разрешение получено.

— Каких «отцов»?

— Увидите сами...

Как правило, темы, предложенные командованием любого уровня и любой армии, отличаются ура — патриотизмом и к истинному положению вещей в этой армии не имеют никакого отношения. Абсолютное большинство из собравшихся разочарованно машет рукой, но повторить нахальный прорыв Евстафьева с Шишковым не решаются. Кто знает, что там еще нахрипело командование по рации? Пулю в спину — и виноватых нет. Часовой охраняет введенный ему пост...

Поскольку все журналисты отправились искать темы в другие части города, я остаюсь на дороге в одиночестве. Разочарованный часовой проникается уважением к оставшемуся и говорит:

— Идти — то недалеко. Батальон вот он, рядом. В сельхозучилище... — и показывает на строения, возле которых мы провели почти полдня.

— Расскажи подробнее. Что за батальон «отцов»?

— Здесь собрались те люди, у которых в этой войне погибли дети...

...Дорога огибает обширную территорию сельскохозяйственного училища. Из-за забора выглядывают проржавевшие останки комбайнов, сеялок. Тракторы пошли на запасные части и тоже бесприютно ржавеют остовами на всей территории бывшего мирного учебного заведения.

В воротах стоит обшарпанный, явно побывавший в боях бронетранспортер с яркой надписью белой краской «Бахадур». Пошевеливая дулом крупнокалиберного пулемета, словно приносящаяся, стоит он, загромождавая ворота от проходящих и приходящих. Чтобы войти в ворота, нужно протискиваться бочком между створками и огромными колесами БТРа. За воротами — пост с часовым. Это, пожалуй, единственная встреченная мной на азербайджанской территории воинская часть, где все, от командира до рядового, похоже на солдат хоть немного. Единственно, чем выделяются солдаты этой части от других — возрастом. Не редкость среди бойцов и командиров седина... Практически все солдаты этой части в возрасте от сорока лет и выше. Этакое подразделение «пенсионеров». Однако по тревоге все собираются быстро и воюют отменно. Говорят, что за голову их командира армяне готовы выложить кругленькую сумму. Но часть существует уже несколько месяцев, и пока никто за «вознаграждением» не явился.

Два бронетранспортера, которые были в боях отбиты у армянских «фидайнов», командир отряда назвал именами своих погибших сыновей. Один из них и охраняет расположение части. Батальон «стариков» — наиболее боеспособная часть из всех тех, кто воюет на этом участке противостояния.

Мы протискиваемся в узенький проход между бортом транспортера и створкой ворот. Под навесом на скамеечках, предназначенных для лекций на открытом воздухе, сидят почтенные аксакалы. Среди них — невысокий сухоощавый человек в военной форме без знаков различия. Он говорит негромко, но убедительно. Старики в чалмах согласно кивают.

— Вот этот — командир. Фамилия его — Ризоев... А мне нужно на пост... — Часовой исчезает.

— Ассалам алейкум! — подхожу я к собранию...

— Алейкум ассалам! — откликаются нестройно. Пристраиваюсь в ожидании на краешке скамейки и жду, когда закончится их разговор...

Ожидание затягивается. Наконец старики встают и по очереди подходят к командиру, обмениваясь с ним рукопожатием. Почтительно распрощавшись со стариками, он поворачивается ко мне, и я невольно вздрагиваю. Лицо командира страшно изуродовано. Вся правая сторона покрыта ужасными шрамами и рубцами. Рубцы захватили веко правого глаза, и этот глаз, выкаченный и неподвижный, постоянно смотрит в одну точку. Видит ли он — непонятно, но впечатление пугающее. Часть шрамов прикрыта недавно отпущенной седой бородой. Я хочу взять у него интервью, но показывать столь изуродованное лицо в телекомпании не принято, и мы ограничиваемся приватным разговором...

Поскольку я нахожусь в одной из первых поездов в зону карабахского конфликта, а попросту войны между двумя прежде союзными республиками, мне крайне интересно, что надеются получить от войны ее рядовые участники.

С руководителями — все понятно. Им война выгодна, как бы она ни шла и чем бы она ни кончилась. Война — это неразбериха, неконтролируемые потоки денег, это перспективы захвата территорий, дотации и кредиты на послевоенное восстановление, это в конце концов — власть... Война выгодна всем, кроме ее непосредственных участников, жителей воюющей республики...

— Сын? — показываю я на «именной» БТР.

Командир молча усаживается на скамью напротив, через стол. Кивает на второй БТР:

— А это — второй сын... Оба погибли...

— С чего все началось?

— Что «все»?

— Вся эта война?

— А все армяне виноваты... — говорит осиротевший отец зло и с напором. — Не я начинал эту войну...

— Вот я и хочу понять, кто все это начал?

— А вот они... — взглядывает Ризоев на телевизор, который стоит в мрачноватой комнате. На экране — президент Азербайджана Аяз Муталипов. Звук мне на улице не слышно, видно только резко и карикатурно мелькающую фигурку. Несколько бойцов, сидя в тени, в комнате, внимательно слушают выступление...

— Почему мы вынуждены уйти со своей земли? — Ризоев почему-то спрашивает меня, журналиста. — Мы потеряли сыновей, мы потеряли свои дома... Вы к нам приехали. А я вас даже накормить не могу, у меня ничего нет...

Сидящие у телевизора начинают оглядываться, и вскоре я уже окружен десятком вооруженных пожилых людей. Страсти начинают накаляться... Пытаюсь перехватить инициативу:

— А кто мне расскажет, с чего все началось?

— Все знаем, все расскажем... Вы знаете, какие они...

— Кто «они»?

— Все армяне... Они мечтают о Великой Армении от моря до моря... Сейчас они с нами воюют, а потом будут и с вами воевать...

(На армянской стороне мне говорили слово в слово то же самое. О Великом Азербайджане, о мусульманском поясе. И тоже — очень убедительно и доказательно...)

— С кем с «нами»?

— С русскими. Они и вас с Кавказа выгонят...

— Вообще — то я работаю для американской телекомпании...

Но лучше бы я этого не говорил. Каким — то образом в батальоне стало известно об открытии американского посольства в Ереване, и я оказываюсь виноватым в поддержке Америкой армян в карабахской войне...

— А вы знаете, что армяне наших 200 тысяч убили? Они все города и деревни переименовали, чтобы и память не осталась, а там могилы наших предков...

Интервью явно не получается. Нужно срочно что — то предпринимать. Во всяком случае постараться уйти хотя бы целым из этого батальона. В таких случаях нужно или срочно менять тему разговора, или поддержать собеседника, который явно ждет и жаждет спора. Я соглашаюсь:

— Хорошо... Вы не могли бы сказать мне все то же самое, только под камеру?

— Сниматься не буду! — категорически отказывается Ризоев.

Но я уже вцепляюсь в него клещом:

— Как это так? Вот вы мне рассказываете интереснейшие факты, сведения, о которых, может быть, не знает мир. Так кто может мне все это рассказать под камеру?

Я быстро разворачиваю штатив, достаю и укрепляю камеру... Вот уже она включена. Собеседников, которые разгорячились в приватной беседе, вид камеры повергает в оцепенение. Куда бы ни поворачивался объектив, там сразу возникает пустое пространство... Тема разговора и моя мнимая вина за карабахскую войну забыты начисто.

Ризоев подходит и говорит примирительно:

— Ладно, погорячился я. Но что мы, крестьяне, можем сказать? Поезжайте лучше в штаб, там говорунов много, они вам все

расскажут... Муса, отвези корреспондента в штаб и быстро возвращайся....

Ревет мотор именного БТРа, освобождая для проезда ворота. На зеленом «жигуле» без номеров, явно каком-то трофейном, вместе с Мусой и командиром мы отправляемся в штаб...

...У здания Дома культуры, где расположился штаб, днем клубится толпа, в основном состоящая из беженцев-азербайджанцев, которые имели несчастье жить в городах и селах, граничащих с Нагорно-Карабахской республикой. В окне Дома культуры выставлен телевизор, который кто-то невидимый снаружи включает только в те моменты, когда передаются азербайджанские выпуски новостей... Ближе к вечеру новости перемежаются какой-то «мыльной оперой», передаваемой из Турции. Ее, как правило, смотрят женщины, проливая слезы над страданиями «мыльного» персонажа, позабыв на время о своих бедах...

Посредине большого, почти 18-миллионного мусульманского Азербайджана образовался маленький воинственный островок, который населяют чуть больше 150 тысяч жителей армян, исповедующих христианство. Этот «островок» начинает расширять свои границы за счет прилегающих азербайджанских сел. Раньше все эти границы существовали только на картах и обозначались как административные. В этих границах и на этих картах как, оказалось, была заложена бомба огромной разрушительной силы.

На 27 километрах дороги между Агдамом и Шушей, где проживает большинство азербайджанцев, села чередуются. Сначала село Аскеран, где большинство армяне. Дальше — Ходжалы, населенное в основном азербайджанцами. Еще дальше — азербайджанский город-крепость Шуша, господствующий над долиной, в которой раскинулась столица самопровозглашенной Республики Нагорный Карабах — Степанакерт. Десятилетиями, веками армянские христиане жили бок о бок с азербайджанскими мусульманами. Трагические и кровавые страницы истории этих народов, казалось, были закрыты навсегда...

Но грянула перестройка... Интересы лидеров стран переплелись в самый сложный узел, который решили, не мудрствуя лукаво, попросту разрубить...

В комнате агдамского штаба — множество народа. Воздух наполнен почти осязаемыми клубами табачного дыма. Шум и крик почти на грани восприятия. Усились еще немножко этот шум, и посыплются стекла, обрушится штукатурка и вообще произойдет

что — то ужасное. И оно происходит. На столе у командира, представителя президента Азербайджана Эльшана Тагиева, оживает рация. Сквозь шум, вой и треск помех в комнату врывается знакомый голос:

— Как слышите меня? Прием...

Несмотря на множество народа, в штабе мгновенно устанавливается тишина, нарушаемая только этой хрипящей рацией.

— Село окружено. Отовсюду стреляют... Здесь примерно три с половиной тысячи человек мирных жителей... Нет продуктов, нет воды, и кругом стрельба...

У Тагиева сжимаются кулаки:

— Чем мы можем помочь?

— А чем вы можете? Нужно, чтобы вы хотя бы знали, что происходит... Сейчас у нас уже три человека ранены. Один — тяжело. Двое — убиты... Это те, кого я вижу. Разрушено 35 домов, практически все село... Вы уже ничего не успеете...

Все собравшиеся в штабе люди, а это сильные мужчины, опускают глаза. Сознание своей полной беспомощности угнетает. Все понимают, что это голос коменданта села Ходжалы Рашида Мамедова и эта рация — последняя ниточка, связывающая жителей обреченного села с миром живых. Но вот обрывается и она. Голос замолкает...

...Только позавчера мы виделись с Мамедовым здесь, в этом же штабе. Он приехал за продуктами для окруженного села и почти три недели ожидал возможности уехать. Наконец дождался. Раньше в это, сейчас окруженное армянскими боевиками, село Ходжалы недалеке от Степанакерта из Агдама летал вертолет. А еще раньше, до войны, ходил обычный пассажирский автобус, и доехать не торопясь можно было за полчаса. Сейчас это расстояние измеряется многими человеческими жизнями погибших в этой войне...

Все долго молчат и напряженно вслушиваются в треск, который передает рация... Но голос в эфире так и не появляется. Никогда...

...Штаб Народного фронта отличается от воинского разве что меньшим формализмом при представлении да тем, что расположен в частном доме. Возле него множество разных автомашин, которыми запружена вся улица. Автомшины идентификации не поддаются, так как на них нет номеров, и за руль садятся все кому не лень.

Из просторного бетонированного двора нужно преодолеть три ступеньки вниз, и попадаешь в длинную комнату – веранду, в которой топятся две печки – коптилки. Справа тянется огромное, почти во всю стену, окно с множеством рам. Слева на веранду выходят пять или шесть дверей, ведущих во внутренние помещения дома. Раньше дом принадлежал зажиточному армянину, как утверждают, «цеховику».

— Все равно этот дом подлежит конфискации по приговору суда... — выносит молва свой строгий и неправый суд. Поверх закрытой застекленной веранды вдоль всего дома идет веранда открытая, с бетонированным полом и армированными бетонными плитами перекрытий. Поэтому народ на закрытой веранде, несмотря на застекленную стену, чувствует себя в достаточной безопасности от ракет.

Мы приходим в штаб Народного фронта, чтобы выехать из опустылевшего Агдама в легендарный город – крепость Шушу. До него от Агдама всего – навсего около 20 километров, то есть расстояние даже для медлительного автобуса плетное...

Невысокий и кудрявый Тахмасиб Новрузлу похож больше не на азербайджанца, а на какого – нибудь выходца из Центральной России. Круглое веснушчатое лицо и серые глаза выделяют его из толпы черноволосых и темнолицых местных жителей. Кроме того, говорит он по – русски совершенно без акцента и прекрасно знает историю своего народа. Видимо, весь этот набор качеств позволил ему стать редактором местной газеты Народного фронта «Ана торпас» — «Родная земля».

Редакторский кабинет в штабе выходит прямо на веранду, забитую людьми. Никаких приемных и секретарей нет. И мы сидим с ним за кружками густого, горячего и черного чая.

Тахмасиб говорит:

— Тебя интересует история конфликта? Начало — где – то далеко в глубине веков, сейчас трудно вспомнить... Но в 1987 году армяне Нагорного Карабаха решили присоединиться к Армении... Вот, смотри карту... Нагорный Карабах не имеет даже общей границы с Арменией. Как можно было присоединиться? Только согнать с места тысячи семей азербайджанцев... И сейчас идет война за территории... а результат ты сам видишь. Почти 200 тысяч азербайджанцев, которые проживали на территории Армении, изгнаны из своих домов... Только в одном Агдаме сейчас собрались почти 40 тысяч беженцев из сел, граничащих с Нагорным Карабахом... Завтра поедем в Шушу, сам посмотришь. Но ехать придется долго...

— Почему долго? — показываю на коротенькое расстояние на карте, разделяющее Агдам и Шушу.

— Напрямую не проедем... Уже в Аскеране — армянские боевики и ни одного азербайджанца... Ехать придется окружным путем, а это — почти пятьсот километров...

В открытую дверь вливается многоголосый гул множества разговоров. Нам это не мешает, словно журчание водопада. Вдруг с веранды доносится грохот выстрела и короткий вскрик. На какое-то время воцаряется молчание, а потом крики множества голосов словно выносят нашу дверь.

Тахмасиб вылетает на веранду. Я опасливо двигаюсь следом. Что там произошло — неизвестно, но звук выстрела и шмелиное жужжание пули невозможно спутать ни с чем. Толпа, которая сидела на полу и скамейках, равномерно распределившись по веранде, сейчас собралась в одной ее части. Все одновременно кричат по-азербайджански, поэтому понять ничего невозможно... Выставив, на всякий случай, камеру, пробираюсь в толпе к центру.

— Разрешите! Извините! Минуточку! — раздвигаю толпу включенной камерой.

Возле печки-капельницы с несчастным лицом сидит один из бойцов. Из формы ему досталась только камуфляжная куртка, которую он украсил какими-то нашивками и аксельбантами в соответствии со своими представлениями о прекрасном. Он держится за окровавленную ногу. Кровь сочится сквозь пальцы из раны чуть ниже колена.

Отброшенный почти под самую печку, на полу лежит автомат без магазина, всякие тряпочки, баночки с маслом и шомпола. Похоже, парень решил почистить неразряженный автомат и поплатился легким ранением. Но я же слышал выстрел и жужжание пули!

В моем кофре — небольшая аптечка. Ничего лишнего, только те лекарства и перевязочные материалы, что необходимы в «горячей точке». Сам я этой аптечкой почти не пользуюсь. Так, изредка, когда возникает головная боль от переутомления или недосыпа, да изредка желудочные таблетки. Но сколько раз эта аптечка выручала моих друзей и коллег...

Немного перекиси водорода и чуточку спирта на ватке — и ранка уже чистая. Я беру стерильную салфетку и ... нащупываю рукой пулю прямо под кожей, совсем недалеко от входного отверстия.

— Потерпишь? — спрашиваю солдатика.

Он поспешно кивает, но лицо, бледное до синевы, говорит, что он на грани обморока. Тахмасиб выступает в роли ассистента. Он

наливает несколько капель нашатыря на носовой платок и подносит к носу раненого...

Пока мальчишка уворачивается от едко пахнущего платка, я успеваю пальцами захватить кусочек кожи вместе с пулей.

— А-а! — вскрикивает раненый, но теплый окровавленный кусочек металла уже у меня на ладони. Он сильно деформирован... Однако видно, что это пуля со смещенным центром тяжести. При выстреле она срикошетила от трубы, по которой к печке подается солярка, оставив на ней сверкающий след, затем ушла в потолок и, задев его, вернулась к «автору» неосторожного выстрела. От рикошетов она потеряла скорость и убийную силу, поэтому парень так легко отделался. Вообще такое бывает раз в столетие. Автоматная пуля сработала как бумеранг...

— Всем встать! Выходи строиться! — командует Тахмасиб. Неохотно и ворча люди покидают теплые насиженные места. Через несколько минут во дворе стоит неровный строй. Автоматы у всех по-разному, как кому удобно. Один, держа его рукой за ствол, кладет на плечо, второй вешает на левое плечо стволом вниз, словно охотничье ружье. Один из «вояк» вовсе держит автомат в руке за плечевой ремень, и от этого оружие почти касается земли.

— Душераздирающее зрелище! — бормочет командир и резко кричит: — На пле-е-чо!

Автоматы размещаются на плечах стоящих в строю людей как Бог на душу положит. Тахмасиб проходит вдоль строя, проверяя оружие. У абсолютного большинства патроны находятся в патронниках, несмотря на то, что автоматы вроде бы разряжены и магазиники отстегнуты...

— Странно, что вы тут все друг друга не перестреляли! — ворчит командир, передергивая затворы и выбрасывая патроны из патронников...

Мы возвращаемся в комнату к прерванной беседе:

— Я думаю, что из этих крестьян, земледельцев войско мы сделать не сумеем... Одна надежда — на переговоры...

... Ранним утром, задолго до рассвета, к гостинице подходит небольшой автобус. По договоренности с командованием мы едем в Шушу...

— Бешеному кобелю сто верст — не крюк... — ворчит кто-то из журналистов, залезая в промерзший салон.

— Не сто, а примерно пятьсот... — вежливо поправляет его Тахмасиб, который становится гидом журналистской группы во время этой поездки.

— Да тут двадцать километров по прямой дороге...

— Не всякая прямая ведет прямо к цели... — наставительно замечает наш сопровождающий. — Все устроились?

— Поехали...

Автобус начинает трястись, потом простуженно чихает, выпускает клуб черного дыма и, наконец, трогается. Окна от нашего дыхания покрываются сначала морозным туманом, а потом и вовсе обрастают мохнатым инеем, отгораживая нас от окружающего пространства. Более или менее видно только водителю. Лобовое стекло по углам тоже обрастает инеем, но тепло, идущее от двигателя, не дает ему обледенеть окончательно.

— Почему такой мороз? Ведь мы же в южной республике...

— А вы не принимаете во внимание высоту? Мы уже в километре над уровнем моря. Дальше будет еще выше... Так что морозы и в тридцать градусов для нас — не редкость...

В лобовое стекло далеко видна заснеженная равнина. В боковые стекла, закрытые колючими кристаллами инея, не видно ничего.

Время от времени автобус останавливается, и в салон вваливаются заснеженные вооруженные люди. Они еще и еще раз придирчиво проверяют документы... Проверив, удивленно цокают языками, а узнав, что мы едем в далекую от здешних мест Шушу, смотрят на нас с сочувствием, как на тихопомешанных... Наступает солнечное утро, но солнце, выйдя из-за горизонта, прячется в полупрозрачную мглу, как в шубу, и подсвечивает нам окна, играя лучами на кристалликах льда. Потом солнце скрывается, и уже под покровом темноты мы какими-то боковыми дорожками выезжаем в Лачинское ущелье...

Заснеженный Лачин — это уже считанные километры до границы Нагорного Карабаха. Крутой горной дорогой мы приезжаем в село, которое раскидывается по обе стороны глубокого ущелья с крутыми склонами. Вокруг — черные скалы, на которых даже не держится снег. Звездное небо над головой и белая пелена под ногами. Кажется, что белизна чистого снега сама источает свет, поэтому идти по нему вслед за нашим провожатым не представляет никакого труда...

Водитель автобуса находит единственную в округе ровную площадку и пытается пристроить автобус для ночлега... Ночевка

предусмотрена в Лачинском районном отделе милиции. Журналисты смеются:

— Будем ночевать, как преступники, в камерах.. Или в обезьяннике...

— В общем, в клетках...

— А что, гостиницы нет?

— Ничего тут нет, сами увидите утром. Лачин — это же не большое село и расположено в горном ущелье...

...Вдруг откуда — то из темноты резко трещат автоматные выстрелы. От этого треска иней слетает с проводов и в воздухе возникает маленькая пурга. Из здания, как впоследствии оказалось, Лачинского райотдела милиции, сгустками темноты бегут люди, стреляя длинными очередями. Мы оказываемся между двух огней...

Сделав три прыжка обратно к автобусу, я падаю у двойного заднего колеса. В такой мгле съемка бесполезна, на пленке будут только едва различимые полоски трассеров и венчики выстрелов. Сейчас нужно думать не о съемке, а о том, как не попасть под пулю... Одиноким стрелок замолкает. То ли его убивают, то ли он сам решает ретироваться от превосходящих сил. Лежу еще некоторое время, пока наши защитники проверяют склоны ущелья. Довольно скоро они возвращаются, держа в руках мешок:

— Вот, нашли под опорой линии электропередачи...

— Как здорово, — бормочу я, — не успели приехать, как слово по заказу героическая операция со стрельбой, но без жертв и с хорошим трофеем...

Когда мы входим в освещенную прихожую райотдела, становится видно, что обычный солдатский вещмешок, в просторечии «сидор», наполнен красными, похожими на мыло, аккуратно сложенными толовыми брикетами, а поверх них кольцами уложен белый бикфордов шнур...

В отдельном мешочке, упакованные в вату, лежат блестящие детонаторы...

Встретивший нас подполковник присвистывает:

— Ничего себе! Тут килограммов десять одного тола... Наверное, ЛЭП хотели взорвать, да ваш приезд помешал...

Словно отвечая на мои не очень — то лестные для него мысли, он говорит:

— Как будто по заказу, журналисты приезжают, а тут — диверсант... Армяне на нашу ЛЭП давно охотятся. Она не только Лачину свет и тепло дает, но и Шуше... Она здесь совсем недалеко...

Окна райотдела надежно закрыты плотными шторами и заклеены черной бумагой, похожей на ту, из которой делают светонепроницаемые пакеты для фотопленки... В коридорах снят пол и на лаги наложены толстые доски, по которым, балансируя, ходят сотрудники. Мы проходим в кабинет начальника, так же, как и все, балансируя и перепрыгивая с доски на доску.

— Что случилось? Почему пол разобран?..

— Да мы намеревались отремонтировать здание, но началась война, стало не до ремонта... Идите чай пить.

Мы сидим в кабинете, освещенном только настольной лампой на руководящем столе.

— Эта дорога — единственный путь, по которому можно попасть в Шушу... Город держится только потому, что находится на неприступной горе и существует эта дорога — Лачинская трасса... Ночевать вам здесь опасно, поедете в Шушу... Я вам дам в сопровождение автоматчиков и БТР, так что прорветесь...

— Не нужно нам сопровождение... — возражаем мы, — никто наш автобус не тронет. По Международной конвенции...

Договорить нам не дают. Упоминание о Международной конвенции вызывает у милиционеров взрыв искреннего веселья.

— Вас сначала расстреляют, а потом будут выяснять, кто вы такие... Ночью все кошки серы... Конечно, они потом будут себя в грудь бить или, наоборот, скажут, что вас азербайджанцы расстреляли... Нет уж! — решает подполковник, — поедете с сопровождением, ребята потом вернутся...

Рисковать людьми нам очень не хочется. На милицейском «уазике» и стареньком БТРе милиционерам предстоит рискованный путь ночью по обледенелой горной дороге в Шушу и обратно под прицелом карабахских снайперов... Однако делать нечего, приходится подчиниться. Местные милиционеры свои порядки знают лучше...

Пока мы пьем чай, милицейский «уазик» и автобус уже разогреваются и стоят на улице «под парами». Мы собираем свои вещи и вновь лезем в замороженное чрево автобуса.

Эта ночная поездка по горам врезается в память на всю оставшуюся жизнь. Автобус на лысой резине опасно скользит и ерзает на дороге. Начинается снег, и перед фарами пляшут огромные снежинки. Сквозь это мельтешение еле видны красные габаритные огни идущего впереди синего «уазика». Время от времени он включает милицейскую синюю «мигалку». Бронетранспортер завести

так и не смогли, поэтому он с половиной людей из сопровождения остался в райотделе.

В общем, «гладко было на бумаге, да забыли про овраги»...

Идущую впереди машину бросает по скользкой дороге почти так же, как наш автобус. Но если сквозь замерзшие боковые стекла нам не видно, где находится стена, а где пропасть, то маневры легковушки с милиционерами нам видны хорошо, и они оживленно комментируются в автобусе...

Дорогу нам осложняет не только снег, превративший ее в поток, но и постоянные осыпи, которые приходится объезжать, чуть не вися колесами над пропастью, дна которой не видно в темноте, но, по уверениям местных жителей, оно недалеко — в 300–400 метрах ниже уровня дороги.

— Нам хватит, — решаем мы.

Наконец последний поворот, и мы останавливаемся у шлагбаума. С обоих его концов дорога перегорожена противотанковыми ежами, которые мы видели разве только в кино про оборону Москвы. Облепленные снегом ополченцы, как они себя называли, проверяют документы, и мы въезжаем в Шушу... Время — далеко за полночь. Милиционеры о чем-то совещаются с часовыми и, сделав лихой разворот перед шлагбаумом, растворяются в метели. Они едут обратно в Лачин...

Мы остаемся в Шуше. Вернее, не в самом городе, а на ближних подступах к нему. Возле шлагбаума — вагончик, в котором топится докрасна раскаленная печка — «буржуйка». За колченогим столом сидит сильно небритый ополченец и яростно крутит ручку телефона. К сожалению, никто к телефону на другом конце провода не подходит, поэтому «крутеж» продолжается минут пятнадцать. За это время мы успеваем замерзнуть и вновь согреться...

Наконец ополченец от кого-то получает команду, и автобус проезжает шлагбаум, направляясь в город. После короткой дороги мы выезжаем на небольшую пустынную площадь, окруженную административными зданиями. Площадь освещена редкими фонарями, которые, словно ореолом, окутаны освещенными снежинками. Между зданиями под тяжестью снега склоняются к земле мохнатые лапы стройных елей. Картинка святочная.

Автобус подъезжает к трехэтажной гостинице. Здесь нас уже ждут. Открывается дверь, и закутанная во множество одежек фигура появляется на пороге.

— Заходите, только у нас не топят и в комнатах холодно...

Мы заходим в гостиницу. Фигура, оказавшаяся девочкой, почти подростком, выдает нам все ключи от всех комнат сразу и говорит:

— Я не знаю, как вы думаете там ночевать...

— Ничего, мы привычные...

Я поднимаюсь на второй этаж и одним из ключей открываю комнату и включаю свет. Стандартный гостиничный номер. Койка, тумбочка, встроенный шкаф. Справа, сразу у двери — умывальник. На кране висит капелька воды чистоты необыкновенной. Комната как комната...

Пытаюсь снять куртку и тут замечаю, что температура в комнате значительно ниже, чем на улице. Благодаря фонарям и падающему снегу улица за окном кажется даже теплой... Мороз в комнате градусов 20, не меньше. Все-таки снимаю куртку и сажусь на кровать. Ночевка в этой гостинице грозит обыкновенным замерзанием... Капля, висящая на кране, давно стала кусочком льда и отзывается на прикосновение колючим холодом...

Подхватив вещи, выхожу в коридор. Все мои коллеги уже покидают свои комнаты, направляясь в вестибюль гостиницы.

— Я же предупреждала, — смеется маленькая хозяйка этого ледяного дома. — Вы думаете, что гостиница была бы пустая, если бы не холод? В городе тысячи беженцев...

Мы в растерянности. Время — почти три часа ночи. Почти сутки в промерзшем автобусе высосали из нас все силы. Необходимо отдохнуть хотя бы пару часов...

Тахмасиб, который всю дорогу вел себя достаточно скромно и помалкивал при всех наших разговорах, подает голос:

— Тут единственное теплое место — кабинет главы администрации...

Нам уже все равно — кабинет так кабинет. Мы идем через площадь, напоминая колонну французов, разбитых Кутузовым на Березине... Хорошо еще, что площадь небольшая...

Здание администрации района закрыто. Мы тихо звереем. Раздаются даже призывы ломать дверь, ведь она преграждает нам путь к заветному теплу. Никакой грохот на обитателей здания не действует...

Наконец, закутанный во множество курток и платков, перед нами возникает ангел в лице маленькой хозяйки гостиницы:

— Чего же вы ключ — то не взяли?

— Какой ключ?

— Вот от этой двери... Глава администрации так и думал, что вы ночевать в гостинице не захотите, и оставил мне ключи от входной двери и от кабинета. Кабинет на втором этаже... Только можно я с вами посижу, а то в гостинице я совсем замерзла?

— Какой разговор...

Через секунду дверь распахнута и... заботливо прикрыта. Мы поднимаемся на второй этаж и находим дверь кабинета главы администрации.

Письменный стол, стол для совещаний и — о, счастье — в углу топится печь — капельница. В кабинете тепло и необыкновенно уютно. Мы рассаживаемся вокруг стола все, как были, в куртках и шарфах... Поверить в тепло никто уже не может.

Я нахально беру подшивку газет и расстилаю тонкий бумажный слой на полу под столом для совещаний. Мысль простая — под столом никто не наступит во сне. Укладываюсь на жесткое ложе, накрываюсь сверху курткой, а под голову вместо подушки — кофр с аппаратурой. Секунда — и проваливаюсь в теплую черноту...

Пробуждение было кошмарным. Открываю глаза в полумраке и вижу вокруг только ноги. Одни обуты в валенки с галошами, другие — в сапоги. Гулко звучит какой-то голос, который кого-то ругает по-азербайджански... Ноги вокруг меня образуют совершенно непреодолимую загородку. Светящийся циферблат часов показывает 10–34. Никак не пойму — утра или вечера?

Наконец потихоньку собираю в одну кучку все разбросанные мной ночью вещи и осторожно стучу по ближайшей ко мне коленке. Человек, которому она принадлежит, вскрикивает в испуге и вскакивает, образуя брешь в окружающем меня частоколе ног. Я выбираюсь из-под стола. В кабинете полным ходом идет совещание. Журналистов давно нет, а вокруг стола сидят военные и гражданские люди, которые одинаково изумленными глазами наблюдают за появлением на сцене нового действующего лица. Немая сцена...

— Извините! Я сейчас... — достаю из-под стола все свои вещи и потихонькудвигаюсь к выходу из кабинета. Хозяин кабинета Мансур Мамедов, обращаясь ко мне, что-то спрашивает по-азербайджански. Естественно, я его не понимаю и вежливо переспрашиваю:

— Если можно, все то же самое, только по-русски?

— Вы из той группы, что к нам ночью приехала...

— Конечно, — отвечаю я. — Как бы иначе я под ваш стол попал? Тут где-нибудь можно умыться?

— Вода есть только для питья...

Я беспрепятственно покидаю кабинет. Закрыв дверь, я слышу какие-то реплики и громовой хохот. В конце концов выхожу на за-снеженную площадь. Перед зданием администрации стоит огромная взбудораженная толпа... Мое появление встречается каким-то судорожным вздохом...

Подхожу к ближайшей елке и снегом, налипшим на ее ветвях, протираю лицо. Такое пусть примитивное умывание слегка бодрит, и я окончательно просыпаюсь...

Коллеги уже давно работают в толпе...

Пока мы спали, за эту ночь армяне все-таки взорвали две опоры линии электропередачи и водозаборную станцию... Город остался без воды и света...

Я покидаю площадь, на которой стоит толпа примерно в 3–4 тысячи человек, и решаю пройти по городу. Снег кончается, выглядывает позднее солнце, и улицы Шуши, припорошенные сверкающим покрывалом, приобретают неправдоподобно сияющий вид, но только если не замечать чернеющих кое-где развалин и людей, впряженных в санки с водой и дровами.

Вместе со мной идет и Тахмасиб. Напарник совсем не лишний, если учесть, что он отлично знает язык и имеет автомат. Мы направляемся к краю города, туда, где над долиной нависает старинная крепость.

— Стой! Кто идет? — в азербайджанском варианте звучит не менее грозно, тем более что требование подкреплено лязгом передернутого затвора. Тахмасиб мгновенно скатывается в какую-то ложбинку и начинает лихорадочно пристегивать к автомату рожок. Как всегда в подобных ситуациях, рожок пристегиваться никак не желает и, выскользнув из его рук, съезжает мне под ноги по скользкой тропинке. Я послушно поднимаю руки:

— Журналисты! — кричу как можно громче.

— А почему с автоматом? — резонный вопрос звучит из-за кучки заснеженных камней.

— Это сопровождающий из Народного фронта!

— Журналист, подходи медленно, а Народный фронт лежи где лежишь... Но не двигайся...

Меня вырывает висящая на груди камера с мощным телеобъективом, через который я намеревался поснимать долину... Так что моя принадлежность к журналистскому цеху не вызывает сомнений у двоих пацанов в маскировочных костюмах, сделанных из явно простынного материала. Кое-где на костюмах видны характерные

вышитые рюшечки. Мальчишки составляют первую цепь боевого охранения.

Они внимательно и придирчиво проверяют документы, потом кричат моему напарнику:

— Автомат оставь, а сам поднимайся и медленно иди к нам...

— Как это оставь!? — обижается Тахмасиб.

— Он что, правда из Народного фронта?

— Правда! — подтверждаю я. — Даже главный редактор газеты...

— Ладно! Иди с автоматом! Сейчас старшего позовем...

Один из мальчишек быстро растворяется в снежной пелене, а второй, забыв уже о своих функциях охранника и часового, с интересом рассматривает камеру. Мы ее включаем, наводим на разные объекты, и камера неизменно правильно наводит на фокус.

Приходит начальник караула:

— Зачем вы к нам пришли?

— Старинную крепость посмотреть... Где она?

— Да тут, перед вами...

Ночной снегопад выбелил старинные камни, и вся крепость, облепленная снегом, обледеневшая, словно замаскировалась под снежным саваном. Башни с узкими бойницами, древние стены. Они частично обрушились от времени, и современники продлили им жизнь обычным красным кирпичом.

— Осторожнее ходите, из долины стреляют снайперы...

Пригнувшись, мы совершаем короткий бросок и оказываемся под стенами крепости, которая не одно столетие служила защитой людям...

Выглянув в бойницу, я как на ладони вижу распластавшийся в долине Степанакерт... Вот это позиция! В мощный объектив видно, как по заснеженным улочкам города, точно так же, как и в Шуше, бредут люди с санками, на которых такие же бидоны с водой и вянзанки дров...

Нагорный Карабах.

КАК ХОРОШО БЫТЬ ГЕНЕРАЛОМ

Точка на карте определена, аккредитации получены, вроде и страховка в кармане. Правда, при взгляде на сумму, в которую Родина оценила твою единственную жизнь, хочется и плакать, и смеяться. Суммы страховки хватит разве только на гвозди, которыми, если что случится, будут приколачивать крышку твоего гроба. Но прочь черные мысли — мы идем на съемку.

Чтобы попасть в автобус с беженцами, которые возвращаются из Еревана в родные места — в Степанакерт, нужно сначала отыскать в Ереване комитет «Карабах», запастись информацией и пропуском. На другое утро необходимо суметь втиснуться в переполненный автобус, а там уже можно рассчитывать только на удачу.

Если простые граждане относятся к журналистам нормально и спустя короткое время готовы поделиться с тобой последним куском лепешки, то начальники относятся к снимающей братии с понятной настроенностью.

Чем армянские азербайджанцы отличаются от азербайджанских армян — я не могу понять и спустя годы. Народы веками жили рядом. На административной границе, на азербайджанские и армянские, деревни подразделялись чисто условно. По какому признаку произошел раскол, на бытовом уровне никто не знает.

Меня не интересовала политика до тех пор, пока она не начала мной интересоваться. Лично мне границы мешают. У меня полно друзей как среди армян, так и среди азербайджанцев. Если мы все встречаемся в Москве, никто и не вспоминает о национальности. Азербайджанцы с удовольствием пьют армянский коньяк, а армяне — закусывают азербайджанским виноградом.

Что до разной веры, прошу простить меня, атеиста, но из всего того, что мне рассказывали как священники, так и муллы, я выношу твердое убеждение, что между исламом и христианством гораздо больше сходства, чем различий. Естественно, я не беру в расчет фанатиков, как с той так и с другой стороны. Не понимаю, почему человек с четками, повторяющий суры Корана, должен убивать последователя Христовых заповедей?

Строго говоря, в целом любой народ гораздо терпимее к иноверцам, чем отдельные его представители. Следует добавить, что нетерпимость кончается в ту самую секунду, когда появляется перспектива получения прибыли...

Если уж на то пошло, то все эти административные границы, проведенные в свое время недогнувшей административной же рукой, заложили мину замедленного действия.

Конечно, в эпоху «советской империи» никому даже в горячечном бреде не могло привидеться, что в Закавказье возникнут два враждебных государства, что в центре Азербайджана возникнет воинственный кусок Армении, а потом и вовсе самопровозглашится Нагорно-Карабахская республика с претензией на статус «субъекта международного права». Что отделенная от Азербайджана Нахичеванская область тоже живет с непонятным статусом — то ли в самом деле область, то ли вконец обнищавшее «княжество Монако».

Почему в «школе выживания» оказалась политика? При всем нейтралитете, которого обязан придерживаться журналист, от политики уйти почти никогда не удастся. Это не значит, что, работая на одной из сторон конфликта, ты становишься на ее позицию. Твоя информация обязана носить нейтральный характер. Факты, ничего кроме фактов. Выводы пусть делают твои читатели или зрители.

Но, прежде чем ехать в «горячую точку», жизненно необходимо хотя бы на бытовом, «кухонном» уровне знать подлинную историю конфликта, по возможности из нейтральных источников. Конечно, на обеих сторонах тебя и снабдят литературой, и все расскажут, но тогда ты будешь знать только одно мнение и невольно спроецируешь его на свою работу...

...Все эти «автобусные» мысли заканчиваются в Горисе. Здесь начинается так называемый «лачинский коридор».

...Красная гостиница на горке снаружи выглядит лучше, чем изнутри. Сломанные кровати, отсутствие воды, загаженные до предела комнаты. И при всем этом бешеные цены. Для тех, кто платит.

Если денег нет, пускают переночевать и так. Постояльцы приносят с собой бутылки, наполненные водой из речки или далекой колонки. Шофер автобуса предупреждает, что стартуем в пять часов утра...

Ночевка в этой гостинице вспоминается как кошмарный сон. Утром, чуть рассветает, с большим облегчением покидаю жуткое пристанище и бегу к автобусу, умываясь на ходу из припасенной

бутылки. Автобус только подъехал, и пассажиры, в основном женщины с детьми, понемногу начинают собираться.

Из-за поворота выскакивает «Нива», раскрашенная зеленой «камуфляжной» краской. Следом в клубах пыли спешит открытый «уазик», заполненный бравыми вооруженными бородачами. Они выскакивают из машины и быстро блокируют пустую площадь, на которой стоит единственный автобус с беженцами.

Из «Нивы» неспешно выбирается небольшой круглый человек в генеральских погонах. Самое главное в его полуштатском — полувоенном одеянии — именно погоны. Кажется, даже если бы он вышел из машины совершенно голым, на это никто не обратил бы внимания, — так сияют на утреннем солнце эти замечательные, золотого шитья, генеральские погоны.

Покосившись на свои плечи, генерал смахивает с погон невидимые пылинки. В толпе беженцев раздается дружный тяжелый вздох — генерала они явно знают. Узнаю его и я. Несколько недель назад эта «Нива» и этот тогда еще совсем не генерал попадались мне на дороге из Шуши в Степанакерт.

Первая встреча не внушала оптимизма на будущее. Он видел, как я снимал мародеров... Надежда была только на то, что он забыл эти щекотливые обстоятельства.

...На волне эйфории от того, что армяне Нагорного Карабаха взяли Шушу — «неприступный» город на высокой горе, практически все население Степанакерта поголовно занялось грабежом. На семикилометровом участке дороги между городами Шуша и Степанакерт в кюветах валяются десятки холодильников и стиральных машин. Из Шуши один за другим идут грузовики, доверху заполненные нехитрым домашним скарбом.

Картина такого повального грабежа, в котором участвуют и дети, и старики, и отцы семейств, производит тягостное впечатление. Все участники действия прекрасно понимают, что занимаются непотребным делом, и либо очень болезненно и агрессивно реагируют на фотоаппараты и телекамеры, либо прячутся. Удовлетворения от съемки нет никакого. И вот — картинка: по дороге, которая в этом месте делает поворот, открывая горящий разграбленный город, на фоне колонны из четырех или пяти грузовиков, груженых домашним имуществом, дверями и рамами, идет семья — папа, мама и четверо детей.

Папа толкает большую тачку, загруженную какой-то одеждой. Поверх одежды боком лежит холодильник «Минск». Следом — ма-

ма катит детскую коляску. Коляска забита посудой — тарелками, кастрюлями. Такое впечатление, что тарелки собрали после пикника или обеда, а помыть не успели.

За мамой идет девочка лет тринадцати—пятнадцати, сгибаясь под двумя связанными за ручки вафельными полотенцами огромными чемоданами. Еще один такой чемодан у мальчика лет двенадцати. Он явно очень устал и тянет тяжелый чемодан волоком по пыльной дороге. Еще одна девочка лет десяти обхватила огромный узел штор и скатертей. Как она видит дорогу — совершенно непонятно.

Завершает процессию мальчонка лет четырех—пяти, который на ходу воюет с двумя трехметровыми алюминиевыми гардинами. Вероятно, в начале пути гардины были связаны вместе, но потом распались. Гардины то волокутся по земле, оставляя на пыли извилистый след, то перетягивают мальчишку вперед и не пускают, упираясь в землю. Снимая эту семью, я прохожу с ней почти километр.

Прошел бы, наверное, и дальше, если бы не зеленая «Нива». Собственно, увлекшись съемкой и разговором с главой семейства, «Ниву» я вижу, только когда она останавливается. Раздавшийся из машины начальственный рык приказывает прекратить съемку.

Смотрю на машину и, не увидев в ее обитателе ничего достойного внимания, кроме, пожалуй, руководящего баса, недвусмысленно машу рукой, посылая подальше и «Ниву», и ее пассажира.

Наши пути расходятся. Я направляюсь в Степанакерт, где работаю еще два дня. По ходу работы беру интервью у президента Нагорно—Карабахской республики Георгия Петросяна. По завершении интервью прошу у него выписать мне пропуск — разрешение на съемку на территории НКР.

На половине листа с эмблемой НКР президент Петросян собственной рукой пишет разрешение снимать без ограничений где угодно: на боевых позициях, на постах, в общем, я получаю так называемый пропуск—вездеход. Положив его в бумажник к остальным документам, через какое—то время просто забываю о нем...

...Встреча с владельцем зеленой «Нивы» в Горисе никак не стыкуется с моими планами. Кроме того, он окружен до зубов вооруженными фидайнами, готовыми открыть огонь по мановению его толстого пальца. Генерал равнодушно оглядывает толпу, и вдруг глаза его хищно загораются. Я вижу, что он не забыл ничего.

Рука его тянется к пистолету, а толпа, частью которой я был только что, расступившись, словно выталкивает меня, с ужасом глядя на этого генерала.

— Ваши документы? — подходит он ко мне.

— Пожалуйста! — достаю американскую карточку. — А вот пропуск комитета «Карабах»...

На американскую аккредитацию он смотрит с почтением. На этот момент прошли считанные недели после открытия в Ереване американского посольства...

Правую руку с пистолета он снимает. Это обнадеживает. Охрана тоже немножко расслабляется. Стоит передо мной, маленький и важный, перекатываясь с носков на пятки. На лице отражается мучительная умственная деятельность...

Говорит тихо, «со значением»:

— Увижу в Карабахе, лично пристрелю!

Поворачивается к охране: «Поехали!»

«Нива» и охрана скрываются в тучах пыли...

...«Лачинский коридор» назван по имени небольшого азербайджанского городка Лачин, расположенного на крутых склонах гор. После некоторого размышления, ехать ли в Нагорный Карабах после столь «многообещающего» начала, вдруг вспоминаю о пропуске-вездеходе, написанном президентом. Лихорадочные поиски — и я нахожу волшебную бумажку.

Выхожу из автобуса в Лачине. В доме на косогоре — какие-то военного вида люди. Время от времени откуда-то доносятся автоматные очереди. Позеленевший лицом от бессонной ночи, часовой невнимательно смотрит документы, пропускает на территорию бывшего Лачинского райкома КПСС.

Прямо под облезлым памятником Ленину набросаны матрасы в розовую полоску. Сидя на этих матрасах, чернобородые бойцы, работая сноровисто и точно, набивают патронами автоматные рожки. В волосах и бородах запуталась солома. На фотоаппарат и видеокамеру они демонстративно не обращают внимания, но поглядывают краем глаза, нравятся ли репортерам то, что они делают. Достаточно ли мужественный у них вид.

Десять часов утра. Я, если считать раннее пробуждение, в работе уже шесть часов. Не мешало бы пообедать. Запасы еды, сделанные еще в Москве, розданы детям беженцев и кончаются задолго до Гориса. Правда, с водой нет проблем, хрустальная речка бежит тут же под косогором.

Но удача от меня не отворачивается. Поднявшись на базу фидаинов, обнаруживаю заспанных коллег, фотографов Гену Хамель-

янина и Андрея Соловьева. После ночевки в каком-то стогу, они с ног до головы в клочьях соломы. Обоюдная радость неподдельна.

Когда встречаешь где-нибудь в «горячей точке» коллегу, по-является этакое двойственное чувство. На первом месте, конечно, радость. Вот он — чертушка, жив, здоров и весел. После первой радости встречи появляется что-то сродни ревности.

Если он попал раньше, то где побывал, что снял? Успел ли от-править в «контору» пленку?.. Конкуренция... Правда, дальше укулов смешной ревности дело не идет. Фотографы и телеоператоры «го-рячих точек», работающие на конкурирующие агентства, без коле-баний отдают своим соперникам отснятые пленки, чтобы скорей доставить их по назначению.

Работая в «Ассошиэйтед Пресс», я множество раз привозил в Москву пленки фотографов «Рейтер», «Сипа пресс», «ИТАР-ТАСС» и РИА «Новости». Наверное, руководители агентств знают это, но пресекать «порочную» практику не пытаются...

«Нет духа сильнее товарищества...»

...Андрей и Гена делятся со мной скудной едой. На завтрак у них, а для меня обед — самая «здоровая» в мире пицца, в тончайший лаваш завернута какая-то трава. Подозреваю, что это первая травка с ближайшего косогора, но меня уверяют, что это... тут произносятся какие-то армянские слова, и я начинаю верить в фантастически целебные свойства предложенной мне еды. Дру-гой-то все равно нет.

И тут у меня окончательно портится аппетит. Полусонный ча-совой резко просыпается, вытягивается в струнку и отдает честь, а во двор, громко и противно скрипя по камням, вкатывается... зеле-ная «Нива». Следом пылит машина все с той же охраной. Особого оживления в стане фидаинов не происходит. Золотые генеральские погоны на них не действуют, и они только обозначают приветствие, не отрываясь от скудной трапезы.

Генерал кривится и направляется ко мне, на ходу вытаскивая пистолет из кобуры. Пистолет за что-то там зацепляется и никак не хочет покидать уютную кобуру. Набрав в легкие побольше воз-духа, я чуть не бегу навстречу генералу. Не ровен час, стрельнет и не увидит президентской записки.

— Минуточку, минуточку, вам письмо...

— Ка-к-к-кое письмо? — Генерал даже заикается от моей наглости. — Я тебе что сказал? Лично расстреляю... Вот и пришло твое время...

— Что, и письмо от собственного президента не прочтете? Расстрелять — то никогда не поздно...

Аккуратно и бережно достаю пропуск. Мелькает предательски трусливая мыслишка: а вдруг президента переизбрали или генерал — в стане оппозиции. Но бумажка производит желаемый эффект. Генерал теряет дар речи. Он, словно рыба на берегу, молча открывает и закрывает рот. Я жду дальнейшую реакцию.

И тут происходит чудо мимики — генерал улыбается:

— Что ж вы раньше — то не сказали? — в голосе масло пополам с елеем. И куда девается руководящий рык? Оборачивается к помощнику: — Дальше ты поедешь с охраной, а журналист поедет со мной. Вам куда нужно?

— Вообще — то в Степанакерт...

— Садитесь, садитесь, довезем вас прямо до места. С удобствами...

Нагорный Карабах.

ТАКСИ НА ГЕТАШЕН

Уютный город Ереван освещен каким-то розовато-желтым светом. Солнце отражается в зданиях, сложенных из древнего камня, которому миллионы лет. Если приглядеться, то на срезах камня видны следы улиток, живших в незапамятные времена на дне моря. Своими домиками-ракушками они дали жизнь и кров людям.

Мне почему-то хочется думать, что любая жизнь не проходит бесследно. Что у каждого живого существа есть пусть не душа, а какая-то энергетическая субстанция, которая со смертью живого организма переходит в новое качество, сливается с себе подобными и образует над земной поверхностью защитный слой, прикрывающий жизнь на Земле от внешнего зла. Ученые ошибочно называют этот слой «озоновым»...

Так вот, сплошным этот слой бывает над странами и континентами, где жизнь спокойна и размеренна, над конфликтными точками слой истончается, жизнь, прерванная насильственно, не пополняет, а губит этот слой, и в нем образуются дыры, через которые в наш мир попадает вселенское зло...

Может быть, это покажется смешным, но такие мысли приходят мне в голову на улице Еревана, когда я ищу способ добраться в Нагорный Карабах. Стандартный способ — идти в комитет «Карабах», брать оттуда бумажку, потом с этой бумажкой на автобусе или попутной машине ехать в Степанакерт, отмечаться в местном КГБ, согласовывая с ними все свои действия и передвижения. В этом стандартном случае ты полностью лишен свободы маневра и зависишь от гостеприимства и доброй воли хозяев. Ехать на своей машине — чревато. Рискуешь остаться и без машины, и без головы.

Вообще я стараюсь, чтобы в такого рода командировках у меня не было ничего такого, что бы бросалось в глаза и вызывало желание завладеть этой вещью. Если одежда, то чистая, но ношенная, если обувь, то такая, которая продается везде, обычные китайские кроссовки. Если аппаратура, то вид у нее такой, что она вот-вот развалится. Даже карманный фонарик и тот с треснутым стеклом, заклеенным прозрачным скотчем.

Не факт, что вокруг тебя исключительно бескорыстные борцы «за идею» или «за свободу». Абсолютное большинство воюющих,

иногда даже сами того не сознавая, борются за определенные материальные и моральные выгоды. Самая опасная категория этих «борцов» та, что взяла в руки оружие ради возможности безнаказанно грабить и убивать: «Война все спешет!» Убийство — ради самого убийства... Я видел людей, получающих удовольствие от вида беспомощной жертвы, от сознания своей власти над ней, от сознания того, что его действия отнимают жизнь. В эти моменты он в собственных глазах уподобляется Богу...

Война страшна не только и не столько жертвами и разрушениями, которые она несет. Она страшна еще и разложением, которое она оставляет в наследство живущим. Общеизвестно, что после войны отмечается резкий рост преступности в воюющих сторонах, резкое падение нравственности всех без исключения слоев населения. Поколение, которое вырастает в лихие годы, — потерянное поколение. Оно научилось убивать, но никто — ни семья, ни окружение не учили его создавать, трудно и тяжело работать. И с окончанием боевых действий его личная война продолжается. Он делает то, чему его учили, что он умеет лучше всего...

...Командировочных денег, которые дает редакция, как правило, всегда не хватает, сколько бы она ни давала. Раньше, как теперь иногда говорят, «при коммунистах», командировочные рассчитывали 1 рубль 30 копеек в сутки, если ты ехал в сельскую местность, и 2 рубля 60 копеек, если в город. Это были «суточные». Потом — «квартирные» 50 копеек и 1 рубль 30 копеек ты имел право потратить на гостиницу, а стоимость билета возмещали исходя из фактических затрат. Эти нормы не пересматривались десятилетиями. Естественно, рассчитывали эти нормы люди, которые никогда не ездили в командировки...

Тем не менее при тогдашних журналистских «заработках» командировочные были существенным подспорьем. Тем более, что партийную прессу на местах всегда встречали и провожали «по высшему разряду».

Это касалось отечественной прессы.

Сейчас же я ехал по заданию американской телекомпании CNN, и «командировочных» дали столько, сколько попросил. Идея была проста, как три копейки. Нужно было проехать Лачинским коридором в Нагорный Карабах и снять, как теперь живут люди и что такое вообще «Лачинский коридор».

Для начала — краткая историко-географическая справка: Нагорный Карабах — это бывшая Нагорно-Карабахская автономная область на территории Азербайджана. Она занимает около

4 тысяч квадратных километров и населена преимущественно армянами, числом около 150 тысяч человек. Население Азербайджана — 7 миллионов человек, которые проживают на площади 82 тысячи квадратных километров (без Нагорного Карабаха). В Армении около 3 миллионов человек живут на территории площадью 29 тысяч квадратных километров. Второе, неофициальное название Армении — Айстан, «Страна камней». Оно оправдывается полностью: в республике нет топлива — ни нефти, ни газа, ни угля. Практически нет свободной земли и минеральных ресурсов для ведения сельского хозяйства. Страна живет в постоянной блокаде...

Схожее положение и у Нахичеванской области Азербайджана, которая отделена от «метрополии» десятками километров армянской территории. Но Нахичеванская область не полностью окружена Арменией, а на юге граничит с Ираном и немного с Турцией. Поэтому географически ее блокировать невозможно, тогда как Нагорный Карабах оказался в полной блокаде. Но армяне мириться с блокадой не стали и пробрили так называемый «Лачинский коридор», захватив изрядный кусок территории Азербайджана.

В этой войне и армяне, и азербайджанцы имеют множество «неоспоримых свидетельств» своей правоты. Это и ссылки на древнюю и новейшую историю, и свидетельства многочисленных «очевидцев».

... Такси в Ереване — это отдельная песня. Водители разномастных машин разной степени изношенности предлагают отвезти тебя туда, куда тебе нужно, за весьма умеренную плату. Но, узнав, что мне нужно в Нагорный Карабах, присвистывают и отказываются. Наконец находится таксист, невысокий мужичок, с неизменной улыбкой на круглом лице, по имени — что «удивительно» в Армении — Армен.

— Нужно взять побольше горючего — там заправляются негде. Мы куда поедем? В Степанакерт?

— По всему Карабаху. Но сначала в Степанакерт...

— Нет проблем. Поехали. Машина новая, две недели как получил...

— Договорились. Сейчас в гостиницу за вещами — и двинули...

— Вы идите в гостиницу, а я сейчас поеду за горючим. Возьму с запасом...

Через час заправленная «под завязку» и загруженная канистрами желтая машина с шашечками стоит под окном гостиницы. Я торжественно вручаю Армену американскую белую бейсболку с

огромными красными буквами — CNN... Он тут же снимает с головы свою неизменную кепку — аэродром и гордо надевает символ принадлежности к международному журналистскому сообществу. (Все пять дней командировки он эту бейсболку так и не снимал, по моему, даже спал в ней.)

Мы едем в комитет «Карабах» для получения пропуска и аккредитации. Познакомиться с «комитетчиками» нам не удастся — комитет закрыт. Стоим почти час возле двери с карабахским гербом, на котором гордый орел с короной распластывает крылья. Но на кончиках крыльев я замечаю какие-то наросты, очень напоминающие винтовочную или автоматную мушку.

Не дождавшись хозяев, мы покидаем теплый уютный город и устремляемся в неизвестность.

Спустя пять часов непрерывной езды живописная дорога приводит нас в бывший азербайджанский городок Лачин. Словно сочувствуя нам, солнце заходит за облачко, и в ущелье мгновенно становится сыро, холодно и неудобно. Ветер свистит в пустых глазницах окон и дверных проемах, закручивает вокруг придорожного столба оборванные провода. Безлюдье и запах гари. Этот запах въедается в нас и провожает по всей многокилометровой длине Лачинского коридора. На склонах гор уже начинают обрушиваться террасы, на которых вместо виноградных лоз растет бурьян. Невозможно возделанные поколениями тружеников клочки полей приходят в запустение. Для этих террас плодородную землю носили корзинами на собственных плечах отцы и деды тех, кто теперь изгнан со своей земли.

Не важно, какому богу молились эти люди. Их мир был в этой долине. Они не строили глобальных планов передела мира или переноса границ. Те, кто вынашивал эти планы, по-прежнему сидят в кабинетах с кондиционерами и отправляют своих детей на отдых и на учебу подальше от войны и неустройства. Развалины Лачина служат сейчас пристанищем только бездомным собакам, которые не захотели уйти с родного пепелища.

Провожаемые заунывным свистом ветра, мы проезжаем весь городок и только на подъеме, на выходе из города встречаем первых людей. Молодые, хорошо вооруженные ребята, почти мальчишки, несут здесь караульную службу.

Они старательно проверяют все документы, долго спрашивают о цели приезда, а потом, убедившись, что имеют дело не с азербайджанским или турецким шпионом, с удовольствием фотографируются, облепив старенькую боевую машину пехоты. Потом

приглашают нас к столу. Пытаюсь навести их на разговор о будущем этого края. Но далеко они не заглядывают, связывая свою судьбу с судьбой своей маленькой республики. Действительно, по московским меркам, 150 тысяч — это население всего одного не-большого «спального» района Москвы. Но тут другие критерии... Республика имеет свой Верховный Совет, свою очень боеспособную и закаленную в боях армию, своего президента и претендует на статус субъекта международного права.

Когда-то целью армян Нагорного Карабаха было соединиться с метрополией, стать частью не мусульманского Азербайджана, а христианской Армении. С этого начинается вооруженная борьба. Но по ходу этой, казалось бы, безнадежной войны приоритеты меняются, и республика, живущая по законам военного коммунизма, хочет иметь свой голос в хоре мирового сообщества.

Эти мальчишки с оружием — будущее республики, которое она бросила в горнило войны. Самые лучшие и самые смелые погибнут... Но сейчас, наполненные жизнью, они себе кажутся бессмертными.

Вкуснейший лаваш и жиденский, но очень острый и пряный супчик — меню на сегодня. Большие алюминиевые миски заполняются так, что слой супа едва прикрывает доньшко, но зато горячих, ароматных лепешек — от пуза.

Мы проводим с ребятами на посту чуть больше часа, но расставаться уже жаль. Ради таких теплых, душевных встреч стоит заниматься журналистикой. Сейчас, вспоминая этих ребят, я просматриваю видеокadres. Большая часть этих мальчишек погибает в бессмысленной, но кровопролитной войне.

Конечно, есть повод упрекнуть автора в пацифизме. Идет война, народно-освободительная. Идет противостояние двух миров и двух религий — ислама и христианства... Можно сказать, маленькая республика принимает на себя первый удар панисламизма.

Но автор упреков не принимает. Есть страны, целые континенты, в которых мирно уживаются люди не одной, не двух — десятка религий и вер. Но законы там таковы, что представителю ни одной религии даже в голову не придет навязывать свою веру соседу или претендовать на его территорию. Видя такой образец существования, хочется, чтобы и под нашим небом мусульманин спокойно читал Коран, а христианин — Библию, а работать они могли бы вместе. И не важно, какие это будут дела: выращивание винограда на склонах гор или строительство космических ракет...

Еще несколько поворотов на головокружительном горном «серпантине», и мы въезжаем в легендарный город Шуша. Здесь почему — то название города произносят как «Шуши». Город памятник, город — музей под открытым небом производит тягостное впечатление. Большая часть домов разрушена и разорена. Из квартир вынесено все: проводка, электророзетки, вырваны даже рамы и дверные коробки. В некоторых домах живут люди, и на улицах встречаются редкие прохожие. Они изумленным взглядом провожают кокетливо — желтую «Волгу» с шашечками по борту. Что — что, а такси они видели в последний раз очень давно, в своей прошлой, довоенной жизни.

Начинает смеркаться, и мы вынуждены покинуть Шушу, чтобы до конца рабочего дня успеть отметиться в администрации Нагорно — Карабахской республики. Сотрудники местного УНБ (Управления национальной безопасности) — ребята строгие, шутить не любят и шуток не понимают. Для них существует только один вопрос: жить или не жить. И вероятность нарваться на пулю ночью для нас многократно возрастает.

Ехать в Карабах на «частнике» было бы проще и, пожалуй, не — много дешевле. Но приехать на войну на «такси», чисто гражданской машине с шашечками, — в этом было что — то... Расчет оправдывается. Мне очень помогает фактор неожиданности и нежданности появления такой машины на фронте.

К зданию администрации мы подъезжаем уже в полной темноте. Когда машина притормаживает у парадного входа, из — за дверей выглядывает совершенно обалдевший сторож в милицейской форме.

— Вы кто? Откуда?

— Вообще — то из Москвы...

— Что, из Москвы? На такси?

Армен хохочет:

— Да нет, на такси мы едем из Еревана...

— Из самого Еревана? — продолжает изумляться милиционер. Подходит к машине и с какой — то нежностью проводит ладонью по капоту и крыше. — Ну, вы даете, ребята!!!

— Ты нам лучше подскажи, куда нам сейчас ехать, чтобы от — метить прибытие в Нагорный Карабах?

— А — а! Это рядом, на соседней улице... Там такое серое здание... Это и есть УНБ...

Управление национальной безопасности формально должно быть подчинено МНБ Азербайджана, но на самом деле не подчиняется никому, кроме своего, карабахского президента. Здесь раз —

рабатываются планы, производятся аресты, здесь свой изолятор временного содержания, который наводит ужас на всех азербайджанцев. Время уже близко к полуночи, когда я стучусь к ним в дверь. Никакой охраны не обнаруживается, и я прохожу прямо в длинный полутемный коридор, который освещается только из открытых дверей кабинетов. Пройдя несколько пустых кабинетов с разбросанными на столах какими-то бумагами, картами, прохожу в самый конец коридора. Из кабинета доносятся голоса. Поскольку дверь нараспашку, вежливо стучу по косяку.

— Кто там? — почему-то по-русски. — Заходи! Открыто!

Внял приглашению, захожу. Два стола в тесном кабинете поставлены в форме буквы «Т». Над картами склонились молодые военачальники. Увидев незнакомое лицо, удивляются:

— Вы как сюда попали?

— Так открыто же...

— А где охрана?

— Не было никакой охраны. Я постучал, дверь открылась, я и прошел. Вот, кстати, вам подарок от Московского бюро телеком-пании CNN. Полный набор оттеночных и рисовальных фломастеров для того, чтобы планы красивые разрабатывали...

Кладу на стол яркие коробки. Из сумки достаю бейсболки, значки и авторучки с логотипами компании.

— Вот это подход! — восхищается старший из командиров. Поскольку знаков различия никто не имеет, я ориентируюсь только на возраст. — Пришел бы без подарков, сразу в изолятор, а так, ну как его посадишь?.. — Шутка, конечно, на грани «фола», но я, как могу, поддерживаю общее веселье.

— Извините, если что не так! — На всякий случай даю задний ход. С прежним президентом НКР мы были в достаточно коротких, дружеских отношениях. С новым руководством познакомиться еще не успел.

Старший переворачивает карту, и получается импровизированная скатерть.

— Чайку?

— С удовольствием, но я вам не помешаю?

— Мы все практически закончили. Какие проблемы?

— Для начала отметить прибытие на вашу территорию...

— Отлично. Считаем, что отметились. Что еще?

Набираюсь нахальства:

— Хотел бы побывать в одном из действующих подразделений.

— Тоже нет проблем. Вазген, захватишь завтра корреспондента с собой!

Небольшого роста, лысоватый военный кивает:

— Есть. Возьму... А что снимать хотите?

Такое в моей практике встретишь не часто. Мало того, что в течение двух минут решил все проблемы, так еще меня спрашивают, что бы я хотел снимать.

— Обычную жизнь подразделения... По возможности, никаких специальных постановок. Обед так обед, бой так бой... Что будет, то и сниму...

— Вы что, сговорились? Чешская журналистка приехала, армянский режиссер, вы, и все одинаковыми словами говорите... — чешет затылок командир. — В общем, вы по адресу попали, завтра с пяти утра едем в Геташен. У вас транспорт есть?

— Есть... — киваю на окно.

— Вот это да! — выглянув в окно и увидев машину, восхищенно цокают языками. — Такси? Настоящее?

— На нем и поеду...

— Ну, это вряд ли... Такси мы на фронт не пустим, а то вы нам противника перепугаете... Машина с водителем останутся в Геташене. Вы — один?

— Конечно...

— Что-то обеднела ваша компания? Все телевизионщики «пачками» ездят, по три-четыре человека...

— Это не от бедности, а для удобства. Один человек всегда пройдет туда, куда группу могут не пустить. Да и отвечать за людей мне не хочется... Нет, одному лучше...

— Как знаете... — пожимает плечами Вазген. — Документики, на всякий случай, покажите?

— Да ладно тебе, — говорит «старший», — я его знаю. Он у нас не первый раз... Наши ребята его даже один раз в плен брали...

— В плен? И жив остался?

— Как видишь... — смеется «старший».

Я чувствую себя крайне неловко. Так всегда себя чувствует человек, когда на свет Божий вытаскивается то, что он старатель — но скрывал все годы...

— Расскажи? — просит Вазген.

— Расскажу когда-нибудь... Потом... — машу я рукой. Пригля — дываюсь к «старшему»:

— Петька? Осипьян?

— Ну да! — подтверждает он. — Здорово, дружище! Тебя и не узнать. Сколько времени прошло?

— Да вроде немного. Четыре года всего...

— Значит, ты по-прежнему на американцев работаешь?

— А зачем менять? Эфир границ не имеет... И национальности, кстати, тоже...

— Это верно. Видел я твой репортаж тогда. Но почему-то в российских новостях. И имя автора не назвали...

— То, что имя автора не назвали, — это по моей просьбе. А что с теми азербайджанцами случилось?

— Отпустили их — тоже по твоей просьбе... На канистру бензина выменяли... А ты расскажи, как было дело? Тогда-то ты сразу улетел, и поговорить не успели...

...В памяти — зимний Агдам, который непрерывно обстреливается ракетами «Град». Большая часть ракет попадает в обычные, ничем не примечательные жилые дома. Состояние жителей — на грани паники. Легко ли жить под постоянным обстрелом, когда никто, даже стреляющие, не знают, куда полетит и где взорвется очередная ракета. Установка «залпового» огня как бы пристреливается к городу, выпуская одиночные ракеты.

Они взрываются с противным крякающим хлопком. Я никак не могу определить место очередного взрыва, и это крайне раздра-

жает. Потому что следующий взрыв может «крякнуть» на том месте, где ты сейчас стоишь.

Народный фронт Азербайджана отряжает разведывательно-диверсионную группу, которой поручено выяснить, где находится эта установка, и, по возможности, уничтожить ее. Я увязываюсь с этой группой, не собираясь, конечно, участвовать в разведке и тем более в уничтожении. Моя цель проста — подобраться как можно ближе к «линии фронта» и снять людей, которые на ней находятся.

Позже выясняется, что нет ни линии, ни фронта. И людей «на фронте» — тоже нет. Мы гуськом пробираемся между желтыми холмами, покрытыми жухлой травой, которая хрустко ломается под ногами. Впереди — проводник, житель города Аскеран, который уверяет, что отлично знает эти места.

Проходит час за часом, но мы по-прежнему блуждаем среди одинаковых холмов. Низкие плотные облака даже не намекают, где располагается солнце. Единственная наша надежда — знание местности проводником. Судя по времени, мы уже давно прошли то расстояние, которое планировали, но к цели разведки не приблизились... Установка замолкает надолго, лишая нас даже звукового ориентира. Мы по-прежнему идем в никуда.

Долина между холмами сужается, склоны становятся круче. На них без снаряжения не подняться. Судя по растерянному лицу проводника, дорогу он теряет, но признаться в этом боится или не хочет.

Внезапно по долине разносится громовой бас:

— Всем стоять! Руки вверх! Оружие на землю... — бас гремит на языке межнационального общения — по-русски. Группа останавливается. Все, в том числе и проводник, поднимают руки.

Я на всякий случай поднимаю тоже.

— А это еще что за птица? Ты, с краю, подойди поближе... Что на тебе висит? Оружие?

— Нет, — кричу я в неизвестность. — Это аппаратура, я — журналист...

Голос, усиленный мегафоном, доносится как будто со всех сторон.

— Журналист! — снова гремит голос. — Медленно иди вперед по ущелью. Остальным стоять на месте. Вы у нас на прицеле!

Я медленно плетусь туда, куда мы и шли. Совсем близко, буквально за ближним холмом, грохочет залп «Града». Цель нашего путешествия оказывается рядом с нами, в соседней долине, но мы ее уже проходим и оказываемся в расположении армии Нагорного Карабаха. Свернув по долине вправо, как мне командует невидимый

обладатель мощного баса, я оказываюсь на краю траншеи. Со склона спускается бородатый фидаин. Еще несколько человек, от которых видны только макушки в коричневых вязаных шапочках, старательно целятся в мою сторону. Видны автоматные стволы и, почему-то, внимательно прищуренные глаза.

— Шпион!? — то ли спрашивает, то ли утверждает фидаин.

— Нет, не шпион, журналист! — настаиваю я. — А вот и документы...

— Руки! — страшным голосом рычит он. — Руки не опускай — шлепнут сейчас!

— Сам тогда возьми во внутреннем кармане...

Он подробно обыскивает меня, проверяя, нет ли оружия в карманах, в рукавах и штанинах. Ничего не обнаружив, говорит:

— Теперь медленно подай мне сумку и аппаратуру. Нет, лучше поставь на землю и отойди в сторону...

Подчиняюсь, но в груди нарастает холодный комочек. Он прикасается к сердцу, которое болезненно сжимается, мешая дышать. Несмотря на холод, на лбу выступает пот. Он ледяными струйками появляется из-под шапки и стекает за воротник...

Проверив сумку и подивившись на незнакомую аппаратуру, фидаин теряет ко мне интерес:

— Поднимайся наверх, там тебя встретят...

— А снимать вас можно?

— Снимать? — он даже приостанавливается от неожиданности. — А зачем тебе снимать? Мы тебя все равно расстреляем...

Он произносит эти страшные для меня слова как-то скучно и обыденно. Я начинаю верить, что этот меня точно расстреляет и рука у него не дрогнет. Но пока я жив, нужно что-то говорить.

— Расстрелять всегда успеете. Ты же даже документы не посмотрел... — возмущенно говорю я.

— Зачем документы? Ты пришел с азербайджанской разведкой... А документы я тебе сам, какие хочешь, выпишу...

— Заберите его! — кричит он по-русски и что-то добавляет по-армянски... — Я к воякам пошел. Прикройте!

Один из фидаинов, совсем мальчишка, выходит из окопа и направляется ко мне. Я быстро иду ему навстречу и протягиваю руку:

— Привет! Корреспондент Юрий Романов. Всемирные телевизионные новости...

Он машинально подает мне руку, и мы обмениваемся рукопожатием. Мальчишка теряется и, оглядываясь на окоп, откуда его

товарищи видят, что он «ручкается» с противником, передергивает затвор автомата:

— Иди вправо и вверх... Там — блиндаж...

Первый бородач окликает моего конвоира, и тот, указав рукой направление, кууда мне надлежит идти, бежит к командиру. На какое-то время я остаюсь без присмотра и, конечно, не иду ни в какой блиндаж.

Сначала присаживаюсь на дно окопа и начинаю копаться в сумке, открывать камеру, менять пленку, протирать оптику. Некоторое время обитатели окопа следят за моими действиями, но, видя, что им ничто не угрожает, отворачиваются и начинают следить за происходящим в ущелье.

Фидаины тщательно обыскивают задержанных азербайджанцев и набирают целый арсенал разного оружия, патронов и гранат. Тем временем я встаю рядом с бойцами и выставляю над бруствером вместо автомата маленькую видеокамеру. Она работает бесшумно, и я снимаю все, что происходит в узкой лощине.

Выпотрошив им карманы, фидаины отводят пленных к противоположному от нас краю ущелья. Намерения недвусмысленные, они собираются их расстрелять. Набрав побольше воздуха, я кричу:

— Не-е-е-ет! Не нужно!!!

Бородач оборачивается:

— А-а! Про тебя-то я и забыл совсем. Иди-ка сюда!

— Иди ты, поговорить нужно...

Память услужливо включается. У меня перед глазами словно появляется листок из блокнота с записями, сделанными в прошлый приезд. Я был на армянской стороне и познакомился со многими командирами...

— Ара Абрамян знает, что я здесь! — кричу я в отчаянии.

Бородач останавливается:

— Абрамян, говоришь? — Имя министра национальной безопасности Армении производит магическое действие. Экзекуция откладывается...

Он в сомнении стоит посреди ущелья. Перед ним — семеро простившихся уже с жизнью противников и один — крикливый и нахальный, то ли противник, то ли друг, среди его бойцов с включенной видеокамерой. Наконец решается:

— Всех пленных — в сарай, под замок. А с этим будем разбираться...

Все так же, цепочкой, мы идем на окраину Аскерана. В одном из домов — штаб. Во дворе — крепкий сарай с двумя загонами и

сеновалом. В одну дверь вводят всех пленных азербайджанцев, за другой — запирают меня. Аппаратуру, кофр, все содержимое карманов уносят в штаб...

Плотная дверь пропускает в щели мало света, и я сижу в темном сарае, где вкусно и терпко пахнет сеном. В дальнем углу слышится шумное дыхание и стукотом мрака ворочается корова, позвякивая колокольчиком. Помещение, в котором меня запирают, нечто вроде преддверия хлева. Относительно чистый пол, засыпанный соломой. Я обхожу свою темницу, чтобы хоть как-то сориентироваться. Справа от входной двери нащупываю ступеньки лестницы, ведущей на сеновал. Присаживаюсь на них ненадолго, чтобы обмозговать ситуацию и наметить линию поведения.

От очевидного не отопрешься. Действительно, я пришел сюда с разведгруппой, с диверсантами, можно сказать.

«Ну и что? — возражаю сам себе. — Это моя работа — пока-зывать обе стороны в действии...»

В конце концов решаю ничего не врать. Если не знаешь, что говорить, говори правду! Ну, может быть, чуточку подкорректированную. Естественно, задачи группы мне неизвестны, на том стоять буду до посинения... Решив для себя все проблемы, забираюсь по лестнице на сеновал и устраиваю себе «окоп» в душистом сене. Через несколько мгновений усталость берет свое, и я засыпаю.

Просыпаюсь от жуткого грохота и крика:

— Куда он девался? Сбежал?

— Никуда я не сбежал. Здесь я... — подаю голос из своего укрытия. — Наверху, на сеновале...

— А ну, вниз, быстро!

В темном прямоугольнике двери толпится вооруженный народ. Бородач, пленивший меня, облегченно вздыхает.

— Тут люди из МНБ тебя ждут, а мы тебя найти не можем... — ворчит он мне в спину, пока я осторожно спускаюсь по крутой лестнице. Изумленно смотрит на меня:

— Ты что, спал?

— Спал, конечно!

— Вот это нервы!

— А при чем здесь нервы? Устал очень... — бормочу я, снимая с себя сено и пытаюсь, наконец, проснуться. — Слушай, а сколько времени? Часы — то вы у меня забрали...

— Скоро семь вечера.

— Ничего себе, я уже четыре часа в плену...

В дверях возникает еще одна фигура.

— Ну, где ваш пленный? — слышу я знакомый голос.
— Петька! Ты, что ли? — неуверенно вглядываюсь в темноту.
— Привет! Конечно, я... — весело откликается фигура и хлопает меня по плечу.

Осипьян, бывший школьный учитель, преподавал ребятам историю. В годы войны стал отличным командиром. Возглавляет «направление». Что это такое, я не очень понимаю, но шишка большая.

Он приобнимает меня за плечи и ведет к штабу:

— Давно ел?

— Вообще — то давненько...

— Наслышан о твоих приключениях... Пошли обедать, за столом расскажешь...

— Рассказывать ничего не буду... — говорю я. — Ты меня знаешь...

Бородач изумленно прислушивается к разговору. Встревает:

— Командир! Дайте мне его ненадолго, запоет, как соловей...

Осипьян хмурится:

— Забудь. Я его знаю не первый день... У него другая работа. А разведка, между прочим, твое дело!

— Мы же их задержали... — возмущенно откликается бородач. — И вон какую «птицу» изловили...

— Это неизвестно, кто кого «изловил», вы его или он — вас? Ты снял, как они работают? — обращается он ко мне.

— Естественно. Мастерство не пропьешь...

— Вот видишь. Оказывается, это ему и надо было. Снял, как армянская контрразведка арестовывает разведку противника... Так что взял он вас. Голыми руками...

Бородач хмурится и обиженно сопит:

— Знал бы я, что он нас снимает, я бы его там и оставил...

— А вот это — неправильно. Сколько раз вам говорить — журналистов не трогать?

— Что у него, на лбу написано?

— Ты же его обыскал. Оружия нет, документы — на месте...

— Что я, читал эти документы? Потом бы вместе и почитали...

Меня, честно говоря, даже холодный пот опять прошибает.

— «Потом» — это когда? После расстрела?

— Конечно... — кивает бородач. — А кто у нас хорошо читает? Командиры только, а мы — то — воюем. Который год...

За годы войны сменились поколения воюющих. Сейчас за автоматы взялись те, кто никогда не сидел за партией, зато знает в

совершенстве виды оружия и разобрать — собрать автомат может с закрытыми глазами. Все, что происходит в мире, для такого война — дремучий лес. Как ему объяснить, что есть международные акты, защищающие права человека, что журналист — лицо неприкосновенное, что материнство и детство даже в боевых условиях защищается всеми конфликтующими сторонами. У него главное правило: «Убей — или сам будешь убит!»

Осипьян смеется:

— Видишь, у нас ребята простые. А с твоими провожатыми что делать?

— Отпустить, конечно... Мне же потом придется туда приезжать. Меня и спросить могут! Там тоже ребята «простые»...

— Хорошо! — говорит Петр после некоторого раздумья. — Мы их обменяем на что —нибудь или на кого —нибудь. Если так отпустим, нас поймут неправильно...

— Хорошо хоть живыми останутся...

— Ну, это пусть они тебя благодарят. А то мои ребята их там бы и кончили...

— Действительно, нравы у вас тут...

— Законы военного времени — в действии... — пожимает плечами Петр и направляется в дом. — Пошли, перекусим чем бог послал...

Обнимая ладонями обжигающую кружку с крепчайшим чаем, я наслаждаюсь теплом и немудреным уютом.

Осипьян спрашивает:

— Ты куда сейчас пойдешь?

— Если не возражаешь, никуда. Здесь переночую...

— Это — само собой, а завтра? Тебя обратно отправить?

— Отсюда куда ближе — до Баку или до Еревана?

— По расстоянию — до Баку... «По уму» — до Еревана.

— В принципе, мне нужно в Москву...

— Тогда что думать? Утренним рейсом тебя и отправим из Еревана. Без проблем...

Осипьян облегченно вздыхает:

— Правильное решение. А то я сейчас пытался продумать, как тебя обратно в Агдам доставить. А раз не нужно туда — проблем меньше... Кстати, на том столе все твои вещи и документы лежат, не забудь их...

— Издеваешься?

— Да нет, просто шучу... Иди, ложись спать. Поздно уже. У меня сейчас совещание, а утром увидимся...

Утром увидеться нам не удастся. Осипьяна вызывает какое-то начальство, а бородатый контрразведчик сам отправляет меня на рассвете в Ереван, откуда я благополучно возвращаюсь в Москву.

И вот новая встреча через четыре года...

— У тебя опять совещание? Это твое нормальное состояние — совещаться по ночам?

— А что делать? Суток не хватает... Ну, мы все закончили? По местам... Вазген! За моего друга отвечаешь головой...

— Чьей?

— Ну и шуточки тут у вас, — говорю я, поднимаясь со стула.

Все хохочут. Юмор, конечно, черноватый, в свете того, что я когда-то видел в агдамской мечети, но какой уж есть. Решаю не обижаться и смеюсь вместе со всеми...

Вообще, в «горячих точках» иногда спасти рассудок может только чувство юмора. Но и юмор здесь бывает, мягко говоря, своеобразный. Могут, например, сказать, что сейчас тебя расстреляют, а потом, увидев реакцию, хлопнуть по плечу и сказать, что это была шутка. Юмор такой. И над этим полагается смеяться... И если ты не готов смеяться подобным шуткам и прежде всего над собой, в «точках» тебе делать нечего...

... Утро выдается солнечное и теплое. На небе ни облачка. Мы с Вазгеном на такси отправляемся в Геташен, где стоит его танковый полк. По воинской иерархии Вазген оказывается полковником, но ходит в синей футболке с короткими рукавами и офицерских бриджах. На ногах — обычные кроссовки. Где-то далеко позади пылит его служебный «УАЗ». Он перед стартом инструктирует водителя и отправляет его в какой-то другой населенный пункт, с приказом.

Нагорный Карабах — маленькая страна. В любую точку республики можно доехать за час-полтора, поэтому мы прибываем в Геташен за час езды. Армен сразу же отправляется к водителям и заму командира полка по хозяйственной части. Он пользуется нашим коротким знакомством с начальством и быстро договаривается о том, чтобы ему заправили машину. Мы с полковником направляемся на машинный двор, где полным ходом идут ремонтные работы.

— Вот, пригнали... — вытягивается перед Вазгеном полный, круглый, как шар, начальник мастерских. Раньше здесь ремонтировали сельхозтехнику, тракторы, а сейчас двор забит танками и бронетранспортерами. Немного в стороне стоит подъемный авто-

кран. Его стрела привязана к транспортировочным крюкам разорванным на полосы флагом Азербайджана.

— Это откуда?

— Наши разведчики из-под Агдама пригнали...— гордо рапортует толстяк.

— Отлично. С техникой у нас не очень... Отправь его в Степанакерт. А на тех, кто пригнал, напиши «представление» к награде. Я подпишу... Что из техники готово к выступлению?

— Все готово. Сейчас двигатели погоняем немного — и вперед...

Наклонившись к уху толстяка, Вазген шепчет громко:

— Завтра с утра — выступаем... В «санитарную» зону...

— Здорово... Я с «техникой» в сопровождении буду.

— Хорошо, — кивает полковник и поворачивается ко мне: — У вас полдня свободных сегодня, а завтра, как обычно, в пять часов утра выступаем в «санитарную» зону.

Киваю с умным видом. Что такое «санитарная» зона, мне известно по Чернобылю. Какое отношение имеет это словосочетание применительно к Нагорному Карабаху? Решаю все это выяснить по ходу дела.

Не нужно спешить с расспросами. Решать проблемы лучше по мере их возникновения. Но, вот как сейчас, сделал себе мысленную пометочку «Узнать подробности!» — и жди терпеливо удобного момента. Твои расспросы наведут на подозрения, что ты либо дурак, либо шпион... А это — чревато...

Утро наступает, как по заказу, чистое и безоблачное. После ночевки на заднем сиденье моего такси ноги никак не хотят выпрямляться. Заочевенвшие от ночного холода суставы, кажется, скрипят. Невдалеке от мастерских протекает чистый горный ручеек. Нагнувшись над ним, умываюсь, чищу зубы и бреюсь. Пена никак не хочет мылиться в ледяной воде, и бритва скрипит протестующе, не желая брить такую жесткую щетину.

Продельвая санитарно-гигиенические мероприятия, думаю о значении словосочетания «санитарная зона». Предположения лезут в голову всякие, а когда подходит Вазген, все разрешается довольно просто:

— Нагорный Карабах за здоровье своих людей борется. А пока азербайджанцы могли обстреливать «Лачинский коридор», по нему ездить было вредно для здоровья... Могли убить. Сейчас делаем «санитарную зону», где не будет азербайджанцев...

— На какое расстояние?

— На такое, чтобы ни из какого вида оружия ни пуля, ни снаряд, ни мина не долетели...

— Тогда это километров на 40–50 в сторону...

— Это — как получится... — ухмыляется Вазген. — Ты готов?

— Готов...

— Тогда слушай команду. С нашей колонной идет машина Карена Геворкяна, армянского режиссера. Если хочешь, можешь ехать с ним... Есть машина Петры — чешской операторши. У них группа на «Жигуле». Но там мало места... Выбирай...

Мы выходим за ворота мастерских. Улицы Геташена, небольшого армянского городка у подножия гор, забиты всевозможной военной техникой. Танки, бронетранспортеры, даже зенитная установка «Шилка», образуют внушительную колонну. Стоя на ногах в кузовах грузовиков, бойцы отряда машут руками, приглашая в свою машину. Поначалу я даже теряюсь:

— А где режиссер?

— Вот он, — Вазген подводит меня к высокому худощавому человеку в красной футболке и солдатских брюках. — Знакомьтесь!

— Карен... — тихо представляется режиссер. — Это вы на такси вчера приехали?

— Да, я...

— Интересный ход... — задумчиво произносит Карен и смотрит внимательно. Под этим взглядом я в первый момент чувствую себя несчастным пижоном, который решает выпендриться и катается на такси по разоренному войной краю.

— Нет, в самом деле хороший ход... Вы напомнили людям, что есть не только война, но и внешний мир, в котором живут без автоматов в руках... В котором ходят такси и работают рестораны. Здесь — то о мирной жизни забывать начали...

Такой поворот мне нравится больше. На самом деле этого я, конечно, не думал, когда брал такси, но мысль понравилась.

— Ну что? Договорились? — нетерпеливо спрашивает Вазген.

— Да, конечно, — кивает режиссер. — Для коллеги место всегда найдется...

— Тогда по машинам! По машинам! Поехали! Поехали!

— Наверное, поехали и мы? Давайте проедем в перед колонны? — мягко говорит Геворкян. Наши интересы совпадают, и мы быстро грузимся в зеленый «УАЗ», в просторечии называемый «буханкой».

Наш водитель, пожилой и седой, оказывается асом. Он на скорости маневрирует между тяжелой военной бронетехникой, и в

считанные минуты мы вылетаем из города. Остановившись на обочине дороги и настроив камеры, мы минут пятнадцать ждем появления колонны. Но вот на дороге вначале появляется командирский «уазик» с длинной, раскачивающейся на ветру антенной. А за ним, подобно гигантской бронированной гусенице, выползает вся колонна. Она вытягивается почти на километр...

Покинув тесные улочки городка, колонна, набирая скорость, пронесется мимо, обдавая нас воюющим синим дымом отработанной солярки и клубами пыли. После третьей, четвертой машины пыль становится такой густой, что съемка теряет всякий смысл — в желто-коричневых облаках просто мелькают неясные тени.

Я отбегаю подальше и устанавливаю штатив метрах в двухстах от дороги. Точка обзора великолепная. У меня в кадре вся дорога с поворотом к синееющим вдалеке горам. Рев множества моторов заглушает всякие звуки. Пройдя камерой вдоль всей колонны, в ее конце замечаю красную фигурку Геворкяна, который отчаянно машет мне руками. Я делаю знак: «Сейчас подойду!», но он отрицательно машет и буквально требует, чтобы я никуда не двигался.

И тут только я замечаю белые таблички у края дороги: «МИНЫ»...

Чувствую, что побрился и поменял одежду я не зря. Представить перед Господом лучше в чистой одежде. Как я прошел, не наступив ни на одну из множества мин? Везет дуракам и пьяницам... Но я не пью, значит... Ну да! Не очень лестно, конечно, но выбираться как-то надо...

Закон номер один на минном поле: если тебя угораздило туда попасть, имей совесть — никогда никого не зови на помощь. Сам вляпался, сам и выпутывайся...

Теперь мне становится не до съемки. Сложив две ножки штатива, из третьей я делаю своеобразный щуп. Карен буквально приплясывает у края дороги... Я ему показываю кулак, чтобы ни в коем случае не шел ко мне, и начинаю путь длиной в жизнь. Камера зачехлена, кофр, чтобы не мешал, висит за спиной. Сначала я пытаюсь высмотреть собственные следы на сухой земле, густо засыпанной острым галечником. Кое-где следы, конечно, видны, но очень плохо. Начинаю сомневаться, мои ли это следы, потом сомневаюсь, следы ли это вообще?

Тщательно оцупываю ножкой штатива место, куда намереваюсь поставить ногу. Вроде ничего нет. Делаю первый шаг и внимательно прислушиваюсь, не прозвучит ли щелчок. Слышу хруст камня под ногой, слышу, как мне кажется, даже топот лапок пробегающего мимо жука, но ничего похожего на металлический

щелчок сработавшего взрывателя. Ни одна мина, ни одна граната не срабатывают бесшумно. Перед взрывом всегда следует сухой металлический щелчок. И тут уж нужно мгновенно падать на землю ногами к звуку. Это единственный шанс не погибнуть. Ранен, поцарапан, даже остался без конечностей, но живой.

Не знаю, хватит ли моей гордости, чтобы остаться стоять после щелчка. Может быть, лучше погибнуть, а не продолжать жить калекой, мучая себя и окружающих...

Буквально в 3–5 сантиметрах от носка кроссовки замечаю зеленый пластмассовый бочок противопехотной мины. Рядом их, как правило, не ставят, поэтому второй шаг дается легче. Третий шаг должен попасть на какой-то почти невидимый проволочный «усик». С дороги доносится спокойный голос:

— Не дотрагивайся до проволоки... Бери правее.

Я уже и не замечаю, как на краю дороги останавливается машина с яркой белой надписью на бампере: «Разминирование». Из нее выходит седой пожилой майор и смотрит на меня в мощный бинокль.

— Вы же минеры... Ну и разминируйте...

— Эти мины не мы ставили. Это — азербайджанские. Придется тебе самому выходить, как зашел. Но ты не бойся, я за тобой слежу...

Черт! Следит он... Лучше бы проход в минном поле сделал... Проверив ножкой штатива почву, делаю четвертый шаг... Я так устал. А сколько еще этих шагов? Следующие шаги, сделанные уже по подсказке минера, даются легче. Минер сгоняет с дороги всех наблюдателей. Они не уходят, а только прячутся за машины и с болезненным любопытством наблюдают за моим передвижением. Солнце поднимается, и становится чуть теплее.

Мне жарко и нечем дышать. Все тело кажется сплошным сердцем. Я ощущаю пульсацию и в голове, и в глазах, и в кончиках пальцев ног. До безопасной обочины дороги остается метров десять, но — самые коварные. Чем ближе к дороге, тем гуще установлены мины. И ставили их без всякой схемы, как бог на душу положит.

Над землей протянута тончайшая, почти невидимая проволочка. Она опирается на два выступающих камня, а концами уходит куда-то под землю. Майор по-прежнему смотрит в бинокль:

— Вот эту ловушку профессионал ставил... высочайшего класса. Тут лучше подальше обойти. Похоже, что тут комбинация из противотанковых и противопехотных мин... Иди левее, еще левее...

— Карен! Лови аппаратуру! — кричу я. — Мне тяжело очень...

Раскачав за ручку достаточно тяжелый кофр с камерой, пленкой, запасом батарей, я придаю ему достаточное ускорение, и он плавно, по дуге, летит к дороге. Режиссер демонстрирует незаурядные вратарские способности и ловит сумку почти без сотрясения, плавно принимая на руки. Мне сразу становится намного легче, и я продолжаю свой бесконечный путь. Проверка ножкой штатива, словно щупом, новый шаг...

Последняя на моем пути противопехотная мина установлена чуть ли не метре от того места, где стоит и дает мне советы минный майор. Я показываю ему мину, чуть пошевелив кончиком штатива землю у его ног.

Майор бледнеет:

— Ничего себе! Я ее и не видел!

Когда я, наконец, наступаю на твердый, надежный асфальт, ноги неожиданно слабеют, подкашиваются, и я падаю на горячую, пахнущую смазкой и бензином поверхность.

— Сколько времени прошло? Мы, наверное, от колонны здорово отстали...

— Немного, минут пятнадцать, не больше... Догоним их на привале... Отдышись!

— А я думал, целый день прошел и сейчас уже вечер...

Снимаю совершенно мокрую рубашку, которая неприятно холодит спину, и выжимаю ее прямо на дорогу.

Ребята помогают мне дойти до машины на подгибающихся ногах, и мы трогаемся в путь. Мокрую от пота одежду я кладу сушиться на горячий двигатель и сижу, сибаритствуя и наслаждаясь сигаретой, в одних плавках...

Интеллигентный Карен через полчаса исчерпывает свой, оканчивается, довольно обширный запас ругательств в мой адрес... Возмущается:

— Я его ругаю, так хоть бы обиделся или разозлился! Сидит с блаженной улыбкой на лице...

— Карен! Жить — то как хорошо... — отвечаю я, преодолевая внутреннюю дрожь. Руки, которыми я пытаюсь достать новую сигарету, трясутся так, что я не могу открыть пачку...

Наступает реакция на напряжение, испытанное на минном поле.

...С небольшими привалами, без особых приключений, к вечеру колонна прибывает на границу Нагорного Карабаха и Азербайджана. Поступает команда остановиться и набрать воды. Мы уже едем как полноправные члены колонны. Полковник, которого я

увидел в течение всего дня только один раз, пробегая мимо нашей машины и увидев меня, выразительно крутит пальцем у виска, но от комментариев воздерживается. Видно, ему доложили о моем утреннем приключении, и он начинает очень сомневаться в моих умственных способностях. Что поделаешь, приходится принимать как должное...

Впереди нас мост, который сейчас проверяется минами. Параллельно мосту через овраг тянется примерно полуметровая труба. По ней вода из Нагорного Карабаха поступает в пустынные, но удивительно плодородные долины Азербайджана. Заходящее солнце краснеет и почти касается вершин небольшой горной гряды, по которой и проходит административная граница. В районе моста труба пробита пулями. Из отверстий вода мощными фонтанами выливается в овраг, образуя на фоне заходящего солнца феерическую радугу.

Наученный горьким опытом, я уже не отхожу далеко от машины и уж точно не выхожу за пределы колеи.

— Эй! Журналист! Смотри, как наши диверсантов убили!

Фонтаны воды, бьющие из трубы, светлой дугой, разлетаясь на отдельные капли, падают на дно оврага. Внизу — глубокая тень, но склон горы, освещенный солнцем, отражает достаточно света, чтобы разглядеть на дне шесть скрюченных тел.

Одетые в темные бесформенные комбинезоны, эти люди, по всей вероятности, были убиты где-то в другом месте, а привезены и сброшены в овраг на границе в наизидание другим группам. Под действием воды и солнца лица их почернели и распухли...

Буквально на второй, третий день после смерти тело человека, оставшееся на воздухе, теряет все национальные признаки. По трехдневному трупу уже невозможно определить неспециалисту, кто погиб — армянин, еврей, азербайджанец, русский, турок или араб. Смерть снимает национальный вопрос... Живым это пока не удается...

— Что же их не похоронят? — спрашиваю я. Не кого-то конкретно, а так, в пространство.

— Ничего, сами сгниют... — «утешает» меня юноша, почти мальчишка, с ручным пулеметом...

Меня как-то корбит такое фамиллярное, что ли, отношение к смерти. Человек, не уважающий смерть, не может уважать и жизнь...

...Заканчивается минная проверка, и колонна снова трогается в путь. Дорога пересекает горную гряду и выносит нас на просторы

Азербайджана. Первый, кого мы встречаем на сопредельной территории, — огромный верблюд. Он стоит в нескольких метрах от дороги и с высокомерным выражением на жуоющей морде рассматривает все наше громадное железное громыхающее стадо.

Чуть в стороне от дороги — огромная ажурная деревянная арка, поверх которой написано латиницей: Daftumas... Дафтумас. Что это такое — название хозяйства, местности, района, — я узнать не успеваю...

Прямо на дороге, в глубоких вечерних сумерках, словно срабатывает фотовспышка. Машина на мгновение озаряется мертвым голубым светом. Долго секунды спустя на месте вспышки прямо посредине дороги вырастает грязно — черный куст, внутри которого перебегают яркие огоньки... Верх куста тут же начинает закручиваться и наливать чернотой. По машине стучат осколки, половинка лобового стекла с треском проваливается, пружинит и все же пропускает в салон горячий зазубренный осколок ракеты «Град»...

Машина встает как вкопанная метрах в трех от дымящейся воронки. Водитель теряется, жмет на газ и начинает бросать машину из стороны в сторону. И тут звучит спокойный голос Геворкяна:

— Что случилось? Обстреливают? Так в первый раз, что ли? Что за паника?

Далеко во мраке, окутавшем предгорья, видны световые стрелочки. Они словно указывают направление следующего удара. Приглядевшись, я понимаю, что это огненные хвосты стартующих ракет. Худо — бедно по ним можно хотя бы определить направление, куда они полетят. Мы успеваем развернуться на дороге и двигаемся уже назад.

Здесь, на открытой и ровной, как стол, степи спрятаться совершенно негде. Мы вспоминаем о расщелине, которая рассекла гору, чтобы пропустить дорогу, и решаем двигаться к ней. Там можно хотя бы спрятаться. Если ракета попадет в эту щель, мало не покажется, но для начала она должна попасть! Водитель с трудом удерживается, чтобы не разогнать машину до максимальной скорости.

Я внимательно вглядываюсь в черноту ночи. На долю секунды мелькают стрелочки, но они направлены в сторону нашего движения. Кричу:

— Стой!

Машина замирает на месте.

— Ты уверен в том, что делаешь? — спрашивает Карен тревожно.

Ответить я не успеваю. На том месте, где мы могли бы быть, если бы не остановились, вырастают новые огненно-черные куски разрывов...

— Извини, я не успел тебе ответить...

— А уже не нужно...

— Поехали! — кричу я снова. — Быстрее. Вперед...

Машина резко прыгает и мчится, словно за нами гонятся... На том месте, где мы только что стояли, возникает стена огня и черного дыма...

Наконец мы оказываемся в спасительной расщелине и остаемся, прижав машину к стене, ближайшей к выстрелам. Ракеты «Града» летят по пологой траектории, и попасть в наше убежище им будет трудно, а скорее невозможно.

Мы выходим из машины. Обстрел продолжается... Далеко в темноте южной ночи загораются дома деревни, где у нас планировался ночлег.

— Что будем делать? — спрашивает Геворкян.

— А что делать? Спать... Утро вечера мудренее...

Я присматриваю себе местечко для сна, но все занято, а тревожить никого не хочется. Спать нужно обязательно, потому что на другой день качество работы снизится до нуля. А учитывая мою утреннюю «прогулку» по минному полю, поспать необходимо вдвойне. Спалил я нервных клеточек немеряно...

Я чуть ли не с нежностью вспоминаю свою сумку, оставленную в такси. Там есть все для полноценного отдыха — и тонкий, но совершенно не пропускающий холод матрасик, и надувная подушечка, маленькая, но очень удобная, и теплая куртка, которую легко можно использовать как одеяло. Повздыхав о несбыточном рае, ложусь прямо на голую землю. Кофр с аппаратурой — под голову, гудящие от усталости ноги, чтобы были повыше, закидываю на колесо нашей машины. Ругаю себя за то, что не захватил даже фонарик...

Над головой черно-синий купол неба, на котором дрожат и переливаются близкие звезды. Мы находимся все же на приличной высоте над уровнем далекого моря, где-то с километр, и поэтому ночь меня не особенно щадит. Тем не менее, обняв себя руками за плечи, проваливаюсь в сон. И снова я иду по минному полю, на краю которого стоят все, кто мне дорог и близок. Вдруг они начинают движение мне навстречу... Я стою совершенно беспомощный, не в

состоянии сделать ни шагу. Хочу кричать, чтобы не ходили, что это опасно, но болезненный спазм перехватывает горло, из него вырывается только натужный, но почти неслышный хрип...

И вдруг кто-то из моих родных наступает на мину... Слышится ужасный грохот, вверх летят безобразные комья земли вперемешку с кусками разорванных взрывом тел... В ужасе я просыпаюсь.

В ущелье, где мы заночевали, кисло пахнет взрывчаткой. Узкая полоска розовеющего неба затянута коричневой пылью. Одна шальная ракета все же попадает в противоположную стену и обрушивает часть косогора. Комья земли, поднятые разрывом, еще стучат по машинам. Один комок, чуть поменьше моей головы, падает совсем рядом и рассыпается в мелкую пыль. Сон на голой земле так выстудил меня, что все тело сотрясает дрожь. Безупешно пытаюсь согреться сигаретой. Нужно найти горячего чая или, на худой конец, просто кипятка. Еще раз с тоской вспоминаю об оставленной сумке. Там есть кипятильник, работающий даже от автомобильного прикуривателя.

Чуть дальше, за следующей машиной, горит костерок, возле которого сидят люди. Подхожу. Совершенно не знакомые мне люди двигаются, садясь потеснее, и освобождают место у огня... По-тихоньку здороваюсь и присаживаюсь. Тут же у меня перед лицом оказывается кружка с восхитительно пахнущим чаем, крепким, «как карабахский мужчина». Какой-то проходящий мимо ополченец накидывает мне на плечи теплый бушлат. Причем все это происходит в полном молчании... Такая молчаливая, не требующая ни слов, ни благодарности доброта трогает до слез.

Наконец небо светлеет окончательно. Перед самым восходом солнца ночь уносит остатки тепла, даже земля, которая нежилась в тепле весь предыдущий день, остывает окончательно и буквально «обжигает» холодом. За ночь в тесное ущелье набивается множество машин с людьми, в основном грузовики. Входы в ущелье с двух сторон перекрыты танками и бронетранспортерами. На вершинах и склонах тут и там виднеются часовые. Похоже, не только нам приглянулось это ущелье в качестве укрытия от обстрела.

Радуется, что мы оказались здесь первыми и, естественно, заняли самое безопасное место. Ракета, ненароком попавшая в склон, к счастью, никого не задевает и не особенно тревожит людей. Многие спят сном праведников, лежа на бушлатах, прямо на обочине дороги и в придорожной совершенно сухой канаве, которая никогда не видела дождя.

С восходом солнца полковник высылает вперед разведку, а в село отправляется танк в сопровождении бронетранспортера. Тишина утра нарушается ненадолго ревом двигателей и лязгом гусениц. Танк и БТР отходят от нашей стоянки, спускаясь к пересохшей речке, а потом поднимаются на противоположный берег. От их движения мельчайшая пыль, которая толстым слоем покрывает дорогу, поднимается и висит в неподвижном воздухе огромным, почти километровым облаком, видимым издалека.

Вазген хмурится, глядя на это, и говорит:

— Сейчас начнут...

— Что «начнут»?

Вместо ответа далеко на дороге, там, куда ушли танк с транспортером, вырастает коричнево-серый куст разрыва. Чуть позже до нас доносится и сам его крякающий звук...

— Будем надеяться — не попали...

Далеко в деревне один за другим снова вырастают кусты разрывов, а горизонт затягивает пыльная мгла. Там загорается еще один дом. На ярком солнце пламени не видно, но черный дым поднимается вертикально вверх и расплзается грязным облаком, оскорбляющим чистую синеву осеннего неба.

Ближе к полудню возвращается разведка и пригоняет с собой небольшое стадо живности. Телята, козы, овцы, оставленные людьми в брошенном селе, голодны и тянутся к людям. Ополченцы, многие сами почти мальчишки, кормят животину лепешками...

Мужики, постарше и посолиднее, посмеиваются:

— Сейчас их кормят, а чуть позже они нас кормить начнут...

Пророчество сбывается почти сразу. Хозяйственники разводят большой костер на склоне, обращенном в сторону Нагорного Карабаха, и делают над ним какой-то хитрый навес, от которого дым не поднимается в небо, а растекается вдоль склона. Подхожу ближе, пытаясь понять устройство этого навеса. Под этим навесом на костре, устроенном в форме очага, уже жарится мясо убитого и освежеванного теленка. «Повар», один из ополченцев постарше, отрезает от туши огромный дымящийся кусок, достает из мешка лепешку и кричит:

— Эй, журналист, бери свою пайку!

Долго упрашивать меня не надо, потому что уже сутки в желудке не было ни крошки, и я беру предложенное угощение. Столько мне явно не съесть, и я отправляюсь с полученным «пайком» к машине Карена. Там уже пир горой. Все члены киноэкспедиции достали из сумок взятые с собой продукты. Добытое мясо

укладывается на постеленные прямо на склоне газеты, и через не- сколько минут от него остаются только добела обглоданные кости.

— Вот теперь можно и повоевать! — ковыряя в зубах щепочкой, благодушно говорит водитель.

Тем временем обстрел продолжается. «Град» по-прежнему упорно расстреливает деревню, виднеющуюся на горизонте. Столбы дыма от горящих домов поднимаются и закрывают полне- ба. Откуда-то из этой пелены вылетает танк, который рано утром отправлялся в деревню. Выясняется, что одна из ракет попала — та- ки в БТР. Никто не пострадал, единственное повреждение — ос- колками побиты колеса. БТР сейчас придет своим ходом, но на спущенных колесах. Спустя еще несколько минут из клубов пыли выползает и БТР, жутко царапая дисками по галечной дороге. Скрип стоит такой, будто одновременно работают штук сто бор- машин. Даже зубы от этого скрипа начинают шевелиться.

Карен ходит где-то возле начальства, которое стоит на горе и в бинокли смотрит в сторону противника. Потом он срывается и бежит к нашей машине:

— Заводи, едем!

— Куда?

— Наши вышли к иранской границе...

В считанные секунды мы прыгаем в машину, и водитель снова показывает чудеса автоэквилибристики, выворачиваясь из скопища машин на оперативный простор. Командирская машина, за которой пристраиваемся и мы, гонит прямо через поля и арыки. Трясет не- щадно. Камера в руке прыгает, и в видеоискателе — то небо, то ку- сок окна, то пролетающие мимо стебли неубранной кукурузы. Куда мы летим, непонятно, но вдруг попадаем на поле, которое плавно поднимается вверх. На нем растет только ковыль и бурьян. По все- му полю разбросаны какие-то бетонные конструкции, части то ли разрушенной, то ли недостроенной ирригационной системы.

Машина останавливается в небольшом ложке, похожем на за- росший травой старый капонир или окоп. Она скрывается в этом окопе по самую крышу, и мы, отойдя от машины на десяток метров, уже не видим ее. Карен выгаскивает какую-то мудреную кинока- меру, и мы идем на юго-запад, откуда доносятся редкие залпы танкового орудия.

Танк стоит прямо на полевой дороге, занимая своей приземи- стой тушей всю колею. Двигатель натужно работает, и танковое орудие словно обшаривает горизонт. Вдруг раздается грохот, из орудия вместе со снопом пламени вырывается длинный язык ед-

кого черно-серого дыма, а сбоку вылетает и, гремя по броне, скатывается на землю серая гильза. Далеко впереди за речкой на косогоре, по которому ползут какие-то машины, вспыхивает искорка разрыва и поднимается светлый столб дыма вперемешку с песком. Разрыв чуть в стороне от дороги, но он вызывает панику. Машины, видные нам движущимися точками, начинают разбегаться по полю.

Чуть дальше на горе стоит боевая машина пехоты и бьет в ту же точку короткими очередями, по три-четыре снаряда. Снаряды, словно рассерженные светляки, перелетают и село, и речку, и дорогу, забитую транспортом, и разрываются далеко в ложбине.

В нашу сторону тоже долетают шуршащие над головой то и дело пули. Я возвращаюсь к машине и достаю из сумки свой заслуженный бронежилет. Бегать по полю под палящим солнцем в бронежилете — удовольствие «на любителя». Польза от него тоже вызывает большие сомнения.

Когда-то, на заре перестройки, я снимал сюжет в Московском институте стали и сплавов о возросшем спросе на бронежилеты. В числе прочих эпизодов был и такой. В манекен, одетый в жилет, испытатель стреляет по очереди из автомата Калашникова, из пистолета Макарова и пистолета Стечкина. Потом снимают с манекена невредимый жилет. Пули, превратившиеся в бесформенные лепешечки, вынимаются из кевлара, из которого сшит жилет.

Под впечатлением этой съемки я прошу у начальника цеха продать мне такой жилет. Ни один из стандартных жилетов на меня не налезает, тогда начальник цеха решается:

— Забирай тот, что мы готовили для Ельцина. Жилет скрытого ношения, так называемый «Визит». Ельцину он коротковат оказался, и мы ему сшили другой.

Мне жилет Ельцина оказывается в самый раз. К нему прилагается еще куртка с броневыми вставками, предохраняющими плечи. В рукава куртки вшиты кевларовые накладки, совершенно не видные снаружи, но предохраняющие от удара ножом и от выстрела из пистолета. И все это добро стоило тогда смешные деньги — чуть больше ста долларов. Сейчас такой набор невозможно купить и за тысячу...

Несмотря на «невидимость», тяжесть у жилета порядочная, и скоро я уже задыхаюсь, как загнанная лошадь. Через некоторое время решаю, что бегать по огромному полю, гоняясь за всеми танками сразу, неконструктивно, и я выбираю один, который обстреливает колонну на том берегу. Устанавливаю камеру на штатив,

выбираю кадр и включаю. Раздается выстрел. Я провожаю вылетевший из пушки снаряд и вдруг вижу, что снаряд этот попадает в машину на том берегу. Трансфокатор помогает мне увеличить картинку, и в кадре видна горящая машина, из кузова которой высыпаются люди. Зрелище завораживающее и жуткое...

Следующий снаряд попадает в боевую машину пехоты, которая начинает гореть, чадя черным маслянистым дымом. Через несколько минут внутри взрывается боезапас, срывая с нее башню, словно пробку от шампанского. Крутятся и кувыркаясь, она падает на дорогу. Чуть дальше пролетает какая-то фигура и также замирает на дороге, превратившись в костер, который спустя короткое время тухнет сам по себе...

И тут я решаю, что снимать мне на этом поле больше нечего...

Собрав камеру, подхожу к Карену:

— Все, я закончил...

— Я давно закончил, тебя ждал.

— Ну, извини, что заставил себя ждать...

— Ничего, все нормально...

Но ехать нам еще нельзя, и мы долго, почти до захода солнца ждем, когда закончится бой.

На закате нам, наконец, дают сигнал, что ехать можно. Поле, над которым совсем недавно пели пули, покрыто машинами, с которых слезает и начинает занимать село пехота. Ополченцы небрежно держат автоматы, не ожидая сопротивления, так как все село на границе жители и азербайджанские войска в течение дня покинули... Мы потихоньку движемся по дороге и, наконец, приезжаем в то место, куда падали снаряды... В стороне от дороги чернеет остов разбитой машины. Людей не видно. Видимо, отступающая азербайджанская армия забрала всех своих убитых и раненых. На дороге остается только боевая машина пехоты с сорванной башней... Внутри машины еще что-то догорает, чадя струйкой синего дыма. На месте водителя — труп, превратившийся в бесформенный кусок горелого мяса.

— А эти — то трупы почему не забрали?

— Это не мусульмане, наемники. Из Украины или из России...

— Но они же воевали на стороне мусульман?

— Ну и что? Они же за деньгами пришли. Вот и получили...

Недалеко от башни лежит еще один труп. Вся одежда, пропитанная соляной и маслом, сгорела, остались на обугленном теле только солдатский пояс с пряжкой и остатки сапог на ногах. Тан-

кист лежит навзничь, устремив в далекое небо невидящие, сгоревшие глаза.

Мы направляемся в азербайджанский районный центр Джебраил. Над ним стоят столбы синего дыма. Город горит. Он тоже захвачен нагорно-карабахской армией. По городу носятся подростки с тачками и детскими колясками. Они взламывают двери домов, забирают самое ценное, а потом поджигают их. Тачки и коляски заполнены разным добром. Мародерство в разгаре. На перекрестке дорог стоит закутанный в маскировочную сетку милицкий «уазик». Мародеры спокойно катят свои тачки и коляски мимо скользящих милиционеров.

— Почему вы не пресекаете мародерство?

— Это не мародерство, а контрибуция... — спокойно отвечает милиционер. — Они нас много лет обирали и депортировали, теперь мы восстанавливаем то, что они у нас отобрали...

Логика, конечно, в этом есть. Но только обирали и депортировали одни, а страдают совершенно другие люди, но это не принимается во внимание...

Впрочем, кто я такой, чтобы кого-то судить и выносить приговор? Мое дело — снимать то, что происходит...

На перекрестке дорог, на выезде из города стоит большая столовая, где в мирное время всегда можно было перекусить в ожидании транспорта. Сейчас столовая разорена, большинство окон выбито, и по пустому залу гуляет и шуршит разбросанными бумажками ветер.

Сбоку от входной двери шумит водопад. Под его струями прыгают мальчишки, побросав набитые чужим добром тачки и коляски. Мы подъезжаем поближе к водопаду и решаем немного «почистить перышки» перед дорогой обратно, в Геташен.

Вдруг из-за поворота вылетает знакомая канареечная «Волга» с шашечками на борту. Из окна машины высовывается знакомое лицо.

— Командыр! Такси подана! — кричит Армен на всю площадь.

— Ну вот, — огорченно говорит Геворкян, — только познакомились, уже расставаться...

— Ничего, Карен, мы еще вместе поработаем, — твердо обещаю я и грузу свои сумки в багажник такси.

Наутро я уже в Ереване и вылетаю первым рейсом в Москву. А уже в полдень по каналам CNN показывают бой, в котором войска Нагорного Карабаха практически заканчивают войну. Потом будут долгие переговоры, продолжающиеся по сей день.

Таджикистан.

СТРАННАЯ ВОЙНА

Ходим по Душанбе, снимая непрерывные митинги, которые клубятся на площадях столицы Таджикистана. Кажется, вся республика переселилась на эти площади, Шахидон и Озоди. Участники митингов в основном мужчины. Женщины тоже присутствуют, но в небольшом количестве. Для них за загородкой из ковров и простыней сделана своеобразная резервация. В принципе, мужчине туда нельзя, за загородку, но если он с автоматом, то он вроде как и не мужчина. Во всяком случае на проход автоматчиков окружающие не то чтобы не обращают внимания, а вынужденно терпят.

Пять раз в день с крыльца здания ЦК Компартии Таджикистана раздаётся голос муэдзина. Вся толпа поворачивается лицом на восток, а следовательно, спиной к начальству и начинает славить Аллаха. Дети в «женской половине» плачут, иногда даже заглушая голос муэдзина, но никому это не мешает...

Ради чего они собрались здесь со всех концов республики? Начальство позвало... Спокойных, почти флегматичных дехкан трудно раскатать на революционные действия. Но иногда это удаётся...

В первый раз — в сентябре 1991 года — толпа сносит уникальный памятник Ленину. Такой статуи, наверное, нет нигде в СССР. При взгляде на этот памятник сразу становится понятно, что Ленин, во-первых, судя по монголоидным чертам лица, коренной местный житель, а во-вторых — левша. На тысячах памятников, расставленных в разных уголках страны, Ленин вскидывает в характерном призывном жесте правую руку. Левую руку он использует, как правило, для того, чтобы держать, по версии разных авторов: смятую кепку, газету «Искра» для растопки, чтобы из нее «возгорелось пламя», «апрельские тезисы» или только что созданную газету «Правда». Душанбинский вождь указывает путь трудящимся дехканам левой рукой, а в правой держит бетонные слепки какой-то газеты.

Ранним утром, еще до рассвета, толпа накидывает Владимиру Ильичу на шею толстую веревку и сильно тянет. Не получается. Подгоняют подъемный кран и мощным рывком стрелы дергают. Ленин сопротивляется недолго. Упавший памятник раскалывается, от головы отламывается большой кусок бетона, открывая зияющую звонкую пустоту. Мальчишки некоторое время прыгают по свергнутому вождю, и очень скоро толпа теряет к нему всякий интерес. Если бы все было так просто: сверг старого идола — и настал «золотой век»!

В это же время в здании Верховного Совета идет непрерывное заседание, где вроде бы «от имени народа» решается его судьба.

Чем ближе к начальству, которое здесь ходит или в огромных чалмах, или, несмотря на сорокаградусную жару, в фетровых шляпах и строгих серых костюмах с галстуками, тем накаленнее разговоры.

Внятно никто не может объяснить цель всего действия. Приверженцы коммунистов, которых почему-то называют «юрчики», призывают к возврату руководящей и направляющей роли КПСС и официального ислама. Какое отношение это прозвище имеет к бывшему руководителю КГБ, а затем Генсеку ЦК КПСС Юрию Андропову — неизвестно, но бытует и такая версия. Как правило, это выходцы с юга Таджикистана, из Куляба.

Сторонники радикального ислама призывают возродить «истинные исламские ценности», рассказывают о приходе к власти аятоллы Хомейни в Иране. Их называют ваххабитами, а отсюда — «вовчиками».

Выходцы из Ленинабада, занимавшие практически все ключевые административные посты, становятся «ленчиками». Эти руководящие кадры подбирались лично «дорогим Леонидом Ильичем Брежневым»...

Разговоры и интервью идут о «грядущих демократических преобразованиях», о «вхождении в мировое сообщество». Слова нанизываются, как горошины четок на нитку, и чем непонятнее и длиннее выступление, тем внимательнее слушают люди.

Замолкает очередной оратор, и люди, только что стоявшие плотной, монолитной толпой, разбиваются на отдельные кружки. Думая, что они обсуждают только что услышанную речь, подхожу к одному из них.

Говорят о погоде, о видах на урожай, о последствиях недавнего наводнения, о детях, и... ни слова о политике.

В другой группе явно собрались односельчане. В костре, разведенном прямо на асфальте, пофыркивает чайник. Прямо у гранитного парапета здания ЦК расстелена скатерть и устроен своеобразный достархан. Горкой лежат лепешки, в пиалах — немножко дефицитнейших конфет, засохших под жарким солнцем до каменной твердости.

Наклонясь над скатертью, отщипываю крошечный кусочек лепешки:

— Ассалам алейкум!

— Алейкум ассалам... — откликаются нестройно. Но глаза теплеют. Немножко удивляются, что чужак уважает обычай: «Вначале — хлеб, потом — вера». Приложив левую руку к сердцу, протягивают самую красивую пиалу с чаем и подвигаются, освобождая место у достархана.

...Четыре поколения таджиков сменились при Советской власти. Руководители республики словно стремились быть «святейшей папой римского». По сей день на карте шестимиллионного Таджикистана остаются сотни названий, так или иначе связанных с коммунистической идеологией. Наверное, ни в одной из республик бывшего СССР нет столько предприятий имени Ленина, колхозов «Коммунизм», населенных пунктов «Комсомол»...

И вот так люди ходят по полям совхоза имени Ленина, работают на шелкопрядильной фабрике имени Ленина и живут на улице имени какого-то партсъезда в удручающей нищете. Я видел беженцев, идущих с узлами по дороге, вдоль которой громоздились изваянные на века буквы, слагающие надпись: «Наша цель — коммунизм!» и «Верной дорогой идете, товарищи!».

Четыре поколения при Советской власти жили по суровому распорядку. Воду на поля дает мираб. На работу направляет бригадир. Что сеять, когда убирать, бригадиру говорит председатель. Председателю — все указывает райком, коммунистическая партия — «ум, честь и совесть нашей эпохи». Ее отдельные представители уже живут при коммунизме. В самых разных, наиболее живописных уголках республики стоят «Дома приемов» райкомов, обкомов, Центрального Комитета. В самом Душанбе за железным забором раскинулся тенистый городок партийной номенклатуры ЦК и Совмина.

...Когда появляется проблема выбора, простые люди попросту теряются. И не преступники, не хулиганы, не закоренелые правонарушители — рядовые обыватели совершают неожиданные даже для самих себя поступки. Ну кому из дехкан пришла бы в голову крамольная мысль свергнуть памятник Ленину? Да такого никому и в дурном сне не могло присниться.

Но вот свергли, подивились собственной смелости. И сделали первый шаг к саморазрушению.

Сидя за достарханом с дехканами из Кулябской области, я пытаюсь понять мотивы, которые привели их в столицу в разгар полевых работ и заставили много недель жить на этой площади.

Постепенно выясняется, что привела их сюда не жажда смены власти или какая-то политика, а крайняя степень нищеты. Весной на районы области обрушилось наводнение, погибли посевы, смыло дома. Сеять нечем, строиться не из чего, гуманитарная помощь поступает редко. Политики умело «оседлали» ситуацию и повели народ в столицу. Увидит власть страдания народные и подкинет что-нибудь «на бедность».

Власть, конечно, видит, но она где возьмет? Если раньше, при СССР, пошли бы в Москву, поплакались в высоких кабинетах, глядишь, и выпросили бы что — нибудь за счет другого региона. А сейчас объявлена независимость! Таджикистан — самостоятельное государство. Напечатали свои деньги, открыли свое представительство в ООН. По одежке — протягивай ножки...

Обратная сторона свободы — свобода умереть от голода. Кушать хочется при любой вере — и христианам, и буддистам, и мусульманам. А вот когда еды нет или ее мало, тут вступают в действие иные критерии, и еда достается более «правоверному»... Или лучше вооруженному...

Достархан, возле которого я разговариваю с кулябцами, находится рядом с «женской» загородкой. Боясь нарушить обычай, я обхожу загородку стороной и буквально натываюсь на какого-то обрюзгшего человека в сером мятом пиджаке с явными признаками опьянения. Он хватает меня за рукав и кричит, обращаясь к толпе:

— Этот «неверный» заходил на женскую половину! Он оскорбил нас...

Сквозь толпу пробираются несколько молодых, крепких чернобородых людей с автоматами. Намерения их не вызывают сомнений. Мне они не сулят ничего хорошего. Пьяный клещом висит на рукаве. Я пытаюсь вырваться... Потом громко, чтобы услышали автоматчики, говорю:

— Кто-нибудь уберет от меня этого алкоголика? — и обращаюсь к подошедшему бойцу: — Разве мусульмане могут пить? — Ошарашенный, парень отрицательно качает головой. — Смотри, а этот «защитник» мусульман в доску пьяный...

Боец поворачивается к моему оппоненту. Дуло автомата, естественно, поворачивается вместе с ним. Инстинкт самосохранения срабатывает мгновенно. Провокатор отпускает мой рукав и как-то съеживается. Я делаю пару шагов в сторону. Но из кольца возмущенных людей я еще не вышел.

Оскорбление мусульманских обычаев — а вход чужака на «женскую» половину, не важно, дома или площади, одно из тягчайших нарушений — карается незамедлительно, без суда и следствия.

Хорошо, что я отхожу недалеко от своих гостеприимных хозяев, с которыми преломил хлеб. Один из них, постарше, встает рядом со мной и быстро говорит что-то по-таджикски. Кольцо людей распадается.

Я перехожу в наступление. Обращаюсь к автоматчикам:

— А этот «заступник» так здесь и останется?

Бойцы берут его в кольцо, и мы выбираемся из толпы. Как они разобрались с незадачливым провокатором, я так и не узнаю...

...Бывшие партийные секретари, которым в свое время повезло родиться в семьях партноменклатуры, в средних школах учились кое-как, потом «по благу» поступили в институты. Не проявив склонностей к наукам, подались в партийные школы. Чуть научившись выступать с речами, приобретали репутацию партийных лидеров.

Парадокс, возможный только в стране победившей номенклатуры. Решающие посты занимают, как правило, бездари с партбилетами. Проходят годы. Рыбак рыбака видит издалека. Окружение подбирается под статью. Инакомыслие, талант вырывается с корнем. И они делают следующий шаг...

На карте мира появляется новое государство — субъект международного права. Когда-то Ленин сделал непродуманное заявление: «У нас кухарка будет управлять государством...» Эти слова смело можно написать на знаменах большинства новоиспеченных президентов...

...Противостояние площадей нарастает. День за днем чуть не круглые сутки заседают Верховный Совет Таджикистана, но ни к какому решению не приходит. Нужен лидер, который устраивает всех — и «вовчиков», и «юрчиков». И такой лидер находится. Кто-то в зале Верховного Совета вспоминает о бывшем Первом секре-

таре ЦК Компартии Таджикистана Рахмоне Набиеве. И больного престарелого Набиева зовут «на царство», почти единогласно избирают президентом.

Я вижу, как растроганный Набиев идет сквозь ликующую толпу. Наиболее ретивые его сторонники целуют ему руки, протягивают детей. На первый взгляд наступает мир и благоволение «в чело́веках».

Поскольку новый президент ничего не решает, то война разгорается с новой силой. Правовверные продолжают убивать друг друга со средневековой жестокостью. Власть Набиева держится недолго.

...В аэропорту Душанбе помимо основного здания есть еще и так называемый «Зал официальных делегаций». Другое название «Депутатская комната». Народные избранники не могут стоять в одной очереди со своим «электоратом», и для их нужд существует такой «черный ход» на трап самолета или в вагон поезда. Вежливые девушки обеспечат билетом на нужный рейс, даже если придется снять какого-нибудь «необлеченного» властью пассажира. Практически во всех аэропортах мира есть такие VIP — залы, зальчики, комнаты для «особо важных персон». Просто используются эти помещения по-разному.

Наверное, впервые в истории человечества «Зал официальных делегаций» превращается в комнату пыток.

Президент Набиев по старой «цековской» привычке собрался в Москву. То ли посоветоваться со старыми товарищами по партии, то ли деньжат попросить. Оппозиция решила, что президент хочет навсегда покинуть Таджикистан. И решила проблему просто и радикально.

Когда я приезжаю в аэропорт, здание полностью заблокировано танками и БТР. Стволы орудий недвусмысленно направлены в одну сторону — в сторону «Зала официальных делегаций». Помещение окружено цепью автоматчиков. Кто против кого, разобраться невозможно, но у всех пальцы на спусковых крючках. Увидев среди командиров мало... но знакомое лицо, прохожу в калитку, возле которой охранников особенно много. Командир меня тоже вроде узнает, только не может вспомнить, где он меня видел... Помнит, что видел, и делает знак охраннику: «Пропустить».

Напустив на себя деловой и совершенно независимый вид, словно я точно знаю, куда и зачем иду, захожу в «Зал официальных делегаций». Здесь охраны погуще. Несколько репортеров, проникших в помещение раньше меня, собраны в угол и стоят под охраной

автоматчиков. Занавес, отделяющий прихожую от зала, задернут, и там происходит какая-то возня. Слышатся глухие удары и сдавленный крик.

И здесь я делаю роковую ошибку. Вместо того чтобы просто отодвинуть занавеску и войти, приостанавливаюсь, чтобы сориентироваться, — а что же, собственно, происходит.

Пока ты движешься к какой-то известной тебе цели, почти никогда никому не приходит в голову тебя остановить. Но при первых признаках нерешительности, неуверенности сразу возникает препятствие в виде охранника, часового, человека, стоящего в оцеплении. Твое движение прерывается и, может быть, навсегда.

Человек с автоматом пытается преградить мне дорогу за занавеску. Чтобы не вступать в разговор, который, я точно знаю, окончится моим позорным выдворением из эпицентра событий, делаю вид, что мне туда и не нужно, обхожу автоматчика и устремляюсь к выходу на летное поле. Думая, что мне нужно пройти к самолету, который стоит возле «Зала официальных делегаций», дорогу преграждает еще один часовой:

— Туда нельзя...

— А что, посадку еще не объявили?

Часовой улыбается моей неосведомленности: аэропорт уже три дня закрыт для полетов.

— Нет, не объявляли...

Я плюхаюсь в стоящее рядом кресло:

— Хорошо, я подожду... Надеюсь, здесь посидеть можно?

Часовой кивает неохотно.

Я устало сбрасываю с плеча небольшую видеокамеру, которая как бы случайно встает на треножник штатива объективом в сторону зала. Я слегка поправляю камеру, одновременно нажав кнопку «Пуск». Светоиндикаторы съемки в камере давно, еще в момент покупки, заклеены черной изолентой. Выдать меня может только голубоватое свечение видеоискателя. В полумраке коридора оно особенно заметно.

Мне становится жарко, и снятая куртка небрежно брошена на камеру. Из-под куртки чуть заметно рыльце объектива. Камера работает в автоматическом режиме, самостоятельно настраивая резкость.

Из моего кресла в щель занавески видна часть зала, в которой происходит все действие. Правда, из-за нижней точки разные фигуры перекрывают обзор, но того, что видно, вполне достаточно, чтобы понять строгость принятых к журналистам мер.

Президент Набиев зажат в углу, и люди, которых я не раз видел в Верховном Совете, банально бьют его. Бьют сноровисто и зло. Говорят тихо и по-таджикски, поэтому о содержании фраз, обращенных к избиваемому президенту, можно только догадываться.

Наконец я вижу, как измученный старик обреченно кивает. Звучит команда, и в «Зале официальных делегаций» вспыхивает студийный свет. Кажется, сейчас пригласят журналистов. Выбираюсь из своего кресла и пытаюсь пройти в зал. Камера, с которой уже снята куртка, по-прежнему работает. Но автоматчики снова преграждают дорогу.

— Почему телевидение не пускаете?

— Там уже работает телевидение...

Снова ошибка. Засветился. Сидел бы себе в кресле спокойно... Всех журналистов собирают и... выводят под дулами автоматов далеко за ограду.

В попытке снять обстановку, в которой происходит «отречение» от власти старого президента, натякаюсь на несколько странных фигур, сидящих на корточках в тени здания аэропорта. Афганские шапочки, как их прозвали, «пуштунки», огромные, в пол-лица, зеркальные очки «макнамары», характерная белая одежда афганских моджахедов. Я пытаюсь направить на них свою камеру. Моджахеды отрицательно качают головами, а из-под коричневых плащей, брошенных на плечи, многозначительно высовываются короткие стволы автоматов...

Сразу становится понятным смысл «кукольного спектакля» с отречением президента Набиева. Кукловоды — то — вот они. Сидят в тени и терпеливо ждут, когда опустится занавес. А вечером в программе новостей смотрю кадры репортажа, сделанного «придворным» телеоператором, о «добровольной» отставке очередного таджикского президента.

...И в Таджикистане продолжается странная война. Несмотря на свою странность, войной она быть не перестает, со всеми вытекающими отсюда последствиями. То она выходит на глобальный уровень с танками, пушками, разрушенными домами и тысячами беженцев на пыльных дорогах. То, несколько дней спустя, затихает. Тогда из арыков вытаскивают сотни трупов с перевязанными ключей проволокой руками и ногами...

...Мы едем в Курган-Тюбе на арендованной «шестерке». Водитель — местный житель Махмуд часто возит журналистов и, наоборот, под их влиянием, не причисляет себя ни к одной из противоборствующих сторон. Меня, как самого толстого, сажают рядом

с водителем, а трое репортеров втискиваются на заднее сиденье. Чтобы жизнь не казалась мне слишком комфортной, все кофры с аппаратурой складывают у меня на коленях и под ноги. В результате мне видна лишь часть дороги и кусочек синего неба.

Проезжаем указатель «Вахшская долина», и вот уже Курган-Тюбе. У автобусной остановке стоит междугородный «Икарус», а возле него происходит какая-то возня. Издалека, с горы, нам не видно подробностей, а когда, проехав поворот, оказываемся рядом, что-либо предпринимать становится поздно. «Икарус» со всех сторон окружен боевиками. Стрельбы не слышно, но обстановка крайне напряженная.

Видимо, боевики кого-то разыскивают и заподозрили, что этот «кто-то» прячется в автобусе среди женщин и детей. С десяток «Жигулей» всех моделей загородили дорогу автобусу.

Наш водитель бледнеет и, что-то шепча про себя по-таджикски, выворачивает руль, пытаясь протиснуться в узкую щель между машинами боевиков. В результате мы не можем двинуться ни вперед, ни назад.

Я вижу, как один из боевиков буквально выбрасывает из автобуса молодую женщину, почти девочку, с крошечным ребенком на руках. Она не удерживается на ногах и падает коленями на каменное крошево обочины. Отчаяние придает ей силы, и ребенка она удерживает.

Лиц боевиков не разглядеть. Их головы обмотаны махровыми полотенцами так, что получаются страшноватые маски с узкими щелями для глаз. Тот, что выбросил женщину из автобуса, что-то кричит и замахивается на нее прикладом автомата. И вдруг... замечает направленные на него объективы.

Тут крик меняется буквально на визг. Боевик размахивает автоматом, то и дело передергивает затвор. Махмуд пытается что-то объяснить, но, похоже, у него не получается. Я выкарабкиваюсь из груды аппаратуры и пытаюсь говорить спокойно, почти нежно, что мы — журналисты, что пригласил нас Мулло Хайрулло, кстати, один из самых авторитетных руководителей «вовчиков».

Услышав «Мулло Хайрулло», боевик начинает говорить по-русски почти спокойно:

— Вон отсюда! А то не посмотрю, что американцы — итальянцы! — и вдруг срывается на крик: — Перережу! — и нажимает курок автомата. Очередь проходит над головой так низко, что от смертного ветра шевелятся волосы...

— Все, все, все! Уезжаем, уезжаем! — я быстро заскакиваю в машину, и наша «шестерка» задом выбирается из «пробки». Никогда не думал, что «Жигули» могут ехать задним ходом с такой сумасшедшей скоростью. В это мгновение из города подлетает еще одна красная «восьмерка». К бандитам прибывает подкрепление...

Увидев нашу безумную ретираду, из автомобиля выскакивает еще один боевик в маске, но в руках у него уже снайперская винтовка СВД. Он припадает на колено и прикивает к окуляру прицела. Как бы быстро ни ехала задним ходом наша «шестерка» — пуля все равно быстрее.

В это мгновение время словно замедляет ход. Все происходит буквально в доли секунды, но в памяти остается белое пятно грунтовки на крыле машины, цвет и рисунок полотенца, которым обмотана голова бандита, полевая желто-коричневая офицерская форма без знаков различия... Словом, подробности, на которые в обычной обстановке не обратил бы внимания...

Раздается выстрел, но за мгновение до него боевик, которому мы пытались втолковать что-то о «свободе слова», приподнимает ствол винтовки своим автоматом, и пуля с визгом улетает в небо.

— Ты что, нормально ездить не умеешь? — спрашивает Махмуда Гена Хамельянин. В ту же секунду машина с заносом разворачивается, и Махмуд прибавляет скорость. Мы молчим. В такие минуты никаких слов нет. Уже подъезжая к Душанбе, спрашиваю:

— Кто-нибудь что-нибудь снял?

— Естественно, — бурчит Хамельянин. — Мастерство не пропьешь...

Оказывается, все вс□ сняли, и тут нами овладевает просто какое-то безудержное нервное веселье. Мы хохочем до слез, до икоты, вспоминая эту карикатуру на бойцов в махровых полотенцах, и Махмуда, задним ходом удирающего от пули... Адреналин буквально клоочет в нас. А потом, вдруг, наваливается страшная усталость...

Таджикистан.

В 100 МЕТРАХ ОТ КОММУНИЗМА

...Мало нам показалось. Первый блин вышел комом. После первого, неудачного визита в Курган—Тюбе некоторое время о поездке в этот «город мертвых» не хочется и думать. Но ехать все равно нужно. По Душанбе носят слухи один другого тревожнее. После так называемого «отречения» президента Рахмона Набиева, которое проходило под дулами автоматов, гражданская война в Таджикистане вспыхивает с новой силой. К власти рвутся те, у кого больше оружия и кто не боится убивать.

«Военное присутствие» России выражается в наличии штаба пограничных войск и 201-й мотострелковой бригады с полуголодными солдатами и офицерами, которые месяцами не видят денежного довольствия. Поход с работы домой, а из дома на работу у них приравнивается к небольшому рейду по тылам врага. Перестрелки на улицах Душанбе, совсем недавно уютного, тихого города, происходят ежедневно и уже никого не удивляют.

Накануне вечером перестрелка произошла прямо под окнами гостиницы «Таджикистан». Выстрелы трещали минут десять, но наутро не было видно ни убитых, ни раненых, ни следов крови. То ли стрельба велась холостыми патронами для устрашения, то ли стрелки были не очень меткими. А может быть, персонал отеля сработал четко и оперативно, замыл все следы...

В гостинице живут очень пожилые туристы и туристки из Германии. С восходом солнца престарелые парочки, держась за руки, идут на местный рынок. При всей нехватке продовольствия для местного населения, базар в Душанбе поражает обилием фруктов, овощей. Горами лежат арбузы и дыни, но все это по заоблачным ценам...

Немецкие бабушки и дедушки приехали в Таджикистан по путевкам, купленным в каком-нибудь тихом немецком городишке, и ходят по улицам столицы воюющей республики, с любопытством глядя на все это постсоветское бурление. Кажется, они даже молодеют от сознания причастности к Истории. Но после стрельбы на пороге гостиницы всех этих туристов словно корова языком слизнула...

...В конце концов, должна же быть совесть! Сколько можно уговаривать себя, что в Курган–Тюбе ехать незачем, да и опасно. Трусость тоже должна иметь границы и уж во всяком случае не должна мешать работе.

Трусость на самом деле очень полезное качество. Она не дает заглохнуть инстинкту самосохранения. Я замечаю, что в «горячей точке» трусости хватает примерно на две–две с половиной недели. Пока ты боишься, ты оглядываешься вокруг, просчитываешь варианты. Голова крутится на 360 градусов, и ты замечаешь все обстоятельства, которые могут угрожать твоей жизни. Это очень утомляет, отчасти даже мешает в работе, но не позволяет тебе делать какие–то опрометчивые шаги. Проходят эти первые недели, и ты уже равнодушно провожаешь взглядом пролетающую мину, а ее недалекий разрыв уже не прерывает разговора. А ведь она с таким же успехом могла прилететь и туда, где ты стоишь с собеседниками... В общем, да здравствует трусость!

...Невысокий, коренастый Зирабаншо Ахмадов до войны работал начальником Курган–Тюбинского управления милиции. Сейчас города нет, управление внутренних дел разбежалось. Зирабаншо отправил семью на Большую Землю, как он называет Россию, и, как старый сторожевой пес, продолжает охранять остатки законности в мертвом городе. В его распоряжении четыре бронетранспортера и два десятка омовцев.

Мы знакомимся с ним в ресторане гостиницы «Таджикистан», единственном месте в городе, где можно относительно нормально поесть. Хотя и здесь начинают появляться приметы общего упадка... Постепенно тают листочки некогда обширного «меню».

Узнав, что мы хотим поехать в Курган–Тюбе, он обещает нас взять с собой.

— Маршрут нам предстоит сложный, но относительно безопасный, — говорит он. — Половину пути мы летим на вертолете, который обещают дать пограничники. Там нас встретят мои омовцы с грузовиком, автобусом и двумя БТРами. В этой колонне мы приедем в областное управление внутренних дел...

Обсудив это «громадье» планов, мы расходимся. Наутро оказывается, что в наши планы внесены некоторые коррективы. Вертолет пограничники дают и почти вовремя. И мы действительно летим в Вахшскую долину. Единственное, о чем забыл нам сказать Ахмадов, — что лететь на вертолете нам придется вместе с убийцами милиционерами, которых накануне выловили из арыка со связанными колючей проволокой руками и ногами.

Судя по следам на мертвых телах, смерть они приняли мученическую. Руки и ноги обожжены до костей, в угольной черноте на груди, спине многочисленные ножевые порезы. После нескольких дней пребывания в воде мертвые ткани набухают, и следы прижизненных издевательств видны очень отчетливо.

Вертолет приземляется у старой фермы на краю Вахшской долины. Ветер ерошит серые стебли камыша на крыше и свистит в оголенных стропилах. Летчики не хотят ждать и, выгрузив трупы, улетают восвояси. Мы остаемся караулить мертвецов. Настроение аховое. Конечно, Ахмадову мы верим, знаем, что машины придут, не знаем только когда.

После часа ожидания видим качающийся на кочках сине-голубой автобус. Следом пылит БТР. Помогаем быстро загрузить трупы. По пути сюда автобус был обстрелян, и водитель не хочет второй раз испытывать судьбу, возвращаясь по старому следу. Ехать нам предстоит окружной дорогой, а она длиннее почти на двадцать километров.

Ахмадов остался в горотделе, но об обстреле ему сообщили по радики, и он должен встретить нас на этой второй дороге. Нахо-

диться с покойниками в автобусе слишком тяжело. Не только морально. Трупный смрад, кажется, пропитывает все окрестности... Мы садимся на броню БТРа.

Нам везет. До горотдела добираемся благополучно. Ахмадов наливает чай... Мы сидим в узкой комнатухе с окошком, наполовину закрытым мешками с песком.

Ахмадов пьет чай и мрачнеет:

— Сейчас поедем развозить убитых по родственникам...

Пока мы пьем чай, бойцы уже укладывают трупы в четыре гроба и накрывают красными крышками. Я слышал, что по мусульманскому обычаю покойников хоронят только в саванах и сидя. Ахмадов машет рукой:

— По какому такому обычаю их пытали? Можно подумать, у нас в отделе есть какие-то тайны, из-за которых можно так издеваться над людьми... Если привезем в гробу, то хоть родные не увидят... Гроб открывать не принято... А то ведь мстить начнут, и эта война никогда не кончится... Тех, кто это сделал, я сам расстреляю! Лично!

— Неужели знаешь, чья работа?

— Не то чтобы уверен, но догадываюсь. Верный человек над этим делом работает...

Мы отправляемся отвозить покойников родственникам, словно на боевую операцию. Автобус с гробами идет в сопровождении двух бронетранспортеров. Башни с крупнокалиберными пулеметами развернуты в разные стороны, на дверцах кабины автобуса висят военные бронежилеты. Чисто символическая защита от пули. Эти бронежилеты пробиваются автоматной пулей «на раз». Больше для душевного спокойствия водитель перекинул жилеты через открытое окно.

Город поражает безлюдьем. Изредка тишина нарушается далекой стрельбой. Горячий ветер крутит по улицам какие-то тряпочки, бумажки, страницы книг, письма... Они оседают где-нибудь в тихом уголке, становясь кладбищем чьих-то несбывшихся надежд...

Иногда нам навстречу попадаются люди. Как правило, это молодые мужчины или подростки, которые толкают тачку или детскую коляску. Иногда видно, что они везут холодильник или стиральную машину. Иногда содержания поклажи не видно, так как они при виде нашей колонны быстро сворачивают в какой-нибудь переулочек или во двор.

— Мародеры... — брезгливо морщится Ахмадов. — Брошенные дома обирают...

— Почему вы их не останавливаете, не задерживаете?

— А ты их посчитай! Таких сейчас во много раз больше, чем бойцов в моем отряде. Задержим мы их, а дальше что? Задержанных караулить надо, кормить хоть раз в день, а мы сами на двухразовое питание перешли... в неделю...

Мы выезжаем за окраину Курган—Тюбе, в небольшой пригородный поселок. Здесь война прошла стороной. Разрушенных домов почти нет. На улицах появляются люди, идущие по своим делам. В основном это женщины в черных одеждах и черных платках. От этих черных одежд солнечная улица мрачнеет.

Все женщины идут в одну сторону. В тот дом, куда мы привозим горе. Бойцы из БТРа заходят в автобус и вытаскивают гроб, на котором написана фамилия хозяина дома. Вернее, дома, оставшегося без хозяина.

Знойная полуденная тишина взрывается криком. Бойцы, пригнувшись от тяжести гроба, идут в дом по живому кричащему коридору. Трудно понять, чье горе горше... У всех женщин эта странная гражданская война унесла близких людей. И они плачут не только по тому человеку, что лежит сейчас в гробу, а по всем погибшим...

Камера трясется в руке. В горле стоит комок, который невозможно ни выплюнуть, ни проглотить. Я пытаюсь сморгнуть мутную пелену в глазах. Какому Богу или Аллаху молиться, чтобы он донес до вдохновителей и организаторов этих войн тот нечеловеческий крик, который рождается у женщины, потерявшей отца своих детей, у матери, потерявшей сына!..

И нужно работать. Ни Бог, ни Аллах не сделают того, что можешь сделать ты — человек с камерой. Через твою душу проходят эти кадры: общий план — черные одежды, черные платки, почерневшие от горя лица. Их много на общем плане... Теперь крупно — рука и лицо женщины. Скрюченные пальцы впиваются в щеки, оставляя на лице кровавые борозды. Но боль болью не пересилить... Другое лицо, искаженное горем...

Средний план — из черного провала двери выползает древняя старуха. Парализованная несчастьем, идти она почти не может...

Снова крупные планы. И лица, лица, лица...

Они снова придут к тебе — эти лица, когда ты, приехав домой, в тишине своей квартиры бессонной ночью вдруг увидишь их и услышишь этот безумный крик...

...Ахмадов стоит чуть в стороне, застывший, как соляной столб. Из широко открытых немигающих глаз текут слезы. Отчаянный мужик, не кланяющийся пулям, ходивший один на банду наркоторговцев... Это жутко...

Стряхнув оцепенение, он подходит к вдове и, словно смущаясь, отдает ей конверт:

— Вот тут, сколько смогли... Ребята собрали...

Женщина ничего не видит и не слышит, оглушенная горем. Муж пропал несколько дней назад. Но она ждала и надеялась... А сейчас — жизнь остановилась... Конверт с деньгами падает на землю. Ахмадов поднимает и засовывает его женщине в карман... Потом поворачивается и, сделав знак бойцам, выходит за ограду.

После еще трех визитов со страшными «посылками» возвращаемся в кабинет к Ахмадову подавленные и опустошенные. Ничего не хочется говорить, ни о чем не хочется думать. В ушах звучат эти нечеловеческие, словно предсмертные крики...

Наш короткий отдых прерывается самым бесцеремонным образом. Стучит неподалеку автоматная очередь. Поверх мешков в комнату влетает пуля и впивается в потолок, обдав нас известковой пудрой. Куски штукатурки падают на пол, никого, к счастью, не задевая...

Ахмадова словно выметает из комнаты. Мы растерянно смотрим друг на друга: что делать — то? Падать на пол вроде уже поздно. Выскакивать вслед за полковником за дверь — еще рано. Понадеявшись на прочность мешков, сидим как сидели...

За окном слышны крики, но стрельбы уже нет. Осторожно, не торопясь, выходим, спускаемся по лестнице и останавливаемся в проеме двери. Кричат по-таджикски, поэтому мы стараемся что-

то понять, осматривая двор управления. Черная голова Ахмадова виднеется в другом конце. Его окружают старики и что-то рассказывают. Мы подходим ближе. Суть разговора яснее не становится, но по выражению безысходности на изможденных лицах стариков понимаем, что дела их плохи, а надежды на милицию в лице ее начальника — не оправдываются...

Ахмадов уже командует. Омоновцы грузятся на БТРы, рассовывая по карманам автоматные рожки.

— Село Комсомол какие-то ... обстреляли. Старики оттуда пришли, говорят, что это «вовчики»... Если поедете с нами, марш под броню...

Володя Сварцевич бегаёт от машины к машине. Спрашивает:

— Вместе поедем?

— Ну уж нет. Во-первых, мешать друг другу будем во время съемки. Во-вторых, если один БТР подобьют, второй останется... Хоть кто-то из нас уцелеет...

— Хорошо, я сажусь во второй, — решается Володя. — Все ближе к месту действия...

— Чур, я — в третий, — говорит Хамельянин. Мне остается четвертый. В первый садиться глупо... Это все-таки не твоя война, ты здесь на работе...

Сидя в последней машине, глотаю пыль, поднятую тремя предыдущими. Колонна мчится по городу со скоростью по меньшей мере семьдесят километров в час, не притормаживая, проскакивает перекрестки. Мы вылетаем на большую площадь в центре Курган-Тюбе.

Небывалое для Курган-Тюбе зрелище — площадь перед кинотеатром полна народа. Разного возраста вооруженные мужчины, пара БТРов, и по периметру площади множество легковушек, в основном «Жигулей» без номеров. Что здесь делают эти толпы людей с автоматами, совершенно непонятно.

Вход в кинотеатр перекрыт вооруженной охраной, которая не пускает никого — ни своих, ни чужих. На нашу колонну как будто никто не обращает внимания. Словно приехали не четыре бронетранспортера с ОМОНОм, а так, грузовички какие-то. Ахмадов спрыгивает с БТРа и идет напрямик на охранника у входа в кинотеатр. Тот делает было движение перекрыть полковнику дорогу, но, взглянув на его лицо, молча отодвигается.

Сделав каменное лицо, иду за ним, стараясь не отставать. Охранник уже не делает попытки остановить. Навстречу нам по коридору идет какой-то человек с кипой бумажек. Ахмадов оста-

навливает его вопросом: «Где Мулло Хайрулло?..» Писарь показывает на белую дверь. Ахмадов заходит без стука. Оторвавшись от каких-то документов, навстречу нам поднимается невысокий молодой человек в белой чалме и тонких очках на покрасневших от утомления глазах.

Мулло Хайрулло — один из новых лидеров исламской оппозиции, несмотря на свою молодость, успел побывать в советских тюрьмах по разным обвинениям, в основном по уголовным статьям. Сейчас, став лидером, он утверждает, что сидел «за политику». Нет оснований ему не верить, но это — слова, которые, как иногда шутят следователи, к «делу» не пришьешь. Одновременно с революцией делается и история. «Сделана» она бывает наспех, кое-как и поэтому тут же корректируется. Кто с корректировкой не согласен, нам не попутчик. Арыков в стране много...

К делам же, которые вершатся под лозунгами возвращения к вековым «исламским ценностям», больше подходит определение из «уголовного кодекса» — «с особой жестокостью». Стою в стороне и, не зная таджикского языка, просто наблюдаю за выражением лиц собеседников. Они почти одного, небольшого роста — крепкий коренастый полковник в запыленном «камуфляже», прямодушный и не стесняющийся в выражениях, и тонкий, почти хрупкий мулла в черном одеянии и снежно-белой чалме. За этой кажущейся хрупкостью — недюжинный ум, способный подчинить толпу.

Насколько Хайрулло способен контролировать своих людей? Священнослужитель, мулла становится политическим лидером в исламской стране — это очень опасное для граждан этой страны обстоятельство. Лидер посылает своих людей на грех, и он же именем Аллаха отпускает грехи... «Восток — дело тонкое!..»

...Видимо, Ахмадову не очень удастся разговор с муллой, так как возвращается он к бойцам не в лучшем настроении. У меня же от этой встречи остается такой осадок, что, отставая на полшага от полковника, стараюсь держать в поле зрения пространство за нашими спинами.

Что делать? Не понял ни слова из разговора, но вынес стойкое ощущение опасности собеседника, его способности отдать приказ на выстрел в спину. Сам он не будет мараться, но намекнет своим «нукерам», и все — «юрчиками» звали...

...Пока мы беседовали со служителем Аллаха, Хамельянин загружается в БТР оппозиции.

На вооружении противоборствующих сторон одинаковое, советское оружие и советская же бронетехника. Выучка — тоже со-

ветская. Все, кто взял в руки оружие, прошли школу под командованием одних и тех же генералов. Обратная сторона всеобщей воинской повинности. Гражданин выполняет «почетную обязанность» по защите СССР, а потом, когда СССР разваливается, конфликтующие стороны получают обученных, «годных к строевой» убийц. И военный Молох пожирает своих непутевых детей. На любые темы бойцы говорят по-таджикски, но военные команды отдаются исключительно по-русски и приправляются русским же матом.

Воистину велик и могуч этот русский язык межнационального общения, который сейчас в бывших братских республиках применяется как язык братоубийства.

Я не успеваю остановить Хамельянина. БТР скрывается в тучах пыли. Устанавливаю штатив прямо посередине площади, долго и нудно прикручиваю камеру. Как мусульмане отнесутся к съемке, непредсказуемо. В таких случаях лучше не торопиться.

У фотографа и телеоператора множество возможностей затянуть время, четко обозначая свои намерения. Говорю всем своим видом, что собираюсь снимать, что у «начальства» благословение получено и делаю свое дело совершенно открыто. Кто не хочет попадать в камеру, скатертью дорожка — никто никого не неволит...

...Вспоминается одна съемка.

Самолеты в Грозный не летают. Российская власть блокирует Чечню, избравшую президентом мятежного генерала Джохара Дудаева. Вначале — то она смотрит на все это «демократическое безобразие» относительно спокойно. Но до поры до времени... Как только новоиспеченный президент объявляет о намерении стать субъектом международного права и требует для своей республики независимости, власть начинает шевелиться, и первое, что она делает — отменяет все рейсы в Грозный.

Лететь приходится до Махачкалы, а там «хоть тушкой, хоть чучелом», по земле. Расстояние небольшое, часа три езды, и мы занимаем какой-то «Москвич», почему-то с питерскими номерами. На вокзале все сильно сомневаются в нашей затее — на ночь глядя, ехать в Грозный...

На административной границе между Дагестаном и Чечней устроена жидкая баррикада, которую охраняет пестро одетая группа давно не бритых мужчин. Водитель, проклиная нас и собственную жадность, останавливает «Москвич». Увидев «американ-

ские» документы, часовые с нами достаточно вежливы, но водитель отдувается за всех. Видно, среди ополченцев есть милиционеры, так как они достаточно профессионально ставят водителя в положение «ноги расставить, руки на капот». К счастью и для нас, и для водителя, не находят ничего криминального и отпускают с миром.

Водитель останавливается на границе Грозного и наотрез отказывается ехать дальше. На улицах безлюдье, слышна стрельба. Приходится прибегнуть к универсальному языку межнационального общения — удвоить оплату за проезд. Выезжаем на центральную площадь, буквально запруженную вооруженным народом. С трудом подъезжаем к гостинице «Кавказ». Водитель выскакивает из машины:

— Скорей, скорей выходите, и денег ваших не надо, машину бы не отобрали...

Выгрузившись, честный расчет все-таки производим, стараемся, чтобы наши финансовые манипуляции не видели окружающие...

Быстро заносим в гостиницу наш громоздкий багаж. В огромном кофре проявочные бачки, запас химикатов — все «причиндалы» для проявки пленки. Другой чемодан — спутниковая антенна и все, что нужно для передачи снимков в Лондон и Москву.

По холлу гостиницы шатается вооруженный охранник с автоматом.

Поднимаем в комнату наш багаж и, оставив Витю Голикова с ним разбираться, с Андреем Соловьевым выходим на площадь.

Вдруг со всех сторон начинается бешеная стрельба. Люди что-то кричат и палят в воздух. У окружающих выясняем, что все это ликование по поводу объявления парламентом Чечни независимости. Странная, надо сказать, независимость, какая-то ущербная. Это как в футболе — играют на поле две команды, но ворота для голов поставлены только одни...

Впрочем, ночь независимости только начинается, и нужно как-то отразить в снимках, что же это все-таки за зверь — независимость отдельно взятого органа от всего человеческого тела. Ну вот, печень взяла и объявила независимость! Но тело не покинула, а продолжает в нем существовать... Можно, конечно, вырезать орган и выбросить в тазик.

Независимость? Пожалуйста! Но со всеми вытекающими... Граница, визовый режим, оплата за все по мировым ценам. Богаты нефтью? Продавайте, но за ее транзит полновесной конвертируемой валютой заплатите. На работу в Россию? Милости просим. Визу, приглашение... Ответственность по полной программе!

...Людей с автоматами на площади перед гостиницей пока эти проблемы не волнуют. Царит эйфория свободы и вседозволенности. Захотел — и пострелял в воздух...

Привлекает внимание группа у могилы Неизвестного солдата. Люди разного возраста сидят на садовой скамейке, стоящей вплотную к Вечному огню, спокойно беседуют, греются. Больше стариков в папах. Из-под скамейки видна литая надпись «Имя твоё неизвестно, подвиг твой бессмертен».

На решетке Вечного огня кипит чайник. Один из группы, по-моложе, стоит, переступая с одной босой ноги на другую. На высокой папаше из светлого каракуля — зеленая лента, расписанная арабской вязью. Он держит в руках палку, протянутую над Вечным огнем. С палки свисают темные носки, сушатся.

Вокруг могилы и Вечного огня раньше был фонтан, а сейчас осталась сухая чаша. Точка съемки нужна повыше. Подтаскиваю какой-то стол, из той мебели, которая в изобилии стоит там и сям на площади, залезаю. Низковато. Нахожу колченогий стул, снова залезаю. Картинка — что надо! Видна часть надписи на могиле, люди на лавочке, виден чайник и человек с носками. Несколько раз срабатывает фотовспышка. Снято. Меняю широкоугольный объектив на «телевик», делаю еще щелчок — чайник на Вечном огне.

Спуститься со своей пирамиды уже не успеваю, останавливаюсь на столе, окруженный автоматными стволами, направленными на меня. Положение идиотское. Сажусь на стуле, стоящем на столе, который, в свою очередь, стоит в чаше пересохшего фонтана, у Вечного огня, на котором кипит чайник и сушатся носки. Чудненько!

Старательно делаю вид, что меня интересует что-то на другом конце площади. Одним глазом смотрю в видоискатель, другим — отыскиваю лазейку для отступления. Лазейки нет, люди стоят плотно. Ну что бы мне вначале к ним не подойти, не поговорить «за жизнь».

Делаю вид, что сию секунду их заметил:

— Поздравляю, мужики, — чувствую, звучит очень фальшиво. — Какие проблемы?

Нахально отодвигаю одно дуло автомата. Делаю вид, что хочу слезть со стола, втискиваю в толпу стул и, повернувшись спиной ко всем автоматам в мире, слезаю со стола. Но теряю преимущество по высоте. То я смотрел на них сверху вниз, сейчас — на равных. Продолжаю молотъ:

— Ну вот, теперь вы независимые, что дальше? Вот ты чем будешь заниматься? А ты? — пристаю к незнакомым людям.

Сквозь толпу протискивается тот, с носками. Носки он уже успевает надеть. Успевает и обуться.

В руках у него нет автомата. Это слегка радует.

— Ты разве не знаешь, что нас фотографировать нельзя?

Я — весь внимание, что дальше? Если уж упустил инициативу — держи паузу. Он продолжает:

— По мусульманскому закону человека нельзя фотографировать. Ты нарушил закон! — грязный палец упирается мне в грудь.

Лихорадочно соображаю — что делать? Самое главное, я не очень уверен в существовании такого закона. Это как — то нервирует. Вести съемку приходилось во многих странах мира, в том числе и тех, которые традиционно считаются родиной ислама. Иран, Ирак, Арабские Эмираты... Но черт их знает, может быть, они тут приняли какой-нибудь новый закон?

— Я снимал чайник на огне, — уверенно вру, вспомнив про последний снимок. — Иди сюда, сам увидишь... — и отдаю ему в руки фотокамеру. Отдаю, конечно, скрепя сердце. Нет никакой уверенности, что получу ее обратно. «Никон» — дорогая камера, но жизнь — дороже.

Получив в руки такую игрушку, боевик даже как-то шалееет. Он крутит ее в руках, как мартышка очки в басне Крылова — «то к сердцу их прижмет, то их на хвост нанижет, то их понюхает, то их полизет...». Остальные автоматчики про меня забывают, так им нравится камера. Они смотрят во все стеклышки, но ничего, естественно, не видят. Перед тем как передать фотокамеру боевику, я сбросил зеркало. Есть такая функция в «Никоне-3».

— Куда смотреть — то, тут ничего не видно... — даже с какой-то детской обидой говорит боевик.

— Не может быть, я — то вижу... — забираю у него камеру и показываю ему картинку в видоискателе. Зеркало, естественно, опущено на место. Он смотрит и радуется. Сильный телеобъектив дает прекрасное изображение дальних планов, но размывает ближние. По очереди боевики подходят и смотрят в видоискатель. «Законы шариата» забыты, их нарушитель уже выступает «инструктором по фотоделу». Как только кому-нибудь приходит в голову взять камеру в руки, я без сопротивления отдаю, но зеркало при этом незаметно сбрасываю, а без него камера превращается просто в кусок блестящего железа и ценность свою в глазах боевиков теряет.

Они очень удивляются «уму» японского механизма, работающего только в руках хозяина, а мне остается только поддерживать это спасительное для меня заблуждение...

А что бы мне не начать свою работу с такого «урока»? Проблем на мою голову было бы значительно меньше...

...На курган-тюбинской площади к камере народ относится гораздо спокойнее. Напротив, у меня появляется парочка добровольных экскурсоводов, которые готовы все объяснить и все показать. Их усердие нужно как-то компенсировать, и я старательно направляю камеру туда, куда они указывают.

Кнопку «Пуск» нажимать при этом необязательно, главное, чтобы видели, что ты обратил внимание. Впрочем, есть и очевидное преимущество у видеооператора перед фотографом. Фотограф щелкнул затвором, пленка навеки загублена. Видеооператор снял для «почтеннейшей публики» какую-то картинку, ненужную ему совершенно, — спокойно отматывает пленку назад и снимает на эту же пленку снова, и даже без потери качества. Какая-никакая экономия. Не времени, так материала...

Вообще, если ты находишься в «горячей точке» на территории одной из противоборствующих сторон, то ты вольно или невольно становишься выразителем идей этой стороны. Просто потому, что у тебя нет технической возможности получить иную точку зрения. Происходит своеобразная «вербовка». Если нет «противовеса» на стороне противника в виде твоего коллеги из того же издания, агентства или телекомпании! Иногда узнаешь о противнике очень много интересного, но не имеющего никакого отношения к истине.

Выход здесь может быть только один — в своих материалах никогда не быть судьей. Истинная сущность профессиональной настоящей журналистики — быть «над схваткой». Факт, событие — «альфа» и «омега» твоей профессии. Выводы, домыслы, комментарии, обзоры — это другая профессия. Нет ничего хуже для репутации — замараться в информационной войне.

Иногда «отдельные» кабинетные обозреватели, или, как их еще называют — «обзиратели», норовят втянуть честного журналиста в свои политические разборки.

Передаю информацию — картинка и полстранички текста. Информация убойная — и картинка, и текст говорят сами за себя. Ну, не считай своего зрителя дурнее себя!

В вечерних новостях текст переделан до неузнаваемости. Добавлены оценки: «Ах, какие они нехорошие!» На другое утро мне стыдно в глаза смотреть людям, о которых прошел сюжет... Устраиваю небольшой телефонный скандал. В следующий раз текст передают полностью, без искажений, но после сюжета ведущая

добавляет свой «хвост», где, с видом молодой, но уже строгой учительницы, также ставит оценки военным, действующим в конкретной обстановке. Так и хочется крикнуть: «Сначала сопли утри!» Так ведь все равно не услышит...

...Наши ряды редеют. Грузимся в БТРы уже вдвоем, не считая, конечно, двух десятков омовцев, и возвращаемся на базу Ахмадова. Хамельянин нарушает одну из первейших заповедей. Хорошо бы хоть снимки оправдали риск!

Не успеваем выгрузиться на базе, как снова тревога. Стрельба в совхозе «Коммунизм». Снова гонка по пустым улицам «мертвого» города — и мы словно попадаем в рай. Тенистые улочки, шелест воды арыков. Благолепие нарушают множество встревоженных людей на улице. Все они что-то кричат и показывают в одну сторону. Взревев мотором, подняв тучи пыли, наша колонна сворачивает на грохот выстрелов.

В чреве БТРа воздух густой и накаленный. Температура воздуха на улице градусов тридцать, но она кажется после БТРа освежающей прохладой. Пот буквально заливает глаза. Переговоры по радиации идут на таджикском языке, и вдруг по-русски: «Гранатометы слева! Выход вправо!» Передо мной вдруг распаивается выход, в лицо вместе с прохладным ветром летит пыль и мелкий гравий из-под колес резко затормозившей машины. Через узкую дверь с моими габаритами и так-то тяжело выбраться, а тут еще камера, кофр с батареями, штатив. Стараясь не повредить камеру, начинаю выбираться из бокового люка... и тут получаю сильнейший толчок крепкого десантного ботинка.

Длинный плавный полет и жесткое приземление на дне перекошенного, к моему счастью, арыка. Высокая трава закрывает видимость. Сижу тихо. Отовсюду стрельба. По стволу тутовника стучат пули, на меня сыплется древесная труха и мелкие веточки.

Стрельба стихает, и я осторожно выглядываю из травы. Полет мне только показался длинным. Метрах в двух от меня на дороге стоит БТР. Весь экипаж и десант куда-то «испарился». Похоже, что вести о «гранатометах слева» были сильно преувеличены. Сидя в высокой траве, ничего не увидишь, поэтому ложусь на обочину и перекатываюсь под огромное колесо. Ползком перебираюсь к корме. Здесь уже что-то видно. Стрельба разгорается с новой силой. Бойцы, с которыми я сюда приехал, метрах в пятидесяти от меня перебегают от дома к дому и куда-то стреляют. В нашу сторону тоже идет стрельба, но за кормой бронированной машины я чувствую себя в относительной безопасности.

Внимательно оглядываюсь. Вперед дороги нет. Первый БТР, пытаюсь развернуться, застрял на узкой дороге. Ни одна машина не подбита. Стрельба идет только из стрелкового оружия. БТР пробить невозможно, а от мягкой древесины стволов тутовника пули не ricochetят. Можно работать... Поднимаю камеру и начинаю снимать бойцов. Вот один прячется за стволом и выпускает пулю за пулей в невидимую мне цель. Бойцы перебегают улицу. Один стреляет, прикрывая бегущего, который, в свою очередь, тоже стреляет на бегу... Вижу еще двоих, расположившихся у поваленного ствола. Стрельба ураганная...

Еще одна улочка, перпендикулярная дороге, на которой стоит наш БТР. Там тоже перебежки и стрельба... «Картинки» фантастические... Кто-то дотрагивается до плеча и начинает сильно нажимать. Я отмахиваюсь — идет съемка. Нажим усиливается...

Оборачиваюсь с готовым сорваться проклятием и вижу, что нажимает на меня огромная бронированная корма машины. Оказывается, водитель ее не покинул или вернулся вовремя. Двинься он чуть побыстрее — и перемолол бы меня вместе с камерой своими колесами-жерновами... Бойцы начинают возвращаться, перебегая от домов к дороге, на ходу запрыгивают в боковой люк. Один из них делает мне знак садиться и открывает стрельбу. Под прикрытием его очередей я тоже заскакиваю в машину. И БТР увеличивает скорость.

Возвращаемся в «райский уголок», в то село совхоза «Коммунизм», откуда начали свой рейд. Вокруг нас собирается толпа народа. Гордые омоновцы пожинают плоды «победы». Из перестрелки выбрались все целыми и невредимыми. Тот БТР, который я видел застрявшим поперек дороги, все-таки выкарабкивается и занимает место в строю. Бойцы гордо и немножко снисходительно «пожинают лавры». Женщины выносят в ведрах холодный айран, молочный напиток, что-то среднее между кефиром и ряженкой, и все пьют его после жаркого боя с удовольствием.

Из второй машины выбирается Володя Сварцевич, мокрый, какмышь, и злой.

— Ну, как съемка? — спрашиваю его.

— Какая, к черту, съемка? — ругается Володя. — Я головы высунуть не мог, такая была стрельба. Ни одного кадра не снял... А ты как?

— Снято пять минут тридцать семь секунд. Но снято только с одной стороны. Противника я так и не увидел...

— Я и своих-то не увидел... — грустит Володя.

Я отматываю кассету, и Сварцевич смотрит в видеоискатель камеры. В нем, как в миниатюрном телевизоре, видны все подробности скоротечного «боя». Бойцы тоже хотят увидеть то, что видел оператор. И они, отталкивая друг друга, все пытаются заглянуть в видеоискатель. Порядок наводит командир:

— Конец кина! — и обращается ко мне: — Ты что, сумасшедший? Я впервые вижу оператора, который снимает во время боя, стоя во весь рост. — Говорит он мне, но явно рассчитывает на внимание окружающих. Бойцы галдят и одобрительно хлопают меня по спине. Такое внимание, не скрою, приятно. Не буду же я рассказы-вать о том, что все рассчитал, что попасть в меня было невозмож-но даже теоретически... Ахмадов продолжает:

— С сегодняшнего дня мы принимаем оператора в состав та-джикского ОМОНа...

— Спасибо, конечно, но я вам по возрасту не подхожу. Ста-роват.

— Ничего, мы тебя принимаем в «почетные омовцы» с выда-чей нагрудного знака...

Он откалывает от своей гимнастерки и дарит мне значок ОМОНа — большого орла с распластанными крыльями, настоящее произведение искусства. Этот значок омовца с тех пор остался у меня как память о хорошем человеке.

...Мы возвращаемся на «базу». Цель нашего рейда осталась непонятной. Потерь с нашей стороны не наблюдается, хотя стрельба велась страшная. Судя по отдельным репликам бойцов, противник тоже потерь не понес. То, что в нашу сторону стреляли, и стреляли много, я готов подтвердить под присягой. Есть и еще живой свидетель — Володя Сварцевич. Когда я спросил о целях и результатах этого рейда, Ахмадов ответил туманно:

— Так было надо!

Поистине — «Восток — дело тонкое!». Так с неразгаданной загадкой и с шикарным «боевым» материалом я возвращаюсь в Москву. Но нет ничего тайного, которое не стало бы явным.

Спустя две недели встречаю нашу «пропажу» — Гешу Хамель-янина. Вспоминаем наши поездки в Курган-Тюбе, и выясняется, что отряд Ахмадова, оказывается, вел бой с неизвестным БТРом, который устроил стрельбу в совхозе «Коммунизм». До него мы не доехали буквально сто метров.

— Ты знаешь, — говорит Хамельянин, — только мы проезжаем село, нам навстречу четыре БТРа... Вот стрельба была! Один хотел

от нас удрать, так развернуться не смог. Так и застрял поперек до—
роги — ни назад, ни вперед. Там, наверное, трупов не меряно...

— Да нет, никого не убили, все целы...

— А ты откуда знаешь?

— В тех четырех БТРах ехали и мы со Сварцевичем...

Таджикистан.

ЗАЛОЖНИКИ ЧУЖОЙ ВОЙНЫ

Пыль, которую поднимают восемь колес бронетранспортера, часами висит в неподвижном воздухе. Мелкая и легкая, она забивается в самые мельчайшие щели. Даже под плотно закрученную крышку армейской фляги и под несколько слоев полиэтилена, в который завернут хлеб. От этой вездесущей пыли вся наша пища имеет какой-то болотный привкус. Правда, чувствуешь его только на первых двух-трех ложках, а потом (голод — не тетка) этот привкус то ли забывается, то ли к нему привыкаешь, и на отсутствие аппетита на погранзаставах никто не жалуется.

От жары и пыли спасение только на берегу Пянджа. Его ледяная коричневая вода ревет так, что даже в десяти шагах от берега слов собеседника не слышно, и для обмена мнениями нужно орать во весь голос. Зато хорошо ощущается дрожь земли, которую сотрясают громадные валуны, катящиеся по дну реки. От берега то и дело отваливаются огромные комья земли и, едва коснувшись воды, растворяются темными струйками.

Раскачиваясь, как лодка на пологой волне, наш БТР плывет по дороге, которая извивается вдоль берега Пянджа. Ниже дороги, повторяя ее прихотливые изгибы, тянется колючий »железный занавес«. Прочность его проверена десятилетиями. Однажды неопытный механик-водитель танка не успел повернуть на крутом повороте, и сорокатонная машина сползла с обрыва к реке. И не миновать бы экипажу ледяной купели с последующими »оргвыводами«, но танк уперся в »колючку« и повис над рекой, удерживаемый только проволокой »системы«.

»Системой« пограничники называют колючую проволоку, намертво прибитую к столбам и опоясывающую по периметру всю страну. Здесь, на берегу буйного Пянджа, она не срабатывает. Река уносит землю, в которую вкопаны столбы, и они повисают на проволоке, раскачиваясь над потоком. В государственной границе образуется большая брешь, вернее, промоина, в которую запросто пролезет нарушитель, даже если он придет на электричке.

Правда, нарушители на электричках не ездят, и не потому, что здесь нет электричества. Границу пересекают в основном на надутых автомобильных камерах. Самый простой и дешевый способ

переправы через Пяндж. Если не считать «мелочи» — бдительных пограничников.

Пограничный наряд, два–три служивых с собакой, днем постоянно ходят вдоль «колючки», высматривая следы возможного проникновения нарушителей, а ночью прячутся в «секреты» — оборудованные для долгого неподвижного наблюдения окопчики, замаскированные травой и камышом. Из окопчика в приборы ночного видения они осматривают сверкающую в лунном свете реку, стараясь заметить среди коряг и мусора, плывущего в буйных струях холодного Пянджа, фигуры лазутчиков и контрабандистов.

Съемка на пограничной заставе на первый взгляд, как и служба, скучна и однообразна. По знаменитому «закону бутерброда», который всегда падает маслом на пол, в дни пребывания журналиста на заставе ничего не происходит. Как будто нарушители знают о приезде съемочной группы и устраивают себе выходные дни. Это обстоятельство журналистов печалит, а пограничников радует. Раньше, при советской власти, мы «создавали правду жизни», и наличие либо отсутствие нарушителей на выполнение редакционного задания не влияло. На размер гонорара, кстати, тоже. В любом случае он был чисто символическим.

Одного из пограничников переодевали в «цивильную» одежду, похожую на ту, в которую, по замыслу фотографа, мог одеваться шпион, пускали по следу красивую собаку, похожую на Джульбарса из одноименного кинофильма, и готово — героический сюжет о пограничниках снят. Пожалуйста в кассу...

Бывало, что удачный материал приобретало какое–нибудь западное издание и платило за него настоящие деньги. Для абсолютного большинства журналистов и фотографов это обстоятельство скорее служило источником неприятностей по партийной линии и становилось причиной завистливой неприязни коллег.

Однажды чехословацкий журнал, «побратим» советского «Огонька», приобрел у меня большое количество негативов и заплатил за них фантастическую по тем временам, когда доллар стоил 58 копеек, сумму — 250 долларов. Чехи, наверное, тоже не очень верили своим деньгам и расплачивались с иностранными авторами американской валютой. Заведующий отделом иллюстраций позвонил мне, поздравил с публикацией и сказал, что деньги мне уже отправлены. Примерно через шесть месяцев(!) мне пришел перевод на... 4 доллара 57 центов. Остальные деньги ушли в подоходный налог и оплату за услуги банка...

...Чтобы пережить судьбу, нужно терпение и возможность компании ждать хорошего эксклюзивного материала. День проходит за днем, но ничего не происходит. Или сообщают о задержании в Московском отряде, тогда как я нахожусь в Пянджском, почти в двухстах километрах от эпицентра событий.

Случай, везение на войне — вещь не последняя. И хотя рассчитывать на случай глупо, для того чтобы ухватить за хвост удачу, ты и твоя камера должны быть, как юные пионеры — «всегда готовы!».

После долгих переездов и переходов вдоль границы, от заставы к заставе, объявляется обеденный перерыв. От всепроникающей пыли и пота джинсы становятся словно картонные и при движении бумажно шуршат. Впечатление такое, что штанины вот-вот сломаются или пойдут трещинами. В конце концов борьба с толстой тканью надоедает, и пограничники одевают меня в маскировочный балахон. Сетчатые рубашка и брюки этого нехитрого одеяния легко как пропускают, так и выпускают воздух и пыль. Говорят, что материал этот еще и не горит, но это свойство своего облачения мне проверить, слава Богу, не довелось. Но, одеянием слившись с массами, чувствую себя не только легче в сорокаградусной жаре, но и как-то защищеннее...

На обед приглашают пограничники, которые живут на заставе «облегченного» типа. Два десятка бетонных блоков образуют пуленепробиваемый периметр, сверху все это неказистое сооружение накрыто брезентом палатки и маскировочной сеткой. Темно-зеленая сетка никого и ничего не маскирует, выделяясь ярким пятном на фоне светло-желтого, почти белого песка. Вход в «заставу» после пребывания на свирепом полуденном солнце кажется преддверием рая. Мы минуем «предбанник» и оказываемся в просторной, затененной комнате, темнота которой прорезана яркими спицами лучей, проникающих через щели в кладке и дырки в парусине на потолке.

Пограничники не утруждают себя ношением формы, да и вообще какой-нибудь одежды, подставляя солнцу дочерна загорелые спины... Прибытия особо крупного начальства не предвидится, и они принимают гостей по-домашнему. Офицер и десяток солдат, свободных от патрулирования, собираются на рыбалку. Прихватив камеру, я отправляюсь с ними. Не видя в руках пограничников никакого рыбацкого снаряжения, потихоньку интересуюсь способом ловли. Ребята смеются:

— У нас своя снасть... — кивают на зеленый патронный ящик: — Сейчас будем рыбачить «по-пограничному»...

Пройдя с километр по песку и жухлой траве, входим в желто–зеленую чащу камыша. Под ногами начинает пружинить своеобразный настил, сплетенный из упавших в прошлом году побегов, гниющих стволов и корней. Под настилом при каждом шаге чавкает вода. Камыш стоит стеной, высотой в два человеческих роста. Рассказывают, что именно здесь, в пойме Пянджа, водились тигры и кабаны, но с началом войны и стрельбы они ушли, и сейчас эти камыши служат надежным укрытием для лихих людей...

Днем ни боевики, ни контрабандисты носа из камышей не высовывают, но гулять одному и без оружия в этих местах сильно не рекомендуется.

Командир нашей продовольственной рыболовецкой «артели», юный лейтенант, подходит к бочажку, который образован рекой во время очередного разлива, и внимательно рассматривает поверхность воды. Никаких приготовлений к рыбалке в общепринятом смысле не происходит. Только солдаты снимают сапоги и брюки, готовясь к купанию. Пока я разговариваю с солдатами, поверхность воды словно вскипает буруном и над рекой проносится гулкое эхо.

Ил и муть, поднятые со дна взрывом незаметно брошенной гранаты, расходятся, и на поверхности остается оглушенная рыба. Солдаты бросаются в прохладную, хотя и грязноватую воду и быстро выбрасывают на берег полтора десятка рыбешек размером с ладонь.

Я не выдерживаю и, моментально раздевшись, бросаюсь в воду с предвкушением огромного удовольствия от купания после многих дней, проведенных в круглосуточной жаре. Но радость моя — преждевременна, вода обжигает ледяная... Не настолько, конечно, как на быстрине, но мышцы становятся каменными, и некоторое время любое движение причиняет боль.

Выскакиваю из воды, как ошпаренный, но солнце, в знойном мареве висящее среди мутного неба, снова загоняет в воду. После первого судорожного вдоха начинаю понимать, что вода, даже такая холодная, была прародительницей всего сущего, и в полной мере оцениваю прелесть такого сверхконтрастного купания.

Через несколько минут собрано ведро рыбы. Рыбалка «пограничному» оказалась намного эффективнее любой другой. Еще через час мы отдаем должное и пограничной ухе.

Отдых был недолгим. И вот уже наш небольшой отряд снова загружается на горячую броню, и мы продолжаем путь...

...Синий вечер опускается на территорию Пянджского погранотряда. ...Вечер приносит долгожданную прохладу.

В Пянджском отряде шло вздыхает духовой оркестр. Солдаты старательно надувают щеки, извлекая из помятых и поцарапанных труб не очень музыкальные, но очень громкие звуки, которые благополучно заглушают колокол громкоговорителя, висящего на столбе.

Под оркестр на плацу маршируют первогодки, отличаясь от старослужащих мешковато сидящей темной формой. Скоро она выцветет от свирепого солнца и едкого пота, побелеет и сольется по цвету с такими же, словно выгоревшими красками окружающего пейзажа. Солдатики старательно «тянут ногу» и так же старательно поворачиваются по команде «кругом» в разные стороны. Около столовой вкопана «перекладина», самый ненавистный для солдата гимнастический снаряд. Все, проходящие в столовую, должны подтянуться на ней три раза, иначе ужина не видать. Кто может, быстро подтягиваются и не по три, а по десятку раз и быстро проскакивают в дверь столовой. Кому это не удается, делают много подходов, пока старшина, наконец, не машет безнадежно рукой и пропускает в столовую всех... Обстановка умиротворенная и расслабленная.

Мы сидим в беседке и ведем неспешную беседу, которая так или иначе сводится к обстановке на границе... Сквозь пытение марша, который исполняет духовой оркестр, слышны невнятные звуки отрядного радио. Что оно бормочет, разобрать не могу, как ни стараюсь... Оркестр все заглушает. Офицеры же время от времени к нему прислушиваются и даже кивают, как бы соглашаясь с невнятными для меня сентенциями...

Вдруг — тут никак не уйдешь от расхожего штампа, ибо на границе все происходит «вдруг» — обстановка кардинально меняется, и расслабленный лагерь в доли секунды начинает напоминать развороченный муравейник. Оркестр на середине марша, жалобно пискнув, замолкает, а оркестранты, побросав инструменты на траву, разбегаются по казармам... Радио сразу словно возвышает голос и четко произносит: «пятьдесят пять, пятьдесят пять, пятьдесят пять...».

— Что такое? — обращаюсь к одному из офицеров в красной повязке, на которой осыпавшимися белыми буквами написано «...журный по час...», что должно обозначать самое высшее должностное лицо в отряде после командира — «дежурный по части».

— 55 — «боевая тревога»! — говорит он и, гремя большой связкой ключей, убегает...

Бесстрастная камера зафиксировала эту мгновенную смену ритма жизни Пянджского погранотряда. Спустя считанные секунды распахнуты ворота ангаров и на дорожку, окружающую пустынный плац, выезжают грохочущие моторами и гусеницами боевые машины пехоты — БМП, приземистые и хищные БТРы на мягких огромных колесах и, наконец, оцетинившиеся стволами танки 201-й мотострелковой дивизии, приданные отряду, покрытые, как панцирем, стальными прямоугольниками защиты... Пограничники занимают места в кузовах «Уралов». Овчарка, прыгнувшая в кузов вместе с солдатами, лает на камеру и штатского оператора. В отряде для собаки, привычной к военному облику «своих», все, кто в штатском — чужие...

Через секунды пестрая, но от этого не менее грозная колонна готова отправиться в путь. Начальник штаба, подтянутый и гибкий полковник Д. машет мне рукой, приглашая с собой в «уазик». Повторять приглашение ему не приходится. Как могу быстро, я втискиваюсь на заднее сиденье... И кто придумал такие тесные и неудобные машины для командирского состава?

На мой взгляд, в армию, в погранвойска, на передний край должны отправляться оружие и техника, отражающие самые последние достижения конструкторской и научной мысли. Здесь же — десятками лет выпускающиеся «козлики» сменили не менее неуклюжие и ненадежные «уазики», с неплотно прилегающими дверками, рассыпающиеся на ходу. Единственное их достоинство — их можно привести в действие после поломки с помощью проволоки, молотка и «е... твою мать!». И это — последнее достижение военной науки?

Чем можно объяснить появление в войсках БМП-60 с узким боковым входом, расположенным между огромными колесами? Кто его конструировал? К сожалению, не знаю — «военная тайна». Но этот горе-конструктор оснастил его двумя бензиновыми моторами, которые при любом удобном случае взрываются и горят, выжигая внутри весь экипаж. Создается такое впечатление, что техническое обеспечение армии, связь и многое другое находятся в руках домохозяек в лампадах, которые заботятся не о людях, а о том, чтобы кастрюли были надраены, а на кухне не было ни пылинки...

Впрочем, в этих заметках мне еще не раз придется вернуться к этой теме, так как в армии журналисту передвигаться не на чем, кроме армейского транспорта, но он представляет вполне определенную опасность для жизни тех, кто его использует. И если солдаты, офицеры не видят опасности или пренебрегают ею, то

почему должен рисковать журналист, оператор? Им нужно не фронтовые подвиги совершать, а делать материал, сюжет, репортаж, а главное, вовремя и без потерь доставить в редакцию, чтобы газета, журнал, выпуск новостей своевременно попали к читателю и зрителю...

... Грузовик с пограничниками уже давно скрылся в камышах, а машина начальника штаба медленно пробирается в почти осязаемых клубках пыли, поднятых его колесами. Отчасти это утешает — мы на верном пути, но и удручает, так как быстрее ехать мы не можем, ничего не видя в пыльной мгле. Наконец останавливаемся и глушим двигатель.

Внезапно наступившую ватную тишину нарушает посвист неизвестной ночной птицы. Тишина и безветрие — невероятные. Вокруг нас черная чаща камыша. Высокие стебли чуть ли не смыкаются высоко над головой, закрывая искристую полосу звездного неба.

Привыкнув к тишине, начинаем различать отдельные звуки, на которые распадается безмолвие. Над головой с шорохом пролетает какая-то ночная птица, мелькнув в свете фар огромными мягкими крыльями. Под чьими-то шагами потрескивает камыш, шуршат, раздвигаемые тяжелым телом, стебли. Пыль над дорогой, кажется, повисла навечно. Наконец она немного редее. Водитель достает из-за сиденья автомат и смотрит вдоль дороги в ночной прицел. Потом передает автомат командиру. Наконец очередь доходит и до меня...

В прицеле ночь словно подсвечивается фосфорным зелено-голубым огнем. В визире сначала видны цифры и таблицы, словно вся эта таблица углов и склонений, поправок на ветер и расстояние висит прямо над дорогой. Потом глаз начинает различать детали. Кажется, что совсем недалеко от нас виден зеленый грузовик, из которого призрачными тенями выпрыгивают солдаты. Звуков до нас не доносится никаких, так как на самом деле до грузовика метров 400—500. Видно, как солдаты разворачиваются в цепь и уходят с дороги.

Первый звук, который доносится до нас, это стук автоматной очереди. Высоко над головами небо прочерчивает трасса. Как рассерженные светляки, пули, улетая в небо, сбиваются в плотную стаю. Мы приседаем, прячась за автомобиль. Та пуля, полет которой ты услышал, тебе не предназначена. Свою пулю ты не услышишь никогда...

Кто придумал расхожий штамп о «свисте пули»? Все что угодно, но пуля — не свистит. Этот звук близко пролетевшего раскаленного кусочка металла можно сравнить со звуком рвущейся тонкой наэлектризованной ткани... Если она пролетает совсем близко, то до волос и щеки долетает короткий горячий выдох смертного ветерка... А это действительно страшно... Но страх приходит потом...

Вспыхивает короткая, но ожесточенная перестрелка. Наконец, словно подводя черту, рывкает короткая очередь пулемета, и вновь на нас опрокидывается тишина... Мы с места не трогаемся, так как можем стать мишенью для своих же солдат. В таких ситуациях сначала стреляют, а потом фамилию спрашивают...

Солдаты появляются из чащи, нагруженные чем-то тяжелым... Водитель, мигнув фарами, начинает неспешное движение. Солдаты, опознав своих, подсвечивают фонариками... Остановившись метрах в пяти от заднего борта первой машины, наш водитель включает «дальний» свет. Лучи фар высвечивают в кузове фигуры пойманных контрабандистов.

Один, в белой, связанной крючком тубетейке, сидит на короткаях, прикованный наручниками к доскам ограждения борта, второй — в войлочной шапочке — «пуштунке», у противоположного борта на откидном сиденье. Он не прикован, но перепуган насмерть и сидит неподвижно, устремив взгляд на третьего, который, скрючившись, лежит на досках кузова, зажимая окровавленными руками живот. Над ним склонились два военфельдшера, которые тут же, в полевых условиях, пытаются оказать помощь раненому.

Лейтенант, командир передовой группы, увидев полковника, подходит строевым шагом и докладывает обстановку. Полковник словно взлетает одним прыжком в кузов и помогает забраться мне. Фельдшеры, подсвечивая аккумуляторными фонариками, раскрывают систему переливания крови, устанавливают капельницу, которую, вместо штатива, подзывают держать одного из задержанных. Полковник обращается к афганцу по-русски:

— Зачем сюда пришел? Как тебя зовут?

Афганец, явно не понимая языка, отрицательно качает головой.

В кузов заскакивает лейтенант и обращается к задержанному на фарси. У них начинается долгий разговор, который лейтенант частично переводит:

— Он говорит, что зовут Джамал, он проводник, вел сюда группу за 50 долларов...

Фельдшеры достают ампулы — шприцы с противошоковым препаратом и делают раненому несколько уколов. Скрученное не —

выносимой болью тело расслабляется. Раненый приоткрывает глаза и что-то шепчет. Фельдшеры осторожно приподнимают его, и лейтенант аккуратно снимает со спины раненого мешок с веревочными лямками. Все задержанные мокрые, как мыши. С их одежды стекает коричневая пянджская вода, протекая сквозь щели кузова на дорогу.

Я включаю телевизионный свет, от которого раненый морщится и прикрывает глаза, а фельдшеры облегченно вздыхают и откладывают ставшие ненужными фонарики. В ярком свете видно, что пуля, словно хирургическим ножом, вскрыла живот, и задержанный прикрывает руками выпадающие из «разреза» синеватые внутренности. Обнаруживается и вторая рана — в паху. Кровь выплескивается из раны толчками, заливая одежду.

Фельдшер, обнаружив вторую рану, качает головой:

— Этот вряд ли до больницы дотянет... Живот-то залатаем, а вот бедренная артерия перебита...

Как бы трагично это ни выглядело, я снимаю, как пограничные медики, только что побывавшие под пулями контрабандиста, отчаянно борются за его жизнь... Его автомат, с непривычной дополнительной ручкой на цевье, лежит тут же. Я дотрагиваюсь до ствола и отдергиваю руку — оружие еще хранит жар недавнего боя.

Оказав первую помощь раненому, медики говорят, что его нужно срочно везти в больницу, так как он потерял очень много крови.

— А ваши-то мужики как? — спрашиваю лейтенанта.

Он равнодушно машет рукой:

— Все целы... Не впервой...

— А где вещи задержанных?

— Эти свои рюкзаки и оружие утопить успели, теперь к ним не придерешься... Ничего, нам одного рюкзака хватит...

Возвращаемся на заставу чуть ли не под барабанный бой. Незаметно проходит три часа, уже глубокая ночь, но никто в отряде не спит, и как только наши машины появляются у ворот, они, словно по волшебству, распахиваются, и десятки пограничников окружают их. У медиков появляется куча добровольных помощников.

Когда офицеры уходят, конвоируя задержанных контрабандистов в комнату разведки, солдаты засыпают группу вопросами...

В комнате разведки, куда приводят контрабандистов, яблоку негде упасть. Всех интересует содержимое мешка, снятого с раненого. Как правило, если нарушителей границы задерживали, то все концы, в самом прямом смысле, они успевали спрятать в воду.

Оружие и улики исчезали в бурных водах Пянджа. Наверное, так бы случилось и в этот раз, но во время короткого боя нарушитель был ранен и не успел сбросить мешок, как это сделали его спутники.

С большими предосторожностями открывается и опустошается мешок. Командир разведки отряда, прекрасно знающий фарси и арабский, диктует писарю для протокола:

— Брюки шерстяные бежевые — одна пара, рубашка белая, размер 46–48 — одна, автоматный магазин — четыре, патроны к автомату калибра 7,46 — 254, гранаты ручные снаряженные — 6 штук. Гранаты неснаряженные — 10 штук, взрыватели — 10 штук... Коран в жестком переплете — один, книга — тайник — одна...

Книгу — тайник все присутствующие передают из рук в руки. На первый взгляд никакого отличия от обычной книги нет. Сидит человек в поезде, листает книжку от скуки... Но страницы толстой книжки вырезаны посередине и на месте вырезанного текста уютно покоятся автоматический пистолет, два снаряженных магазина и множество листочков, убористо исписанных арабской вязью. Майор радуется:

— А вот и списочки боевиков оппозиции, и адреса, и все на свете...

Улов в эту ночь превосходит все ожидания... Утром трофейное оружие старшина несет на склад. Склад — в подвале того же здания, где находятся камеры предварительного содержания нарушителей границы, и занимает примерно половину этого подвала. Разнообразие видов и форм хранящихся здесь орудий убийства позавидует любой музей.

От базуки, безоткатной переносной пушки, до крошечного пистолетика, который может сделать только один выстрел, и стреляющих авторучек. Автоматы Калашникова представлены наиболее весомо и по количеству, и по странам изготовления... Деревянные снарядные ящики, стоящие вдоль стен, наполнены сотнями тысяч патронов всех калибров и систем...

— Как же все это снять?

— Сейчас выгатащим на солнышко, разложим, и снимайте на доброе здоровье... — бодро откликается хозяин всего этого трофейного богатства, заместитель командира отряда по вооружению.

Поставив вооруженного часового у здания, четверо солдат со своим начальником полтора часа носят на улицу всю эту груды оружия, изъятого у нарушителей границы. Площадка с часовым начинает напоминать какую-то фантастическую выставку. Мы пытаемся разложить оружие по каким-то признакам, видам, ти-

пам... Но ничего не получается, так как видов и типов столько, что очень скоро мы запутываемся... Тогда решаем разложить просто по формальным признакам: автоматы к автоматам, пистолеты к пистолетам, карабины и винтовки — отдельно. Тут становится проще, но и внутри каждого вида никакого порядка тоже не удается установить. Револьверов и пистолетов — бесконечное разнообразие...

Очень много оружия, выпущенного в годы второй мировой войны, но настоящий раритет, винтовку—трехлинейку Мосина, я обнаруживаю часа через два работы. На ней, рядом со спилленным номером, обнаруживается и год выпуска — 1911. Если не считать небольшого налета свежей ржавчины, винтовка совершенно в рабочем состоянии...

— За какое время вы собрали этот арсенал?..

— Месяца за три. Мы весной возили целый грузовик на уничтожение, — вздыхает начальник вооружения, — скоро опять поведем. Хранить его уже негде...

Часа через три тяжелой работы под палящим солнцем относительный порядок наведен. Вся эта выставка смерти занимает серьезную площадку, захватывая даже часть плаца. А сколько оружия покоится сейчас на дне бурного Пянджа? Ведь большую часть его нарушители границы при задержании просто выбрасывают в реку. И весь этот огромный арсенал, не будь пограничников, оказался бы в руках бандитов, которые громко называют себя «непримиримой оппозицией».

...Правду говорят, Восток — дело тонкое. Попытаться разобрататься, кто есть кто, — дело, обреченное на заведомую неудачу. Не верьте бледнолицым экспертам, которые в тиши своих кабинетов возводят какие-то построения, пытаются спрогнозировать события. Никогда и ничего из этого не выйдет.

Как-то мне пришлось видеть, как на узкой горной тропинке остановился ишак, которому почему-то не понравилось тащить вязанку дров. И груз не бог весть какой, видали и потяжелее, но ишак встал. Что только не делал бедный погонщик. Он подманивал его вкусной травой, морковкой, тащил его на поводу, толкал, бил всем, чем придется — от хворостины до палки. Никаких видимых причин для столь упорной неподвижности не было. Но ишак стоял. Поскольку никакой другой тропинки для подъема не было, то мне пришлось ждать, наблюдая, чем кончится противостояние. Наконец мальчишка, весь в поту и пыли, выбился из сил, сел и заплакал.

Ишак постоял еще несколько минут и, не видя никакого руководства и покушения на его свободу, тихонько потрусил домой. Мальчишка вытер слезы, покрутил головой и побежал следом, стараясь не очень приближаться к строптивцу.

Действия «непримиримой оппозиции» чем-то напоминают этого ишака. При попытках закордонных советников придать их действиям какую-то осмысленную форму, задать желаемое направление их движениям реакция получается непредсказуемая и страшная. Страдают в основном ни в чем не повинные женщины, старики и дети. Впечатление такое, что некто сумасшедший или прикидывающийся им показывает свою крутость, беспорядочно размахивает руками, круша все, что под них подвернется. А сам сквозь прищуренный глаз зорко наблюдает за реакцией окружающих — не ровен час, попадетсЯ сильный противник...

...Гуманитарии всех стран везут в Таджикистан щедрую продовольственную помощь. «Врачи без границ» самоотверженно идут в охваченные эпидемиями села. Представители гуманитарных миссий из стран, столетиями не видевших войн, давно забывшие, что такое вражда, кровная месть, что такое пьянящий запах крови поверженного врага, идут в неизвестную страну со своими представлениями о добре и зле. И очень удивляются, встретив открытую вражду или, в лучшем случае, непонимание... И сотрясают мир документальными ужасами, перед которыми меркнет фантазия Хичкока... Но подробнее об этом в другой главе...

Жиденькая цепочка пограничных застав разделяет два мира. Мир независимого и слишком свободного Таджикистана и Афганистан, в котором весь режим держится на экспорте наркотиков. В Таджикистане свирепствуют «вовчики» с «юрчиками», от которых сотни тысяч таджиков бегут в соседнее государство. Но попадают из огня да в полымя...

...Комиссар ООН по правам человека решает, что таджики должны вернуться к своим разграбленным очагам, и мы направляемся в Афганистан, в лагерь беженцев.

Такая оказия выпадает не каждый день, и естественно, я собираюсь ехать с комиссаром. Друзья-пограничники меня не выдают, и вскоре катерок шустро пыхтит, переваливаясь с волны на волну, увозя меня в Афганистан. В груди комочком стоит опасение, что туда-то меня увезут, но у меня нет ни единого документа, дающего право переходить государственную границу, и я имею вполне реальный шанс попасть в Афганистане в зиндан. Зиндан — это своеобразная тюрьма для преступников — обыкновенная, очень глупо-

кая и вонючая яма в земле, выкопанная в форме кувшина. Горлышко кувшина — это и вход, и выход, но из ямы без посторонней помощи выбраться невозможно. Когда попадаешь в зиндан, то вход видится далеким пятнышком света в окружающей чернильной темноте.

Город Шерхан, можно сказать, город-побратим Нижнего Пянджа, издалека выглядит живописным смещением разноцветных кубиков-домов у подножия огромного горного хребта, который надел на вершины снежные шапочки и словно пытается рассмотреть свое отражение в стремительных струях реки. Чем ближе наш пыхтящий катерок подтаскивает свой непосильный груз — сто-метровую баржу — к берегу, тем дальше отступают горы и все более меркнут краски. И вот пристань, полузатопленная проржавевшая посуда, по виду напоминающая баржу, которая болтается у нас на тросе. Она буквально забита народом, который стремится вернуться к своим разоренным очагам.

Пограничники в бинокли наблюдают за нами с противоположного берега. Но они смотрятся песчинками в огромном желтом просторе оставленного нами Таджикистана. Как бы ни было страшно, но от комиссара ООН отставать не стоит, а он собирается в лагерь беженцев километрах в пяти от границы, в глубине афганской территории. Встречающие комиссара правительственные чиновники недовольно косятся на видеокамеру, но она маленькая и на вид — любительская. Поэтому они сажают меня в машину комиссара, и я скрючиваюсь на заднем сиденье. Сравнительно короткая поездка по извилистой пыльной дороге — и мы подъезжаем к лагерю. За километр от поселения по сторонам дороги видны какие-то палки, воткнутые в холмики земли. Они тянутся ровным частоколом в стороны, насколько хватает глаз...

Палки украшены разноцветными лоскутами, которые чем ближе к лагерю, тем светлее. Беспощадное солнце высветлило их до ровного серого цвета. Неподалеку от дороги у холмика сидит высохший старик. Он не обращает внимания на проезжающую колонну машин и что-то шепчет близкому небу. По щекам безостановочно текут слезы, теряясь в глубоких морщинах, которыми изрезано все лицо... Ручейки слез проложили по запыленному лицу блестящие дорожки и затерялись в длинной седой бороде.

— Кладбище... — кивает за окно машины встретивший нас человек с автоматом.

— Сколько же здесь похоронено людей? — не выдерживаю я.

— А кто их считал? — афганец безучастно пожимает плечами. — Тысяч сто, а может — двести. Аллах знает...

В его словах звучит такое равнодушие, такой фатализм. И я понимаю, что бесценная жизнь человеческая не стоит здесь и копейки. И от этого в груди появляется комочек безысходности. Уж если он так равнодушно относится к своей единственной жизни, то как же просто он заберет жизнь чужую... Общечеловеческие ценности здесь не только неизвестны, а просто враждебны местным жителям... Какую же непростительную глупость я совершил, отправившись сюда...

Поскольку видеокамеру ниоткуда доставать не нужно, я просто ставлю ее на автоматический режим и нажимаю «Пуск», не переставая говорить с нашим сопровождающим. Но мою уловку он все же замечает и останавливает машину. Все время съемки, а это примерно 20–25 минут, он неподвижно, как сфинкс, сидит на ближайшем пригорке и внимательно оглядывает горизонт, нет ли посторонних. Честно говоря, когда он резко остановил машину, а за нами так же резко встала вся колонна, сердчишко сжалось в предчувствии худшего — от лишения камеры до расстрела на месте. Они люди простые, и раньше чем успеешь что-либо сказать или спросить, твоя душа отправится по прямой дорожке к их Аллаху...

...Лагерем то место, где разместились гонимые войной люди — беженцы, можно назвать лишь с большой натяжкой... Сотни рваных палаток, земляные норы в склонах ущелья, жуткая антисанитария. И если истощенные обитатели этих жилищ еще не все перекочевали на кладбище, то это только вопрос недолгого времени. От лагеря до ближайшей воды идти несколько километров, и трудно поверить, что эти качающиеся от истощения люди могут их преодолеть. Вода есть еще и привозная, но машина приходит редко и нерегулярно. От лагеря на километры вокруг разносится жуткий смрад. Кажется, что весь воздух пропитан миазмами самых страшных болезней...

Комиссар ООН быстро достает из планшеты белую аккуратную маску и надевает ее, достает вторую и протягивает мне. На хорошем русском языке объясняет, что это необходимо, так как в наших организмах нет защитных антител для сопротивления окружающим нас сейчас болезням. Немного помявшись, глядя на наших местных сопровождающих, которые, говоря на своем языке, беспечно смеются, словно находятся на пикнике или воскресной прогулке, я тоже натягиваю маску...

Дышать становится чуть труднее. В маске стоит запах чистоты и чего-то неуловимо медицинского. Несмотря на временную затрудненность дыхания, становится спокойнее за себя, но резко обостряется чувство вины перед страдающими людьми, которые

не могут не только оградить себя от болезней, но даже утолить голод и жажду...

В лагере очень мало молодежи... Изредка между палатками промелькнет сумрачная тень в черной парандже. Основное население лагеря — старики и рахитичные дети с изъеденными трахомой, гноящимися глазами. Грязь несусветная...

Камера вырывает из окружающего нас ужаса отдельные детали. Жирные ленивые мухи на лице то ли спящего, то ли уже мертвого малыша с тонюсенькими ручками, ножками и огромным раздутым животом. Сморщенная старуха на пороге палатки с остановившимся взглядом. Застывшая в неоконченном жесте рука, покрытая гноящимися язвами. Лежащий в тени палатки мертвый старик, которого некому похоронить...

Что же привело этих людей сюда, в это бесплодное ущелье севера Афганистана? Да неистовая жажда власти нескольких политиканов, толпящихся у кормушки, в которую они превратили плодороднейшую страну — солнечный Таджикистан...

Первая заповедь журналиста на войне — постараться быть «над схваткой», не становясь ни на ту ни на другую сторону. В принципе, находясь по разные стороны воюющего фронта, какой-то паритет удается соблюсти. Но какой «фронт» — этот лагерь несчастных людей? На их долю выпала такая бездна страданий и лишений, что все эти «битвы идеологий» за фальшивые «ценности» кажутся мышшиной возней. А чем помочь этим людям, я просто не знаю. По правде говоря, комиссар ООН тоже выглядит растерянным. Того объема гуманитарной помощи, которым он располагает, хватит этому огромному лагерю на один — два дня...

Мы возвращаемся на свой катер. Люди, которые толпились на пристани, почти все перешли на нашу баржу. Их лица немного веселеют. Все-таки, после почти годичного пребывания в роли бесправных беженцев, они возвращаются к родным очагам. Откуда ни возьмись на барже появляются и молодые люди призывного возраста. Они просачиваются на баржу и держатся особняком, не вступая ни с кем в разговоры. После нескольких бесплодных попыток завязать с ними разговор, чтобы выяснить подробности про оставленный нами лагерь, я оставляю эту затею и начинаю съемку «возвращенцев». И если старики, женщины и ребятишки идут на контакт охотно, то молодые люди стараются отвернуться от камеры или перейти туда, куда не направлен объектив. Это кажется крайне по-дозрительным, потому что обычно молодежь, особенно таджики, очень любят фотографироваться и всегда сами охотно позируют.

Баржа возвращается на пристань Нижнего Пянджа. Комиссара пограничники знают и быстро отпускают на берег, мне тоже делают приглашающий знак, чтобы сходил с баржи, все остальное ее население просят подготовиться к проверке документов и груза.

Пограничники начинают суровую проверку. Длинными стальными шилами прокалывается каждый тюк, каждая упаковка... В подозрительных случаях этот тюк разворачивают, и на свет божий вытаскивается все его убогое содержимое. Командир тихонько рассказывает, что под видом домашнего скарба беженцы пытаются протащить через границу оружие и наркотики. За мизерную, почти символическую плату из несчастных беженцев делают наркокурьеров и контрабандистов. Пограничники к этому привыкли и относятся к беженцам довольно лояльно, ограничиваясь конфискацией контрабанды. Подозрительных молодых людей, неведомым путем попавших на баржу, пограничники задерживают и отправляют в отрядный подвал для дальнейшей проверки...

На таджикском, «нашем» берегу напряжение, в котором я пребывал все часы, проведенные «за границей», отпускает меня, и все тело, несмотря на жару, охватывает дрожь. Бессовестно трясутся руки, начинают подкашиваться ноги. Я уже с трудом плетусь к груде каких-то ящиков, стометровым штабелем стоящих на пристани и подготовленных к погрузке.

Долго сижу на ящиках в ожидании, когда закончится нервная трясучка. В памяти прокручиваются жуткие картинки, увиденные в лагере беженцев...

Таджикистан.

КЕРОСИНОВАЯ РАДУГА

Бред какой — то! Который день не дает покоя идея снять работу вертолета во время атаки изнутри атакующей машины. С земли эта атака выглядит очень эффектно. Откуда — то вначале доносится только рев двигателя и ритмичное шлепанье лопастей по воздуху. Из — за склона, словно разозленный шмель, вылетает вертолет и, разбрасывая красные искры тепловых имитаторов, летит на цель. В какой — то момент раздается свирепое шипение, и у вертолета появляются дымные «усы». Из привинченных к консолям ракетных установок высверкивает пламя, и НУРСы вылетают из гнезд, протягивая между машиной и целью смертельные щупальца... На земле образуется небольшой вулканический кратер, в котором сгорает и гибнет все живое.

Красиво, если не знать о том, что дымные щупальца НУРСов — неуправляемых реактивных снарядов, протянуты туда, где находятся люди. Плохие ли, хорошие — пока живые... О том, что происходит в это время в точке прицеливания и попадания, — не хочется и думать...

Из 12 машин, приданных Московскому погранотряду, 3—4 всегда находятся на земле. Плановые ремонт и профилактика, внеплановые дырки от пуль, перезарядка крупнокалиберных пулеметов и пушек...

Идеей такой съемки прониклись и летчики, но каждый вылет — это полет в неизвестность, в бой. И никто во время боя не станет пускать оператора в кабину пилотов. В любом бою царит полный разгул демократии — не только ты убиваешь, но и сам имеешь полное право и возможность быть убитым. Простая автоматная очередь прошивает вертолет МИ—8, даже не замедляя скорости его полета. Конечно, кабина пилотов прикрыта символической стальной защитой, но снаряд калибром покрупнее сбивает «вертушку» очень легко. А в салоне тонкий слой алюминиевого листа спасает только от ветра и пыли...

... Это сентябрьское утро я запомню, наверное, на всю оставшуюся жизнь. Оно разгорается таким светлым и лучезарным, что ни о какой войне даже думать не хочется. Накинув на плечи шинель, на вышке подремывает часовой. Поскольку я часовым давно при-

мелькался, приходя на вертолетную площадку задолго до рассвета, то просто машу ему рукой в знак приветствия. Часовой машет в ответ, и мы обходимся без обязательной процедуры пароля — отзыва. Часовой, зная мою манеру съемки со многих ракурсов и точек, прислонившись к будочке в центре вышки, похоже, засыпает окончательно. Ну какой диверсант полезет на объект, если увидит, что идет телесъемка, горит яркий свет...

В сумерках рассвета вертолеты с опущенными лопастями наминают гигантских стрекоз, прилетевших сюда из другого времени. Между синими горами протискивается покрасневшее от усилий солнце. Вот оно выбрасывает первое щупальце света и цепляется им за снежную вершину за моей спиной. Вершина вспыхивает и освещает долину. Следующим вылетает сразу целый пучок лучей, зажигая все другие вершины, которые начинают сахарно переливаться на фоне еще чернильно-темного неба. И вот уже солнце, как отскочивший мячик, выпрыгивает из-за гор, и сразу на меня обрушивается поток благодатного тепла... Лопастя винтов, покрытые ночной испариной росы, мгновенно высыхают.

Часовой сбрасывает шинель, скатывает ее на своей вышке в аккуратный рулончик, забрасывает автомат за спину и начинает расхаживать по площадке, разглядывая вдруг расширившуюся долину. Из вагончика под вышкой появляются раздетые по пояс техники. Загрывая сапогами пыль, треща сухой травой, они полусонно разбредают по вертолетам... Из зеленых ворот в белой кирпичной стене появляются летчики с планшетами и подходят к руководителю полетов.

Грузный майор выходит из другого вагончика, из которого торчат разнокалиберные антенны, и, прикрывая ладонью от солнца глаза, всматривается в близкий горизонт.

— Скоро прилетит разведка... — меланхолично сообщает он и снова скрывается в вагончике.

«Пятидесятый, пятидесятый — я первый, я первый... Как слышите меня? Как слышите меня?..» — монотонно доносится из вагончика. Похоже, что пятидесятый не слышит никак, и монотонный голос начинает все сначала...

Мне становится совсем уж любопытно. Потихоньку захожу в темноватую прохладу вагончика. Все его стенки заставлены военными приборами времен второй мировой войны. Ламповые приемники гудят трансформаторами, словно потревоженный пчелиный улей. Что слышит майор сквозь этот гул? На нескольких столах —

ключи для связи азбукой Морзе... А под правой рукой майора стоит коричневый телефонный аппарат с заводной, как у патефона, ручкой, торчащей сбоку. Время от времени майор прерывает безуспешные попытки, встает со своего продавленного стула и остервенело крутит ручку. Потом снимает корявую трубку и кричит кому-то руководящему:

— Пока нет связи! Связи, говорю, нет! Не знаю... Пытаюсь... Есть, товарищ полковник... Слушаюсь! Есть! Да! Так точно! Никак нет... — бережно, словно хрустальную, кладет трубку на аппарат. Достает вафельное полотенце, бывшее когда-то белым, и вытирает враз вспотевший лоб... Потом садится, хватая потной рукой микрофон и начинает вызывать «пятидесятого» с удвоенной энергией, то есть просто вдвое громче...

...Я видел маленькие компактные спутниковые радиостанции, которыми оснащены контрабандисты, и спрашиваю майора, а где у него подобная техника. Почему он не может, с таким огромным количеством мощных антенн, связаться с вертолетом через спутник связи. Ведь спутнику-то не важен рельеф местности, над которой он висит.

Майор, продолжая бубнить в микрофон, видно, медленно обдумывает вопрос. Кажется, видно, как в его мозгу идет напряженная работа мысли. Сквозь гудение трансформаторов я даже слышу, как медленно проворачиваются ржавые шестеренки и, скрипя, выталкивают мысль.

Он внезапно багровеет и бросает микрофон.

— А вы кто такой? — придвигается он ко мне... На лице синими змейками вспухают вены. Я начинаю опасаться, что его вот-вот хватит удар. Говорю примирительно:

— Полковнику-то позвоните... Я тут уже пятый день хожу...

Перспектива звонить полковнику ему явно не нравится. Получать в течение четверти часа неизвестно какую по счету выволочку его не вдохновляет. Но, увидев в руках камеру, он строже:

— Здесь секретный военный объект — узел связи. Попробую покинуть помещение...

Интервью закончилось, не успев начаться. Я выхожу из вагончика в стужившуюся жару... Летчики сидят в тени дерева за вкопанным в землю деревянным столом и «травят байки».

Подсаживаюсь к ним:

— Чего ждем?

— Разведка еще ночью улетела, скоро должна быть...

И тут, словно в ответ на мой вопрос, из-за горы доносится на-растающий рокот. Толстый майор выскакивает из вагончика и грозит кулаком пролетающему «крокодилу» — боевому МИ-24:

— Вот я те запишу «боевые»... Ты у меня попляшешь...

Летчики сумрачно переглядываются. Один бормочет доволь-но громко:

— Своя рука — владыка... Себе «боевые» запиши...

— Кто сказал? Кто сказал, я спрашиваю? — майор снова баг-ровеет.

Похоже, это его перманентное состояние. До пенсии осталось всего ничего, еще полгодика — годик. Сидит в тылу руководителем полетов, в руках какая-никакая — власть. От него зависит денеж-ная надбавка за «боевые» вылеты, а это — средство для управления молодыми лейтенантами и капитанами, которым хочется летать...

На какой-то момент мне становится даже жаль старика, до-служившегося в свои годы только до майора. Огромная ответст-венность в сочетании с неприязнью молодых летчиков, вечная бес-приютность семьи, живущей в офицерском общежитии «на чемо-данах». Не заметил, как выросли и разлетелись дети... И при всем этом — нищенская плата за тяжкий труд. И бесконечное волнение за этих «сынков», которых он ежедневно отправляет в ад, на смерть, незаметно крестя улетающие «вертушки»...

Откуда прилетела команда «По машинам!», мне увидеть не удастся, но командир вертолета Николай, пробегая мимо, хлопает по плечу:

— Быстро... Летим на НУРСовку...

Дважды мне повторять не приходится. Еще не успев ничего осознать, я прыгаю в вертолет, который уже начинает проворачивать турбину. Ее визг на первых оборотах заглушает все звуки. Объясняемся только жестами. Бортмеханик Володя смеется и по-казывает на нос машины. Опять не понимая, я подхожу к перегородке, отделяющей кабину пилотов от салона МИ-8, и выглядываю на полосу. Чего-то в машине не хватает...

Он показывает на переднюю турель. И тут я с ужасом замечаю, что на турели нет носового крупнокалиберного пулемета. Практи-чески вертолет идет в бой безоружным... От этой мысли меня про-шибает холодный пот, а Володя указывает куда-то за мою спину.

Обернувшись, вижу человека в сапогах, солдатском галифе и белой майке. Правая рука у него покоится на перевязи, а настраи-вает он ручной пулемет в буквальном смысле «одной левой». Он поворачивается к нам и хохочет. Старый знакомый — Андрюха,

которого я сам видел окровавленного, на носилках, всего два метра назад... Тогда доктор говорил, что шансы его на выживание крайне малы... И вот он, чертушка, вырвал — таки у смерти свой шанс и выжил...

Визг пусковой турбины переходит в нормальный рокот мотора. Винт набирает обороты, и лопасти сливаются в ослепительный круг. Сейчас хоть немного можно говорить, не опасаясь сорвать голос... Солнце уже почти в зените, когда все вертолетное звено взлетает и ложится на курс к Пянджу.

От штаба Московского погранотряда лететь до границы по прямой — километров двадцать. Нам же нужно туда, где разведка обнаружила лежбище боевиков, которые пришли в Таджикистан из — за кордона. Передав управление вертолетом Володе, второму пилоту, командир с бортмехаником склоняются над картой...

Андрей тем временем заканчивает прилаживание пулемета к открытому окну и водит стволом из стороны в сторону, проверяя сектор обстрела... Потом делает мне знак, чтобы я ему помог вставить ленту. Я вынимаю тяжелую пулеметную ленту из цинка и расправляю ее на всю длину. Лента, набитая патронами с красным пояском вокруг пули, растягивается на всю длину салона... Свечение трассирующих пуль хорошо видно пулеметчику даже при ярком солнце и помогает корректировать стрельбу. Но что можно скорректировать при такой сумасшедшей вибрации, мне, честно говоря, пока не очень понятно...

В окно мне видно все вертолетное звено... Машины, словно стая стрекоз, сверкая на солнце прозрачными винтами, плывут над синими предгорьями Памира. Мы открываем все окна и двери салона. Пулю алюминиевые борта и двери все равно не задержат, а возможность задохнуться при стрельбе нам почему — то видится более опасной.

Наконец все готово, и мы с Андреем садимся на стальную плиту в середине салона на перевернутые цинковые ведра. Пытаемся говорить о чем — то. Но от шума винтов и гуляющего по салону жаркого ветра мы не слышим друг друга и только обмениваемся улыбками... Наконец нас одновременно посещает спасительная идея, и мы достаем сигареты. В вертолете, в принципе, курить нельзя, но если очень хочется, то — можно. Что мы и делаем... Я прикуриваю сам и, держа огонек в сложенных домиком ладонях, протягиваю Андрею. Прикурить он не успевает...

Раздается оглушительный звук рвущейся ткани. Весь вертолет сотрясается от могучих щелчков. Андрей выдыхает громко:

— Попали, черт возьми!.. — и бросается к пулемету. В салоне клубится дым, который тут же вылетает в открытые окна и двери. Кислый запах сгоревшей взрывчатки дерет нос и горло. Бортмеханик выскакивает из кабины:

— Горим?

— Вроде нет! — кричу я. — Пока только дымимся...

— Это ерунда... — успокаивает механик и бежит по салону, заглядывая во все укромные уголки. Возвращается в кабину и кричит: — Все обошлось. Только дырок наделали...

Тут вступает в диалог пулемет Андрея. Я пытаюсь через его плечо рассмотреть, куда он стреляет. Вертолет взрывает двигателем, и возникшая вдруг перегрузка припечатывает меня к ведру. С трудом приподнимаю свой утроенный вес и все-таки встаю. Андрей бьет короткими очередями, но от ленты, только что вольготно лежавшей по всему салону, остается маленький огрызок, а по всему стальному полу раскатываются сотни горячих гильз... В окне, за плюющимся пулями рыльцем пулемета, видны только раскачивающиеся горы. Конечно, они не раскачиваются на самом деле, стоят себе в величественном молчании и покое, но мне в окне кажется, что они вступили вдруг в какой-то сумасшедший перепляс...

Сидя на ведре, я пытаюсь что-то снимать. Голову сверлит единственная мысль: «Только бы в задницу не попали...» В голове проносятся картинки, как я, с простреленным задом, лежу в госпитале, и как же это неудобно — иметь такое ранение. И сам не посмотришь, и показать кому-нибудь стыдно. Улучив секунду, нахожу каски экипажа, которые почему-то свалены кучей в картонном ящике, засовываю каску в ведро и снова сажусь на него уже успокоенный. Спустя минуту Андрею понадобилась помощь в перезарядке, и я покидаю свой уютный насест. Мы вставляем в пулемет новую ленту, а Андрей косится на мое сооружение. В его глазах пляшут искорки смеха. Он задает самый гнусный вопрос из всех, которые только можно было придумать:

— Что? Приспичило? Медвежья болезнь?

Взглянув на свой «щит» его глазами, как бы со стороны, я обнаруживаю его огромное сходство с примитивным унитазом.

Тут уже меня начинает раздирать смех на грани истерики. Я хохочу так, что бортмеханик, выглянув из кабины, выразительно крутит пальцем у виска. Потом, рассмотрев, над чем мы смеемся, по внутренней связи рассказывает остальным членам экипажа про мое изобретение, и некоторое время летчики по очереди выгоды —

вают в салон, и я вижу веселые лица, хотя обстановка к веселью, мягко говоря, не располагает.

Снова кабина синее дымом, но запах «своей» взрывчатки по- чему — то совершенно не беспокоит, а, напротив, вызывает ощущение надежности и защищенности... Стрельба заканчивается так же внезапно, как началась... Андрей протягивает руку за сигаретой и нервно смеется, обнаружив, что он все время стрельбы держал ее в зубах неприкуренной. Подрагивающей от напряжения рукой он опять пытается прикурить изжеванную сигарету... Я протягиваю ему другую, которую прикурил сам. А неиспользованную сигарету он с явным сожалением выбрасывает в окно...

Я с удивлением убеждаюсь, что уже прекрасно слышу разговор пилотов. Видимо, мозг, утомленный непрерывным шумом, сам начал отстраивать слух. Вся эта оглушительная какофония уходит на второй план, становится фоном, оставив первый для получения жизненно важной информации. Бортмеханик выглядывает из кабины:

— Положи около себя парочку огнетушителей, на всякий случай... Если вдруг все — таки загоримся, хоть пламя собьешь...

Доставая огнетушители, вдруг замечаю на себе работающую камеру. Когда ее включил, не помню, что снимал — тоже. После первого обстрела образовался какой — то провал в памяти. Камеру выключил и попытался отмотать пленку обратно, чтобы посмотреть, что снято. В общем, почти ничего интересного. Но привлек внимание один кадр. Снята стальная рифленая плита пола салона. Камера качается, и автофокус не успевает настраиваться. Вдруг в полу возникает дырка с рваными краями, и оттуда идет синеватый дым. Все...

Бережно отматываю четыре секунды после этого кадра и перевожу камеру в режим съемки. Теперь уже командир выглядывает из кабины и делает приглашающий жест. Бортмеханик уходит на мое место караулить огнетушители. Летчик поднимает сиденье в дверях, на котором обычно сидит бортмеханик, он же — пулеметчик, и показывает, чтобы я садился ближе к блистеру, огромному панорамному окну вертолета. Окно внизу чуть прикрыто стальными пластинами. На этом месте я чувствую себя чуть ли не голым. Во всяком случае, стальная пластина, уложенная на пол, видится мне иллюзорной защитой. А пластиковое трещиноватое окно во всю стену, которое не переносит даже прикосновения тряпки, и вовсе больше открывает, чем защищает...

Турель, на которую обычно крепится пулемет, свободна, и я удобно прилаживаю к ней небольшую видеокамеру.

— А куда пулемет девали?

— В ремонте. В прошлом полете заклинило. Вечером отдадут...

— Зачем он вам вечером, когда летать и стрелять сейчас нужно...

— Есть у нас кому стрелять, высший класс...

— Минуты за три перед стрельбой предупреди, — прошу командира. Он, высматривая что-то впереди, кивает и тут же толкает в плечо.

Камера «пошла». В видеоискателе, внизу кадра, я вижу дрожащее перекрестье прицела в кружке. Камера работает, но ничего не происходит. Вдруг соринка в правом углу кадра оборачивается вертолетом, из которого к земле устремляются дымные щупальца выхлопа ракет.

Наш вертолет вдруг наполняется шипением тысяч разозленных змей. Шипение исходит откуда-то сзади, из салона. С трудом подавляю инстинктивное желание обернуться на опасный звук. Из нижних углов кадра к его центру протягиваются дымные дорожки и сходятся в точке прицела... Чуть-чуть приподнимаю камеру, чтобы охват был шире. Новое оглушающее шипение НУРСов, и второй залп ложится в кадр как нужно.

На земле вырастают далекие кустики разрывов. Что там происходит сейчас — не видно. Только прозрачная величественная панорама Памира затягивается сине-желтыми, грязными облаками пыли и дыма. Склоны, покрытые иссушенной солнцем травой, начинают гореть. Оранжевая ниточка огня движется по горе очень быстро, превращая теплую желтизну в сизое пожарище.

Николай стискивает зубы. На его лице вспухают и замирают желваки. Только прищуренные глаза чуть заметно подрагивают на неподвижном лице. Такое впечатление, что пилот составляет единое целое с мечущимся в узком пространстве скалистого ущелья вертолетом. Я долго держу в кадре его окаменевшее лицо. Вот глаза метнулись на долю секунды к камере, но выражение лица не изменилось. Глаз отметил посторонний предмет в кабине, зафиксировал, что опасности он не представляет, и снова занялся прямым делом.

Второй пилот в это время, высунувшись в боковое окно, вдыхается в недалекую землю. На коленях лежит автомат со снятым предохранителем. Бортмеханик тоже вооружился и сидит на пассажирском сиденье левого борта, высматривая что-то в распахнутое окно. Зря я беспокоился о невооруженности вертолета. Тремя стволами можно было бы дать хороший отпор, но смущает пол-

ная беззащитность самой машины. Единственное, что она может, это отстреливать тепловые имитаторы, которые, по идее, должны сбивать с толку инфракрасные головки наведения «Стингеров». Вот и сейчас мы летим, разбрасывая по сторонам шипящий фейерверк. Наконец, закончив съемку событий, происходящих внутри вертолета, я поворачиваюсь, чтобы попытаться через окно увидеть, что делают другие вертолеты. И в ужасе замираю...

Наша машина летит прямо на отвесную каменную стену. Я скашиваю глаза на Николая. Командир сидит так же неподвижно, как и сидел, сжимая побелевшими пальцами рукоятку управления. Стена все ближе. На ней уже видна каждая зазубрина, каждый камешек... И когда до столкновения остаются доли секунды, рукоятка сдвигается на миллиметр. Могучая сила подхватывает машину, втискивая меня в сиденье. Оно, кажется, даже начинает трещать. Вертолет совершает какой-то немислимый маневр, и стена начинает проваливаться вниз, оставляя ощущение движения в скоростном лифте. Лопасты, кажется, вращаются у самого обрыва, сметая в пропасть мелкие камни... Кажется, что этот скоростной подъем растягивается на годы...

Наконец стена кончается, и над нами распаивается бесконечная синева бездонного неба. Мы как-то хором, шумно выдыхаем, переглядываемся. По лицам пробегают улыбки облегчения... Пронесло! Но радоваться рановато...

Ракеты кончаются, и нужно думать о возвращении. Видимо, боевики заметили разведку и рассредоточились по горам, приготовившись к прилету вертолетов. И, похоже, существенного урона они не понесли. Только мы вздыхаем с облегчением, вырвавшись из каменного капкана, как новые выстрелы начинают рвать обшивку вертолета. Одна из пуль попадает в бак, и вертолет начинает терять топливо.

Пулемет в салоне почти не умолкает. Андрей бьет короткими прицельными очередями, но силы не равны. Второй пилот, Володя, наполовину вылез из окна и отстреливается из автомата. Бортмеханик тоже при деле, пытается чем-то заткнуть отверстие в баке...

Командир бросает машину почти в пике. Она начинает беспорядочное вращение. В окнах поочередно мелькают то скалы, то небо, то долина реки... Видимо, маневр удастся, так как обстрел прекращается. Над самой рекой Николай выравнивает машину, пустив ее в горизонтальный полет. Мы летим в двух-трех метрах от воды, вверх по течению, где скалы смыкаются в узкое ущелье.

Боевики, поняв, что одурачены, поливают машину очередями уже сверху... Но мы уже вылетаем из зоны эффективного огня.

Топливо, вытекающее из пробитого бака с пугающей быстротой, попадает в нисходящую струю воздуха от несущего винта, и мельчайшие капли образуют за вертолетом сверкающий радужный шлейф. Мы перескакиваем небольшой перевал и попадаем в русло другой реки, по которому начинаем обратное движение к Пянджу. Здесь оставаться нельзя. Боевики передвигаются по горам очень быстро, и перспектива попасть к ним в плен очень реальна.

Один поворот, другой, и мы уже почти на выходе из теснины. Мотор, работающий на последних каплях топлива, внезапно умолкает. Наступает отвратительная тишина, нарушаемая только свистом ветра в окна падающего камнем вертолета.

Командир запускает «роторный» режим, лопасти начинают вращаться, и машина замедляет спуск. Каким-то чудом Николаю удается посадить почти неуправляемую машину на галечную отмель. Раздается треск. Сильный удар машины о камни потрясает экипаж.

Одно колесо все-таки оказывается в стремительно несущемся потоке. Река начинает вымывать из-под него опору. Вертолет угрожающе кренится. Командир быстро выбирается из кабины и приказывает всем покинуть машину. Дважды нам повторять не приходится, мы выскакиваем на галечный «пляж». Не обращая ни на что внимания, лихорадочно ищем достаточно большой камень, чтобы положить на пути потока. После недолгих поисков подходящая глыба обнаруживается, и мы тащим ее к воде.

Раз-два-три — и вот поток уже обтекает колесо, а машина застывает в таком наклонном положении, чуть не касаясь винтом воды. Но наше спокойствие длится недолго.

По камням, высекая искры, начинают плясать пули. Хорошо, что стрелок, целясь вниз, не учитывает поправку на угол стрельбы. После первого же выстрела отдача поднимает ствол автомата вверх и пули, щелкнув по гальке, не причиняют нам ни малейшего вреда, отскакивая в стену ущелья. После этих щелчков к нам доносятся многократно усиленное эхо автоматной очереди.

Командир, убедившись в том, что вертолет больше не падает в реку, поднимается в кабину и пытается по радиации связаться хоть с кем-нибудь из своих. Второй пилот тоже заскакивает в кабину и возвращается, любовно держа в руках длинный сверток из мешковины. Присев под прикрытие вертолета, он аккуратно разворачивает его.

Под слоем мешковины обнаруживается промасленный слой вощенной бумаги, а когда разворачивается и она, на свет появляется чистенькая, ухоженная снайперская винтовка с оптическим прицелом... Сергей снимает и прячет в карман черные пластиковые колпачки, прикрывающие оптику. Потом, облокотившись на вертолет, он долго в прицел осматривает склон, с которого в нашу сторону летят пули. Бормоча что-то себе под нос, крутит какие-то колесики и верньеры на прицеле. Слюнявит и поднимает вверх палец, определяя направление ветра. Снова подкручивает. Я смотрю на него во все глаза. Человек открывается с новой, доселе неведомой мне стороны.

Экипаж, видимо, привык к его чудачествам, и никто не обращает внимания на эту его деятельность, граничащую с шаманством. Сергей делает знак бортмеханику, и тот бросает как можно дальше старый рабочий комбинезон. Как он выглядит сверху, мне непонятно, но неведомый и невидимый нами стрелок покупается на приманку, и пули снова щелкают по камням, высекая искры. Через несколько секунд до нас доносится гул очереди.

— Ты смотри, попал... — неизвестно чему радуясь, говорит бортмеханик и снова выбрасывает комбинезон. Пока я слежу за его действиями, Серега куда-то исчезает. Вот только что стоял здесь и просто растворился... Мистика! На этот раз стрелок молчит...

— Сейчас мы ему еще один «сюрприз» приготовим... — бормочет Володя и поднимается в салон. К счастью, вертолет садится так, что стрелку сверху не видна дверь, и чем мы занимаемся, он может только угадывать. Но как только начинается шевеление в паре шагов от машины, начинается стрельба.

Бортмеханик вылезает из салона, держа в руках мое ведро с надетой на него каской. Ведро обмотано тем, что осталось от старого комбинезона. Наверное, если смотреть сверху, то, по идее, это должно напоминать фигуру солдата в каске. Сбоку, конечно, эффект не тот. Но вся конструкция рассчитана на верхнюю точку зрения. Володя бросает петлю длинной веревки, которая накидывается на камень, лежащий довольно далеко от вертолета, привязывает один конец веревки к дужке ведра и начинает понемногу тянуть за другой конец. Ведро ползет в сторону от вертолета, по направлению к камню. Снова по гальке начинают искрить пули, но фигура то ускоряет, то замедляет движение. Когда до нас долетает эхо далекой очереди, от груды камней под склоном щелкает одинокий выстрел...

Где-то далеко сверху звучит короткий вскрик. По скалам до нас доносятся гулкие шлепки, словно кто-то вдруг здесь, в горах,

начал выбивать ковер. Мы осторожно выглядываем из — под вертолета. Откуда — то сверху, ударяясь о камни, летит вниз человеческая фигура... Разбросав руки и ноги, фигура несколько раз ударяется о выступы скал и падает к подножию грудой цветного тряпья. В ущелье наступает тишина. Мы, на всякий случай, проводим несколько проверочных тестов. Наконец наглеем настолько, что решаемся переправиться по камням через бурный, но мелкий поток.

Подходим к боевику, которого очень аккуратно снял Сергей, уложив единственную пулю прямо в середину лба. Зеленый халат — чепан завязан на поясе платком, из которого Володя достает документы и какие — то бумажки, написанные арабской вязью. Снимает с трупа заплечный мешок и нож в ножнах. Человек сейчас напоминает сломанную куклу, и мы некоторое время спорим, не нужно ли его предать земле. Находим компромиссное решение и заваливаем тело грудой камней. На верх пирамиды кладем грязную чалму...

Закончив траурное мероприятие, быстро возвращаемся к вертолету. Там, где в засаде сидел один боевик, вполне могут оказаться и несколько...

Проходит время, удлиняются и синеют тени. Наше опасение было не напрасным. Спустя час место убитого боевика занимают еще несколько. Они ведут уже прицельный огонь по вертолету зажигательными пулями. Но вертолет стоит как заколдованный и никак не хочет загораться.

Оглушительный грохот обрушивается с неба вместе с огромными осколками камней, которые, к счастью, до нас не долетают, а образуют пыльную грудку над трупом боевика. Все ущелье затягивается серой пылью, становится почти темно. Еще дважды гремит гром поднебесный. Отдельные камешки долетают до нашего многотрадального вертолета, увеличивая количество трещин на лобовом стекле. Наступившую тишину нарушает только далекий стрекот вертолета. Командир ныряет в кабину и выскакивает из нее уже с заряженной ракетницей. В далекую синеву улетают две зеленые ракеты, рассыпавшись над скалами изумрудными искрами. Гул вертолета усиливается, клубы пыли приходят в хаотическое движение, и рядом с нами садится МИ — 8. Два «крокодила» патрулируют над ущельем.

Помощь прилетает вовремя... Выясняется, что, несмотря на множество пулевых пробоин, превративших салон вертолета в настоящий дуршлаг, никакого жизненно важного узла не повреждено и вертолет готов к полету хоть сейчас. Механики лапают пробоины в топливном баке, придирчиво проверяют все топливо и маслопро —

воды, качают головами и причмокивают, говоря, что мы все родились «в рубашке». Никто из экипажа и единственного пассажира на борту не пострадал, что было невозможно по определению при таком количестве пробоин.

Летчики не вмешиваются в работу механиков, наблюдая за ними со стороны. Они с уважением вглядываются в наши серые от пыли и копоти лица и неожиданно говорят:

— Вам в столовой «расход» оставили. Так мы его с собой захватили...

— Что же вы молчали? — орем мы в один голос. — Тащите сюда...

Только сейчас мы вспоминаем, что завтракали давно, в какой-то прошлой жизни, и голод буквально скручивает кишки. На свет появляются восхитительно парящие щи из квашеной капусты, бо-жественные биточки из мяса пополам с рисом, залитые непередаваемо неопределенного цвета благоухающим соусом, и чудный но-здреватый черный хлеб.

Ангельскими колокольчиками звенят алюминиевые миски и ложки.. Ослепительно белые с совсем маленькими серыми разводами полотенца дополняют нашу трапезу. Мы впятером быстро «уговариваем» приличных размеров термос, и на наши размякшие души опускается неземная благодать.

— Как вы нас нашли? — нехотя интересуемся мы, пожеывая подобранные здесь же сухие травинки.

— А по радуге... — смеются летчики. — Ваше топливо такую радугу за собой оставляло. Смотрим, летит ваша машина, а следом разворачивается огромный хвост, как у павлина. То место, где он кончился, мы на карте отметили. А потом слетали на базу, взяли механиков, запчасти, охрану и к вам. Вон как «крокодилы» склон проутюжили...

Взлетаем мы нахально, с включенными фарами. Стемнело. Наш вертолет несет нас на базу, скрипя всеми сочленениями. В пулевых пробоинах свистит ветер. Посадка происходит без приключений. А у ворот нас встречает симпатичный полный майор, руководитель полетов. Он хлопает всех по спинам, а когда мы проходим в ворота отряда, незаметно крестит нас...

Таджикистан.

КОЛОННА

Осеннее утро в Душанбе — это неслышимый полет опадающих листьев и их таинственный шорох под ногами. Прозрачность ароматного воздуха, в котором плывут паутинки. Редкие прохожие и еще более редкие машины, кощунственным ревом двигателей нарушающие ленивую тишину.

После путешествия «за границу», в лагерь беженцев на территории Афганистана, иду в штаб погранвойск с каким-то смешанным чувством. С одной стороны, я ведь вернулся, все закончилось благополучно. С другой — начинаю осмысливать свой авантюрный вояж с точки зрения Его Величества Закона. Уже и не припомню, сколько же пунктов и параграфов его я нарушил, посещая лагерь беженцев. Естественно, я — не шпион, не перебежчик. Но если посмотреть строго, то в прежние времена припаяли бы, как минимум, несколько лет. И не гулял бы сейчас, наслаждаясь утренней прохладой, а кормил бы вшей в местной тюрьме, а потом осваивал с топором просторы Колымы...

С таким невеселым настроением подхожу к штабу российских погранвойск в Таджикистане. Увидев меня на пороге, дежурный по штабу вскакивает и распахивает свое окошко:

— Срочно!!! Вас командующий разыскивает! Идите прямо к нему...

«Начинается...» — казню себя, поднимаясь на второй этаж. Иду медленно, чтобы оттянуть минуту расправы. Продумываю оправдательную речь. Возможные вопросы, варианты ответов. Набираю полную грудь воздуха и... открыть дверь не успеваю.

Она распахивается, и сам командующий, генерал-лейтенант Мартовицкий хватает меня за рукав и втягивает в кабинет.

— Где вы пропадаете? Вас по всему городу ищут!

Сердце обрывается и начинает стучать где-то в пятках: «Неужели все так серьезно?»

Но командующий не дает и рта раскрыть:

— Про ваши вчерашние «подвиги» знаю, доложили... Пока забудем! — добавляет со значением: — Пока!.. Сейчас нападение на 12-ю заставу, там идет бой. Лететь готовы?

— Конечно! В любую минуту...

Вообще — то я шел в штаб, чтобы попрощаться перед вылетом в Москву. Но такой шанс выпадает «раз в столетие». Снять бой на границе! Командующий точно просчитывает процент авантюризма в моем характере и делает предложение, от которого невозможно отказаться...

«А может, это и не бой вовсе? — сомневаюсь про себя. — Знаем мы ваши бои, опять какую — нибудь «показуху» устроили или учения. А командующему «для галочки» видеопленка нужна...» — уныло думаю, трясясь на «уазике» к аэродрому. «В конце концов, съемка беженцев не пропадет, повторить вояж в ближайшие 10 лет никому не удастся, а у меня стопроцентный эксклюзив... Ничего, улечу вечерним рейсом, все вещи с собой...»

«Показухой» в армии, в погранвойсках, называют мероприятия напоказ. Парад на малолюдной заставе, учения в присутствии начальства. Солдату от них только морока и головная боль...

...На аэродромной площадке уже вращает винтами вертолет. У открытой двери его салона наскоро курят офицеры, нервно поглядывая на калитку. Наш «уазик», даже не притормаживая возле вытянувшегося часового, вылетает на площадку. Подняв клубы пыли, резко останавливается. Водитель всю дорогу от штаба к аэродрому молчит, как партизан, отделяясь от моих вопросов односложными междометиями: «Угу. Да. Нет».

Не спеша вылезая из кабины, достаю аппаратуру, штатив, сумку. Могучий ветер от несущего винта пригибает к бетону взлетной полосы, старается вырвать из рук поклажу. Возле салона ветер потише, и я поднимаюсь в вертолет. В салоне термометр показывает плюс 38 градусов по Цельсию.

Офицеры, побросав недокурные «бычки», засакивают в «вертушку» и прихлопывают за собой дверь. Шум немного стихает, и в салоне уже можно разговаривать. Кроме того, вертолет командующего оборудован дополнительной звукоизоляцией, в виде наклеенных или нашитых на стенки солдатских одеял.

Знакомлюсь с попутчиками, военврачами «пограничного» госпиталя. Марк — неввысокий, плотный, с обрамляющей лицо черной бородкой. Второй — Аркадий, чисто выбрит, подчеркнута подтянут и щеголеват. Салон забит блестящими круглыми медицинскими «биксами» с инструментом и перевязочными материалами.

Создается впечатление, что уж эти — то ребята все знают.

— Что там происходит? — спрашиваю у старшего лейтенанта.

Аркадий удивляется:

— А мы хотели у вас спросить! Вам командующий ничего не сказал?

— Не успел. Схватил, впихнул в машину и привез сюда... Что-то там, на 12-й заставе... Не то учения, не то «показуха» какая-то...

— Ничего себе «учения»! — хмыкает врач. — Там половина личного состава убита, а те, кто остались, все ранены. Человек 30...

— Как это случилось? — у меня внезапно сипнет голос...

— Пока никто ничего не знает... Связь на полуслове оборвалась...

— А вы откуда узнали?

— Вызвали. Машина из штаба пришла, уже загруженная всем этим добром, — он кивает на медицинскую поклажу. — Тут на роту солдат хватит...

— А мы сейчас куда?

— Так вы совсем ничего не знаете?

— Потому и спрашиваю...

— Все пока предположения... Что там происходит на самом деле, не знает никто... А мы сейчас летим на Иол, 13-ю заставу. Встретим группу поддержки и с ними — дальше. Там до 12-й недалеко, километров 10–12...

Мы замолкаем надолго, думая каждый о своем. Вертолет летит низко, прижимаясь к желтым предгорьям, покрытым засохшей травой. Кое-где по горам змеятся извилистые тропы, протоптанные отарами овец.

Движемся вдоль горного хребта. Его вершины словно нависают над долинами, покачивая ледяными шапками. Здесь, на жутком солнцепеке, даже не верится, что всего в шести–семи километрах от нас лежит снег, по ночам мороз схватывает снежинки, спекая их в колючие ледяные кристаллы — фирн. Ходить по нему — мука. Вроде идешь, а на самом деле, перемешивая ногами сыпучие кристаллы, стоишь на месте... Сейчас, в жару, интенсивно тают ледники, и склоны хребта прочерчены серебряными ниточками ручьев и водопадов, которые питают основную здесь реку — Пяндж.

Вертолет уже летит вдоль берега. Сумасшедший поток несет свою коричневую, с белыми пенными шапками воду с огромной скоростью. В нем перемальваются вырванные с корнями деревья, по дну реки с грохотом катятся огромные валуны. Кажется, что поток этот — непреодолим. Как решаются нарушители переплывать такую реку на утлых суденышках и автомобильных камерах?

Сворачиваем от реки прямо к хребту. Каменная громада приближается с пугающей скоростью. Потом в стене открывается

просвет. Он расширяется, как в сказке об Али – Бабе и сорока раз – бойниках, как будто пилоты произносят таинственное заклинание «Сезам, открой дверь!». И вот мы уже в просторном ущелье. Через минуты полета ущелье сужается, и мы летим, едва не касаясь близких стен лопастями винта. В груди разливается знакомый тревожный холодок. Здесь летать очень опасно. Иногда по ущелью со снежных вершин скатываются порывы ледяного ветра, которые легко, как пушинку, могут бросить тяжелый вертолет на скалы. Вероятность — пятьдесят на пятьдесят. Но летчики рискуют, потому что, поднявшись выше, можно попасть под огонь боевого охранения бандитов. А у них — «стингеры», которые шансов на выживание вообще не оставляют. Так что из двух зол выбирается меньшее... Еще минут десять опасного полета, и мы, перескочив седловину перевала, оказываемся в долине Иола...

...Широченная долина, засыпанная разнокалиберным галечником, была когда – то дном полноводного потока. Сейчас от него остался ручеек, который легко, вброд, одолеет и курица. Этот чистый ручеек бежит к Пянджу, а по пути поит 13 – ю заставу и кишлак Иол. Большую часть воды люди разбирают на питье и поливку своих драгоценных клочков земли. Садимся на площадку возле заставы.

Застава, обнесенная высокой кирпичной оградой, словно за – таилась в безмолвии. Из кишлака, вооруженные охотничьими ружьями, идут люди и скапливаются возле зеленых ворот со звездами. Разговаривают негромко, словно на похоронах.

Худой человек, подошедший к толпе почти одновременно со мной, начинает что – то возбужденно рассказывать окружившим его людям. Я подхожу поближе, пытаюсь прислушаться. Говорит по – таджикски.

Чуть дотрагиваюсь до его плеча:

— Если не трудно, все то же самое, только по – русски...

Как – то даже не возникает мысли о том, что он имеет право не знать русского языка, что по – русски могут не понять другие слушатели. Он переходит на русский язык, а к нам подтягиваются врачи, которые уже перегрузили медицинские «биксы» на зеленую «санитарку».

— Да, так вот я ему и говорю, — продолжает он фразу, начало которой произнесено по – таджикски, — уходи, откуда пришел. Мы не будем против братьев идти...

— А он что? — выдыхают из толпы.

— Он сначала говорил, что мы можем не бояться. Что они, «афганы», только против коммунистов и против «эсэнгэ» (СНГ. —

Прим.ред.) А потом летел вертолет, «афган» в него стрелял... А потом ка-а-ак даст по дому! Окна ка-а-ак посыплются! Окна все перебил, где теперь стекло брать? Барашка во дворе убил...

Толпа дружно ахает.

— Я потом ружье взял, сюда прибежал. Он мне сказал с ними идти. Автомат дадут, патроны дадут...

— А ты откуда? Где бандитов видел?

— Как где? Саригорские мы. Я прямой дорогой через горы сюда шел, ночью в пещере спал...

— Когда из дома ушел?

— На закате. А ночью перед рассветом стрельбу большую слышал. Наши все вчера и позавчера из кишлака ушли, я только задержался... Не думал, что они такие злые. Чужих много, пушту-нов много, негры есть...

— Сколько их было?

— По домам человек 10–15 ходили, остальные на краю дожи-дались, отдыхали... Человек, наверное, 100... или 200... Может, больше. Я в темноте шел по горам, других слышал, большую группу...

— Почему ты решил, что они другие?

— Они совсем по-чужому разговаривали... Я их языка не понимал... Поэтому я и ушел спать в пещеру, боялся их встретить...

— Ты не видел, у них много оружия?

— Много. Ох, много... — прищелкивает он языком. — Карабины видел, автоматы видел наши, есть американские, минометы видел. Даже базуку...

— Звать-то тебя как? — спохватываюсь я.

— Ашуров Хамид Умарович... 31 год.

Если на житейские темы он говорит с заметным акцентом, то названия оружия и его характеристики он произносит на чистойшем русском языке, так, как написано в «Наставлении...». Удивляться нечему, мы все совсем недавно жили в одной стране и служили в одной Советской Армии, в которой автомат Калашникова назывался одинаково как в Прибалтике, так и на Памире, и другое вооружение — тоже. И учили нас по одним и тем же учебникам, придуманным в штабах общего Министерства обороны...

...Ворота чуть приоткрываются, и в их проеме появляется подтянутый офицер. Дехкане знают начальника заставы и придвигаются ближе, окружив его плотным кольцом. Они вооружены. Оружие хоть и примитивное, но владеют им эти люди виртуозно. Офицер, даже с табельным пистолетом, выглядит безоружным. «Пукалку», лежащую в кобуре, никто оружием не считает. Когда начи-

нается разговор, выясняется, что начальник заставы в совершенстве владеет местным языком.

Он приглашает нашего собеседника пройти в ворота.

— Всех пропустите, нас — то почему оставляете... — кричат дехкане. — Бандиты придут, нас всех убьют...

Офицер останавливается в раздумье. Оглядывает толпу... Принимает решение:

— На ночь зайдете все. Еда какая —нибудь есть с собой?

— Мы домой сходим, за едой и семьями. Нельзя нам в Иоле оставаться... Они назад здесь пойдут. Другой дороги нет.

— Ну, это еще неизвестно, как они пойдут, — ухмыляется офицер, — может быть, идти некому будет...

— Спасибо... — кланяются люди, и толпа быстро рассасывается.

— Что вы им сказали? — проходя в ворота мимо часового, интересуюсь у офицера. Разговор вроде весь слышал, но вдруг что-то пропустил.

— Они просили разрешения привести семьи на заставу, — объясняет он, — бандитов боятся. Я разрешил. Мы с ними давно сотрудничаем. И им хорошо, и нам. Для столовой свежее мясо покупаем, овощи, фрукты для солдат. Денег мы хоть немного, но получаем. Они «живых» денег несколько лет здесь не видели. А мы ими платим за продукты...

— А что по-таджикски говорили?

— По-таджикски? — откликается офицер. — То же самое, слово в слово. По-русски я, скорее, для вас говорил...

— Они ведь еще и разведка?

— Вслух не нужно... Естественно...

Я прикусываю свой длинный язык. Зачем нужно было говорить о том, что местные жители порой лучше всяких разведчиков знают о появлении в здешних горах чужаков. И конечно, сообщают о них пограничникам. Это секрет полишинеля, о котором знают все, но стараются не говорить вслух. Как говорится, не поминай черта к ночи.

Старики, мужчины быстро уходят в село и буквально через час возвращаются с семьями, узлами и провизией. Еще через час просторный двор заставы заполняется народом. На плацу и спортивной площадке люди разжигают костры. Вскоре застава начинает напоминать какой-то табор. Вездесущая ребятя осваивает спортивные снаряды и учебную полосу препятствий. Они, как ртутные шарики, проникают в самые запретные места. Особенно их привлекает кухня, из которой доносятся аппетитные ароматы... Сол-

даты — повара нарезают целые подносы хлеба и выносят ребятам... Миг — и подносы пусты, а ребятига с визгом бежит, унося драгоценные ломти для матерей и сестренек с братишками.

Все заставы в горах построены по единому плану, утвержденному в самых высоких кабинетах, поэтому, глядя на 13-ю заставу, легко представить, как выглядела 12-я. Одно длинное одноэтажное здание казармы, в котором и спальня, и оружейная, и сушилка, словом, все в одном ничем не прикрытом доме. За казармой — пристройка с вольерами для собак, кухней и продовольственным складом. Тыльная сторона здания обращена к покрытому густым лесом склону горы.

Застава построена так неграмотно с точки зрения обороны, что просто диву даешься, каким образом на нее никто не посягнул до сих пор. Со склона можно с обыкновенным охотничьим ружьем контролировать всю открытую территорию. А кирпичная стена и ворота выполняют чисто декоративную функцию, только создавая иллюзию несокрушимости. Стена за несколько метров до склона кончается и заменяется хлипкой загородкой из колючей проволоки.

Хитрый пограничный баран, который, отбившись от отары, прибилудился к кухне, каждый день с легкостью преодолевает ее, уходя в гости, «на родину». Пограничники с удовольствием бегают за ним по окрестностям, оглашая горы беззлыми матерками. Барана находят, заделывают брешь в «границе», но на другой день все повторяется...

Застава построена в низине, в долине между горами, поэтому о «господствующей» высоте говорить даже как-то неудобно. Пограничники, многие из которых местные жители, кучками стоят и сидят по всей территории заставы, в беседках, в курилке, на крыльце казармы. Дожди здесь редки, поэтому асфальт заменяется вытопанной до звона желтовато-коричневой землей. Ни о каких видеонаблюдениях, лазерах-шмазерах, компьютерах и прочей технической «лабуде» здесь слыхом не слышали.

...Проехав на технике, верхом и пройдя пешком сотни километров вдоль государственной границы тогда существовавшего, а потом уже и бывшего СССР, все время вспоминаю старый анекдот про «неуловимого» Джо:

«— Почему он неуловимый? — спрашивает юный ковбой ста-рого. — Неужели его никто поймать не может?»

— А кому он на хрен нужен — чтобы его ловили?»

Под непреходящее бряцание словес о мифической внешней угрозе пограничные войска держат на границе огромный контингент с горами устаревшего оружия, допотопными связью и транспортом.

Сейчас угроза внешней агрессии становится реальной. Из сотен тонн наркотиков, текущих через границу, вылавливается в лучшем случае 2–3 процента, как шепотом говорят сами начальники. Но зато с шумом и громом литавр они преподносятся публике как приближение окончательной гибели наркомафии. А наркомафия под прикрытием Корана без особого труда организует свое государство, Афганистан, где на складах ожидают отправки около 5 тысяч тонн(!) чистейшего героина...

«Чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей — вершка не отдадим...» — пели мы за 4 года до начала Великой Отечественной войны. Похоже, нам на роду написано идти «своим, особым путем», каждый раз наступая на одни и те же грабли. То, что у нас государственная граница практически не охраняется, теперь, слава Богу, не государственная тайна. Да и как могут быть тайной десятки и сотни тысяч наркоманов по нашим городам и весям. Даже в тихих провинциальных городках Средней России уже узнали такие слова, как «героин», «дурь», «винт», стал обиходным лексикон наркомафии... Что же сейчас делается на границе?

Часть государственной границы «приватизировали» местные наркобароны, которые, не особенно стесняясь даже журналистов, содержат небольшую, но хорошо вооруженную как легким, так и тяжелым оружием армию. Им осталось сделать совсем маленький шагок, чтобы окончательно приватизировать всю «солнечную» республику, превратив ее в сплошную героиновую плантацию. Единственное, чего они боятся, это потерять контроля над ситуацией, когда миллионы обнищавших «братьев» по вере из Афганистана голодными толпами наводнят Таджикистан. Единственные, кто сейчас этому противостоит, — заставы российских пограничников и 201-я мотострелковая дивизия. Став почти добровольцами заложниками чужой войны и грязной политики, они, охраняя границу от вторжения извне, постоянно ждут выстрела в спину...

...Рев моторов и лязг гусениц возвещают о приближении войсковой колонны. Но если у нас эти звуки вызывают искреннюю радость, то всех дехкан они приводят в трепет. Дети, только что с визгом и гамом бегавшие по всей заставе, затихают и сбиваются в один угол. Женщины торопливо собирают разбросанные было вещи и тоже собираются в тревожную стайку. Они не знают проис-

хождения страшных для них звуков передвижения военной техники и заранее ждут неприятностей.

Мы, наскоро собрав свои пожитки, быстро проходим мимо толпы и идем к колонне. Командует колонной старый знакомый, начальник Московского погранотряда полковник Василий Кириллович Масюк. Среднего роста, в ладно сидящем на нем камуфляже, он выскакивает из люка головного танка. Рукопожатие его сухое и крепкое, взгляд серых глаз прямой... Что-то вспоминает.

— Не уходи далеко, поговорить нужно... — говорит с улыбкой. — Полезай в задний люк головной машины...

Лучшего для меня места не стоит и искать. Из головного танка видна вся колонна и горная дорога до ближайшего поворота. Следом за головным идет штабная машина — тот же танк, но измененной формы. Он щетинится дулами крупнокалиберных пулеметов, а по всему периметру сделаны стальные поручни, за которые можно держаться, стоя на бронированной платформе во время движения. Эти поручни выполняют еще и роль мощной антенны. Единственное, что немного напрягает, отсутствие современных средств навигации и связи. Или все настолько засекречено, что даже не имеет никаких признаков наличия. Может быть, я что-то не понимаю в этой жизни, но должен же быть когда-то и конец традициям армейского раздолбайства?

Вся техника размалевана желто-зелено-черными пятнами и разводами маскировочной окраски. Чуть дальше — напоминающая формой гигантскую черепаху, ползет зенитный комплекс «Шилка». Под этим названием скрывается оружие, которое, делая 1200 выстрелов в минуту из четырех стволов крупнокалиберных пулеметов, создает в пространстве шквал огня и раскаленной стали.

Танки, бронетранспортеры, военные грузовики образуют внушительную колонну. Наконец Масюк, проверив все, дает команду «по машинам». Я удобно устраиваюсь на горячей броне, подстелив под себя солдатское шерстяное одеяло. Наш танк ревет мотором и, резко дернувшись, начинает движение. Из-под гусениц вырывается пыльное облако. Гусеницы траками захватывают мельчайший песок, и он тут же взлетает в воздух, окутывая нас непроницаемым пыльным облаком. Какая там съемка! Я не вижу даже своей вытянутой руки. Быстро прячу камеру в полиэтиленовый пакет, пакет — в сумку с замками на молнии, а всю сумку с аппаратурой — еще в один черный «мусорный» крепкий мешок. Так хоть на остановке можно будет пользоваться камерой. Если эта пыль попадет в лентопротяжный механизм — камера считай накрылась.

Очень вовремя я проделываю все эти манипуляции. Камера спасена, можно и о себе подумать. Танк, раскачивая длиннющей антенной, идет быстро, и довольно скоро мы втягиваемся в ущелье. Я пробираюсь на нос и устраиваюсь сразу за люком механика – водителя. Водитель косится на меня.

— Со стопора крышку не сними, а то крышкой голову мне расшибет... — кричит он сквозь рев моторов и лязг гусениц. Полковник удобно устроился в соседнем люке командира танка, спустил ноги внутрь и, придерживая ларинги рукой, что-то говорит. Слов совершенно не слышно. Видно, как Василий Кириллович шевелит губами, а по строгому лицу заметно, что он разговором очень недоволен. Мне даже становится жаль собеседника.

Здесь, на ветерке, пыль не так густа. Заглядываю в зеркальце заднего вида, пристроенное возле люка механика – водителя. Из зеркала смотрит желтое от пыли чудовище. Синяя рубашка, джинсы, жилетка давно потеряли свой цвет, их покрывает толстый слой пыли. Волосы растрепались и стали похожи на колючки дикобраза. Зрелище жутковатое.

Масюк заканчивает разговор. Как ему удастся в такой жаре и пыли сохранять почти в чистоте камуфляж, оружие! Даже руки совершенно чистые.

— Привал будет? — пытаюсь я докричаться до командира. Масюк то ли слышит, то ли по губам читает вопрос. Он кивает и показывает четыре пальца. Я остаюсь в недоумении — через четыре часа или через четыре километра? Но переспрашивать не рискую, так как он снова выходит на связь.

Танк начинает взбираться на гору. Дорога серпантинном поднимается на кручу, петлей захлестывая пологую вершину. Мелкую илистую пыль сменяет каменное крошево. Камни, которыми засыпана дорога, довольно крупные и громко хрустят под стальными траками. Танк поднимается без всяких усилий. Более чем сорокатонная громадина птицей взлетает на перевал. За перевалом — широкая, удивительно зеленая котловина, до краев заполненная бронетехникой 201-й мотострелковой дивизии. На душе становится значительно веселее.

Все подразделения собираются в один кулак. Последний инструктор перед началом движения. Масюк на небольшом пригорке, видный всем:

— Басманов! Бери 20 человек. Десять с одной стороны. Десять — с другой. Задача — держать вот эту высоту... Все, давай туда! Где командир взвода?..

— Там... — доносится голос.

— Где «там»? Сюда его...

Командиры, получив общую задачу, собирают подчиненных:

— Разобрать патроны... Вам — два ящика цинков, четыре сю — да... — Солдаты разбирают огромную грудку снарядных ящиков...

За военной стороной как-то не сразу замечаешь обыденные дела, которые на поверку оказываются не менее значимыми. На — пример, все вдруг сразу начинают пить воду. Неужели всех разом обуюла жажда? Да ничего подобного. Жажду ощущаешь тогда, ког — да организм в пылу боя начинает расходовать последние запасы воды. Командиры, зная это, приказывают пить «в запас».

Тем временем Масюк на рации:

— Доложите мне! Доложите мне! Поступала ли вам какая — ни — будь информация? Прием! — Слушает, переспрашивает: — Не по — ступала!? Вас понял. Вас понял... Конец связи...

Иногда становится жалко, что не имею возможности снимать все подряд. Раньше, до работы в «новостях», я так и снимал — все подряд, что считал нужным, привозя из каждой командировки де — сятки кассет материала. Каким-то шестым чувством знал, что каждый эпизод, каждый запечатленный на пленку жест со време — нем обретут необычайную ценность, станут частью истории. Но требования в «новостях» диктуют прямо противоположное — ниче — го лишнего в кадре. Время на пленке — это еще и немалые деньги для эфира. Если это спутниковый «перегон», то каждая минута его стоит десятки долларов. Если ты везешь материал в бюро, то твои «лишние» минуты отнимают часы работы монтажера, корреспон — дента, переводчика и других связанных с тобой людей... Как до — стичь разумного компромисса?

Сейчас, заново просматривая материал, снятый всего десяти — летие назад, мысленно отмечаю допущенные тогда огрехи. Вот на экране мелькает человек, который впоследствии становится клю — чевой фигурой дальнейших событий. Но у меня на пленке он мель — кает на каком-то проходном кадре, чуть ли не на перебивке, слу — чайно. А ведь была возможность и время с ним поговорить попо — дробнее, взять достойное интервью...

...Наш бывший головной танк уступает место другому, который толкает перед собой многотонные шипованные стальные «колеса». Предосторожность оказывается не лишней — дорога заминирована. На одну из мин наезжает «тральщик». Сильный взрыв подбра — сывает тяжелый трал, как пушинку. Над головой пролетают оскол —

ки и камни. Мы скатываемся с брони и приседаем у гусениц. По ущелью долго перекачивается гулкое эхо. Наша реакция, конечно, сильно запаздывает, но лучше такая, чем ничего. За этой миной могут детонировать и другие.

Колонна стоит, занимая весь серпантин дороги. Поскольку мы получаем явное доказательство присутствия «духов», то по колонне проносится команда: «Взять полный боезапас!» Чтобы солдаты не слишком уставали носить огромное количество патронов, перед маршем всем выдают по два снаряженных рожка на автомат и по два «цинка» пулеметной ленты. Для того чтобы выдержать короткий бой, сделать огневое прикрытие, этого количества вполне хватает. «Полный боезапас» — это бери сколько унесешь... Ограничений никаких нет. Поэтому солдаты не только набивают патронами и гранатами все возможные и невозможные карманы и емкости, но и обматывают все тело пулеметными лентами. От этой тяжести они начинают двигаться неуклюже и медленно.

Дальше мы движемся, уже загруженные боеприпасами «под завязку». Пока солдаты грузятся, набивают патронами автоматные рожки, вдоль склона вперед уходят разведчики. Они недолго совещаются и решают идти верхней дорогой. «Дорога», конечно, громко сказано. Просто высоко в горах меньше шансов натолкнуться на мину.

Наш тральщик, похоже, уже не участвует в операции. Сдвоенный заряд корежит трал. Огромные швеллера, из которых он сварен, выгибаются в восьмерку. Тральщик становится просто огромным куском бесполезного металла. Он вполне может двигаться, но вперед уходят саперы.

Они идут медленно, миноискателями и стальными щупами проверяют каждый миллиметр дороги. Вскоре к полковнику подбегает их командир. Саперы находят новую мину... Вместе с ним я иду на место. Сразу за поворотом дороги, за скалой прячутся саперы. На камнях лежат красные бруски взрывчатки, а по бикфордову шнуру томительно медленно ползет искристый огонек. Над ним в воздухе растворяется сизый дымок. Я устанавливаю камеру на штатив прямо на дороге, настраиваю ее, включаю и быстро возвращаюсь к саперам.

Такого грохота я не ожидал. По ущелью несется упругая взрывная волна. Она подхватывает камеру вместе со штативом и тащит к пропасти. В каком-то немыслимом вратарском прыжке я подхватываю ее буквально на лету и падаю на камни, раздирая колени и локти. Взрыв шестисот граммов взрывчатки буквально вдав-

ливаает меня в дорогу. Пытаюсь приподняться, но саперы отчаянно машут руками, чтобы лежал и не двигался. Снова распластываюсь. Между мной и миной на дороге небольшой бугор. Он — то и направляет поверх меня первую взрывную волну. Все это происходит буквально в доли секунды. После первого взрыва гремит второй. То, что я испытываю сейчас, не идет ни в какое сравнение с первым взрывом. Сдвоенная противотанковая мина поднимает в воздух десятки тонн скальной породы. Огромные камни взлетают, как мячики. Могучая вторая волна придавливает к земле, начисто лишает легкие воздуха. Как только ее давление чуть ослабевает, я вскакиваю и быстро ныряю под козырек нависающей над дорогой скалы. На то место, где я только что лежал, обрушиваются все камни, которые взлетели в воздух от взрыва. Выбоина перестает существовать... На коже жилетки и на брюках появляются тонкие бритвенные разрезы от пролетевших с огромной скоростью камней.

Саперный начальник трогает меня за плечо и что-то говорит. Я вижу шевелящиеся губы, но не слышу ни звука. В голове стоит сильнейший гул. Я никак не могу определить его источника. Знаком показываю, что не слышу сапера. Он машет рукой и проводит ладонью возле моего правого уха. Потом поворачивает ладонь, и я вижу, что она вся в крови... А я — то все никак не могу понять, почему шее с правой стороны горячо? Конфискую у саперов один перевязочный пакет и выщарапанной из него ватой старательно затыкаю кровоточащее ухо. Возвращаться в колонну с окровавленным лицом не рискую и прошу саперов дать немного воды.

Одновременно протягиваются полдесятка фляжек. Ребята могут мне замывать следы моей очередной глупости. В левое ухо постепенно возвращается слух, и я начинаю различать голоса. Они доносятся до меня, словно я нахожусь глубоко под водой. Долго сижу на камнях. Саперы уходят вперед по дороге, пропадая за поворотом, а моих сил хватает только на то, чтобы не упасть с этого камня.

Слух в левое ухо возвращается настолько, что я уже слышу грохот и лязг гусениц приближающейся колонны. Старательно делаю вид, что я только присел отдохнуть немного. Танк Масюка опять становится головным. Куда они девают тральщик, непонятно. Похоже, его просто сталкивают с дороги. Полковник наклоняется, чтобы скомандовать водителю остановку, но я ему делаю знак проезжать, только подать мою сумку. Полковник кивает, отцепляет от крюка сумку и протягивает. Я встаю и пытаюсь ухватить ее на ходу. Получается не очень здорово. Голова начинает сильно кру-

житься, и чтобы не упасть на гусеницы, плюхаюсь обратно на камень. Танк, рыкнув, останавливается.

Масюк спрыгивает с брони и подходит:

— Что случилось?

— Все в порядке... — одревеневшими губами пытаюсь вытолкнуть слова.

— Я вижу... — говорит полковник. Обернувшись, кому-то кричит: — Врача сюда!

— Сам пойду! Поезжайте... — наконец удается фраза. Беру сумку и, покачиваясь, иду к санитарной машине...

Колонна трогается, и почти в самом ее хвосте наконец вижу зеленую «санитарку». В обиходе эту небольшую неприхотливую машинку за форму кузова называют «буханкой». Она не отличается особым комфортом, но мне сейчас комфорт и не нужен. Важно отлежаться и прийти в себя, чтобы Масюк не отправил в тыл с первой же оказией.

В моей сумке — целая аптека, которую я постоянно таскаю по командировкам, лекарства в ней обновляются. В ней есть все для оказания первой помощи при ранениях и неудобных заболеваниях, начиная от поноса и кончая сердечным приступом. По весу — совсем немного, а сколько раз эта «аптека» выручала моих товарищей и попутчиков в странствиях. В сумке все, от запасных джинсов до иголки с ниткой... И, погрузившись в «санитарку», я начинаю разбираться, что же мне сейчас делать...

— Обижаетесь!.. — пресекает мои изыскания один из военврачей, с которыми мы летели утром из Душанбе. — У нас все есть... Что произошло, больной?

Слово «больной» режет оставшееся целым ухо.

— Все нормально, — огрызаюсь, — голова немного от высоты болит...

— Конечно-конечно! — соглашается врач. — Мы знаем уже, — кивает на радио в машине, — и взрывы слышали... Садись... — Он сдвигается, освобождая мне узкие носилки.

Сесть больше некуда. Присаживаюсь на краешек. Машина идет со скоростью пешехода и раскачивается на ухабах горной дороги, как лодка на волнах. Меня начинает попросту мутить... Врач протягивает остро пахнущий мятой леденец. Оказывается, вполне радикальное средство.

— Так. Сначала внешний осмотр... — тонкие, словно не мужские пальцы ощупывают голову. Для кого он говорит, непонятно, но тихий голос и спокойные интонации словно завораживают. — Здесь

шишечка, небольшая, совсем не смертельная. А что с ухом? — Он коротким рывком вытаскивает мою импровизированную затычку. Присвистывает:

— А вот это уже серьезно... — Вытаскивает из уха кровавые пробки. Затыкает пальцем левое ухо, что-то спрашивает. До меня доносится невнятный шепот.

Отпустив мое ухо, спрашивает:

— Ничего не слышишь?

— Пройдет. Не первый раз...

— Так серьезно, наверное, в первый! Похоже, уха ты лишишь — ся... — Поправляется: — Не уха, конечно, а слуха...

— Дай лучше что-нибудь, чтобы голова не болела... И не морочь ее мне. Вам был бы человек, а болячки найдутся...

Доктор смеется:

— Это точно. Ладно, снимай рубашку, посмотрю, что со спиной...

— Ты дашь, наконец, таблетки, коновал, — чуть не ору, — по-том делай что хочешь...

Доктор не обижается:

— Успокойся, сейчас!

Копаясь в одном из «биксов», бурчит:

— У него сплошные гематомы, порезы, а ему — дай таблетку, и все...

Набирает из разных пакетиков и бутылочек несколько таблеток, наливает в пластмассовый стаканчик воду. Я махом проглатываю лекарство, выпиваю воду из стаканчика, тянусь за всей бутылкой. Только сейчас осознаю, насколько жара и высота обезводили организм, который до сих пор никак не давал о себе знать. Полуторалитровую бутылку воды выпиваю залпом.

Вся боль отступает куда-то. Через 3–4 минуты я почти здоров и благодушен:

— Лечи. Но чтобы через полчаса как новенький... — стягиваю исполованную рубашку.

...Тем временем колонна выползает в зеленую долину. На ее краю видны какие-то небольшие саманные домики, а прямо по-середине долины стоит большой карагач. Зимние ветра сгладили его верхушку. Издалека дерево напоминает большой раскрытый зонтик с кривой ручкой. В тени этого зонтика примостились какие-то полуголые люди. Одни, завидев колонну, радостно машут руками, другие сидят, прислонившись к узловатому стволу, третьи — безучастно лежат, устремив глаза в шевелящиеся листья над головой...

Из санитарной машины видно, как головной танк сворачивает с дороги и, без всякой разведки, мчится прямо через долину. Я быстро натягиваю запасные джинсы и рубашку. Доктор говорит:

— Ты сиди, нам все равно нужно туда ехать...

«Санитарка» сворачивает с дороги и мчится прямо через долину, подпрыгивая на невидимых в траве ухабах. Мы, вперемешку со стальными «биксами», болтаемся в машине, как горошины в погребушке. Наконец «санитарка», чуть опередив командирский танк, останавливается в тени карагача. Моя работоспособность частично восстановлена. Морщась от боли в обработанных ссадинах, вытираюсь из машины и настраиваю камеру. Полуголые израненные пограничники 12-й заставы, которые чудом уцелели в устроенной моджахедами бойне, измученные жарой, жаждой и голодом, глядят на своих спасителей восторженными глазами.

Врачи, которые только что тренировались на мне, работают споро и четко. Противошоковые уколы, перевязки, носилки... Добровольных помощников из колонны у них хватает. Сейчас важно не допустить распространения инфекции, оказать самую первую помощь.

В это время к импровизированному госпиталю подходит командирский танк. Сквозь клубы оседающей пыли идет полковник. Полуголый боец, которому только что была сделана перевязка, с трудом поднимается и кричит:

— Застава, станови-и-ись! — Раненые, измученные, оборванные пограничники, кто может, выстраиваются в шеренгу.

— Застава! Рравняйся!...Застава! Смиррррна! Равнение на середину!!!

Чеканя шаг босыми ногами по высокой траве, он идет навстречу командиру, вытягивается:

— Личный состав двенадцатой заставы, оставшийся в живых, находится перед вами. Заместитель начальника заставы, лейтенант Мерзлякин!.. Здравия желаю, товарищ полковник...

Полковник и все офицеры вытягиваются, отдавая честь маленькому отряду. Все понимают, что пришлось перенести этим 19 — 20-летним мальчишкам, которые всю ночь и утро обороняли заставу, потом, спрятавшись в подвал, вызвали огонь на себя. Они выдержали два шквала. Первый — от боевиков, в 3 часа ночи напавших на заставу, второй — от своей артиллерии и вертолетов. Каким чудом они, просочившись через заслоны моджахедов, оказываются в 6 километрах от заставы? Ведь в том состоянии, в котором их застают врачи, невозможно пройти и двух метров....

У Масюка, железного, несгибаемого командира, в глазах закипают слезы. Нисколько их не стеснясь, пожалуй, даже не замечая, он делает шаг и обнимает Мерзликина.

— Вольно, всем вольно...

Он идет вдоль шеренги. Покачиваясь от слабости, всхлипывая, плача, солдаты между тем не покидают строй. Они выглядят смущенными, особенно при виде телекамеры. Только один солдат никак не может оправиться от шока. Стоя в строю, он непрерывно плачет. Голова и лицо его покрыты засыхающей кровью. Постоянно текущие слезы проложили в красно-коричневой запекшейся маске розовые чистые дорожки.

Масюк командует:

— Вольно! Разойдись...

— Вольно! Разойдись... — слабеющим эхом откликается Мерзликин и оседает в траву.

— Врача! — кричит Масюк, подхватывая лейтенанта... — Срочно врача вызвать сюда, б...! Срочно!!!

— ...Раз, два, три! — монотонно бубнит радист. — Нужен срочно врач! Нужен срочно врач!!!

Врач осматривает офицера. Потом пропитывает ватку нашатырным спиртом и подносит к ноздрям. Мерзликин морщит нос и, резко чихнув, открывает глаза. Врач осторожно опускает его в траву и встает:

— Обморок. Ему нужно пить, есть и спать. Именно в такой последовательности...

Мерзликин сначала не понимает, что случилось, почему он лежит на земле в окружении солдат и офицеров с тревожными лицами, смущенно улыбается и встает. Еще через короткое время он уже среди своих солдат.

Направляю на него камеру:

— Тебя как зовут?

— Лейтенант М-м-м-ерзликин. А-а-андрей! — с усилием вспоминает он.

— Сколько тебе лет?

Этот вопрос ставит его в тупик. Он некоторое время думает, поднимает руку к голове, словно пытаясь вынуть оттуда недостающие сведения. Рука оставляет на пыли, толстым слоем осевшей на коротко стриженной голове, глубокие борозды.

— Та-а-а-к, мы позавчера праздновали мой день рождения... Сколько мне было? Двадцать пять. А сегодня я второй раз родился... Да, двадцать пять.

Слова из него выходят с усилием. Такое впечатление, что он думает на каком-то другом, одному ему понятном языке. Потом слышит вопрос, переводит его, не торопясь, обдумывает ответ и снова переводит...

— Вот парень, пулеметчик... Ему кинули в окоп гранату, а он стреляет... Ну, не все на войне были, страшно людям, а он — стреляет... — рассказывает Андрей словно самому себе. — Туда «духи» бросили две гранаты, а он все равно стреляет... Мы когда второй раз их выбили из этого окопа, тогда все было кончено... Ему граната вот сюда попала, — показывает он на свой бок, — почти пополам развалила...

— Как его звали?

— Рядовой Борин... Да, рядовой Борин, симпатичный такой парень...

Полковник подходит ко мне:

— Помягче с ними... Как сам?

— В порядке! — уверенно вру я, не отрываясь от камеры.

— Может, с ними полетишь в госпиталь...

— Никуда я не полечу. Не затем сюда ехал.

— Смотри. Хозяин — барин. Мы еще на сутки зависаем, не меньше. Выдержишь? У тебя вроде на вечер билет в Москву ...

— Подождет Москва. До конца пойдем...

— Хорошо, — неожиданно соглашается полковник и похлопывает меня по плечу. Прикосновение отдается по всему телу жаркой волной боли. Я чуть не приседаю. На лице, видимо, что-то проскакивает, потому что полковник смотрит мне в глаза строго и пристально.

— Хорошо, — повторяет он, — когда все кончится, я тебя сам в Москву отправлю...

По долине разносится гул подлетающего вертолета. Он кружится над долиной, выбирая место для посадки, но садится на вершину недалекого холма. Летчик, узнав, что раненых с врачами будет гораздо больше, чем может поднять с места вертолет, приземлиться в долину не решается, боясь не взлететь с двойной загрузкой. Подходит грузовой КамАЗ, и все бойцы загружаются в него. Врачи отправляют раненых под присмотром двух фельдшеров-сержантов.

Мы снова садимся в «санитарку», и она ползет по ухабам к догору. Постепенно боль отпускает меня, и я, растянувшись на носилках, закрываю глаза. Просыпаюсь от тишины и неподвижности. Машина стоит на той же дороге. Никак не могу понять, сколько же

времени спал. Как будто недолго, может быть, час. Выбираюсь из «санитарки» и, постепенно просыпаясь, бреду в голову колонны. Почему — то все командиры там.

По дороге, шагая след в след, возвращаются разведчики, которые раньше ушли в поиск. Один из разведчиков, местный житель, одетый в ватный халат — чепан и тибетейку, довольно долго шепчется с командиром, что — то показывая на карте. Масюк, сделал все пометки, поворачивается ко мне:

— У нас сейчас совещание, у тебя есть час времени. Хочешь на «духов» взглянуть?

Я даже подпрыгиваю. Этого ли не хотеть?

— Правда, они мертвые. Их наши разведчики ковырнули... Там, на горе. Вот этот парень тебе покажет...

— Когда идти?

— Прямо сейчас. За час обернетесь... Захвати автомат...

— Ну, ты же знаешь, мне нельзя. Сто раз говорил...

Досадливо махнув рукой: — Пацифист хренов! — Масюк отворачивается от меня и кричит в толпу солдат, занятых упаковкой патронов: — Сидоров!

Словно из — под земли возле нас вырастает огромный «спецназовец». В жилетке — «разгрузке», натянута прямо на мускулистый обнаженный торс, он напоминает киношного Рембо. В этой «разгрузке» чего только нет. Ножи разного вида и назначения, автоматные рожки, фонарик, гранаты, компас, два огромных пистолета, закрепленных в маленьких кобурах.

Масюк говорит ему:

— Вот тебе подопечный, чтоб ни волоса с головы не упало...

«Рембо» серьезно кивает.

— Да тут рядом, ничего не случится, не нужна мне охрана... — подаю я голос.

На памяти это первый случай, когда мне дают персонального телохранителя. Раньше всегда обходился. Перспектива бояться не только за себя, а еще и за крепкого, огромного мальчишку, подставляя его под пули, не слишком вдохновляет...

— Кто тут командует? — начинает свирепеть полковник. Солдаты вокруг тоже поглядывают с явным изумлением: «Что за птица — осмеливается возражать самому Масюку?»

Почувствовав, что конфликт нарастает, иду «на попятный»:

— Ладно, пусть идет!

Довольный, Масюк подмигивает одобрительно. Зная строптивость моего характера, он по достоинству оценивает жертву.

Проводник, наблюдавший со стороны, решает, что инцидент исчерпан, поворачивается и прямо с дороги начинает подъем на скользкий от травы склон. Держа в руках посох, он легко балансирует, с каждым шагом удаляясь от нас. «Рембо» — Сидоров, захватив по пути короткий автомат, держит еще в левой руке и обмотанную мешковиной снайперскую винтовку. Она выглядит словно как-кая-то бесформенная коряга... За ними, постоянно отступаясь в своих сильно «фирменных» кроссовках на предательски скользкой траве, с трудом поднимаюсь и я. Через пятьдесят метров подъема трава кончается и начинается свежая осыпь. Круглые обкатанные гольши едва держатся на крутом склоне. Малейшее касание, и они продолжают прерванное когда-то движение. Со стуком и шорохом камни скатываются на дорогу...

Подъем, конечно, трудный и изматывающий, но он ничто в сравнении со спуском. Когда я, обернувшись назад, вижу крутизну склона, по которому придется спускаться, настроение и энтузиазм куда-то пропадают. С высоты грозные машины и танки кажутся небольшими коробками, приклеенными к горе. Дорога, на которой стоит колонна, продолжается вверх по ущелью, потом пересекает его в верховьях небольшой речки и по противоположному склону возвращается назад, образуя длинную, в километр, петлю. Эту петлю почему-то называют «тещин язык». Что плохого в жизни сделала теща автору такого названия, непонятно, но, видимо, так достала, что он и увековечил ее в названии участка горной дороги...

Наш проводник движется грамотно, преодолевая склон по диагонали. Хотя путь и удлиняется, но менее крутая траектория экономит силы... Наконец и он останавливается, озадаченно глядя на свежую крутую осыпь. Она возвышается перед нами почти отвесной непреодолимой стеной. Я почти приползаю к своим спутникам. Сердце, кажется, заполняет все тело. Его стук слышится везде, отдаваясь в ушах гулким эхом. Осторожно присаживаюсь на склон, прислоняясь спиной к горячим камням. Понемногу сердце успокаивается и мутная пелена в глазах рассеивается. Наконец, минут через десять, я чувствую в себе способность к дальнейшему движению или, в крайнем случае, к осмыслению ситуации.

— Сидоров! Что говорит этот «Сусанин»?

— Говорит, что вчера этой осыпи не было. Она сегодня утром сошла...

— Какие наши действия?

— Обходить придется. По ней идти невозможно...

— Тогда двинулись. Чего ждать?

— Проводник говорит, вам еще минут пятнадцать отдохнуть надо. Лицо очень бледное. Говорит, что сердце может не выдержать...

Судьба решает все за нас. По осыпи, метрах в пяти выше наших голов, трещит автоматная очередь. Камни искрят, и вся огромная осыпь приходит в движение. Стрельба идет с противоположной стороны ущелья. На склоне мы чувствуем себя совершенно голыми. Вблизи нет ни малейшего укрытия.

Решение приходит мгновенно. Мы плюхаемся на задницу, и склон, который нас так неохотно пускал наверх, предоставляет полную возможность прокатиться «с ветерком». Следующая автоматная очередь ложится туда, где мы были только что. Проводнику проще всех — толстый чепан надежно прикрывает тело, и он быстро, как на санках, слетает на дорогу под прикрытие танков. Мне — несколько хуже. Плотная ткань джинсов — хоть и эфемерная, но защита. Я оказываюсь в укрытии с почетным вторым результатом.

Хуже всех приходится нашему «Рембо». Тонкая ткань камуфляжных брюк протирается и рвется буквально на первых метрах. Остальной путь он проделывает, оставляя на камнях капли крови и немалые кусочки мяса. Мне становится больно даже смотреть на него. Еще я представляю себе сочувственно-насмешливые глаза сослуживцев, когда они поведут его в санчасть с таким «ранением».

...А на дороге разгорается нештучный бой. Откуда-то прилетает снаряд и взрывается метрах в трех ниже края обрыва, на котором стоит наш головной танк. Башня танка поворачивается, наводчик, видимо, видит цель, танк дергается, выплевывая огромную струю дыма. На солнечном склоне вырастает черный куст разрыва. Присев за гусеницами первого же попавшегося танка, я быстро достаю камеру.

Точка съемки никуда не годится. Справа от меня — травянистый крутой склон. Слева — колонна бронетехники. Гусеницы совершенно закрывают обзор. Я вижу только спины солдат, которые укрываются за массивными корпусами танков и бронетранспортеров. Пытаюсь поменять точку съемки, перебегая от одной машины к другой. Стараюсь двигаться неравномерно, чтобы затруднить прицеливание. Наконец решаю, что цель я собой представляю незначительную, есть много более привлекательных для противника целей, и успокаиваюсь.

На краю дороги, у самого обрыва, замечаю огромный мусорный ящик, доверху заполненный камнями, какими-то деревяшка-

ми, разным хламом. Решаю, что это идеальная точка съемки, но как до нее добраться? В это время начинает работать «Шилка»... По ущелью проносится жаркий ветер. Раздаются не выстрелы даже, а какой-то утробный рев. Стену, освещенную закатным солнцем, затягивает желтый туман. По вершинам словно проносится гигантская метла, меняя очертания самих гор. До сих пор мне не приходилось видеть эту машину уничтожения в работе. Пока пыльный туман держится в воздухе, быстро меняю дислокацию. Теперь вся колонна передо мной как на ладони. Совсем недалеко «работающая» «Шилка». По ее броне на пыльную дорогу скатывается золотой водопад стреляных гильз.

Вряд ли какой-нибудь противник сейчас ищет одинокую цель, к тому же бесполезную. Вылезаю из-за мусорного ящика и пытаюсь подойти ближе к «Шилке». Уж больно красивый кадр пропадает... Под обрывом грохочет второй взрыв... Под ногами резко подпрыгивает дорога. Второй снаряд опять попадает в карниз ниже ее уровня.

Что-то мне перестает нравиться этот кадр. Вспоминаю своего учителя репортажа Лю Хенг Шинга: «Лучше плохой кадр, лучше никакого кадра, чем мертвый оператор». Правда, тогда, в Карабахе, он говорил о фотографах. Но чем мы различаемся? Оператор — тот же фотограф, только делает не один, а десятки и сотни кадров в секунду. Да простит меня компания, но я немедленно возвращаюсь и снова прячусь за ящик.

Большинство офицеров и солдат уже собираются на дальнем склоне, который огибают дорога. Солнце светит «духам» прямо в глаза, а мы находимся в тени. Наверное, только этим объясняется неточность их стрельбы...

...Рев вертолетных моторов и тяжелый, частый пульс приближающейся смерти. Из-за поворота ущелья вырывается пятнистый, стремительный боевой вертолет МИ-24. Опустив нос, словно приносиваясь, он летит вровень с дорогой, на которой стоит наша колонна. Кажется, что ветер от винтов, вздувая пыльные смерчи, сейчас сбросит в пропасть и людей и технику. Этот пролет длится краткий миг. Внезапно вертолет делает «горку», взлетая свечой в небо, зависает на секунду, и оглушительное шипение тысяч разъяренных змей наполняет воздух. От вертолета, польхнув на мгновение яркой вспышкой, отрываются ракеты. Они как будто прокладывают «крокодилу» белую лыжню.

В это мгновение откуда-то из чрева горы к вертолету протягивается красный пунктир пулеметной очереди. Но этот смер-

тельный пунктир не успевает долететь до боевой машины. За мгновение до пересечения траекторий вертолет, выпустив еще два залпа, резко меняет курс. Трасса пролетает мимо и тает в синеве неба. Еще несколько мгновений, и вертолет скрывается за ближайшей вершиной.

Откуда — то из далекого поднебесья, падая на место боя почти в вертикальном пики, спускается второй вертолет. Опять ярким пламенем вспыхивают запалы ракет, и новая порция «гостинцев» с шипящим свистом вонзается в землю. Все ущелье затягивается желтым туманом от их взрывов...

Раскаленные трассеры поджигают сухую траву на склонах. Она вспыхивает мгновенным пламенем. Спустя час желтые холмы становятся сизыми от пепла. Что там продолжает гореть, на этих безжизненных горах? Нас начинает преследовать тревожащий запах гари. Ущелье затягивается еще и дымом... Под прикрытием этой завесы колонна начинает движение и вскоре втягивается в соседнюю долину. Здесь нас встречает сгустившийся до осязаемости запах гари.

Вечереет. Синие тени начинают затягивать ущелье. Дым от горящей травы уже видится белесыми пятнами и грязными разводами. Вертолетная атака нарастает. Теперь «вертушки» начинают выбрасываться из-за горы волнами по две, по три... На фоне гигантской тени, которую отбрасывает гора, ракетные следы, подсвеченные солнцем, разрисовывают всю гору смертной мозаикой. Нужно быть очень умелым воином, чтобы уцелеть в этой мясорубке. Шипение ракет сменяется грохотом разрывов, после них шуршащим эхом откликаются осыпи и камнепады...

По ущелью из конца в конец проносятся горячие взрывные волны. Деваться в тесном ущелье им некуда, и они, отскакивая эхом от одной каменной стены к другой, перекачиваются, как вода в прилив, раскачивая дорогу, технику на ней и сами окружающие вершины.

Бойцы, рассыпавшись цепью на вершине, пытаются в бинокли разглядеть сквозь дымную мглу, что же происходит на заставе. Если первые дома села Соригор, за которым расположена застава, еще можно разглядеть, то дальняя окраина села и казарма заставы за ним теряются в дымной мгле.

Стрельба идет из всех видов оружия, которым располагает колонна. Я, как ни стараюсь, никак не могу даже увидеть, не то что снять противника. Судя по спокойствию врачей и молчащей в «санитарке» рации, в колонне, несмотря на бешеную стрельбу, потерь

и раненых нет. Так и остается неразгаданной загадкой — куда же были выпущены сотни снарядов и тысячи пуль?

Конечно, хотелось бы снять, для соблюдения «паритета», со стороны «духов». Но очень уж плотный огонь ведется из колонны, чтобы попытаться его преодолеть. В таком огне — «брота нет!».

Наконец стрельба вновь стихает. Надолго ли? Люди в колонне передвигаются перебежками, от укрытия к укрытию, и только по приказу...

Наконец, получив команду, колонна вновь трогается и начинает спуск по головокружительному серпантину горной дороги к селу. Около самого села мы останавливаемся на последнем холме. Перед нами справа — село Соригор, к которому медленно спускается наша бронетехника, а прямо, словно на синем экране, в тени горы отчетливо видна 12-я застава.

— Все-таки сожгли заставу...— горестно вздыхает кто-то рядом. Обернувшись, я вижу нашего командира, Василия Масюка...

Длинная белая казарма горит удушливо и чадно. Ветер стихает, и дым от горящего здания поднимается черно-синим столбом, расплываясь в вышине в огромную безобразную шляпку чудовищного гриба...

Таджикистан.

ГИБЕЛЬ ЗАСТАВЫ

...Впереди на дороге, по которой ползет колонна, вновь обнаруживается противотанковая мина. Она как-то небрежно замаскирована камнями и крупной галькой. Эта небрежность может свидетельствовать как о спешке, с которой она устанавливалась, так и о ловушке, которая за ней прячется. Оказывается — второе. Хитрость не только в самой мине. Она установлена так, что ее взрыв должен спровоцировать камнепад. На расчистку дороги от каменной осыпи могли бы уйти не одни сутки. В очередной раз мы поражены уровнем профессионализма неведомых противников.

До самой ночи саперы возятся, пытаются разгадать секрет установки. Только с наступлением темноты заканчивается работа по обезвреживанию. И все это время, несколько часов, пограничники в бессильной ярости смотрят, как горит застава. Двигаться вперед бессмысленно, каждый шаг может только увеличить число жертв.

Молчат двигатели нашей колонны. Становится слышно, как откуда-то издалека доносится стрельба. Кто в кого стреляет, совершенно непонятно. Только по горам то вдруг прокатывается дробный стук автоматной очереди, то одинокие резкие щелчки СВДешек... Эти снайперские винтовки Дегтярева для нас опаснее всего. Дальность полета пули из них почти четыре километра, а в разреженном горном воздухе и того больше... Утешает, что если мы слышим выстрел, а рядом никто еще не падает, значит, пули не наши...

Возле кишлака Соригор, который дал название и долине, и речке, и самой 12-й заставе, дорога спускается круто вниз, в синую, дымную пелену.

Перед нами желто-зеленый горб «богары». В среднеазиатских республиках бывшего СССР богарные, предгорные неорошаемые земли считались вроде бы пахотными и даже засеивались какими-то злаками. Правда, мне ни разу не довелось увидеть, чтобы там собирали урожай. Как правило, злаки скашивали на стади «зеленки» и пускали на корм скоту. Здесь из-за войны скосить не успели, и щуплые колосья, отросшие на полметра, качаются перед прицелами и мешают видеть, что же находится внизу. Подни-

маться над колосьями — чревато. Над головой время от времени шуршат пули.

Пожар в здании казармы разгорается все ярче, выплескивая огонь из — под крыши, из окон и дверей. Возле казармы на решетчатой вышке стоит большая водяная цистерна, коричнево — красная то ли от сурика, то ли от ржавчины, но выглядит издалика большой каплей засохшей крови. На глазах сотен бойцов и командиров разыгрывается безмолвная трагедия. На расстоянии звуков не слышно, поэтому почти в полной тишине пламя постепенно захватывает здание. Поджигатели работали со знанием дела, создав несколько очагов загорания. И вот уже в пламени исчезают окна, потом проваливается крыша, и само здание отдает огню все меньше и меньше топлива.

Черная ночь опускается на горы, окутывая их словно саваном. Вершины сливаются с небом. Дорога, освещенная только мерцающим светом близких звезд, почти не видна. Движемся ощупью, включая фары на очень короткое время. Даже в эти доли секунды свет фар кажется ослепительным и демаскирующим движение. Но его иногда бывает достаточно, чтобы отвести от людей и машин большую беду. Один раз даже наша «санитарка» с опытным водителем чуть не улетает в пропасть.

Наконец этот — очень длинный — день и дорога, вместившая в себя как будто сотни километров, заканчиваются у догорающей заставы. Мы находимся на приличной высоте над уровнем далеко — го моря. Жаркий день сменяется прохладным вечером и ледяной ночью. Словно все окружающие нас снежные вершины внезапно решают наказать дерзких людишек, творящих непотребное перед лицом вечности, и с них спускается леденящий холод...

Колонна после детальной разведки занимает круговую оборону на территории расстрелянной сутки назад заставы. Вблизи пожар, который безмолвной картины разворачивался перед нами издалика, обретает голос... Это почти оглушительный треск всепожирающего пламени, какое — то шипение и всхлипы...

Офицеры, смертельно уставшие в течение дня, пытаются согреться у огня догорающего здания. Расположившись на освещенной пожарищем площадке, люди отыскивают себе удобные местечки среди камней. Я пытаюсь устроиться вместе с ними, но что — то мне мешает...

Наверное, все — таки сказывается контузия, или какая — то другая причина не дает мне беспечно и быстро заснуть с дороги... Полежав некоторое время на камнях, я вначале сажусь на один из них,

потом встаю и отхожу в сторону. Не оставляет ощущение, что из темноты на меня направлены десятки глаз. Мистика какая-то! Выхожу из круга света, который образует пожар. Ощущение по-сторонних враждебных взглядов не исчезает совсем, но становится намного слабее.

Вслед за мной встает и Николай, командир саперов, небольшого роста полковник инженерных войск. Подходит:

— Что, не спится?

— Это место мне не нравится, — говорю я. — Причем не нравится активно. Такое ощущение, что на меня смотрят со всех сторон...

— И у тебя тоже? — облегченно смеется полковник. — Я уже думал, что начинаю в одиночку с катушек съезжать... Тоже всей спиной взгляды чувствую...

— Вдвоем веселее, что ли, «съезжать с катушек»?

— Ну да... Не то чтобы «веселее»... Впрочем, ничего удивительного. Смотрят туда...

Он показывает жестом в сторону. На фоне мерцающей бездны, заполненной звездами, окружающие нас горы видятся черными провалами. И вдруг в этом провале вспыхивает новая звездочка. Какой она там уж «звездной величины»? Она ритмично мигает и вновь исчезает...

— Фонарики? — догадываюсь я.

— А что же еще? — говорит полковник.

Глаза начинают привыкать к темноте. Я стараюсь не смотреть в сторону затухающего пожара. А окружающий нас мрак, в новом зрении, приобретает глубину и детали, которых не было видно раньше. Практически все окружающие нас горы имеют свои источники освещения.

Со всех сторон мы начинаем видеть безмолвную переключку фонариков. Днем все эти горы выглядят неприступными громадами. Наверное, для новичка так оно и есть, но для профессионалов-диверсантов, прошедших альпинистскую подготовку, дорог и троп в горах много.

Мы с Николаем говорим почему-то шепотом, словно школьники, сбежавшие с уроков, хотя нас, наверное, не слышно и в двух шагах. Мы обсуждаем возможность найти себе какой-то другой ночлег вместо этой довольно ярко освещенной площадки посреди чернильной темноты гор. Почти ощупью спускаемся с площадки, по пути форсируя окоп полного профиля. Почему мы не зажигаем фо-

нарь и говорим шепотом, объяснить не можем, движимые каким — то шестым чувством...

В темноте мы слышим движение вокруг нас. Танкисты возятся в своих машинах, позвякивая гаечными ключами. Таджикская речь перемежается русскими матерками, когда ключ со звоном срывается с гайки. Тихо урчит двигатель какой — то другой, невидимой в темноте машины. Возле танка, вплотную прижавшегося к ограде из колючей проволоки, мелькает приглушенный свет. Этот свет и эти звуки тревоги не вызывают...

Наконец под ногами вместо путаницы сухой травы мы чувствуем твердую утоптанную дорогу. Колес словно светятся в темноте, отражая наезженной поверхностью свет далеких звезд. Возле прохода в «колючке» мы приостанавливаемся...

И вдруг до нас доносится чудовищный вздох. Кажется, сама земля вздыхает и вздрагивает от усилий. Вздох этот внезапно прерывается могучим грохотом, и вся долина вспыхивает нереальным зеленоватым огнем. Мы с сапером быстро приседаем на уходящей из — под ног земле...

Там, где только что был слабый, мерцающий отсвет догорающего здания заставы, сейчас бушует огнедышащий кратер...

— Мама родная! Что это...?

— До боезапаса огонь добрался... — спокойно говорит сапер. — Там снарядов, гранат и пуль — на неделю обороны заставы...

Зарево освещает всю долину. Я настраиваю камеру, пытаюсь снять завораживающее действие. Вот темноту пронизывает вспышка, и к черному небу поднимается, вспухая, клубящийся, подсвеченный изнутри гигантский шар. Он прорезается очередным взрывом, и в небо улетает разноцветный фейерверк. Звук подстать зрелищу. Они то напоминают прерванные агонией вздохи, то резкие щелчки, то рассыпающуюся по горам барабанную дробь. Окрестные горы откликаются многоголосым эхом...

Почти четверть часа продолжается это безумное, фантастическое шоу... Наконец раздаются последние щелчки рвущихся автоматных патронов, и на горы снова опускается тишина... Мы с сапером быстро возвращаемся на площадку, на которой предусматривался ночлег. Она вся засыпана осколками кирпича и металла. Тех людей, которые располагались здесь на ночь, нет. Мы облегченно вздыхаем. На камнях кое — где дымятся разбросанные вещи, бушлаты, одеяла. Наконец люди постепенно подтягиваются из темноты:

— Вовремя вы ушли! Когда тут началось, мы не знали, куда деваться... Вон, все по окопам разбежались.

— Никто не пострадал?

— Вроде бы никто. Сначала были мелкие взрывы — рвались патроны, а когда дело до снарядов и мин дошло, мы успели скрыться...

— Повезло...

— Ага! Как утопленным... — откликается один офицер, разглядывая одеяло, которое он заботливо разложил на камнях для ночлега. Все оно испещрено дырками с обожженными, дымящимися краями...

— Значит, «духам» боезапас не достался... — задумчиво говорит кто-то из офицеров. — Если бы они его забрали, мы бы так просто сюда не прошли... Это заслуга пограничников, которые здесь оборонялись...

Мы с сапером опять спускаемся с площадки и идем к разведенным нами развалинам какой-то саманной постройки. Теперь несколько человек, наученных горьким опытом, идут за нами. Длинные сутки продолжаются...

Идем по проторенной колее. Слева темнеет заросшее кустарниками ущелье, откуда веет прохладой и доносится шум текущей воды. Справа — ограда из колючей проволоки, повисшая на ветхих кривых столбах. Небо чуть сереет, и становится видно, что горка, на которой расположена застава, окружена сплошным фруктовым садом. «Колочка» то ли стережет саму заставу, то ли яблоки от пограничников, непонятно, но со своей задачей она явно не справляется, так как большинство пролетов, порванных или перерезанных, попросту валяются на земле.

Слева, из темного провала ущелья, внезапно доносится шорох и шум осыпающихся камней. Офицеры мгновенно передергивают затворы автоматов и берут оружие наизготовку...

Щелканье затворов в тишине ночи кажется очень громким. Из густой, непроглядной темноты доносится:

— Эй! Стой! Кто идет! — Мальчишеский голос предательски дрожит. Из кустов почти выпадает щупленький парнишка, полуодетый в пограничную форму — солдатские брюки и сапоги. На голове — широкополая форменная шляпа. Вся левая рука и плечо солдата — месиво окровавленного мяса. Офицеры подхватывают его, не давая упасть:

— Откуда ты взялся?

Мальчишка, придерживая руку, все время повторяет в шоке:

— Стой, кто идет! Стой, стрелять буду! Стой, кто идет!..

Врачи принимаются за дело. После получаса работы и нескольких уколов глаза пограничника обретают осмысленное выражение. Его укладывают на траву. Врач командует:

— Солдат с капельницей, сюда! Ящик рядом с ним! Ты — рядом с раненым... — Потихоньку, с горечью, добавляет: — Ему руку размесило так, что, наверное, отнимать придется, если доживет до вертолета...

— Как он жив остался?

— Сейчас трудно сказать. Скорее всего, мальчишку ранило в первые минуты боя, и «духи» его не заметили, когда уходили. Все это время, почти сутки, он, тяжело раненный, провел возле речки. По всей вероятности, это ему и помогло...

До утра и до спасения остается совсем немного...

Но ведь нужно немного и отдохнуть. Мы отыскиваем в темноте разведанный сарайчик и пытаемся расположиться на отдых под его прикрытием. Со стороны долины нас отгораживают обломки саманных стен, со стороны гор — большой холм, на котором продолжают дымиться останки заставы. Справа — ограда из колючей про-

волоки и стоящий вплотную к ней танк, у которого по-прежнему во-зятся механики. Местечко не то чтобы уютное, но вполне безопасное. Моя бездонная сумка служит нам чем-то вроде подушки.

Мы укладываемся прямо на нагретую за день землю. Из сумки, на которую мы пристраиваем головы, доносится странный для этого места аромат. Сапер тянет носом:

— Не пойму, чем это так пахнет?

— Как «так»? — невинно интересуюсь я. Раздергиваю замки — «молнии» и достаю из сумки кусок сырокопченой колбасы. Ее аромат наполняет воздух, сводя голодной судорогой наши желудки. Среди запасов отыскиваю и пачку сухого печенья...

— Никогда не думал, что могу так проголодаться...

— А когда мы последний раз ели? — добросовестно пытаемся припомнить. Перебирая в памяти прошедший день, мы вспоминаем все: дорогу, подрывы заложенных фугасов, встречу с пограничниками, уцелевшими в ночном бою, все что угодно, но не можем вспомнить процесса принятия пищи... Такое впечатление, что для трапезы, хоть какой-нибудь, времени так и не нашлось. Зубы вонзаются в жесткую колбасу, голод помогает с ней справиться. Сухое печенье крошится на зубах, словно мы пытаемся есть песок. Сапер вздыхает:

— Водички бы неплохо... И ручеек ведь рядом... Но к воде не подойдешь, тропа, похоже, заминирована...

Организм требует воды, и, прихватив фляжку, я по твердой дороге иду к солдатам — ремонтникам:

— Мужики, водичкой не богаты?

— Конечно, богаты, сколько угодно... — улыбаются перепачканные лица.

В предрассветных сумерках вижу, как возле гусеницы танка бежит ручеек. Сообразительные танкисты быстро решили, что если гора не идет к Магомету, то Магомет вполне может прогуляться к горе, и подручными средствами поменяли русло ручья. Мины-сюрпризы, «заботливо» приготовленные «духами», остались в старом, теперь уже обезвоженном русле.

— Вот это молодцы, — я быстро набираю полную фляжку и возвращаюсь на место трапезы.

Сапер уже мирно спит, свернувшись калачиком, а возле сумки сидит черно-рыжий, примерно трехмесячный щенок — овчаренок и дожевывает мой кусок колбасы. Увидев меня, он приветливо машет толстым хвостом и бежит навстречу, путаясь в траве неуклюжими большими лапами. На его простодушной морде такое умильное

выражение, что у меня нет сил на него даже рассердиться. «Поужинав» свежей водичкой, я укладываюсь на траву. Щенок, словно желая как-то компенсировать потерю еды, укладывается рядом, прижимаясь ко мне теплым мохнатым боком...

Звезды начинают пропадать в светлеющем небе. Только на массивах черных гор продолжают мигать фонарики. От танка, который всю ночь ремонтировали механики, теперь доносится ровный рокот могучего двигателя. Он погромыхивает траками гусениц, словно устраиваясь поудобнее, потом поворачивает башню. Жерло орудия направлено в нашу сторону, но это мало беспокоит. Под эти относительно мирные звуки я начинаю засыпать. Переутомленный впечатлениями мозг отказывается сразу погружаться в небытие сна и услужливо прокручивает все дневные картинки... В какой-то момент я все же засыпаю...

Жуткий грохот подбрасывает меня с жесткого ложа. Могучая волна жара проносится над нашей импровизированной «спальной». Обваливается и куда-то уносится кусок саманной стены. Сапер мгновенно просыпается и с недоумением крутит головой, пытаюсь понять, что же произошло. Перепуганный щенок становится храбрым от страха и начинает залиристо лаять на танковую пушку, протянувшуюся чуть ли не над нашими головами. Она-то и служит источником грохота, а снаряд пролетает метрах в пяти над нашими головами. То ли самим танкистам надоело наблюдать световые переговоры «духов», то ли пришла команда, но ствол пушки чуть поддергивается вверх. Танкисты, видимо, делают поправку после первого выстрела и вот-вот произведут второй. В башне только наводчик, а весь экипаж с механиками стоят возле машины, громко обсуждая результаты. Увидев перепуганных людей, словно вынырнувших из-под земли сразу после выстрела, они смущенно замолкают.

Один говорит:

— Извините, товарищ полковник, мы не знали, что вы здесь ночуете...

— А что, если бы знали, стрельбу отменили?

— Да нет, у нас приказ... Хотя бы предупредили вас...

— Попали хоть?

— Одного вроде завалили. Сигнальщика... Сейчас продолжим...

— Спасибо, хоть сейчас предупредили... — бурчит сапер.

Мы решаем больше не искушать судьбу и, подхватив немудрящие пожитки — сумку и кофр с аппаратурой, быстро меняем мес-

то ночлега... Грохочут еще два выстрела танковой пушки, потом следует: «Ура—а—а—а! Попали!» Полусонные и бесприютные, мы идем на площадку общего сбора. Щенок, путаясь в собственных лапах, ковыляет за нами...

Заснуть нам больше не удается...

После такой беспокойной ночи утро встает синее и холодное. На траве, на палых листьях мерцает тончайший слой осеннего инея. Небо постепенно светлеет, растворяются и пропадают звезды.

Два парня подходят ко мне:

— Мы на «периметр». Пойдете с нами?

Обоим контрактникам лет по тридцать. Они одеты в хорошо подогнанный камуфляж и мягкие кроссовки. Вооружены короткими автоматами. Увидев щенка, один из разведчиков передергивает затвор:

— Откуда он у вас?

— Ночью пришел. Мы его покормили, теперь он с нами...

— Он человеческой крови попробовал. Его нельзя в живых оставлять...

— С чего вы взяли? — возмущаюсь я. Щенок, чуя неладное, прижимается к ногам и виновато заглядывает в глаза. — Добрейший пес...

— Мы сами видели, как он кровь убитого лизал...

— Убивать все равно не дам. Давай отведем его к командиру. Как решит, так и будет...

Сапер достает из своих запасов длинный шнурок, сворачивает из него что-то похожее на поводок с ошейником и накидывает на голову щенку. Тот упирается, не желая от меня уходить, и скулит жалобно...

— Ты точно к командиру отведешь? — спрашиваю я.

— Слово даю...

— Если здесь ему хозяина не найдется, я его с собой в Москву заберу...

И мы уходим с разведчиками на «периметр» — внешнюю линию круговой обороны, где пограничники 12-й заставы приняли свой последний бой. Мы идем по внутреннему краю длинного «хода сообщения», в котором через каждые 5–7 метров оборудованы «пулеметные гнезда». То и дело нам попадаются донельзя запыленные гранатные сумки, обрывки пулеметных лент...

— Вот здесь они смерть и приняли...

Вся местность, все камни вокруг «хода сообщения» — на самом деле просто не очень глубокого окопа с осыпавшимися стенками — покрыты толстым слоем серой пыли. Можно себе представить, как огромное облако висело над полем недавнего боя, постоянно насыщаясь от взрывов и ударов пуль. Что можно было в нем видеть? Только мелькающие серые тени, которые поливали этот окоп и его защитников смертельным огнем...

Половина личного состава пограничников 12-й заставы погибла под огнем, защищая — что? Родину? Россия далеко... Тверь, Сибирь, Урал, те места, откуда были призваны пограничники, — далеко отсюда. Сферу «жизненных интересов» своей страны? Это пустое словосочетание политиков и дипломатов, выражающее неизвестно что... Если бы граница между Афганистаном и «независимым» Таджикистаном действительно была бы сферой «жизненных интересов» России, то войск и оружия здесь было бы предостаточно...

Что же, в самом деле, защищают они — реденькая цепочка застав на границе двух мусульманских государств и горстка офицеров и солдат 201-й мотострелковой дивизии, снабженных допотопными оружием и техникой?

Если эта граница действительно так уж необходима России, то почему их так мало, что напрашивается аналогия с жертвенным

козлом, которого обрекают на смерть в надежде на поимку крупного хищника?

Если эта граница России не нужна, а служит лишь немногим политикам, не пора ли прекратить платить столь дорогую цену — кровь и жизни русских солдат за амбиции, не стоящие и ломаного гроша?

Извилистый, пыльный, густо напичканный металлом ход сообщения тянется чуть ниже холма и площадки на нем, на которой стоит здание заставы...

Навзничь, устремив невидящие глаза в далекое небо, лежит стриженный мальчишка. Черная, смешанная с пылью кровь смочила его лицо и тело, пропитала воронку, в которую превратился окоп после попадания десятков гранат. Гранатный подсумок, смятый и пустой, лежит на краю воронки. Мальчишка бился до последнего патрона, последней гранаты... Разведчики молча стоят на краю. Глаза их сухи и мрачны...

С каждой минутой становится все светлей и теплей. Но только картина, открывающаяся нашим глазам, оптимизма не прибавляет...

Второй солдат, лежащий в окопе, вообще похож на человеческий обрубок. Поднятый вверх локоть словно пытается защитить от посторонних взглядов то, что осталось от тела. Он лежит в паре метров от пулеметного гнезда, в котором сейчас нет пулемета, а остались только пустые цинки от лент. Силы в этом бою были слишком неравны. Нападавших было, как минимум, в 8—10 раз больше... Но этот пограничник дорого продал свою коротенькую, от рождения до призыва, жизнь... Обозленные «духи» выпустили в него еще не один десяток патронов уже после смерти.

— Вот здесь погиб «Мальборо»... — указывает вниз, в окоп, разведчик.

— Какой «Мальборо»?

— Вот этого парня все звали «Мальборо»... Вот он и погиб вместе с братом. Это был его братишка...

Буквально на глазах рождалась легенда.

На дне большой воронки, в которую взрывы гранат превратили окоп, лежат двое пограничников. Один, постарше и покрупнее, второй совсем мальчишка. Смерть настигла санинструктора, когда он пытался перевязать раны своему командиру — начальнику заставы по фамилии Майборода... Так они вместе и погибли — от ран, несовместимых с жизнью.

А «пограничник “Мальборо”» — появилось позже. Так услышали разведчики фамилию — сквозь треск помех и грохот боя. Судя

по тому, как были одеты, вернее, полуодеты погибшие пограничники, нападение их явно застало врасплох.

Интересно — а где в это время находились те люди, которым по должности было положено проводить разведку, предвидеть, в конце концов предупредить это вероломное, разбойничье нападение? Почему те, кто отвечает за маленький кусочек границы, оказались «между двух огней»? Ведь их простая и сложная одновременно задача — не допустить прохода через границу контрабандиста, одного, небольшой группы. Отследить переход крупного воинского подразделения обязаны другие люди, те, кто определяют политику страны...

Мы идем вдоль длинного окопа, опоясавшего всю 12-ю заставу. Единственное средство обороны и защиты — вот эта канава в ненадежной земле и немного легкого стрелкового оружия. Небольшая бронированная машина пехоты с экипажем солдат-контрактников гибнет в первые же минуты боя. Да, строго говоря, и боя — то никакого не было...

Попробуем, отрешившись от лицемерия и дипломатических «экивоков», назвать вещи своими именами. С территории сопредельного государства пришло большое, отлично обученное и хорошо вооруженное воинское подразделение. Оно совершило акт агрессии. Как иначе назвать разгром маленького подразделения российских пограничников — заставы?

Что дальше? По всем законам — это либо провокация, за которой должны последовать военные действия против государства-агрессора, либо...

Многозначительное многоточие. Попробуем на минуту предположить, что аналогичная ситуация произошла в той же Америке. Представим, что, например, мексиканцы или колумбийцы убили пограничников США и ушли на территорию своей страны. Безнаказанными... Возмездие будет суровым и неотвратимым. Наверное, спецподразделения, которые займутся «решением», не станут утомлять себя подсчетом разрушенных домов, количеством попавших «под горячую руку» мирных и немирных жителей...

Здесь же ситуация в корне иная. Государство Россия отдало другому государству — Таджикистану своих пограничников, как барин — крепостных. Что с ними будет? Как им живется на территории этого государства, никого не волнует. Понятно, что пограничники стоят реденьким гребешком на пути наркоторговцев, на пути огромного потока почти дармового героина, который тысячами тонн лежит на складах в Афганистане и ждет своего часа, что —

бы незримыми ручейками растечься по миру. Охраняя границу «суверенного», «независимого» Таджикистана, они фактически стоят на российской границе...

Почему мы признаем независимость и суверенность государства Таджикистан, но не спускаем его руководителей с короткого поводка? Раз они независимые, все из себя суверенные, хватит уже менять им памперсы... Сколько можно?

Почему по Таджикистану может разъезжать таджикский генерал-пограничник на «Мерседесе» последней модели... с московскими номерами? Мало того — номерами из личного резерва министра внутренних дел опять же России?

Почему непосредственно на границе, на линии огня, находятся российские пограничники, а в ближнем тылу, готовые для удара им в спину, располагаются вполне боеготовые таджикские части и проходят мощную подготовку. Готовятся к чему?..

Застава в горах перестает существовать. Видимо, чем-то по своему расположению, а может быть, бескомпромиссностью своего начальника, она не понравилась наркобаронам, которые уже не один год ведут войну за сферы влияния, за удобный транзит, за государственную границу бывшего СССР.

Здание из белого кирпича сократилось в росте на две трети и продолжает дымиться. Проходит слух, что некоторые пограничники сгорели, так и не успев проснуться. Поднимаюсь на небольшое крылечко бывшего парадного входа. По следам от стен можно представить всю планировку казармы. Несущие кирпичные стены частично сохранились, а деревянные перегородки выгорели дотла. Вхожу на ступеньки и делаю пару шагов вглубь казармы по каменному полу...

От пола, нагретого пожаром, идет такой жар, что подошвы кроссовок начинают плавиться. Решаю не искушать судьбу и дальше не ходить. Все-таки успеваю снять все внутреннее помещение казармы. Искореженные огнем и упавшими сверху горящими стропилами кровати все же сохранились... Но понять с первого взгляда, были ли на них люди — невозможно. Позже, когда жар не-много утих, в казарму вошли эксперты и наличия людей в казарме не подтвердили. Все до единого пограничники были в бою...

По всей территории заставы попадают вещи, которые не могли принадлежать российским пограничникам. Вот фляга, грубо свернутая из оцинкованного кровельного железа и запаянная оловом. Вмещает она примерно 2 литра воды, но сделана так кустар-

но и топорно, что хозяин, видимо, найдя замену на захваченной заставе, без сожаления ее выбросил.

Автоматы — не то китайского, не то румынского производства. На первый взгляд знакомые очертания автомата Калашникова, но вдруг глаз натывается на деревянную ручку на цевье, которую не мог придумать строгий к дизайну Калашников... Разведчики уверждают, что и сталь ствола тоже никуда не годится. Она выдерживает только одну, недлинную очередь, потом ствол от стрельбы раздувается настолько, что в лучшем случае пули из автомата просто выпадают и не летят...

На настиле, который переброшен через окоп, стоит удивительно нарядная темно-синяя сумка с надписью «адидас». настолько ярко и вызывающе стоит она среди всего запыленного, изуродованного пространства, что разведчики, подозревая очередную взрывоопасный «сюрприз», к сумке не подходят...

— Придут саперы — разберутся...

И мы идем дальше. Вдруг один из разведчиков быстро спрыгивает в окоп и почти бежит по ходу сообщения. Останавливается возле пулеметного гнезда и стоит как вкопанный, глядя на изуверченное, покрытое кровью и пылью тело. Затаив дыхание, смотрю в видеокамеру... Скупой, трагический жест. Разведчик, словно стряхивая, стирая из глаз пелену наваждения, проводит рукой по лицу, сминая его... Махнув рукой, проходит дальше и скрывается за поворотом. Даже такая скупая реакция обстрелянного, видевшего смерть бойца дорогого стоит...

Тем временем солдаты, прибывшие с колонной, начинают скорбную процедуру сбора погибших. В тени разворачивается огромный брезентовый чехол, и все трупы, найденные на месте боя, приносятся на одеялах и укладываются на этот брезент.

Мы с разведчиками идем дальше. Я точно знаю, что эти раскаленно-беспощадные съемки никогда и нигде не будут показаны. Смотреть на экране ТАКОЕ невозможно...

Некоторое время назад на экран вышел «художественный» фильм, вытаскивая на широкий экран «правду» о чеченской войне так, как ее понимал автор. Несмотря на лихо закрученное действие, реки томатной крови и мешки останков якобы наших солдат, получился «лубок». Вполне возможно, что лет через 50, восстановив фильм, наши потомки так и будут эту войну воспринимать, в лубочном и красочном виде...

Я иду по заставе, как сомнамбула, снимая погибших. Смерть, позы погибших пограничников уже не воспринимаются как не-

обратимость. Трупы становятся — объектами съемки. Перегоревшие нервы уже отказываются передавать трагедию. Мозг как бы накидывает защитный экран... Устанавливаю штатив, ищу ракурс, в котором наиболее полно передаются обстоятельства гибели человека... Оружия в руках пограничников нет, все забрали «духи». Установив на дороге мины, они почти на сутки замедлили продвижение колонны. Они не учли только одного — быстрого появления вертолетов.

Но они сделали все: разгромили заставу, собрали все оружие, своих убитых и раненых, сожгли заставу. Грабители в спешке забыли или бросили только сумку «адидас», в которую кто-то из солдат, собираясь на «дембель», сложил новые тельняшки и спортивный костюм. Борцы «за чистоту веры» на поверку оказались заурядными грабителями...

Как на самом деле выглядит правда о войне? Во-первых, она некрасивая и нудная. Она не в бешеном действии, а в тяжелой и грязной солдатской работе. Конечно, для журналиста, видеооператора, фотографа — «непричесанная» правда почти равносильна неудачной командировке.

Возникает соблазн «создать правду жизни», реконструировать событие, произошедшее часы и дни назад. Но это не будет иметь никакого отношения к журналистике. Возможно, получится «художественный» фильм, но не нужно выдавать его за «репортаж с места события». Никто не говорит, что не нужны фильмы, как художественные, так и не очень, раз они имеют своего зрителя...

Но если ты сделал своим куском хлеба журналистику, репортаж, дави в себе эти соблазны. Работа журналиста на войне — такая же грязная и нудная, как и солдатская...

И я иду дальше, за разведчиками. Меня не оставляет ощущение, что в руках у меня не маленькая, наполовину профессиональная, но больше любительская видеокамера, а кусок раскаленного металла. Скорее, это чисто субъективное ощущение от картин, которые, как в калейдоскопе, предстают перед глазами.

Вот в траве труп убитой пограничной собаки. Это мать щенка, приблудившегося ко мне ночью... Посреди вытоптанной площадки собачьего вольера лежит голова солдата, кинолога заставы. Собаки первыми учуяли чужих и подняли лай. Солдат выскочил на шум. Когда начался массированный обстрел, он выпустил всех собак, надеясь, что они испугают нападавших. От всех собак остался один маленький несмышленный щенок, остальные погибли...

Разведчик долго стоит, не сводя потемневших глаз с головы, черты лица которой сохраняют перенесенную муку.

— Ох, и долго же он умирал... — то ли мне, то ли себе говорит разведчик.

Решив, что все — таки мне, спрашиваю:

— Почему ты так решил?

— Смотри на шею... — говорит он. — Разрезы, которые кро-
воточат — прижизненные... Его резали медленно и больно. Сонную
артерию и спинной мозг перерезали в последнюю очередь... Толь-
ко тогда он перестал чувствовать и умер...

Сколько я ни смотрю на голову совсем молоденького парниш-
ки, таких подробностей не вижу. Черты лица искажены болью — это
единственное, что мне удастся рассмотреть. Но солдату я верю.

— А тело где?

— Не знаю. Еще не нашли... Этот солдат — уроженец здешних
мест, мусульманин. Тело могли с собой забрать, чтобы потом вер-
нуть родственникам за выкуп. Мусульмане не могут хоронить одну
голову, без тела... Будем искать. Если тела не найдем, придется
старикам — родителям выкуп собирать...

На площадке, опасно наклонившись, стоит сожженная боевая
машина пехоты (БМП), около нее — тело погибшего солдата. Раз-
ведчик говорит:

— Тут наш «контрактник» погиб... — Нападение было настоль-
ко внезапным, что машина не успела сделать ни одного выстрела.

Над заставой висит могильная тишина. Множество народа,
прибывшего с запоздалой помощью, никакого шума не производят.
Все стараются двигаться тихо и говорят шепотом, как на кладбище.

Разведчик находит вещевого мешок, принадлежащий одному из
напавших на заставу «духов». Личная карточка, написанная араб-
ской вязью, личные вещи, но больше всего — патронов и выстре-
лов для гранатомета.

Солнце поднимается все выше. Над заставой повисает новое
облако дыма от догорающего продуктового склада, где все еще
продолжается канонада лопающихся банок с тушенкой. Завершив
обход периметра, мы возвращаемся на площадку, куда похоронная
команда сносит всех погибших пограничников...

* * *

На заставу откуда — то приходит лошадь. Вероятно, еще поза-
вчера она возила дрова для кухни, воду. Солдаты подкармливали
ее, кто кусочком сахара от завтрака, что круто посоленной кра-

юшкой хлеба. Где она пряталась во время обстрела? Почему не вышла к тем, кто хозяйничал на заставе почти сутки? Увидев знакомые фигуры в камуфляже, она, прихрамывая, вышла к людям, к «своим»...

Но «свои» оказываются чужими. А над заставой стоит запах гари, крови и тлена. И лошадь сходит с ума. Она начинает нападать на людей, пытаясь укусить их или лягнуть.

И здесь «ломаюсь» я сам... Нагрузка, оказывается, слишком велика... Так люди не могут, не должны поступать с другими людьми...

Я едва успеваю отбежать в сторону, как начинается какой-то кашель, напоминающий спазм. Сердце колет и в то же время отчаянно колотится, сотрясая все тело...

Я проклинаю свою профессию, себя, Бога, допустившего такое, людей-нелюдей, сделавших это и сейчас идущих где-то далеко в горах «с чувством исполненного долга». Лежу ничком в пыльной траве, вдыхая запахи гари, сгоревшей взрывчатки, разложения, — запахи войны в ее крайнем проявлении. Они остаются во мне, прерывая дыхание, вызывая спазм рыдания, слез, которые не приносят облегчения... Единственное усилие, на которое я сейчас оказываюсь способен — это усилие, которое сдерживает истерику...

Чья-то дружеская, теплая ладонь на моем плече. Глубоко втянув воздух, поднимаю голову. Василий Кириллович Масюк протягивает мне эмалированную кружку и сочувственно улыбается. Беру кружку и залпом проглатываю содержимое, надеясь, что это вода из соседнего арыка. Дыхание перехватывает еще более мучительный спазм.

— Что это? — еле выдавливаю из себя вопрос.

— Спирт. Медицинский... На, запей водичкой...

Грузия.

НЕЗВАННЫЙ ГОСТЬ

Съемка в «горячей точке» имеет свои, резко отличительные особенности. Для начала — нужно перед поездкой подготовить камеру.

Прежде всего, она не должна быть новой, только что из магазина. В крайнем случае она не должна таковой выглядеть. Очень помогают изолента и скотч. Ими вдоль и поперек обклеивается камера. После такой несложной операции камера выглядит так, словно она работает только благодаря этой изоленте.

...Война в Грузии идет на площади примерно в два гектара. Пули, правда, границу не соблюдают и летят куда придется, поэтому проспект Руставели перекрыт веревкой в самом начале, у гостиницы «Иверия», и люди целыми днями стоят вдоль этого веревочного барьера плотной толпой.

Фотографы и телеоператоры просто перешагивают через веревку и движутся к «полю боя», прижимаясь к стенам. Боевые действия, похоже, пошли на пользу только мародерам. Они разбили все магазинные витрины первых этажей по всему проспекту, и под ногами хрустит стеклянное крошево. Ходить по стеклу очень скользко, но выйти на край тротуара — страшно.

Чем ближе к зданию парламента, где укрылся президент Гамсахурдия, тем чаще на каменных стенах домов и тротуарных бордюрах вспыхивают искры, высекаемые пулями. Иногда пуля попадает в окно, и тогда вслед за щелчком слышится долгий шорох и звон. Это осыпается оконное стекло.

Наконец последний, самый опасный бросок, и вот она, гостиница «Тбилиси», которая стала штабом оппозиции. В первый же день противостояния все бары и буфеты были разграблены, а по всем вестибюлям и коридорам теперь валяются пустые банки из-под пива, звеня и раскатываясь под ногами.

Из углового банкетного зала открывается прекрасный вид на горящее здание парламента. В улочке, перпендикулярной к проспекту Руставели, стоит пожарная машина, и бойцы, не обращая внимания на стрельбу, пытаются тушить горящий дом, который вплотную примыкает к гостинице.

Я пытаюсь сделать снимок через пробитую пулей витрину. В видеоискателе фантастически красивая картинка: пулевое отверстие в окружении паутилки трещин, на втором плане ярко — красная машина в окружении пожарных в желто — зеленых костюмах и блестящих на солнце касках. Еще дальше — изуродованный горящий парламент, который, похоже, никто тушить не собирается.

Пробоина находится высоковато, и роста не хватает. Я подта — скиваю к витрине бархатный стул и, балансируя на слишком мягкой опоре, снова ловлю картинку. Щелчок затвора оказывается подо — зрительно громким, и картинка в видеоискателе исчезает. Зато передо мной огромное пустое пространство, а витринное стекло, бывшее хоть какой — то иллюзорной защитой, кучей блестящих ос — колков лежит вокруг ножек стула. До сих пор не знаю, была ли это шутка снайпера, видевшего мою возню через свой прицел, или шальная пуля, но со стула я скатываюсь в мгновение ока...

...Ни в барах, ни в ресторанах разграбленной гостиницы нет ни крошки съестного. Боевики отрядов «Мхедриони», которые составляют основной костяк оппозиции, живут в городе. Повоюют, постреляют, потом на обеденный перерыв идут домой. Покушали — и снова на войну.

Во время боев в Тбилиси противники Звиада Гамсахурдия — Тенгиз Сигуа, Тенгиз Китовани — устраивают ночную пресс — конференцию. Ночью по Тбилиси нужно передвигаться только группой, идя точно по середине дороги. По подворотням прячутся пикеты бойцов «Мхедриони». В эти пикеты попадают, как правило, самые неопытные бойцы, которые без разбора открывают стрельбу на каждый шорох.

— Стой, кто идет?

— Журналист!

— Подними руки. Подходи медленно...

Подняв руки, плетусь на голос. Из темноты слышны невнятные голоса. Шепчутся по — грузински. О чем говорят — непонятно. Потом громко, уже по — русски:

— Руки на стену. — Начинается подробный обыск. — Это что?

— Камера...

— А это? На гранату похоже...

— Телеобъектив...

— Теле... что?

— Ну, стеклышко такое, как у бинокля...

— А — а... понятно. А зачем?

— Для съемки портретов...

— А оружие где? Пистолет есть?

— Нет пистолета... Никакого оружия нет...

Не находят оружия. Уже удивляются:

— Как же ты по ночам без оружия ходишь?

Отвечаю вопросом на вопрос:

— А что было бы, если бы вы оружие у меня нашли?

— Ну, расстреляли бы, наверное... — так спокойно, небрежно даже, пожимают плечами...

Вдруг один спрашивает коварно:

— А ты за кого, за президента или за оппозицию?

За кого сами спрашивающие — непонятно. Чувствую, снова напряглись. Что говорить? Ошибка может стоить головы. Стараюсь быть равнодушным:

— Я — журналист... Мне по контракту не положено ничью сторону занимать...

— А—а... Ты по контракту... Ладно. А куда идешь?

— На пресс—конференцию.

— Ладно, иди. Гоча, проводи журналиста, а то его наши пристрелят где—нибудь...

Проходим на пресс—конференцию какими—то немислимыми задворками. О возвращении не хочется даже думать. Но пресс—конференция кончается, и возвращаться все—таки надо. Сопровождающий доводит до какого—то проходного двора и, неопределенно махнув рукой, указывает направление дальнейшего движения.

Удивительно, но выхожу на освещенную улицу. Звуки перестрелки остаются где—то сзади. По улице мчится желтый «Москвич». Резко тормозит:

— Подбросить?

Непростительно теряю бдительность, усаживаюсь рядом с водителем:

— В гостиницу «Метехи»...

— Пятьдесят рублей...

— Хорошо, — цена за комфорт не кажется чрезмерной.

Вдруг к машине с двух сторон подбегают двое людей в черных вязаных масках. Доля секунды, и мне в грудь упирается дуло пистолета. Другой рукой грабитель тянет к себе кофр с аппаратурой.

Я в жизни не говорил с такой скоростью:

— Вот здорово стали гостей в Грузии встречать. Раньше поили и кормили, а сейчас у гостя последний кусок хлеба отнимают... Миллионы людей знают, что я в Грузии. Что они будут думать о твоей стране, если я скажу, что не мог работать, потому что в Гру—

зи меня ограбили... — Нажим твердого пистолетного ствола слегка ослаб. Я продолжаю тараторить:

— Самая гостеприимная страна мира была, а сейчас что? Только что виделся с вашим премьером, он говорит, что ведете справедливую войну, а зачем журналистов грабить?

Чувствую, поддается. С трудом втискивается в мой монолог. Спрашивает:

— Так ты гость?

— Конечно, гость...

Хлопает свободной от пистолета рукой по плечу:

— Езжай! Я пошутил... Да и камера у тебя старенькая. Такую и не продашь...

После ночного прорыва президента из осажденного парламента война расплзается по всей Грузии. Сторонники беглого президента — Звиада Гамсахурдия — твердо намерены защищать город Абаша в Западной Грузии, где он родился.

На площади толчется масса народа, который на самом деле не имеет никакого отношения ни к защите города, ни к президенту. Просто в домах нет ни радио, ни света, и люди здесь ждут хоть каких-то новостей.

Новости приходят неутешительные. Бойцы отряда «Мхедриони» без боя прошли Кутаиси и теперь движутся к окраинам Абаша. То и дело приезжают санитарные машины, из которых вытаскивают убитых и раненых. Убитых относят в длинный дом, по виду не то столовую, не то ресторан.

В толпе работают фотографы и телеоператоры разных компаний. Журналисты пытаются выудить хоть какую-то информацию о

том, что же на самом деле происходит, но в такой неразберихе ни о чем узнать не удастся.

Мы договариваемся держаться вместе, не теряя друг друга из виду. Но конкуренция — вещь жестокая, и фотограф «Ассошиэйтед Пресс» Саша Земляниченко как-то незаметно растворяется в толпе.

Проходит час, заканчивается второй — Земляниченко не появляется.

На площадь влетает санитарная машина. Из нее выбираются два измученных бойца. Все бросаются к ним: «Что происходит?» Они заглядывают в машину, где лежит окровавленный человек. Ему уже не нужна помощь. Вместе с добровольцами из толпы солдаты вытаскивают из машины труп и кладут его на грязную обочину дороги. Машут рукой в ту сторону, откуда приехали:

— Там, кажется, вашего фотографа подстрелили...

— Где «там»?

— На дороге. Он в черной «Волге» ехал... Машина там и стоит.

— А где фотограф? Вы его видели?

— Да там он. Где-нибудь возле машины валяется...

Боец от усталости и страха чуть живой, но мы трясем его, надеясь узнать подробности. Выясняется, что он тоже ранен, и буквально у нас на руках он теряет сознание.

— Поехали! — подхожу к водителю. Тот отчаянно трясет головой:

— Никуда я не поеду. У меня жена, дети. Там «Мхедриони». Они меня расстреляют...

— Да никто не будет стрелять по санитарной машине. Мы белые халаты возьмем...

— Плевали они на халаты...

С трудом уговариваем шофера и с Пашей Кассиным залезаем в «санитарку». Пол скользит от крови, натекшей не с одного десятка раненых, перевезенных в этой машине.

Заезжаем по пути в больницу, где врачи, готовясь к эвакуации, без разговоров снабжают нас белыми халатами. Один натягивает на себя шофер, и мы едем по совершенно пустой дороге в густеющих сумерках. Нет ни встречных, ни попутных машин, не видно и пешеходов. То ли они все по домам попрятались, то ли покинули все свои дома. Ни огонька, ни движения. Где-то вдалеке слышится стрельба...

Вдруг машина резко тормозит и останавливается. Дорога идет почти вплотную к железнодорожной насыпи и примерно в трехстах

метра от нас она поворачивает на железнодорожный переезд. Чуть ближе, у домика стрелочника, боком стоит черная «Волга». По левому ее борту видны пулевые пробоины. Ни в самой машине, ни около нее никого не видно — ни мертвых, ни живых...

Через переезд двигаются вооруженные люди. Идут компактной группой, выставив по краям дороги боевое охранение. Чувствуется, что это не новички в военном деле. Вдоль железнодорожного полотна тоже идут солдаты, растянувшись цепью.

Наш водитель буквально трясется:

— Или вы выходите, или поехали!.. Эти всех расстреливают...

Звучит не очень обнадеживающе. Кассин отдает мне свои фотоаппараты, берет один из халатов. Я не успеваю рта раскрыть, как Паша выскакивает на середину дороги и, размахивая над головой белым халатом, идет навстречу бойцам...

Передовая группа мгновенно рассредоточивается по всей ширине дороги. Первый ряд припадает на колено, остальные цеплятся из положения «стоя». Наш шофер разворачивает машину поперек дороги и, буквально замерев, наблюдает за отважным репортером.

Темнеет с каждой секундой. От того, что мне предстоит проделать этот путь, где-то в животе возникает холодная пустота. Она расширяется еще и оттого, что из-за темноты и довольно большого расстояния я не вижу, что с Кассиным. Но не будешь же стоять вечно... Не успеваю я вынуть из кабины кофр с аппаратурой, как машина срывается с места и, взметнув из-под колес фонтан гравия, исчезает в сумерках.

Это была самая длинная дорога в моей жизни. Обещанный своей и Пашкиной аппаратурой, иду с поднятыми руками. Бойцы на всякий случай целятся в меня, но уже встречают с меньшим «плететом», чем Кассина. У них, кажется, человек с таким количеством аппаратуры, похожий на новогоднюю елку в игрушках, вызывает меньшее подозрение. Однако направленных в мою сторону стволов достаточно, чтобы навеки попортить шкуру.

Остается пройти последнюю десятиметровку, когда из-за спин бойцов появляется улыбающийся Кассин и орет:

— Все в порядке. Это — наш... — Кому он кричит и кто «наш»? Скорее всего, так выходит нервное напряжение и пережитый страх. А у меня еще долго колотится сердце и дрожат руки.

Пока мы форсируем «линию фронта», фронт этот доходит до автомашины, на которой, предположительно, ехал Земляниченко.

Найдя какого — то командира, рассказываю ему, что в этой машине ехал наш друг. Нам сказали, что его убили, и вот мы здесь... Бойцы как — то уважительно относятся к нашему рассказу. Четыре — пять человек вместе с нами, насколько позволяет стужившаяся темнота, обследуют машину и всю дорогу вокруг. По количеству и характеру пробоин ясно, что уцелеть в этой машине не мог никто. Но и следов крови не обнаруживается.

Кто — то из «следопытов» предполагает, что люди покинули машину за мгновение до обстрела, но куда они девались, ни у кого предположений не возникает. В сопровождении двух бойцов я делаю попытку найти хоть какие — нибудь следы на мокром снегу, еще покрывающем поле у дороги. Никаких следов не оказывается, или я их просто не нахожу в темноте.

Бойцы под дружное «раз — два, взяли!» выкатывают «Волгу» на дорогу. Ключ из замка зажигания никто не вынимал, так как машину прежние ее пассажиры покидали в спешке. К всеобщему удивлению, двигатель заводится с «пол — оборота». И «Волга» занимает место в многокилометровой колонне войск оппозиции.

Темнота окончательно окутывает окрестные поля. Город Абаша темнеет вдалеке мрачной, без единого огонька, громадой. Мы продолжаем путь с наступающей колонной и с тяжелым сердцем.

Колонна разномастных автомашин с зажженными фарами тянется через поля Западной Грузии фантастической многокилометровой змеей. В ее составе все экземпляры техники, которая только может двигаться на четырех колесах. Огромные междугородные комфортабельные «Икарусы» и «Мерседесы» чинно плывут за юрким фыркающим «Запорожцем». Время от времени в колонне возникают разрывы.

Двигатель какой — нибудь машины не выдерживает этого движения со скоростью пешехода, перегревается и заклинивает. Эту машину без сожаления сталкивают с дороги в кювет, и монотонное движение возобновляется.

Долго ли, коротко, но Абашу колонна проходит, почти не задерживаясь и не встречая сопротивления. Все многочисленные «болельщики», которые всего три — четыре часа назад заполняли площадь, куда — то рассасываются. Остаются только пятна крови на выщербленном асфальте.

У оппозиции, похоже, не стоит задача разыскивать «звиадистов», как окрестили в Грузии сторонников Звиада Гамсахурдия. Видимо, сейчас главная задача — занять территорию.

Эти предположения подтверждаются в штабе «Мхедриони», который располагается здесь же, в колонне, в старом «ЗИЛ–130».

Большой фанерный фургон, покрашенный в зеленый цвет, служит и штабом, и оперативным отделом, и спальней для начальства. Командует колонной и всем наступлением выпущенный из тюрьмы несколько дней назад Джаба Иоселиани.

Подвижный, тощий, Джаба выглядит гораздо моложе своих почти шестидесяти лет. Авантюрный характер не дает стариться «профессору».

Когда я однажды выразил сомнение в «профессорстве» главы «Мхедриони», то чуть не поплатился жизнью. В эти отряды собрались люди разного возраста, разных профессий: рабочие, студенты, воры и художники, недовольные жизнью, существующим строем, кто бы ни находился у власти. В общем, вечные диссиденты, но с автоматами и до фанатизма преданные своим командирам.

Увидев меня у входа в свой штаб, Джаба делает приглашающий жест. На пороге фургона сидит вооруженный автоматом солдат. Он отодвигается, и я на ходу залезаю в теплое помещение и присаживаюсь в уголке. Печка натоплена докрасна. Джаба стоит над большой топографической картой в одной майке. На предплечье синет накладка: «Не забуду мать родную». Боец наливает в эмалированную кружку дочерна заваренный чай, больше похожий на чифирь. Время далеко за полночь, но Джаба решает двигаться дальше, до города Сенаки.

Я ему рассказываю о пропавшем фотографe, и он дает команду всем своим бойцам его искать. Семнадцать километров до Сенаки колонна проходит за четыре часа. За это время «мхедрионцы» успевают разминировать дорогу, построить временную переправу через небольшую речушку вместо взорванного моста и разобрать пару завалов, которые наспех соорудили убегающие «звиадисты».

Впечатление такое, что люди из-за политики не жалеют ничего. Взрываются и рушатся дома, построенные прошлыми поколениями, вырубаются сады, и в кострах, у которых греются «солдаты свободы», сгорают вековые яблони, груши, виноградные лозы. По принципу: «после нас — хоть потоп!»

Наконец колонна добирается до Сенаки, и командный состав занимает единственную в городе гостиницу. Менее руководящие бойцы занимают все холлы и коридоры. Брожу по гостинице на подкашивающихся от усталости ногах, но нигде не нахожу пристанища. Заняты не только кресла и стулья, но и столы, и каждый квадратный сантиметр пола. Выбираюсь на улицу под светлеющее небо.

Выходит из гостиницы и Кассин, которого я не видел последние несколько часов. Решаем, что ночевать где-то нужно, все-таки на ногах почти сутки. Где-то недалеко находится российская воинская часть, но где она, в какую сторону идти, ни он, ни я не имеем ни малейшего представления. А у кого спросишь дорогу в четыре часа утра?

Бредем наугад по улице в сторону рассвета. И — о, радость — встречаем старичка с собакой. Увидев незнакомцев на пустой улице, старик быстро семенит в переулок.

С трудом успокаиваем его, заверяя в мирных намерениях. Спрашиваем — как пройти к воинской части и к аэродрому Цхакая?

Инстинкт нас не обманывает. Оказывается, мы движемся в правильном направлении. Полчаса по затвердевшей от утреннего морозца грязной дороге, и мы у ворот воинской части.

Железные ворота с красными звездами на створках накрепко закрыты. Поперек дороги лежит огромная, в пол-обхвата труба, к которой приварены толстые арматурины. Получается своеобразный противотанковый «еж».

Вежливо стучимся. Никакой реакции. Стучимся чуть громче... И когда уже, вконец раздосадованные, начинаем колотить в ворота всеми частями тела, оттуда доносится: «Стой! Кто идет?»

— Какого черта «идет» — не идет, а целый час стоит! — ругается Кассин. — Открывай, российские журналисты мы...

— А документы есть?

— Есть, есть, куча документов. Открывай скорей...

— Сейчас дежурному доложу... — и часовой надолго исчезает.

Мы усаживаемся на трубу, проклиная армейские порядки... Хотя кому-кому, а нам пора их знать досконально. Проходит еще полчаса, в которые я успеваю подремать и увидеть какой-то приятный сон про лето, про пляж и прохладную речку...

К рассвету мороз крепчает, и у нас уже зуб на зуб не попадает. Наконец часовой появляется в сопровождении офицера. В воротах открывается крохотное окошечко, и мы протягиваем туда свои «верительные грамоты».

Что там высмотрел в наших физиономиях офицер? От переживаний в эти длинные сутки и от всепоглощающей усталости на себя мы точно не похожи, не говоря уже о фотографиях в документах. Они были сделаны до войны, а по нашему летосчислению — так и вовсе в прошлой жизни.

Гремят многочисленные запоры, задвижки, громыхают какие-то цепи, и наконец сбоку ворот открывается узенькая калиточка. Мы протискиваемся в эту калитку, больше похожую на щель.

Тем временем офицер рассказывает, что прошлой ночью в часть через забор пытались перелезть какие-то люди. Они, конечно, перелезли, но часовые их остановили. Потом они потребовали оружия, но никакого оружия не получили. Обещали устроить террор в военном городке, где живут семьи офицеров.

Командир части, полковник Б. вызвал старейшин и сказал, что военные не лезут во внутригрузинские «разборки», но если что-то случится в военном городке, он поднимает в воздух эскадрилью истребителей-штурмовиков с полной бомбовой загрузкой и не оставит от города камня на камне. Старейшины все поняли, и к военному городку и к воинской части больше никто и близко не подходил.

На всякий случай поперек ворот стоит огромный военный грузозовик, а караул спит в одежде и с оружием. Слушаю невнимательно. Одна мысль сверлит голову — поспать.

Проходим к местной гостинице, возле которой ревет огромный военный дизельгенератор. Зато воинская часть выглядит островком света и безопасности в темном море Западной Грузии.

Просыпается администратор гостиницы, смотрит на нас жалостливо:

— Ой, ребятки, и досталось же вам... Вот ключи, заплатите завтра, как отдохнете. У нас уже есть два журналиста, спят, просили не будить...

— Кто такие? — просыпается в нас надежда.

— Да не знаю, — машет рукой администраторша, — я их спать отправила. Один мокрый, как мышь...

— В какой они комнате? — орем мы в два голоса. Женщина даже пугается.

— В третьем номере. По коридору слева... Только вы уж их не будите...

Кое-как успокоив женщину, крадемся в комнату. Под рев военных генераторов, от которого дребезжат стекла и шевелятся занавески, мы видим на подушке темноволосую голову Сашки Земляниченко, которого мы уже и похоронили.

Конечно, мы его разбудили и даже поговорили, но напечатать содержание беседы невозможно...

Абхазия.

ПОД ИТАЛЬЯНСКОЙ «КРЫШЕЙ»

Репортер! Имей в виду, что поле твоего зрения ограничивает — ся рамкой видоискателя камеры. Что делается по сторонам, за спиной, ты видеть не можешь.

У всех в «горячей точке» есть свои симпатии и антипатии. И сказать, что ты представляешь орган печати или программу ТВ, которые здесь не пользуются популярностью, значит обречь себя на неприятности, вплоть до ареста. Даже несмотря на то, что в окопах телевизоры не предусмотрены, а газеты приходят неделей — ной, а то и большей давности, если приходят вообще, это необходимо учитывать при выборе «крыши».

В твоей профессиональной жизни когда — нибудь наступит такой момент, когда ты сможешь выбирать «крышу». Как правило, большинство редакций испытывают некоторый дефицит сумасшедших репортеров, готовых не просто «трое суток шагать, трое суток не спать», а шагать и не спать под пулями. И они готовы предоставить тебе свое краткосрочное удостоверение в обмен на «несколько строчек в газете». А если тебя знают, то и командировочных не — множно подкинут... Главное, не забыть, от кого ты поехал в коман — дировку...

Черное море зимой, да еще в метель, гораздо хуже, чем Северный Ледовитый океан. В связи с опасностью обстрела вертолет МЧС летит километрах в 10 — 15 от берега. На Северном Ледовитом можно, на худой конец, пересидеть на крепкой льдине, а здесь, если что случится, без вариантов — камнем ко дну. Вертолет тонет 30 — 40 секунд. Даже если выберешься за это время, то в соленой ледяной каше продлишь себе жизнь еще на полторы — две минуты. Как летчики ориентируются — полная загадка. Я в окно даже колесо вертолета, которое находится от меня в полутора метрах, не всегда вижу. МЧС везет продукты в грузино — абхазский шахтер — ский городок Ткварчели.

Абхазия провозглашает независимость от Грузии. Грузия решает применить силу, и на благословенной земле проливается

кровь. Шахтерский городок оказывается отрезанным от моря и от дорог, и зимой 90-го года там начинается голод. В вертолетах — картофель, мука и... несколько журналистов.

Перед вылетом швед-наблюдатель проверяет металлоискателем каждый мешок. После погрузки на территории России — в Адлере — летим в Сухуми. Там весь груз и все журналисты проверяются снова, — столица Абхазии в руках грузинских формирований. После Сухуми и долгого полета над зимним бушующим морем в районе Очамчыры с моря сворачиваем в горы. Летим вдоль ущелья, чуть не касаясь винтами скользких заснеженных склонов.

У меня аккредитационная карточка итальянского агентства «Альбатрос» со штаб-квартирой в Милане. Поскольку приходится несколько раз пересекать линию противостояния, итальянская «крыша» оказывается самой удобной. К американским СМИ плохо относятся в Абхазии, к российским — в Грузии, к итальянским не относятся никак, просто не обращают внимания.

После тяжелого полета приземляемся в центре раскисшего футбольного поля на городском стадионе Ткварчели. Наши вертолеты ждет огромная, засыпанная мокрым снегом толпа. Начинается разгрузка. А репортеры с камерами выскакивают из вертолетов. С летчиками договоренность — перед взлетом зовут нас по громкой связи.

На краю поля стоит женщина, окруженная четырьмя детьми. Скорбная и трагическая неподвижная фигура среди суевающейся, бушующей толпы. Она просто стоит и смотрит. Только я поднимаю камеру, чтобы снять женщину, подбегает взерошенный солдат в рваном камуфляже. Передергивает затвор, досылая патрон в патронник:

— Кто вы? Кого представляете? — Автомат направлен на меня, палец трясется на курке. Смотрю на солдатика — ведь сейчас нажмет...

Как бы не понимая вопроса, пальцем показываю на карточку. Солдат наклоняется, читает. Уже отлегло. Слава богу, хоть читать умеет...

— Та-а-к... Альбатрос. Италия...

— Si, Si ! Italiano ! — щедро расходуя я весь свой запас итальянских слов.

Солдат отбегает, а ко мне приближается воин более серьезный. И пулемет у него вместо автомата, и камуфляж не такой рваный. Но вопрос тот же:

— Кого представляете? — слышу я после лязга затвора. Тут первый солдат кричит второму:

— Это итальяшка! Ни черта по-русски не говорит. Я у него проверил документы. Пусть работает...

Мне урок — не суди по одежке...

С большим сомнением глядя на мою рязанско-татарскую физиономию, солдат с пулеметом отходит. И я боковым зрением вижу на себе его изучающий подозрительный взгляд.

В это время на весь стадион на чистом русском языке орут динамиками:

— Журналисты, отлетаем через пять минут. Просьба подняться в вертолеты...

Летчики не подводят, но накрывается вся моя конспирация...

...До войны мы часто ездили на отдых в Гагру. Конечно, не так часто, как хотелось бы, но каждый год. Далекие Канары, Сейшелы на самом деле были так далеки, что казались красивой сказкой. Да и Гагра для большинства советских людей означала что-то малодоступное и прекрасное. У нас была возможность продлить немножечко короткое московское лето, и в середине октября мы вырывались из снежно-слякотной Москвы на теплое абхазское побережье.

Адлер, Гагра, Пицунда, Гудаута, Очамчиры — не названия, а песня. Произносишь их, и в памяти — запах шашлыков, жарящихся прямо у пляжа, терпкий вкус молодого, но очень коварного вина, ис-

текающая паром мамалыга. Форель из пицундского пруда, прямо при тебе выловленная, и вот она уже полторы – две минуты шкворчит на сковородке, а ветерок с моря несет иодистый запах водорослей...

...В 1989 году — последняя поездка на курорт. Солдаты в гостинице и в городе. Какая – то напряженная, гнетущая, словно предгрозовая атмосфера. Стрельба по ночам. В санатории пропадают продукты. Героическими усилиями главного врача закуплены цыплята, и целую неделю весь санаторий ест этих цыплят в вареном, жареном и пареном виде. Полгода после отпуска на цыплят даже смотреть не хочется...

...Гудаутский военный аэродром расположен на самом берегу Черного моря. От моря взлетно – посадочную полосу отделяют узкая полоска галечного пляжа и заросли облепихи, которые заодно скрывают зенитно – ракетный комплекс. Раньше этих ракет не было видно, а сейчас они демонстративно высунули четыре своих острых любопытных носа из зарослей и строго отсматривают горизонт.

В разгар лета, в августе, в многострадальном Ткварчели опять голод, опять беженцы, и Министерство по чрезвычайным ситуациям мобилизовано на оказание помощи. Первый летний полет в Ткварчели совершается двумя вертолетами. В первом летят представители обеих конфликтующих сторон с министром Сергеем Шойгу, во втором — девять журналистов.

Перед полетом заместитель командующего воздушно – десантными войсками, чей, собственно, и аэродром, и вся летная техника, и даже санаторий, проводит инструктаж... Ничто не предвещает неожиданностей. Простой, можно сказать, даже рутинный полет, оценка обстановки, переговоры, возвращение...

Сюрпризы начинаются в Очамчире. Вертолеты присаживаются ненадолго на территории погранзаставы. Гостеприимные грузины, перепоясанные пулеметными лентами, захватывают комиссию и уводят на какие – то таинственные переговоры. Журналистам и летчикам предлагают подкрепиться «чем бог послал». А послал он тушенку, много хлеба и много водки...

Кто сумел — отказался. Один из наших летчиков не сумел. Я с ужасом вижу, как цупленький летчик, морщась, выцеживает полный стакан теплой водки. Чтобы не обидеть гостеприимных, но очень хорошо вооруженных хозяев, подхожу к летчику:

— Что ж ты делаешь, нам же лететь...

— Ничего, там автоинспекторов нет, — «успокаивает» меня пилот и прилаживается ко второму стакану. Как он забирается в вертолет — это нужно видеть. Второй пилот выглядит трезвее...

...Вертолет с начальством отрывается от земли и направляется к ущелью. Наш вертолет летит следом... Я сижу у открытого окна с маленькой видеокамерой в руках на обычной кухонной табуретке. Молоденький бортмеханик подходит и говорит:

— Сегодня командир покажет вам, как он летал в Афганистане...

Двигатель вертолета взрывает, и меня просто приплюсывает к табуретке. Резко набрав высоту, вертолет вдруг зависает и камнем падает к земле. Двигатель не слышно. Я начинаю как бы «парить» в невесомости. Снова рев двигателя. Винт подхватывает тяжелую машину у самой земли, и снова вертолет свечой взмывает в небо. Горы становятся маленькими, а речка в ущелье и вовсе превращается в серебристую ниточку.

Механик выглядывает из пилотской кабины и смотрит почему-то на меня. Один из грузинских представителей, которому не досталось места в руководящем вертолете, кричит:

— Да прекратите же, наконец! Меня укачивает...

А вертолет сваливается в новое пике. И тут я начинаю понимать, что уж из этого пике мы точно не выйдем. Нам просто не хватает высоты.

Каким чудом летчик выравнивает машину — непонятно. В открытое окно доносится грохот прибрежной гальки. То ли мы ее задаваем колесом, то ли сумасшедший ветер от винтов сдувает камни с берега. Бешеный рев двигателя — и вот уже мы чинно плывем вдоль ущелья за ведущим вертолетом. Похоже, что летчик протрезвел в экстремальной ситуации или решил больше не искушать судьбу. В Ткварчели мы прилетаем благополучно...

Обстановка чуть лучше, чем осенью, но солдаты такие же звинченно-нервные. Один смотрят на мою итальянскую карточку:

— Ты что, итальянец?

— Нет, русский.

— А почему написано «Италия»?

— В итальянском агентстве работаю...

У него что-то не складывается. Побегал где-то, возвращается. Вопросы по кругу:

— Но ты же русский?

— А ты кто?

— Я тоже русский...

— А что здесь, на грузинско-абхазской войне делаешь?

— Я — доброволец...

Я не верю:

— Наемник, значит?

Переход инициативы ему не нравится. Он не сдается:

— Доброволец...

— А на что твоя семья живет? — задаю вопрос наудачу.

На самом деле я не знаю, есть ли у него семья. Впрочем, я о нем не знаю вообще ничего, но инициативу в разговоре упускать нельзя. Краем уха я слышал, что на стороне абхазов появились так называемые «черные береты», которые воевали против молдаван в Приднестровье. У солдата берет действительно черный, и на нем острый красный треугольничек. Видимо, я попадаю в точку. Солдат начинает слегка нервничать:

— Я деньги посылаю...

— Значит, ты воюешь за деньги?

— Да какие это деньги? Слезы одни... — машет он рукой. — Хорошо хоть кормят и обмундирование дают...

— А я не мог тебя видеть в Приднестровье? Что — то лицо знакомое...

Мнется. Я продолжаю:

— Ну вот и я — доброволец. Такой же, как и ты. Только вместо автомата — видеокамера...

Подходит солдат постарше. Некоторое время прислушивается к разговору, вмешивается. Говорит моему собеседнику:

— Иди помоги разгружать... — и ко мне, вежливо: — я бы попросил, чтобы мои ребята в кадр не попадали... Нам реклама ни к чему...

Узнав о том, что мои кадры в России показываться не будут, машет рукой:

— Ладно, работайте спокойно. Я вас знаю по Приднестровью...

Абхазия.

ВЗЯТИЕ СУХУМА

В Сочи, черноморском городе, который находится всего в десятке километров от войны, кипит курортная жизнь. По набережной фланируют праздные пьяненькие курортники, горят мангалы, распространяя на весь берег упоительные запахи шашлыка. Вечером над тихим пляжем несется:

«Отпусти-и-и-ите меня в Гимала-аи! Отпустите меня на-совсем. А не то я — завою, а не то я — залаю, а не то я — кого-ни-будь съе-е-е-ем!!!»

Вероятно, некие злодеи так и не отпускают Машу Распутину «в Гималаи», потому что на другой день она опять туда просится. Ее гастролы проходят в концертном зале на сочинской набережной, но билет покупать не обязательно. Мощная аппаратура доносит до самого берега все нюансы, даже дыхание певицы. Особенно приятно слушать концерт, лежа на теплой воде подальше от берега.

Нам нужно не в Гималаи, а на Черноморское побережье Кавказа, в Абхазию. «Нам» — это мне и стрингеру многих агентств, фотографу Валере Киселеву.

Столица республики — Сухуми находится под контролем грузинских формирований. Абхазы не признают над собой власти Грузии и упорно называют свою столицу — Сухум. Что происходит сейчас на линии противостояния, интересует не только нас. Абхазия — слишком лакомый кусок, чтобы позволить ей самой распоряжаться сказочными курортами, поэтому Грузия никак не хочет отпускать абхазов в автономное плавание. Обе стороны конфликта пролили немало крови на этой благословенной земле. Поскольку мы идем на войну с абхазской стороны, то название столицы в заголовок вынесено в абхазском варианте. Но читателю привычнее написание «Сухуми», поэтому в дальнейшем я и буду придерживаться этого названия.

Всю республику можно проехать на машине из конца в конец за какие-нибудь два-три часа. Сначала преодолевается граница между Россией и Абхазией по реке Псоу. Строгости и патрули на границе больше символические. Для журналистов, имеющих договоренность с абхазским министерством обороны, граница — понятие абстрактное. То есть она существует, но касается больше ме-

стных жителей, которые, выстаивая в очередях на КПП, пересекают ее по несколько раз в день, перенося на себе предметы и продукты для обмена или продажи.

В самой Абхазии, ориентированной на туристический бизнес, работы местным жителям катастрофически не хватает. Кто же поедет отдыхать в воюющую республику? Вот и носят, одетые в черное, женщины — абхазки десятки килограммов мандарин, хурмы, овощей и меда на продажу, используя только собственные плечи да ручные тележки. Обратно они возвращаются нагруженными мукой, солью, спичками, одеждой и обувью... Автомашинам с местными номерами без специальных пропусков путь через границу заказан, кроме того, в республике большие сложности с горючим.

Россия, заигрывая с Грузией, объявляет Абхазии «экономическую блокаду». Правда, «блокада» эта выглядит очень странно. В Гудауте стоит огромная военная база воздушно — десантных войск, которую дорога, пронизывающая республику из конца в конец по берегу моря, стыдливо огибает, прячась в горы. Тот кусок дороги, что остается на военной базе, становится взлетно — посадочной полосой и рулежной дорожкой для тяжелых транспортных самолетов, прилетающих из России. Самолеты заходят на посадку со стороны моря и садятся на аэродром, сметая выхлопом прибрежную гальку. На самом берегу стоят, направив хищные рыльца на горизонт, зенитные ракетные комплексы (ЗРК). Говорят, что именно такими ракетами был в свое время сбит, чуть ли не в стратосфере, американский самолет — разведчик Пауэрса.

От военных местные жители получают практически все — от одеял до новейшего оружия. Это, естественно, не афишируется, но местный президент, Владислав Ардзинба, у местных командиров — ежедневный гость. На самом деле, используя территорию республики и живя бок о бок с абхазами, военные вынуждены расплачиваться с ними тем, чем сами богаты. Денег у десантников не густо, а оружия и боеприпасов — немерено.

* * *

Прибрежные курорты, построенные еще в сталинские времена, поражают старомодным шармом и незыблемой монументальностью. В постсоветское время Черноморское побережье Кавказа долго остается «советским» заповедником.

Курортникам показывают дачи Сталина и наркома Берии, небольшие постройки, окруженные непроницаемым забором, через который не только перелезть, но и заглянуть невозможно. Санато —

рий имени 17-го партсъезда, имени «Челюскинцев»... Кто сейчас помнит полярную эпопею с гибелью ледокола «Челюскин» на Северном морском пути и героическое спасение его экипажа? А в Абхазии остается память в виде небольшого второразрядного санатория на самом берегу.

Но на курортах царит безлюдье и мерзость запустения. Из-за заборов выглядывают испуганные сторожа, которые не могут спасти их от разграбления. На стенах корпусов следы пуль и осколков, через разбитые окна в помещения проникает морской ветер, треплет оставшиеся кое-где белые шторы.

По улицам безлюдной полуразрушенной Гагры шатаются пьяные казаки в разномастных мундирах, но при шашках. Они бесцеремонно врываются в дома и требуют вина, если есть хозяева. Если их нет, просто взламывают двери и погреба и забирают все, что под руку попадет. Великолепные частные дома, в которых свободно размещались семьи из нескольких поколений, зияют закопченными стенами и пустыми глазницами окон.

В районе Нового Афона дорога уходит в горы. Здесь уже передвигаться опасно. Склон, который обращен к Сухуму, как называют свою столицу сами абхазы, простреливается грузинскими снайперами. Мы оставляем машину возле развалин какого-то домика и дальше идем пешком. Пригнувшись, перебегая открытые участки дороги от укрытия к укрытию. Наконец показывается цель нашего путешествия — передовой участок абхазского батальона,

который держит на прицеле северо-западную окраину города и большой участок дороги между Сухумом и Новым Афоном.

Дорога, по которой мы едем, проходит через небольшую седловину. На второй вершинке, отпочковавшейся от громадного склона, оборудован наблюдательный пункт, с которого прекрасно, как на ладони, виден весь Сухум. Сейчас, в первой половине дня, солнце стоит почти прямо над городом, превращая его в синий ломаный силуэт. Над ним встают дымные столбы от горящих зданий. Они клонятся нам навстречу, а ветер вместе с запахом гари доносит звуки частой стрельбы.

Отсюда, с горы, город напоминает объемный макет. Людей на улицах почти не видно. Совсем недавно в столице жило более 130 тысяч человек, работали курорты. На всю страну славился Сухумский ботанический сад с уникальной коллекцией растений всего мира, а также Институт экспериментальной патологии с легендарным обезьяньим питомником.

Я осторожно поднимаюсь на вершинку, где в укрытии сидит наблюдатель. Он подвигается и подает бинокль. Окоп оборудован по всем правилам и снабжен телефоном и рацией. В качестве маскировки на склоне выбран большой куст, покрытый темно-зелеными глянцевыми листьями. В бинокль я вижу мелькающие между домами фигурки бойцов. Чьи они, кто стреляет — отсюда, с горы, не разобрать. Вдалеке, за домами, высоко к горизонту поднимается ртутно-сверкающая на солнце поверхность спокойного моря. Левее, ближе к горам, видны мягкие очертания лесистых холмов. Там тоже что-то горит, и дым пожара уродует открыточную панораму.

Между горами и городом раскинулась большая территория российской войсковой воздушно-десантной части. Весь обмен снарядами и минами проходит поверх голов военных, которые формально не участвуют в войне. Они выступают в роли «посредника», которому — «первый кнут». Пристрелочные снаряды часенко попадают на территорию части. После этого следуют с одной стороны — отборный русский мат, с другой — дипломатическое выражение сожаления или на грузинском, или на абхазском языках, в зависимости от того, чей снаряд попадает на территорию части.

Насмотревшись на панораму, так же осторожно спускаюсь по крутому склону к дороге. Под наблюдательным пунктом — блиндаж и капониры, вырытые прямо в теле горы. Капониры прикрыты маскировочной сеткой. Но сейчас сетка отодвинута и видно, как в

тесной пещере тяжело ворочается огромная туша танка. Проходит несколько минут, танк, закутанный в маскировочную сетку, вылезает на площадку, разворачивается и ползет по узкому карнизу вокруг горы. Через пару десятков метров он уже на позиции, с которой ведется обстрел. Наблюдатель засекает в городе какое-то передвижение, которое не может оставить равнодушными абхазских «гвардейцев».

Танк, словно приплюсываясь, покачивает стволом, и грохот выстрела его пушки сотрясает горы. Мы прячемся в блиндаж. Танк, словно следуя нашему примеру, возвращается на дорогу и тоже скрывается в капонире...

Буквально сразу вслед за нашими выстрелами на дороге вырастают кусты разрывов снарядов и мин. Со склона катятся огромные каменные глыбы, которые, ударяясь о дорогу, раскалываются на глыбы поменьше и мелкие осколки, пронзающие воздух, словно пули. Стрельба идет из Сухума, кучная и точная. Если бы не эти укрытия, то и танк, и сам батальон были бы давно смешаны с землей. Позиция эта хорошо пристреляна грузинскими артиллеристами, но абхазы с нее не уходят, так как при вспышке ответного выстрела успевают спрятаться в блиндаже, который не способен разрушить даже прямое попадание.

— Теперь вы у нас застряли на полчаса, самое малое, — сидя на вздрагивающих от близких разрывов нарах, кричит командир. — Можете пока пообедать...

Я смотрю на потолок, с которого струйками бежит песок, засыпая и стол, и лавки, и нары, застеленные солдатскими одеялами и шинелями, и вежливо отказываюсь от перспективы — есть какую-либо пищу пополам с песком...

— Стрельба сейчас кончится... — успокаивает веселый абхаз. — Просто после нее нужно будет выждать некоторое время, чтобы они стали смотреть в другую сторону. Идти сейчас нельзя...

Через некоторое время стрельба, действительно, стихает. Я выглядываю из блиндажа. После почти полутора десятков снарядов, разорвавшихся на небольшой площадке, вся гора окутана плотным покровом пыльного тумана, в котором не видно ни зги. Туман постепенно начинает рассеиваться, и мы уговариваем водителя поспешить. Пока пыль окончательно не села, под ее покровом есть шанс проскочить опасный участок. Через минуту выбираемся из блиндажа и бежим, глотая пыль, вниз по дороге. В это время коротко взвывает одинокий снаряд, и вспышка нового разрыва преграждает нам дорогу. Как мы успеваем прыгнуть в кювет, я даже

осознать не успеваю. Просто чувствую — только что бежал по дороге, и вот уже лежу, уткнувшись носом в запыленные, жесткие камни обочины.

— Говорили же нам, что через полчаса, не раньше, — бубнит в спину водитель, — подождать не могли?

Ответить на упрек нечем, но облако пыли становится гуще, и, кроме того, я знаю приметку, что снаряд в одну и ту же воронку никогда не попадает. Поэтому молча поднимаюсь и, уже не спеша, иду к машине, спрятанной под покровом густого кустарника и развалин дома. В том, что артиллеристы нас не видят и стреляют неудачу, я не сомневаюсь. Водитель, выждав немного, вскакивает и бежит в новое укрытие, обгоняя меня. В том месте, где мы только что прятались, грохочет новый снаряд. Артиллеристы пытаются устроить «вилку», значит, следующий снаряд нужно ждать здесь.

Водитель нажимает стартер, но мотор, провернувшись несколько раз и чихнув огромным клубом черного дыма, заводиться не хочет. Мы с Валерой выскакиваем из машины, которую, приехав, предусмотрительно ставим носом к спуску, и начинаем, как сумасшедшие, толкать ее вниз по склону. Когда она немножко набирает скорость, запрыгиваем в салон, и водитель отпускает тормоза. Все это происходит в считанные секунды, поэтому машина все-таки успевает отъехать от нашей стоянки прежде, чем ее накрывает очередной разрыв.

— Видишь, мы все правильно сделали, — едва отдышавшись, сообщаю водителю. — Если бы остались на полчаса, шли бы сейчас пешком...

Шофер не отвечает, борясь с непокорной баранкой руля. Дожди пропиливают на дороге глубокие промоины, и сейчас, на машине с молчащим двигателем, но едущей под гору на приличной скорости, он занят решением сложной задачи — не рухнуть в эти длинные извилистые канавы. Несколько раз он пытается включить первую передачу, чтобы завести двигатель, но дело кончается только отчаянным скрежетом коробки скоростей.

— Включи третью передачу!

— Почему?

— У нас слишком большая скорость для первой...

Он двигает рычагом и плавно отпускает сцепление. Машина дергается несколько раз, отстреливаясь черным дымом, но потом двигатель «схватывает» и начинает работать. Уф!

Водитель веселеет:

— Куда едем?

— К военным, в сейсмическую лабораторию... Что у тебя за горючее в машине?

— А черт его знает! Налил, что было. Пахло бензином...

— Наверное, дизельное топливо? Похоже, соляжкой пахнет...

— Может быть, добавили в бензин соляжки, — предполагает он. — Горючего же нет. Что привезут, что удастся купить, то и наливаем.

Машина резво мчится под горку. При въезде в полуразрушенный городок Эшеры мы лихо выкатываемся на выщербленный асфальт, из которого то тут, то там торчат стабилизаторы неразорвавшихся ракет и мин. Водитель их аккуратно объезжает, отчего наш путь получается извилистым и длинным. Сквозь путаницу узких улочек мы подъезжаем к массивному кирпичному забору военно-сейсмической лаборатории.

Ее маленький гарнизон из восьми бойцов находится в таком же положении, как и воинская часть десантников в столице. Поскольку здесь применяется не артиллерия, а стрелковое оружие — автоматы и пулеметы, то лаборатории достается больше, чем десантуре. Все стены капитальных кирпичных строений выщерблены пулями и осколками. Бойцы занимают круговую оборону только в одном здании, пробив в стене огромную дыру. Из дыры торчит ствол скорострельной пушки боевой машины пехоты. Рядом с самотельным гаражом — вход, огороженный белыми мешками с песком. Над мешками развевается потрепанное и дырявое полотнище трехцветного российского флага. На бруствере, образованном мешками, в рядок выставлены зеленые солдатские каски. Из-под одной каски поблескивают линзы большого бинокля, нацеленного в нашу сторону. Когда мы подходим ближе, за биноклем обнаруживается юное веснушчатое лицо часового.

Под дырявой крышей, между кирпичными столбами ворот, которые тоже не пощадила война, нас встречает молодой подтянутый старший лейтенант, Юрий Л. Он подчеркнуто лихо козыряет, представляется:

— Командир гарнизона военно-сейсмической лаборатории! — И тут же сбивается с официального тона: — Добрались все-таки!

— А ты что думал?

— К нам еду три дня поднести не могут, такая стрельба начинается! Одного солдата ранило, второму термос с супом прострелили, пустую посудину принес, назад теперь идти не хочет, так с нами и остается.

Он снимает пилотку и проводит по отросшим выгоревшим почти до белизны волосам:

— Ничего про смену не слышали?

— Про смену?

— Мы — то уже третий месяц здесь «загораем». Наверное, пора менять?

— Нет, ничего не слышали, приедем в Гудаугу, узнаем...

— Это как доедете... — скептически ухмыляется лейтенант. — А то присоединяйтесь к нашему гарнизону. Стрельба начнется, куда пойдете?

— Где тут можно поговорить спокойно?

— Только внутри здания...

— Нет, нам нужна вся обстановка на станции, общий вид...

— Тогда только здесь... — он оборачивается, критическим взглядом окидывает свое «хозяйство», тихонько вздыхает.

Раньше здесь царил образцовый военный порядок. К лабораториям вели посыпанные белым песком дорожки, обрамленные бордюрами и рядами цветущих роз. Станция, построенная в пятидесятых годах, содержалась в образцовом состоянии. Сейчас территория напоминает виденные в кино развалины Брестской крепости. Это огорчает хозяйственного командира, но больше всего огорчает то, что весь этот беспорядок будет увековечен на пленке.

Он поправляет пилотку по всей форме: кокарда посередине лба, край пилотки на два пальца выше бровей, одергивает гимнастерку и становится по стойке «смирно». Мне это не нравится. Получается слишком официально. Делаю несколько шагов вглубь территории, разыскивая, на что бы посадить офицера. Поиски бесцеремонно прерываются щелчком пули по камням. Она рикошетит и с визгом улетает в сторону часового... Доносится довольно близкий звук выстрела...

— Осторожнее здесь нужно быть... Они не смотрят, кто вы — военный или журналист... Палят по всему, что движется... — говорит лейтенант. Теперь я начинаю понимать, почему мы стоим такой тесной группой, почти касаясь друг друга плечами. Отхожу на пару шагов назад, навожу камеру...

Интервью прерывается еще дважды. Неведомый стрелок, промахнувшись в первый раз, не успокаивается. Но сейчас он стреляет не по цели, а по предполагаемому месту, где эта цель должна находиться. Пули попадают в массивную кладку столбов, не принося нам никакого вреда. В воздух поднимаются облачка тончайшей кирпичной пыли. После интервью мне приходится снимать

ее с линз и корпуса камеры, тщательно протирая все движущиеся узлы. Эта пыль обладает сильнейшим абразивным эффектом и стирает «на нет» записывающие головки, приводя камеру в полную негодность.

Броском преодолеваем просторный двор и буквально «влетаем» за бруствер, где под жарким солнцем, в полной амуниции, в бронежилете и каске, парится часовой. Мы чуть не сносим его с поста, ввалившись в тесную загородку. Чуть глуше до нас долетают звуки запоздавших выстрелов.

— Не видел, откуда стреляют? — спрашивает лейтенант часового.

— Ничего не видно. Он где-то там, за деревьями...

— Смотри внимательно. Хреновый он снайпер. Заметишь, стреляй «на поражение»!

— Есть!

Внутри просторного здания с толстенными стенами царит полумрак. От него кажется, что в помещениях прохладно. Беспощадное солнце остается снаружи, и глаза, привыкшие к его сверканию,

блаженно отдыхают. Водитель, увязавшийся с нами в этот поход из любопытства, кажется, прокликает тот день и час, когда он согласился на эту безумную поездку. Он что-то про себя ворчит по-абхазски, вытирая пот, стекающий по лицу в три ручья, огромным клетчатым платком. Потом снимает свою неизменную кепку, сует ее в карман, а на голову, завязав узелками углы, надевает платок и сразу становится похожим на курортника, сбежавшего из санатория от бдительного ока медсестер.

— Так тебя очень быстро подстрелят...

— Пачэму?

— Такой яркий головной убор далеко видно...

— Сэйчац нэ будет видно, — успокаивает он и, вытащив из кармана пропотевшую кепку, натягивает ее поверх платка. Получается такая комичная фигура, что мы с лейтенантом начинаем хохотать. Сказывается нервное напряжение от интервью под пулями, от пробежки по опасному двору, от постоянного режущего глаза солнца. Мы хохочем до слез, до колик в животе... Водитель сначала смотрит на нас недоуменно, но потом, после взгляда в висящий над кроватью осколок зеркала, присоединяется, и долго еще над развалинами звучит наш громкий, на грани истерики, хохот...

...Солнце переваливает через самую высокую точку над горизонтом и начинает медленно скатываться в море. Еще один наш бросок через двор не вызывает новых выстрелов, и мы благополучно добираемся до машины. К нам присоединяется солдат со своим простреленным термосом, который хочет вернуться в часть.

— Мы еще в один абхазский батальон заедем, — честно предупреждаем его, — так что не скоро в свою часть попадешь...

— Как попаду, так и ладно, — отвечает солдат, — там, на станции, оставаться чистое самоубийство.

— Но они же остаются? — вспоминаю офицера и его подтянутых солдат. — А ты чем лучше?..

— Тем, что жить хочу... — почти шепотом говорит он. Чуть громче добавляет: — Меня, наверное, дезертиром в части считают, а я же не виноват... Вы им скажите!

— Конечно, скажем!

Солдат успокаивается и замирает на заднем сиденье. Водитель не рискует крутить стартер, а сразу снимает свой «Жигуль» с тормозов, и мы опять скатываемся под горку, заводя двигатель «с толчка». На сей раз мотор подхватывает машину без приключений, и мы вскоре оказываемся на северо-восточной окраине Сухума.

Сам город от окраины, куда мы приезжаем, отделяет живописная лесистая сопка. Кое-где по сопке разбросаны когда-то белые, а теперь почерневшие от пожаров жилые дома. Некоторые еще догорают и курятся синими дымками. Мы приезжаем в расположение штаба абхазского батальона.

Длинная улица идет под гору и частично опоясывает склон, который закрыт от центра столицы вершиной сопки. Вдалеке, на вершинке соседнего холма, поросшего лесом, видна телевизионная вышка, которая, кажется, вырастает среди деревьев. В переулке находится сам штаб. Это обыкновенный жилой дом, только, может быть, чуть больше соседних. Возле ворот стоит грузовик, и «гвардейцы» охапками, как дрова, носят в кузов «выстрелы» для ручных гранатометов, пулеметные ленты и цинки с патронами. Потом они укладывают вдоль бортов длинные ящики со снарядами для танка. Командует всеми пожилой, далеко за пятьдесят, седой человек. Его голова и левая рука перевязаны серыми от пыли бинтами.

Мы представляемся ему по всей форме с предъявлением многочисленных удостоверений и множества бумажек, которыми обрастаем за время командировки. Каждый уважающий себя командир имеет печать. С видимым удовольствием прикладывает он ее ко всяким пропускам, обеспечивающим «подателю сего» иллюзию неприкосновенности на вверенной территории.

Обольщаться этим не стоит. На той же территории могут встретиться другие командиры, на которых бумажка порой действует, как красная тряпка на быка. Могут встретиться просто уголовники, мародерствующие под прикрытием войны. Бумажки — вещь не вредная только в том случае, если вы успеете провести предварительные переговоры раньше, чем встретившие вас люди нажмут на курок.

Пожимая нам руки, командир морщится:

— Все забываю, что побережусь нужно...

— Может быть, в госпиталь?

— Вот закончим все, потом можно и полечиться... — Мечтательно добавляет: — Я хочу просто однажды лечь и как следует выспаться... Скоро двинемся, вы — с нами?

— Если можно?

— Нет проблем... В соседнем батальоне ваш коллега — фотограф. Знаете его?

— Возможно, а как его зовут?

— Кажется, Соловьев, а как звать, не помню...

— Андрей! Конечно, знаем...

Вчера мы с Андреем виделись в столовой министерства обороны Абхазии, как гордо зовется бело-зеленый особнячок на берегу быстрого ручейка. Раньше он принадлежал какому-то грузину, но хозяина выселили, а особняк конфисковали на «революционные нужды». Грузин жил просто. В доме нашлось место и для кабинетов, и для небольшой столовой в цокольном этаже.

Соловьев выглядит неважно. Бледный, с марлевой повязкой на голове, он, увидев нас, радуется:

— Привет, мужики! Я уж думал, что здесь совсем один... Ага, раз вы приехали, будут события. А то вояки мне ничего не говорят, хоть и работать не мешают...

— Ты давно здесь? И что случилось?

— Третий день. Мелочь, царапина... Только голова немного побаливает да поташнивает чуть-чуть...

— Тебе срочно в госпиталь ехать нужно, — говорит Валера, — забирай в пресс-службе машину, на которой мы сюда приехали, и дуй в Адлер. Там, в гостинице возле аэродрома — госпиталь...

— Наверно, нужно ехать... — соглашается Андрей. Он нехотя ковыряет ложкой в тарелке: — Есть совсем не хочется, хотя забыл, когда в последний раз обедал...

Относительно успокоенные, мы уезжаем по своим делам. То, что Соловьев не уехал, а находится в соседнем батальоне, отчасти радует нас — значит, чувствует себя сносно, раз вместо госпиталя поехал на съемку.

...Высоко над головами изредка повизгивают пули. Отовсюду доносятся звуки стрельбы. Обстановка нервная. Командир говорит:

— Не беспокойтесь, сейчас здесь глубокий тыл. Этот пригород мы три дня назад освободили, еще не все трупы подобрали. Да вон там лежит украинский наемник... — показывает нам на кусты, растущие вдоль обочины дороги и отделяющие проезжую часть от тротуара.

Мы подходим чуть ближе. Если не считать удушливого трупного смрада, то человек на краю дороги как будто прилег отдохнуть. Шел по дороге, утомился, прилег под кустик. Когда мы, задержав дыхание, подходим совсем близко, становится видно, как прямо по открытым, устремленным в небо невидящим глазам ползают зеленые блестящие мухи. Загадочный гул, доносящийся от

трупа, усиливается. Когда я поднимаю руки с камерой, чтобы сделать съемку, от тела в воздух взлетает целая туча насекомых — трупоедов.

— Господи, воняет — то как... — сдавленным голосом говорит Киселев.

Абхаз смеется:

— Ничего, труп врага всегда хорошо пахнет...

— Ну, нам — то он не враг... Убрать бы нужно да похоронить по-людски...

— Наверное, вы правы, — вздыхает командир.

Чуть позже выясняется, что рядом, в огороде дома, куда уже возвращаются хозяева, лежит еще один труп. Хозяева его недавно обнаружили и пока не успевают ничего предпринять, да и боятся, что убитые могут понадобиться правоохранительным органам.

— Убирайте, — великодушно разрешает командир. — Никто ими заниматься не будет. Сейчас вся милиция на войне... Все трупы, которые найдете, свезите в одно место куда — нибудь в овраг и закопайте...

— Да, как же, «закопайте», а что делать с тем, что прямо на дороге лежит? Его по всей дороге раскатали...

— Не знаю, делайте что хотите... — машет рукой командир, и мы идем к бойцам его батальона, которые пытаются оживить заглохший двигатель старого танка. Откуда — то приносят куски толстого троса, связывают их и прицепляют танк к бронетранспортеру, намереваясь завести, как «Жигули» — с ходу.

Натягивается трос. Бойцы, словно муравьи, облепляют танк и старательно толкают его, помогая БТРу. Танк дергается и начинает движение. Механик — водитель включает передачу и, видимо, излишне резко отпускает сцепление. Раздается душераздирающий скрежет шестерен, и танк замирает. С гитарным звоном лопается трос, и его обрывок бьет по лобовой броне, оставляя на ней заметную вмятину. Как только никто не попадает под удар троса? Это была бы мгновенная смерть...

Минут через 10 прикатывает другой танк, брат — близнец «инвалида». Он уже укомплектован буксирными тросами толщиной в руку взрослого мужчины. С трудом тяжелый буксир снимают с танка и сцепляют машины вместе. Передний танк трогается, загребая гусеницами песок и асфальт с дороги. Трогается и машина второго танка, но его гусеницы неподвижны и вспахивают асфальт дороги, оставляя на нем две глубокие колеи. Потом гусеницы по-

немногу приходят в движение и раскручивают непослушный двигатель.

Выбросив в воздух огромное серо-синее облако, затянувшее всю улицу, двигатель начинает, сначала робко, с перебоями, а потом все увереннее работать.

— Ура-а-а-а! — кричат гвардейцы и автоматными очередями усиливают общую суматоху. Танки расцепляются, и реанимированная машина лихо разворачивается вокруг своей оси, поднимая в воздух остатки асфальта с разбитой дороги и тучи пыли, смешанной с вонью сгоревшей солянки, которая даже перебивает висящий над городом трупный смрад.

Пока мы наблюдаем за борьбой с непослушной техникой, ополченцы заканчивают погрузку машины. Когда подходим к ней, нас охватывает оторопь. Машина загружена «под завязку» всеми видами боеприпасов. Правда, коробки, ящики и цинки распределены так, что груз не выступает выше уровня деревянных бортов. Сами ополченцы рассаживаются на ящиках со снарядами и всякой взрывающейся и стреляющей дрянью, чувствуя себя при этом очень комфортно. Мы с Валерой переглядываемся и уточняем у командира:

— Мы тоже здесь поедим?

— Конечно. У нас другого транспорта нет... — радушно говорит командир.

Тяжело вздохнув, мы обреченно лезем в кузов. Достаточно одной шальной пуле попасть в нашу машину, чтобы сильнейший взрыв развесил наши останки по всем окрестным деревьям. Разновозрастные ополченцы тем не менее настроены оптимистично и находятся в хорошем, приподнятом настроении. Еще бы, им достались хорошие трофеи, которые сейчас будут направлены против бывших хозяев!

Солдата с термосом и водителя мы оставляем при штабе, наказав никому не отлучаться и ждать нас «до победы»...

Наконец машина трогается и мчится по улице в клубах пыли. Мы сидим прямо у заднего борта, где трясет немилосердно. Все содержимое кузова тоже трясется и подпрыгивает на ухабах. Каждую секунду я жду, что какой-нибудь из множества боеприпасов, наваленных в кузове, сдетонирует от такой сумасшедшей езды. При взгляде на побледневшее лицо коллеги я понимаю, что он думает то же самое. Больше всего хочется прямо сейчас остановить машину и пойти по улице спокойно, пешком.

Не успеваю я додумать эту мысль, как вдруг сзади мелькает вспышка разрыва и прямо на дороге вырастает безобразный ги-

гантский куст. Становится понятна та скорость, с которой мы мчимся, так как вслед за первым, ближе к нашей машине, раздаётся ещё один взрыв. Артиллеристы вычисляют нашу машину и пытаются накрыть ее залпом.

С визгом тормозов водитель резко меняет направление движения и сворачивает с улицы в какой-то узкий переулок. Один из снарядов попадает в угловой дом, который мы только что обогнули. Он словно вспухает изнутри, из окон на мгновение на улицу вырывается ослепительный свет. Потом крыша и стены, потеряв точку опоры, неправдоподобно медленно поднимаются в воздух, разваливаясь в процессе взлета на мельчайшие куски и щепочки.

— Вот сволочи! — ругают абхазы неведомых пушкарей. — Все равно мы их выгоним! Знают, что им здесь не жить, так под конец разрушат, сколько смогут...

Частицы дома долго летают в воздухе, становясь частью шляпки «гриба», в который превращается этот взрыв.

— Гляди-ка, гаубицей стрельнули... — уважительно по отношению к мощи боеприпаса говорят солдаты...

Наконец, невредимые, если не считать синяков на разных частях тела, мы влетаем во двор какого-то учебного заведения. Возле забора высятся останки неведомых сельскохозяйственных машин. Мы заезжаем в узкий промежуток между двумя зданиями и быстро соскакиваем с опасного транспорта. Пробежав немного, прямо через бывшее окно залетаем в какое-то огромное помещение. Стены приютившего нас корпуса построены из огромных бетонных блоков и перекрыты такими же монументальными железобетонными плитами. Складывается впечатление, что мы попадаем в какие-то недостроенные цеха...

Здесь, в относительно надежном укрытии, находится много людей. Они занимают все ниши и комнаты здания. Это другая часть батальона, не участвовавшая в опасной экспедиции за боеприпасами. Бойцы ходят, стараясь не приближаться к окнам, другие сидят у разведенного прямо на полу костерка, а некоторые просто спят, прислонившись к опорным колоннам и держа в объятиях автомат.

Командир сразу оказывается в окружении своих бойцов. Говорят по-абхазски, поэтому о содержании разговора мы можем только догадываться. Но после разговора начинается какое-то шевеление, и группа бойцов приступает к проверке оружия. Несколько минут слышны только короткие реплики и лязг затворов, когда патроны досылаются в патронники. Потом группа, в основном состоящая из бойцов зрелого возраста и, судя по выправке,

бывших военных, отправляется в разведку. Снимать здесь практически нечего. Бойцы к нашим камерам относятся резко отрицательно. Позже командир объясняет, что они верят в приметы и перед боем не хотят попадать в объектив.

Мы слоняемся из конца в конец огромного здания и, наконец, решаем подняться на второй этаж, чтобы посмотреть, что делается в городе. У лестницы стоит хмурый боец, преграждая нам дорогу:

— Запрещено...

— Нам — можно... — обезоруживающе улыбается Валера, но часовой непреклонен. Наши бумажки на него не действуют.

— Вот скажет командир — пушу... Там нельзя, снайперы кругом сидят. Подстрелят вас...

— Да мы осторожно...

Увидев наши препирательства с часовым, командир издали дает ему знак: «Пропустить!» Часовой освобождает проход, а нам туда уже не хочется. Мы только что рвались посмотреть на панораму города, а сейчас она нас уже вроде бы и не интересует. Поэтому осторожно поднимаемся по лестнице. До площадки между первым и вторым этажами мы не особенно стережемся, но выше может быть опасно, потому что мы попадаем в огромное двухсветное помещение практически без окон. Это просто «скелетная» конструкция здания. Когда-нибудь к этим железобетонным столбам и перекрытиям приделают стены, но сейчас весь этаж, залитый солнечным светом, просматривается насквозь. Мы стоим так, чтобы над перекрытием первого этажа поднимались только наши головы. Некоторые плиты частично разрушены попаданиями снарядов и мин, отколотые бетонные куски провалены внутрь и висят только на проржавевшей арматуре. Столбы тоже не производят несокрушимого впечатления.

Выходить на площадку, естественно, не стоит, как не стоит становиться мишенью для безвестных, но метких снайперов. А здесь мы будем не только открыты всем ветрам и пулям, но можем раскрывать сборный пункт батальона. Мы аккуратно, почти на цыпочках спускаемся вниз и у подножия лестницы встречаем командира:

— Я уж думал, пойдете... А вы — молодцы...

— Старый воин — мудрый воин... — бурчит Валера. — Первая война, что ли?

— Тогда идите сюда, — зовет командир в боковую комнатку, выходящую оконным проемом во двор. Заходим. На столе расстелена настоящая топографическая карта Сухуми.

— Мы сейчас — здесь! — Остро заточенный карандаш показывает точку на карте. — А попасть нам нужно — сюда...

— К вокзалу!? — в один голос говорим мы, склонившись над картой.

— Да, к вокзалу, — подтверждает командир. — Сейчас туда ушла разведка... Мы ждем ее результатов...

И словно в ответ на его слова рядом, прямо за бетонным забором, вспыхивает перестрелка. Автоматы бьют короткими, но частыми очередями.

— Наши засыпались! — восклицает командир и, выскочив в общее помещение, командует: — Первый, третий, шестой — на второй этаж, прикройте наших... Остальные — за мной! Да поосторожней!

Начинается ураганная стрельба. Помещение затягивается синим дымом, который стекает по лестнице и проникает в щели между плитами перекрытия. Мы тоже занимаем позицию в простенке между окнами и, стоя в рост, снимаем бой пятого батальона. В окна, словно рассерженные осы, жужжа, влетают пули и отбивают от потолка и стен куски известки и штукатурки.

Вскоре стрельба затихает. Противники случайно замечают припозднившегося разведчика и открывают огонь, чтобы уничтожить его, но натываются буквально на стену встречного огня, устроенную пятым батальоном. Этого они, похоже, не ожидают и прекращают огонь, чтобы унести ноги. Но в результате все погибают, не успев даже осознать, с какими силами им пришлось столкнуться.

— Самое интересное, что ни один из наших даже не ранен, — кричит командир. — Теперь все, мы раскрыты, остается только атака.

«Атака!» — сколько экспрессии и чувств в этом коротком слове. Захваченный перспективой снять батальон в атаке, я выскакиваю из окна и бегу к концу бетонной ограды. Весь батальон собирается вокруг командира, который что-то говорит бойцам. Потом, разбившись на группы по 10–12 человек, бойцы расходятся по разным направлениям. Трудно представить, что противники не заметили у себя в тылу такую многочисленную группу и не слышали стрельбу, которая здесь звучала только что.

Одна из групп вместе с командиром проходит мимо меня, обгибает ограду и, пригнувшись, бежит вдоль нее к какому-то перекрестку. Несмотря на то, что в городе, то затихая, то возобновляясь, идет крутая перестрелка, здесь, в окрестностях училища, относительно тихо. Пули слышатся только где-то высоко и пока не причиняют нам беспокойства. Пропустив последнего бойца из группы, пристраиваюсь за ним и тоже бегу, не выключая камеры. Валера

пристраивается к другой группе, которая перебегает неподалеку. Мы видим друг друга, и от этого становится как-то спокойнее.

В такие моменты ты увлекаешься съемкой и не замечаешь, что происходит за пределами, ограниченными рамкой видоискателя. С годами понимаешь, особенно когда работаешь один, что такая практика тебя может завести далеко, и учишься во время съемки держать открытыми оба глаза. Один следит за картинкой в камере, контролирует съемку, другой обшаривает окрестности — нет ли какой-нибудь опасности. В таких случаях неоценимую помощь тебе может оказать смелый и осторожный напарник, но он не должен быть коллегой-оператором, иначе это будет взаимопомощь двух слепых. Это должен быть или фотограф, или пишущий журналист, который во время твоей съемки внимательно следит за обстановкой и может предупредить, когда на твоём пути возникает препятствие или опасность. Ещё лучше, если он ещё и не теряет головы на съемке и может одернуть, когда тебя начинает «заносить». В таких случаях Валера Киселев — напарник идеальный...

Мы пробегаем несколько улиц без единого выстрела. Улицы пересекаем по одному, перебегая их под прикрытием всей группы. Под вечерним солнцем дома, с закрытыми ставнями и опущенными жалюзи, выглядят угрюмо и зловеще. Бойцы толкают калитки и, если калитка открывается, заскакивают во двор в поисках возможной засады. Очень быстро возвращаются к группе.

Но вот и вокзал. Мы попадаем на него со стороны перрона. Но перед этим надолго задерживаемся перед огромной, обернутой рваной стеклотканью трубой, изучая обстановку. На путях стоит товарный состав с наполовину обгоревшими вагонами. По перрону ходят какие-то вооруженные люди. Стрельба доносится с другой стороны вокзала, с привокзальной площади. Нас здесь явно не ждут. Пока батальон прошел почти полгорода, не встретив сопротивления.

Бойцы пролезают под трубой и приседают в высокой сухой траве, поджидая остальных. Потом по одному перебегают к составу, становясь напротив колес, чтобы с перрона не было видно ног. До полуразрушенного здания вокзала остается метров пятьдесят. Странно, что до сих пор наш батальон никто не замечает. Открытое пространство перед вокзалом покрыто путаницей ржавых рельсов, остовами сгоревших товарных и пассажирских вагонов. По перрону, чем-то сильно озабоченные, бегают вооруженные люди. Состав, за которым мы прячемся, давно уже стал частью пейзажа, и на него никто не обращает внимания.

Командир передает по цепочке:

— Приготовились! Пошел...

Весь состав начинает стрелять очередями. Несколько фигурок на перроне падают, и по их положению видно, что они уже не встанут никогда. Я ищу командира и вдруг замечаю его в самом центре видеоискателя своей камеры. На голове у него, поверх грязного бинта, натянута черная вязаная лыжная шапочка с помпоном. Здоровой рукой он показывает на бойцов и жестом посылает их в атаку... Они бегут, стреляя от живота, неуклюже перепрыгивая через рельсы. Батальон обеспечивает им огневое прикрытие.

Валера хлопает меня по плечу. С трудом отрываюсь от камеры:

— Я еще не все снял...

— Все! — коротко отрезает Киселев. — Дальше идти нельзя. Все—таки это — не твоя война...

— Нет логического конца. Противника же я не снял...

— Вон «противник»! — показывает он на перрон, где в разных, в основном изломанных позах лежат десятки трупов. — Пересидим здесь немного. Утихнет, подойдем ближе.

Стрельба затихает примерно через полчаса. За это время мы успеваем покурить, отдышаться и заменить в камерах пленки. На город опрокидывается тишина. После треска автоматных очередей, грохота разрывов гранат эта тишина кажется ватной, словно я внезапно глухну. Через некоторое время слух перестраивается, и я начинаю различать в этой тишине звуки стрельбы, которая идет где—то возле берега моря, робкий посвист какой—то пичуги, которую насмерть перепугали человеческие военные забавы, прорывается и шум далекого моря.

Мы бежим к зданию вокзала, перепрыгивая через рельсы, оступаясь в промежутки между шпалами и от этого чуть не падая.

— Чего мы бежим? Не набегался сегодня еще?.. — выдыхаю я.

— Беги! Мало ли что...

Заскакиваем на перрон и, перебежав его, заскакиваем прямо через разбитое окно в здание вокзала. Попадаем в большой зал, который раньше был рестораном. Разбитая буфетная стойка, остатки стульев и столов, обрывки скатертей и портьер покрыты толстым красноватым слоем кирпичной пыли. По вокзалу из угла в угол носят наши знакомые ополченцы. Откуда—то сзади подходит командир и хлопает по плечу здоровой рукой. Кричит:

— Все! Война окончена! Наши взяли Совет Министров... Вот теперь можете снимать сколько хотите...

Мы с Валерой переглядываемся и направляемся к выходу в город. Командир даже обижен немного:

— Что, не будете снимать?

— Все уже снято!

— Как? Когда?

— Так мы же вместе шли и снимали постоянно...

— Вот черти! Ладно, в гости приходите, скоро жизнь наладим!

Адрес хоть запишите!

Мы записываем адрес и быстро покидаем вокзал, направляясь в сторону огромного желтого здания Совета Министров Абхазии. Над ним клубится черный дым. От вокзала мы добираемся до цели минут за 20, остановившись по пути, чтобы переждать внезапно вспыхнувшую перестрелку.

Левое крыло пристройки горит открытым пламенем. Серо-черный дым клубится под аркой и, наконец, вырвавшись на свободу, огромным, почти вертикальным столбом поднимается в небо. Возле центрального высотного корпуса толпятся сотни вооруженных людей. Они обнимаются, беспорядочно кричат, время от времени кто-то снимает с плеча автомат и начинает палить в воздух, усиливая и без того оглушительный шум.

Я перевожу камеру с одной группы на другую, стараясь запечатлеть этот взрыв ликования. На третьем или четвертом этаже здания появляются люди, и сквозь дым я вижу в окне звездно-полосатый флаг Республики Абхазия. Нарядное бело-зеленое полотнище разворачивается и плещется над ликующей толпой, которая, не сговариваясь, срывает с плеч автоматы и приветствует его дружными очередями...

— Да! Теперь снято... — опустошенно говорю я и направляюсь на выход с площади. Действительно, я начинаю ощущать себя чужим на этом празднике жизни. На плечи наваливается и сгибает их жуткая усталость. Какое-то тревожное предчувствие сжимает сердце ледяной ладонью. Мы медленно спускаемся с широкой лестницы и идем через площадь.

— Валера! Юра! — навстречу мчится наш желтый «Жигуль». Нашему изумлению нет предела:

— Ты откуда!?

— Целы? Все в порядке? — кричит наш водитель, чуть не оцепывая нас.

— Конечно, целы... Не привидения же мы.

— Поехали. Срочно! Вас Москва разыскивает...

— А куда ты солдатика девал? И почему термос в машине?

— Солдата я его командиру отвез, а термос они хотели выбросить, он же прострелен... А я попросил себе забрать. Подумаешь, две дырочки... Заклепаю, в хозяйстве пригодится...

Машина мчится по дороге в Гудауту, огибая воронки, глубокие щербинки в асфальте, обгоняя танки и БТРы, медленно ползущие по дороге. Наверное, странное впечатление производит наша машина, мчащаяся куда-то сквозь всеобщую расслабленность и эйфорию победы.

Водитель рассказывает:

— Москва позвонила в наше министерство обороны, а как оно меня нашло, не знаю... Подходит человек и говорит, что мне приказано ехать в Сухуми, там я найду вас на центральной площади. Так и случилось... Откуда они знали, что вы там будете?

Мы с Киселевым озадаченно переглядываемся. Мы и сами-то не знаем, когда и где будем в следующую минуту. Остается предположить, что абхазская разведка работает гораздо лучше, чем о ней думают. Водитель мнетя, желая, но не решаясь что-то сказать.

— Что еще? Говори!

— Погиб фотограф... Все думали, что это кто-то из вас, но вы оба живы...

— Андрюха! Соловьев! — вскрикиваем мы в один голос.

— Я не знаю... — говорит водитель и замолкает надолго.

Солнце касается горизонта, и море, только что бывшее бирюзово-синим, становится красным, словно его переполняет кровь, пролитая на этом благословенном берегу. Кровавые волны лижут прибрежную гальку.

Уже совсем темнеет, когда мы подъезжаем к знакомому особняку минобороны. Навстречу нам выходит старый знакомый, Алик Ашба.

— Вы — целы? Значит, погиб Соловьев...

— Где он сейчас?

— Его уже везут сюда. Он был в соседнем с вами батальоне. Пуля попала поверх бронезилета в шею. Он истек кровью... Сонная артерия оказалась перебита.

Тебя срочно Москва вызывает. Какой-то иностранец звонил раз пять...

— Ты уверен, что Андрей погиб?

— Уверен. Я сначала думал, и все думали, что это кто-то из вас... Но вы-то вот они, целехонькие... Иди звонить в мой кабинет, там открыто.

После томительно долгого препирательства с телефонистка — ми меня соединяют с Московским бюро CNN. Голос главного продюсера Брюса Коновера:

— Хэллоу! Это кто? Юрий?

— Да, я! — кричу в трубку.

— Ты жив?

— Жив, жив! Что случилось?

— Рейтер передал, что в Абхазии погиб журналист, мы все думали, что это ты...

— Нет. Это Андрей Соловьев...

— Фамилии не передали. Просто сказали, что во время атаки вокзала погиб российский журналист...

— Здесь война закончилась. Я все снял...

— Война закончилась — забудь! Это уже никому не интересно. Скоро Белый Дом штурмовать будут. Прилетай срочно в Москву...

— Смогу только завтра. Сейчас ни одного рейса нет... К последнему рейсу в Адлер не успею. Я еще в Гудауте.

— Прилетай завтра первым рейсом, как сможешь...

Я спускаюсь к машине:

— Алик, ты сможешь с отправкой тела?

— Старик, нет вопросов, конечно, помогу...

— Валера! В Москве скоро штурмовать Белый Дом будут... Ты едешь или остаешься?

— Конечно, еду... Алик, до встречи...

— Вот так, с одной войны — на другую? — грустно говорил Ашба. — Так и не посидели, не поговорили...

— Прости, дорогой, работа такая...

— Да вы хоть поужинайте...

— Извини, некогда. Позвони на пост, чтобы нас пропустили...

— Это я сейчас... — И тут же водителю: — Довезешь их до гостиницы. Пропуск есть?

— Есть, конечно, обижаетесь...

На пограничном посту через реку Псоу никаких проблем не возникает. Увидев нашу машину, пограничники поднимают шлагбаум, даже не проверив документы. Через сорок минут безумной гонки мы возвращаемся в Сочи.

Ближе к полночи мы, захватив полотенце и мыло, сквозь толпы гуляющих по набережной курортников протискиваемся к пляжу. Мы уехали отсюда только сегодня, рано утром, но ощущение такое, что прошел, как минимум, год. Подавленные и грязные, мы идем к морю смыть с себя окопную и пороховую грязь. Фонари с набережной

высвечивают в море серебристые дорожки. Я раздеваюсь и с наслаждением погружаюсь в теплую, как парное молоко, соленую купель. Отплываю немного от берега и лежу на воде, всматриваясь в небо, усеянное яркими звездами...

От концертного зала доносится голос Маши Распутиной:

«Отпусти-и-и-ите меня в Гимала-а-а-аи! Отпустите меня насовсе-е-ем! А не то я — завую, а не то я — залаю, а не то я кого-нибудь съе-е-е-ем!»

— Ехала бы лучше в Эшеры... Или в Сухуми... — подплывая ко мне, раздраженно ворчит Валера.

Это было 30 сентября 1993 года. Сейчас в этот день Абхазия празднует День независимости.

Москва.

РУССКИЙ БУНТ В ПРЯМОМ ЭФИРЕ

30 сентября. Утро. День. Вечер.

Заканчивается еще одна «локальная» война — в Абхазии. Вернее, не заканчивается, а переходит в такую нудную, вялотекущую стадию. Сотни тысяч беженцев скитаются по городам и весям. Они остаются без приюта, без работы, без крыши над головой, без надежды на будущее.

Легко оставаться «над схваткой», когда война идет где-то далеко — до нее приходится добираться самолетом, поездом, на автомобиле. Но вот она приходит чуть ли не на порог. От дома до линии противостояния — 10 минут пешком.

Возвращаюсь в Москву в подавленном настроении.

30 сентября – 1 октября. Ночь.

В бюро CNN в очередной раз проходит слухок, что намечается штурм, необходимо его проверить. Кое-как отмывшись от пороховой гари и причерноморской окопной грязи, поздно вечером иду к зданию Верховного Совета на Краснопресненской набережной. Оно стоит темной громадой, отражаясь в Москве-реке потухшими окнами. Неужели история повторяется?

Русская «демократия» за три прошедших года приобретает такой вид, что CNNовское начальство считает нужным «пригласить» за ней. Наше дело маленькое, но трудное. Сказали – выполни! Иду на съемку, положившись на русское «авось» и свое неистребимое нахальство.

С неба сыплется мелкий осенний дождь. Площадь свободной России перед Белым Домом вновь, как в девяносто первом, щетинится баррикадами. За баррикадой на Горбатом мосту виднеются фигуры, обмотанные в прозрачную полиэтиленовую пленку. Дальние фонари просвечиваются сквозь нее и создают вокруг каждой фигуры мерцающий ореол. Наверное, если бы существовали в природе привидения, они должны были бы выглядеть примерно так же. Баррикады намного жиже, чем те, через которые приходилось

пробираться в 91-м во времена путча. Да и народу не в пример меньше.

Вокруг этих жиденьких баррикад и немногочисленных защитников стоит редкая цепочка безоружных солдат внутренних войск. Она окружает по периметру весь Белый Дом. Солдаты в плащ-палатках переминаются с ноги на ногу и клянут погоду, службу, «защитников» и «нападающих». Изредка по улице проезжает патрульная милицейская машина. Милиционеры сквозь запотевшие стекла вглядываются в редких прохожих, иногда останавливают их, чтобы проверить документы. При виде очередного патруля я внутренне собираюсь, продумывая, какие документы показать, а какие не показывать и что говорить при этом, но машина равнодушно проезжает мимо, оставляя ощущение какого-то разочарования и легкой досады.

На площади стоят несколько бронетранспортеров — БТРов. Они не бросаются в глаза, а стоят тихо и скромненько, прижавшись к стенам мэрии и гостиницы «Мир». Только один из них, странного желто-канареечного цвета, оборудованный большими раструбами громкоговорителей, направленных на Белый Дом, высунулся почти на середину дороги.

Сквозь пелену дождя в тени деревьев Девятинского переулка, прямо напротив американского посольства, просматриваются силуэты больших автомобилей. Вдруг почти одновременно несколько десятков грузовиков включают фары. На улице становится светло, как днем. Они заводят двигатели и трогаются по направлению к Белому Дому. Правда, до баррикад и вообще до Горбатого моста не доезжают, а сворачивают направо и растворяются в мороси дождя.

Что происходит, совершенно непонятно, но спросить не у кого. Солдаты на посту — народ неразговорчивый, офицеров не видно, а пройти к защитникам Белого Дома невозможно, потому что солдаты недвусмысленными жестами запрещают даже перейти дорогу.

Интересно, да есть ли здесь хоть кто-то, понимающий, что происходит? То, что никакого ночного штурма не будет — уже ясно. Даже небольшой контингент войск, который мог бы быть использован в штурме, покидает «поле боя». Но, может быть, есть какие-то резервы, а машины уходят пустыми с целью усыпить бдительность защитников? Одни вопросы, на которые в два часа ночи необходимо получить ответы.

CNN — телекомпания, круглосуточно вещающая на весь земной шар. А его население, обалдевшее от калейдоскопа больших и

малых событий, происходящих в бывшем СССР, с тревогой и трепетом каждые полчаса ждет новостей. И если у нас – ночь, то в Соединенных Штатах – белый день.

Все происходит прямо у забора посольства США. За темными окнами его зданий мелькают бледные тени лиц. Или это просто блики от фонарей? Конечно, посольские работники обо всем, что видят, сообщают по своим каналам в официальные инстанции. Но пока эта информация, проанализированная и причесанная, попадет в газеты и на экран, проходит довольно много времени, и в итоге публика вынуждена жевать «холодные макароны», — журналисты CNN так называют «вчерашние» новости. Усилиями профессиональной команды, собранной в Москве, телекомпания каждые полчаса выходит в эфир с самой свежей информацией.

Что такое новость? Это событие, которое происходит только что, облеченное в слова. Если при этом удастся снять «картинку» и показать событие, слов нужно соответственно меньше. В случае катаклизмов, которые постоянно случаются в России, сам процесс создания репортажа становится событием. Ни правые, ни виноватые не хотят попадать в камеру. Съёмка каждого «конфликтного» сюжета напоминает езду по встречной полосе движения. Никого — по пути, все – в лоб...

Чтобы работать относительно спокойно, приходится идти на всяческие ухищрения. Поэтому в моем кармане лежат удостоверения и аккредитации нескольких как иностранных, так и российских телекомпаний и газет. Если на «демократической» стороне к «за-рубежникам» относятся лояльно, то со стороны «патриотов» есть шанс получить чем-нибудь тяжелым по камере, а то и по голове. Самое главное — не перепутать карманы и хорошо помнить, какое удостоверение в каком лежит.

Интересно, что первые и генеральные секретари партий «левого» толка в разговоре «один на один» относятся к заморским журналистам вполне уважительно и даже слегка заискивающе. Но стоит появиться однопартийцам, как вся уважительность исчезает, и они начинают не говорить, а «вещать»: «Янки — гоу хоум». Это было бы смешно, если бы не было так грустно. Но приходится принимать «правила игры», не «подставлять» собеседника...

Тем временем долгожданное «событие» все же происходит. Сквозь сетку дождя от метро «Баррикадная» к Белому Дому идет войсковая колонна. На баррикадах становится заметна какая-то суета. Количество фигур возрастает. Колонна спускается по улице и сворачивает к посольству и гостинице «Мир». Откуда-то появля-

ются офицеры в званиях не ниже полковника. Наконец — то у меня появляется возможность прояснить ситуацию. Выбираю командира постарше и подхожу:

— Товарищ генерал, можно вас на два слова?

— Что у вас?

— Коротенькое интервью... Для американской телекомпании CNN...

— А какое дело американцам до наших домашних разборок?

— Так все происходит у стен посольства. Кроме того, «шарик» наш — такой маленький! Всем до всего есть дело... Кредиты, экспорт — импорт, гуманитарная помощь... Вон, вся московская милиция на «Форды» пересела...

«Форды» его воодушевляют:

— Ладно, давай свои вопросы... — бурчит он.

— Будет ли сегодня штурм Белого Дома?

— Штурма вообще не планируется. Мы просто хотели, чтобы все выполняли законы... Есть Указ Президента России номер 1400... Есть постановления Правительства, которые не выполняются. Поэтому мы здесь находимся. В Белом Доме, по нашим данным, много оружия и есть экстремистские «элементы». Наша задача — не допустить расползания оружия по Москве и по России... У меня все!

— Спасибо! А можно снимать ваших подчиненных?

— Можно...

После разговора с генералом мои трудности преодолены. Скорее всего интервью под дождем в эфир не пойдет, да я и не ставлю перед собой такую задачу. Основное — получить «добро» на работу. После того как окружение генерала увидело меня, дружелюбие беседующего с ним, отношение ко мне радикально меняется. Теперь все предлагают помощь и содействие. Какой — то полковник из свиты ведет меня в гостиницу «Мир», а потом в мэрию. Оказывается, здесь сосредоточена не только жиденькая цепочка солдат, мокнущих под дождем. Сотни хорошо вооруженных милиционеров и солдат в бронежилетах и касках, отряды специального назначения, несколько рот Московского ОМОНа заполняют вестибюли и этажи. С такими силами Белый Дом может быть просто разобран на кирпичи.

По милицмейским данным, внутри кольца осады находится около двух тысяч человек, много женщин. Охрана вооружена, всем депутатам выданы пистолеты. Я записываю все сказанное мне на камеру и к трем часам ночи появляюсь в бюро. Подключив камеру к декодеру и магнитофону, «перегоняю» весь отснятый материал в

Атланту. Все, кто находится в бюро, дружно, облегченно вздыхают. Неужели пронесло?

Пока я блуждаю под дождем в поисках крупиц информации, в бюро кипит работа. В объединенном блоке третьего этажа, который занимает московское представительство, полно людей. На помощь постоянному составу корреспондентов бюро прибывают команды из разных стран. Большой десант журналистов высаживается Атланта. В коридорах то и дело сталкиваешься с людьми, чьи лица давно известны всему миру. Машины бюро постоянно в разгоне. Одна едет за новыми группами в аэропорт, другая отвозит и привозит российских политиков и экспертов.

Главный продюсер Московского бюро, профессионал высшего класса Брюс Коновер совершенно непостижимо успевает везде. Он поддерживает постоянную связь со штаб-квартирой CNN в Атланте, комплекзует и отправляет очередную съемочную группу в мэрию на Тверскую улицу, заботится об отправке еды корреспондентам и операторам, которые уже несколько суток находятся внутри Белого Дома, организует группу переводчиков-синхронистов, которые одновременно с передачей интервью на русском языке по параллельному звуковому каналу передают английский перевод.

Я пытаюсь найти в бюро местечко, чтобы присесть хоть на минуточку, но — безуспешно. Брюс говорит:

— Поезжай домой, отдохни! Кажется, сегодня ничего не произойдет. Пока идут переговоры... С утра постарайся попасть в Белый Дом. Если удастся, прихвати у ребят отснятые кассеты.

— С утра — это во сколько?

— Часов в семь, в восемь...

— А сейчас?

— Полпятого утра. Целый час в твоём распоряжении... Если что, я позвоню...

Хорошо, что добираться недалеко, объехал квартал — и дома...

После горячего душа проваливаюсь в глубокий сон и просыпаюсь, когда на улице уже занимается новый серый день. К счастью, дождь прекратился. Я в ужасе — на часах 10 утра.

1-е октября. Утро.

После ночного «аврала» в бюро — тишина и пустота. По каналу CNN повторяются ночные выпуски для других регионов планеты. Брюс появляется отдохнувший, свежий и чисто выбритый, с еще мокрыми от душа волосами.

— Ну как? Отдохнул?

— Еще бы! Ты почему меня не разбудил?

— А зачем? Идут переговоры. Одна группа находится там. Сейчас устанавливаем камеру на крыше... Пока ничего не происходит... Я улавливаю в его голосе вопросительные интонации.

— Сейчас поеду, посмотрю...

— Возьми на всякий случай «мобильник», если что — то начнет — ся, позвони, мы направим съемочную группу... Может быть, сегодня ваши «разбирашки» закончатся?

— Что?

— Как это правильно по — русски? Разбирашки?

— «Разборки», ты имеешь в виду?

— Ага, «разбирашки»... Когда разбираются, кому править, а кому выполнять.

— Это между преступными группировками разборки идут за сферы влияния, за власть в сообществе...

— Какая разница? Все равно — «разбирашки»...

1 — е октября. День.

...Дом Советов все больше становится похожим на осажденную крепость. Единственное отличие — осаждающие пока не пытаются проникнуть внутрь. Милицейские начальники, ставшие мне почти родными, «по секрету» говорят, что в Белом Доме огромное количество оружия, что недавно туда каким — то образом проехал грузовик. Из здания мэрии было видно, что он якобы провез оружие. Рассказывая эти «страшилки», начальник нисколько не задумывается о том, что в условиях такой плотной осады не то что грузовик, мышь не должна проскочить незамеченной. Слухи, один другого тревожней, разносятся среди осаждающих. Говорят о боевиках фашиствующего «Русского национального единства», об ополченцах из Приднестровья, так называемых «черных беретях»...

Интересно, а что происходит внутри? Вопрос этот легче задать, чем получить на него ответ. Все большое начальство опять волшебным образом исчезает. На площади начинается вещать канареечный бронетранспортер. Он упорно оглушает окрестности песней «Путана»: «Ты служишь украшением стола...» В перерыве между «Путаной» и «Девочкой в автомате» старший лейтенант хорошо поставленным голосом зачитывает Указы Президента и Постановления Правительства...

За спинами солдат бритвенно — острыми лезвиями на развернутых кольцах сверкает колючая проволока, которую почему — то

все называют «спиралью Бруно». На самом деле эта проволока – чисто российское изобретение и называется веселым именем «егоза».

...Наконец мои поиски приносят первые плоды. Вижу знакомого командира полка патрульной службы. Спрятав под куртку видеокамеру, по его сигналу прохожу через оцепление. Никто ни о чем не спрашивает, и я иду в 20-й подъезд. В вестибюле натякуюсь на новый вооруженный кордон. Это уже охрана Дома Советов. Она придирчиво ощупывает все складки одежды и, не обнаружив ничего подозрительного, пропускает внутрь.

Коридоры и лестницы заполнены людьми, которые раньше никогда не имели бы шансов попасть даже на порог Белого Дома. Какие-то бомжеватого вида, небритые мужчины и неряшливо одетые женщины сидят на ступеньках и расхаживают по коридорам Белого Дома. Иногда мелькают фигуры депутатов в строгих официальных, но слегка помятых костюмах.

По всем коридорам и этажам стоит стойкий запах мочи и фекалий. Впрочем, в этом ничего удивительного нет. Несколько дней в Дом Советов не подается вода, а сотни людей, находящихся в осаде, что-то едят и, соответственно, вынуждены пользоваться туалетами...

Во время обеда поднимаюсь в столовую. Каким-то образом поварам удается приготовить макароны и неведомое мясное блюдо. Говорят, что умельцы проводят электричество от уличных фонарей. Достая видеокамеру и сначала робко, потом, заметив, что на меня с моей маленькой камерой никто не обращает внимания, уже увереннее начинаю съемку.

Длинная очередь к раздаче. Повара и раздатчицы освещают свои рабочие места обыкновенными стеариновыми свечами. Свечи стоят и на столах. Столовая находится в глубине здания, и окна, выходящие во двор, пропускают совсем мало света. Основное пространство зала, уставленное четырехместными столами, тонет в темноте, с которой безуспешно борются эти редкие свечи. Вначале я опасаясь включать освещение, но, заметив за столами лица знакомых депутатов, смелею и включаю полный телевизионный свет. Лампа освещает все пространство столовой. Люди на мгновение отрываются от тарелок, смотрят с любопытством и продолжают заниматься своими делами.

Вовремя вспоминаю не раз выручавшую меня пословицу: «Нахальство – второе счастье!» Если ты занимаешься своими делами, не обращая внимания на окружающих, они понимают, что все раз-

решения на съемки тобой получены, и раз ты снимаешь на этом месте в это время, значит, все со всеми согласовано. Очень редко бывает, что какой-нибудь не в меру ретивый начальник начнет выяснять подробности твоего проникновения на такой «секретный» объект, как, например, столовая.

Изобразив на лице уверенность и деловитость, хожу по всем коридорам Белого Дома, ставшего на время осады родным для сотен людей. Это технические работники, секретари, архивисты, канцелярия, пресс-служба. Они сидят по холодным кабинетам в пальто, куртках, обмотанные шарфами и платками. Время от времени из кабинетов доносится надсадный кашель. На дворе не май месяц, и многие простужены. К окнам, выходящим наружу, все стараются не приближаться. Наблюдатели, меняя друг друга, стоят в простенках, надеясь на эту иллюзорную защиту. Никто же не думает, что по Дому Советов будут стрелять из пушки.

До сих пор депутаты, из тех, кто посмелей, проходят через милицейские и другие кордоны, показав тисненую золотом красно-коричневую «корочку». По инерции, несмотря на Указ Президента, распустившего Верховный Совет, офицеры милиции и армии, козырнув, пропускают «неприкосновенного», но и они все чаще придерживают за рукав «избранников»...

...В вестибюлях и нишах третьего этажа, имеющего выход на крышу пристройки, которая со времен первого путча использовалась как трибуна, встречаю многих своих коллег, просочившихся в БД раньше. Они коротают дни и ночи вместе с депутатами и их сторонниками. Хасбулатов и Руцкой проводят свои пресс-конференции в основном для этих журналистов. Во внешний мир имеет выход только американская телекомпания CNN, которая устанавливает камеры и ретрансляторы по всему периметру огромного здания. Каждые полчаса выходят в «живой эфир» ее журналисты, показывая обстановку вокруг БД в режиме реального времени.

Кризис власти уже 10-й день сотрясает страну, а глядя на экраны своих телевизоров, трепещет и весь цивилизованный мир. Такого сюрреализма не было со времен Октябрьского переворота. Но если переворот, совершившийся в России в 17-м году, отдал власть Советам, то сейчас Ельцин делает то, что не удалось войскам всей Антанты, — забирает обратно власть у Советов. Те представители «широких народных масс», которые все же добираются до Белого Дома, часами стоят вдоль перил Калининского моста, с любопытством наблюдая за разворачивающимся действием на огромной политической сцене. Зрители, с которыми удается

поговорить, определяют происходящее емко и точно: «разборка» и «кормушку не поделили»...

К вечеру я убеждаюсь, что «призраков коммунизма» в пределах прямой видимости не наблюдается. Издалека доносятся невнятные лозунги ультралевых, призывающих вернуться в ту «реку», из которой страну тащат за шиворот. Реформы, даже в таком уродливом, половинчатом виде, пробуждают активность части населения, увидевшей свет в конце тоннеля. Правда, к «свету» приходится прорываться, обдирая колени и локти, но возвращения во времена уравниловки, повального пьянства и лютых очередей за всем и вся не хотят слишком многие...

Моя прогулка сенсаций не приносит, хотя обстановка в осажденном здании достаточно напряженная. Забрав кассеты у коллег, с облегчением вдыхаю свежий воздух, пахнувший осенним дождем и палыми листьями.

1 – е октября. Вечер.

С началом раннего осеннего вечера возле метро «Баррикадная» собирается не очень многолюдный митинг сторонников распущенного Верховного Совета. С потемневшего неба сыплются частые капли нудного дождя. Площадь со всех сторон блокирована подразделениями ОМОНа, вооруженного резиновыми дубинками. Заканчивается вторая неделя кризиса. Омоновцы, вынужденные изо дня в день заниматься одним и тем же делом – разгонять непослушный «электорат», разозлены и раздают удары всем — и правым, и виноватым. Под эту «раздачу» все чаще попадают журналисты, фотографы и телеоператоры. Возле станции метро огромный омоновец гоняется за фотокорреспондентом Ассошиэйтед Пресс Сашей Земляниченко. К счастью, не догоняет...

Единственная мера безопасности, которую можно здесь применить, — это двигаться, чуть отставая от первой шеренги ОМОНа. Можно, правда, угодить под дубинки второй шеренги, но меня спасает бронежилет скрытого ношения, одетый под бронированную же куртку. Увидев, что я снимаю «правоохранителей», азартно орудующих дубинками, один из них размахивается и «протягивает» меня дубинкой поперек спины. Не будь на мне надежной защиты, ребра были бы наверняка сломаны. Но дубинка отскакивает от спины с металлическим лягом. Я спокойно заканчиваю съемку эпизода.

— Не ушибся?

— Н – н – нет! – растерянно отвечает крепкий омоновец. – А что это?

— Тренируйся, браток... И ты таким же крепким будешь! — не спешу посвящать его в «тайну» своей неуязвимости.

Толпа за много дней «общения» с ОМОНОм тоже чему-то учится. Если милиционеры вынуждены двигаться строем, шеренгой, то люди, не связанные армейской дисциплиной, попросту разбегаются. Через минуту они собираются снова в другом месте. Весь вечер продолжается эта игра в «догонялки», и заканчивается вечерний «марафон» только поздней ночью, когда «протестанты» спускаются в метро и разъезжаются по домам. Тем не менее милиционерам удается задержать несколько десятков людей, и они заполняют все отделения милиции в окрестностях площади Восстания. Всего, по данным из разных источников, милиция задерживает около шестисот участников митингов. Возвращаюсь в бюро пешком.

Возле осажденного здания Верховного Совета количество бронетехники прибавляется. К 6 БТрам на помощь приходят две боевые машины пехоты – БМП. Дождь усиливается, но мокрому — дождик не страшен. Немножко беспокоит состояние видеокамеры, непривычной к столь экстремальным условиям съемки.

Привычная процедура перегона отснятого материала становится уже рутинной. Все, что снято, несколько минут назад происходило на моих глазах. Особенно болезненную реакцию американцев вызывают сцены, где работники милиции бьют дубинками репортеров. Когда я им сообщаю, что тоже получил свою «порцию» демократизации, долго изучают след от дубинки, оставшийся на куртке. Крепкая резина даже немного просекла ткань.

2 – е октября. Утро. День.

Ночью дождик прекращается, но усиливается пронизывающий ветер. Серое небо чуть светлеет. Сквозь кисею облаков иногда даже просвечивает робкое солнце. Первое утро без дождя. Небо сливается с туманом, в котором прячутся высотки. Солдаты в оцеплении скатывают свои плащ-палатки в аккуратные рулончики.

В Белый Дом после долгих колебаний наконец решают пустить журналистов. Милиция с удивлением поглядывает на длинную очередь, которая выстраивается у контрольно – пропускного пункта. Когда начинается пресс – конференция, я насчитываю 68 только видеокамер. Около сотни фотографов, перебегающих с места на место, создают невероятную толчею. Хасбулатов отвечает на вопросы, прижимая к губам микрофоны от уличных «матюгальников». Сквозь хрип помех его голос едва слышен.

То, о чем он говорит, приводит всю журналистскую братию в сильное волнение. Весьма невозмутимо он предлагает такие «методы воздействия» на Президента, от которых бросает в дрожь даже издавших виды репортеров. Одним из «методов» должно стать блокирование железных дорог, разрыв коммуникаций и перекрытие нефтепроводов. В качестве другого он предлагает прекращение поставок продовольствия в Москву.

Наслушавшись его, ухожу с пресс-конференции во двор Белого Дома. Возле забора, сооруженного после путча, — небольшой палаточный городок, в котором вот уже одиннадцатый день живут защитники баррикад. Прямо на автостоянке установлен большой деревянный крест. Перед крестом, спиной к Дому Советов, истово молятся мужчина и женщина. Они поют молитву и крестятся, не обращая внимания на суету и множество камер.

По просторному двору строевым шагом ходят молодые люди в полувоенной форме и в масках. На рукавах у них повязки со стилизованной свастикой и тремя буквами РНЕ — «Русское национальное единство». У них — что-то вроде строевых занятий. Эти ребята относятся к прессе крайне недружественно. Они почему-то обижаются, когда их называет тем, чем они являются на самом деле — разновидностью фашизма. Сняв издалека их строевые занятия, возвращаюсь в здание и договариваюсь об эксклюзивном интервью с «и.о. Президента», которого утверждает в этой должности разогнанный Верховный Совет, — Александром Рущким.

Меры безопасности, которыми он окружен, не идут ни в какое сравнение с теми, которыми окружен Президент действующий. Несколько слоев охраны напоминают о детской шутке, когда имениннику вручалась большая коробка, в которой находился некий предмет, завернутый в оберточную бумагу. Слой за слоем разворачивалась бумага, занимающая весь объем коробки. Когда обертка заканчивалась, взгляду именинника предстával крошечный пакетик, в котором мог лежать сюрприз.

Вначале рослый «бодигард» пристально и внимательно изучает документы, сравнивая фото с личностью владельца. Тщательно проверяет, не клеена ли чужая фотография. Затем доходит очередь до «личного досмотра». Меня просят вынуть из карманов все предметы. На подносике перед металлоискателем вырастает внушительная горка «запрещенных» к проносу вещей. В этот список входят фонарик, перочинный ножик, чистящая кассета для камеры, ключи, носовой платок, начатая упаковка зубочисток и жвачка в

алюминиевой фольге. Заглянул даже в полупустую сигаретную пачку и пощелкал зажигалкой...

Когда с личными вещами покончено, наступает время проверки аппаратуры. Проверяются камера, батарейки, коробочки с запасной пленкой. Почему — то особенно пристально рассматривается аккумулятор для надкамерного света. Меня заставили пощелкать тумблером, включая и выключая свет. Охранники включили камеру и посмотрели вдоль длинного коридора, что в нее видно...

Добравшись, наконец, до кабинета на третьем этаже, в приемной прохожу заключительный контроль. Сумку взять с собой не разрешают, поэтому запасные батарейки и пленку приходится расталкивать по карманам.

В кабинете вместо «трибуна» и «вождя» вижу небольшого роста чиновника, который как будто только что приехал с шашлыков на природе. Одет он в свитер и рубашку с темным воротником. На столе, вместе с лампой, стоит стеариновая свечка... В кабинете нет ни одного окна и царит приглушенное неяркое освещение. Единственная достопримечательность кабинета — пышные усы его владельца.

В процессе интервью мне не удается «разговорить» Руцкого. Он просто почти слово в слово повторяет мне в камеру то, что я уже слышал на пресс-конференции. Единственной «изюминкой» странного, но пустого интервью становится ответ на вопрос: «Что с вами будет в случае проигрыша в этом противостоянии властей?»

«В моем пистолете пуль хватит!» — трагически весомо и негромко говорит он, всем своим видом намекая, что выбора у него нет — победа или смерть!

На обратном пути, снова предъявляя документы на многочисленных постах охраны, жалею о напрасно потерянном времени. Внутри обертки оказывается обыкновенная «пустышка»...

...Начинает смеркаться, а вечерний воздух, после зловонной атмосферы внутри осажденного Дома Советов, кажется необыкновенно чистым и вкусным. Он пахнет прелыми увядающими листьями. Но к этому осеннему аромату примешивается запах гари. Осенью в городе обычно жгут листья, и меня этот запах всегда волнует, напоминая о скорой зиме.

Пройдя последний кордон, выхожу «на свободу», но чуть вдалеке вижу клубящуюся толпу. Она чернеет на том месте, где во время прошлого путча погибли люди. Неужели опять?!!

По Новому Арбату движется поток транспорта. На мосту он замедляется. Водители вглядываются в сумерки, сгущающиеся над

Садовым кольцом. На Смоленской площади, всего в двух кварталах от осажденного Дома Советов, горит баррикада. Она перекрывает одну из самых загруженных трасс в Москве. Немного дальше, за шеренгами милиции, внутренних войск, видна грандиозная автомобильная пробка.

2—е октября. Вечер. Ночь.

Смоленская площадь, обычно забитая транспортом, словно превращается в пешеходную зону. Застывшие транспортные потоки упираются в нее с трех сторон. Водители, которые возвращаются в этот «час пик» с работы, оказываются в многочасовой ловушке.

Кого и от кого должна защищать баррикада, совершенно непонятно. Возведена она поперек Садового кольца. С обеих сторон баррикады, параллельно ей, спокойно стоят шеренги солдат внутренних войск и милиции. Между этими шеренгами пространство примерно в двести метров. Внутри, словно муравьи, строящие муравейник, снуют люди. Они тащат какие-то доски, арматурные прутья, камни, железки, обломки мебели.

Два интеллигентного вида мужичка решают сложную техническую задачу. Они придумывают, как развернуть поперек улицы скатанную в рулон тяжеленную не то танковую, не то тракторную гусеницу. Наконец с помощью импровизированной, но сложной системы рычагов и противовесов они эту гусеницу все-таки раскатывают.

Старичок, внешностью напоминающий ученого, с трудом приносит и бросает в огонь большую доску. Деревянная часть баррикады зачем-то подожжена и чадно горит, плавя асфальт дорожного покрытия. Больше всех веселятся подростки. Словно это специально для них взрослые устраивают «праздник непослушания». Они рыщут по всем дворам и несут на баррикадный костер всякий хлам, опустошая окрестные мусорные ящики. Баррикада выполняет не столько защитную, сколько символическую функцию. Вот захотели и остановили весь транспорт!

На этом небольшом мятежном пространстве журналистов, фотографов и операторов едва ли не больше, чем самих «протестантов». На фоне пламени, в котором чернеют останки старой кровати, стоит японский журналист Тасиаки Таками. Он наговаривает на камеру какой-то очень эмоциональный текст. Между микрофоном в его руках и камерой тянется провод, который постоянно задевают люди, бегающие с камнями и досками. Какая-то доска, брошенная в костер, поднимает целые снопы искр, которые взлетают и падают прямо на журналиста, чуть не поджигая его пальто.

С помощью своего оператора он стряхивает тлеющие угли с одежды, но от костра не уходит, заканчивая репортаж.

Чуть подальше, в арке дома, ведущей к метро «Смоленская», снимает оператор CNN Хью Уильямс. Ростом больше двух метров, он стоит с камерой, установленной на штативе, как утес. Ему с высоты видно все действие. Второй оператор этой компании, маленький и юркий Майкл Джонсон, работает на «крупных планах», выхватывая из толпы наиболее интересные лица.

Милицейские шеренги стоят неподвижно, молча и сурово. Выращивание лиц под щитками не предвещает ничего хорошего. Уже две недели они несут службу «в усиленном режиме», находясь на дежурстве практически круглосуточно. Помимо участия в охране общественного порядка на митингах и демонстрациях, они заняты своей обычной работой. Никто не снимает с них обязанности раскрывать преступления, которых в эти дни намного больше, чем обычно. Преступники всех мастей, пользуясь тем, что милиция вынуждена отвлекать своих работников и транспорт «на политику», грабят, крадут и убивают граждан гораздо чаще, чем обычно.

Необходимо срочно «принимать меры». Когда шеренгам поступит команда действовать, может быть поздно.

— Мужики! Поступила новая команда! — подхожу вплотную к шеренге и пытаюсь перекричать шум толпы и рев пламени. — Репортеров по камерам не бить, камеры дорогие! Бить можно только по мягким тканям!!!

Не бог весть как остроумно, но по шеренге прокатывается смешок. Меня запоминают. Во время разгона толпы, может быть, дубинкой достанется не в полную силу. Но истерика толпы нарастает. Это самое страшное — попасть во власть толпы во время массовых беспорядков. Совершенно нормальные в обычных условиях люди совершают неожиданные даже для самих себя поступки.

Но еще более страшна паника. Когда ужас охватывает людей, он распространяется мгновенно. Очень трудно не поддаться настроению и не примкнуть к массе. Сотни людей, одержимые общей целью — спастись, куда-то прорваться, лавиной движутся порой навстречу собственной гибели.

Вообще в толпе очень трудно работать. В этом случае репортер, будь то фотограф или видеооператор, должен быть на линии противостояния, то есть в самом опасном месте. В этой зоне находятся самые активные митингующие. Пользуясь своей безнаказанностью, эти «активисты» могут сломать камеру, исподтишка ударить занятого своим делом репортера. Сопротивляться, давать

сдачи, как правило, бессмысленно, ибо такой провокатор пользуется поддержкой толпы. Лучше уйти с этого места и искать новую точку съемки, если камера не испорчена непоправимо. Вовремя смыться — не значит убежать. Это может быть просто тактическое отступление. В конце концов, твоя работа — снять событие, а не принимать в нем активного участия.

Когда репортер забывает об этом и становится участником действия, он рискует вдвойне. Если у человека в руках фотоаппарат или видеокамера, никто и никогда его не считает «своим». Самим фактом своего существования он из разряда «соучастников» переходит в другую категорию — «очевидец», «свидетель».

Все прекрасно понимают, что несанкционированный митинг — правонарушение, нападение на сотрудников милиции «при исполнении» — преступление. При разгоне демонстрации, митинга, когда в ход идут дубинки, арматурные прутья, доски и камни, обе стороны не вспоминают о «законности». Но «свидетели» не нужны ни той ни другой стороне. И как бы нечаянно в пылу сражения по камере или по оператору попадает удар дубинки или приклада.

...Милицейские шеренги, слегка качнувшись, делают первый шаг. Одновременно взлетают и бьют в щиты дубинки. Над площадью разносится оглушительный звук. С двух сторон с ритмичным устрашающим грохотом «стены» неторопливо прижимают толпу к пылающей баррикаде.

Шум толпы на мгновение стихает. Вдруг раздается женский визг, который превращается в оглушительную истерическую како-фонию. Когда шеренги приближаются вплотную, в милиционеров начинают лететь камни, горящие головни, какие-то железные прутья. В рядах милиции появляются пострадавшие. Они выходят, но строй смыкается, и вновь на толпу неуклонно движется стена щитов.

На бетонный парапет взбирается полупьяный мужичок. В правой руке он держит сразу две большие бутылки с вином, в народе называемые «огнетушителями». Вскидывает руку с бутылками вверх и орет:

— Банду Ельцина — под суд! Банду Ельцина — под суд! — потом, не удержавшись, падает с парапета, и бутылки разбиваются об асфальт.

Погруженный в нестерпимое горе, он сидит над приличной лужей растекшегося вина и держится за голову. Сквозь пальцы на асфальт течет то ли кровь, то ли вино. Вначале на него никто не обращает внимания. Потом, увидев, что у мужика серьезное ранение, я отдаю ему свой носовой платок и подзываю врачей «скорой помощи». Где он разбивает голову, каким образом, непонятно. Во всяком случае ударить его ни рукой, ни дубинкой никто не успел... Смесь крови с вином пропитывает асфальт.

Вновь взлетают дубинки, но на этот раз они обрушиваются на плечи и спины «протестантов». Крик и шум становятся еще громче. Цель милиционеров предельно ясна — вытеснить толпу с площади. Но это не очень удастся, и вскоре монолитная шеренга рассыпается на кучки, которые ведут собственный бой.

Майкл Джонсон приближается к одной из групп слишком плотно. Милиционеры окружают нескольких яростно сопротивляющихся демонстрантов и лупят их дубинками куда попало. Один из милиционеров, внезапно обернувшись, видит рядом с собой видеокамеру. Рефлекторным движением он замахивается прикладом автомата. Майкл убирает камеру от удара, но сам уклониться не успевает. Автомат со смачным звуком врезается в лицо. Майкл падает, но, собравшись, в падении спасает камеру. Воровато оглянувшись, не увидел ли кто, милиционер помогает Майклу подняться и ведет его к машине скорой помощи.

С демонстрантами солдаты и милиционеры поступают менее благородно. Через тех, кто падает и больше не поднимается, просто переступают и двигаются дальше. Тех, кто оказывает сопротивление, бьют нещадно, а тех, кто не успевает убежать, ведут к

милицейскому автобусу. Перегруженный задержанными, автобус трогается в направлении ближайшего отделения милиции.

Вскоре на Садовом кольце остается только догорающая баррикада, а все улицы и переулки перекрыты шеренгами милиции и внутренних войск. Приезжает пожарная машина и заливает огонь. К полуночи два бульдозера и подъемный кран быстро очищают дорогу.

3—е октября. Утро.

«Бабье лето» дарит людям один из солнечных и ясных дней. На Смоленской площади ничто не напоминает о вчерашнем «бое». По Садовому кольцу проносятся редкие по случаю выходного дня легковушки. На Старом Арбате, у его пересечения с кольцом, устроена сцена, на которой должны пройти выступления артистов в честь 500—летнего юбилея улицы. Часть артистов уже прибыла, и они переодеваются за легкими ширмами, натянутыми за сценой. Баянист пробует голос своего инструмента, наигрывая что—то веселое и праздничное.

Из—за вчерашнего митинга плотники не успевают приготовить сцену вовремя и сейчас деловито забивают последние гвозди в помост. Все с тревогой поглядывают на небольшую толпу, которая потихоньку растет возле Смоленского гастронома.

С другой стороны улицы, на тротуаре, примыкающем к высотке МИДа, небольшая кучка людей стоит возле асфальтового «пятачка», огороженного камнями. На «пятачке» большое красное пятно и надпись мелом: «Здесь ОМОН убил человека». Когда я подхожу ближе, с изумлением вижу то самое пятно, образованное «бормотухой» и кровью из ссадины вчерашнего пьяницы. Возле пятна какая—то бомжеватого вида тетка плачет пьяными слезами и причитает, словно над покойником. Импровизированный «мемориал» увенчан крестом и множеством свечек, горящих в консервных банках.

К «мемориалу» нетвердым шагом подходит небольшого роста мужичок с перевязанной головой. Он изображает что—то вроде «скорби по усопшему», упершись мутным взглядом в надпись и свечки под крестом. Видимо, он вспоминает что—то из вчерашнего происшествия и пугается. Я узнаю в нем вчерашнего «покойника». На его голове красуется мой носовой платок, только сейчас он подвязан еще и грязноватым бинтом. Оглядывается вокруг, но никто его не узнает, и он быстренько выбирается из толпы. Я его перехватываю на выходе:

— Вот он, вчерашний «покойник», вполне живой!

Женщины, изображающие «почетный караул», шикают на меня.
— Это провокация, — визгливо кричит одна. — Он подослан..
— Надо смываться, — шепчет «воскресший», — они нипочем не поверят...

Мы, видя, что обстановка становится совсем накаленной, быстро ретируемся за сцену. Лишившись объекта нападения, женщина быстро успокаивается и возлагает еще один цветок на «могилу».

— Слышь, браток, «трубы» горят, дай опохмелиться! — канючит «покойник».

От него несет таким густым перегаром вперемешку с запахом пота и мочи, что находиться рядом становится равносильно самоубийству. На всякий случай снимаю его в нескольких ракурсах и выдаю честно заработанную сумму, достаточную для приобретения пива.

Тем временем толпа растет. Артисты за сценой скучнеют и начинают снимать свои наряды. Для меня сцена — словно подарок небес. Поднявшись на нее, вижу не только то, что происходит в толпе, но и дальние планы, которые меня несколько настораживают. На обеих сторонах Садового кольца, в скверике напротив МИДа, видны группы солдат и милиционеров в касках и со щитами.

Около 50 омонцев в черных куртках и шлемах, вооруженные дубинками, начинают понемногу теснить толпу в сторону метро. Здание МИДа окружает другая группа, у которой в дополнение к

стандартному набору — каска, бронежилет и щит — добавлен автомат.

К шеренге милиционеров подскакивает человек в сером пальто и кепке:

— Вот вы тут стоите, здоровые, сытые, с дубинками! А я своей семье хлеба купить не могу, а вы меня дубинками, а кто вам самим зарплату платит? На мои налоги меня же и дубинками... Эх, вы!

В любой толпе есть несколько категорий протестующих. Одна, меньшая, состоит из людей, которые искренне верят в «уличный протест». Верят в то, что их личное участие может что-то поменять. Это самая для меня симпатичная, но и проблемная для репортера категория. Наводя на такого человека объектив, никогда не знаешь его реакцию в следующее мгновение. Погруженный в собственную беду, он может просто не обратить внимания на журналиста, но может неожиданно направить на камеру и на самого оператора всплеск эмоций... Но этот всплеск быстро проходит, и если правильно на него среагировать, особой опасности не представляет.

Вторые, а их абсолютное большинство, заключают с журналистами некую неписаную и непрогнозируемую вслух «конвенцию». «Вы тут работайте, мы вам подыграем, но сделайте нам красиво. А если не сделаете, то в следующий раз мы вам устроим «козью морду», разобьем аппаратуру, можем и самих побить. Нас много, что вы с нами сделаете?»

К ним относятся, как я их называю, «профессиональные революционеры» и «революционерки». Их знают в лицо все работающие на митингах журналисты. Как правило, эти примелькавшиеся на экране или в фотографиях лица «старожилы» уже и не снимают. На их профессионально разыгранный «протест» попадают в основном новички. Они присоединяются к акциям любого характера. Для них не важна цель, а важен сам процесс. К акциям и митингам они шьют знамена, флаги, готовят атрибутику на все случаи жизни. Они достаточно безобидны в жизни, но в толпе легко возбудимы и агрессивны. Их очень любят снимать операторы большинства отечественных телеканалов, так как они позируют и «протестуют» профессионально и азартно, создавая на экране необходимую картинку. А потом с удовольствием смотрят на себя в новостях, сидя в кругу родных за чашечкой чая или чего покрепче.

Третья, самая опасная категория — «боевики». Это молодые, как правило, люди, прошедшие армейскую школу. Их в армии научили бить и убивать, а на гражданке они себя еще не нашли. Такие

молодые люди, одетые в привезенный из армии «камуфляж», во время митингов окружают лидеров, участвуют в оцеплении трибуны, во всякого рода охране. Они чувствуют себя этакими «хозяевами жизни». Они готовы к мгновенным действиям, поэтому при них лучше не делать резких жестов, чтобы не вызвать ответной непредсказуемой реакции.

...На Смоленской площади пока относительно тихо. Покрутившись в толпе, теснимой ОМОНОм, самые нестойкие участники митинга спускаются в метро. Другие продолжают «толкучку». Неожиданно в толпу прибывает подкрепление, и она буквально взрывается залпом камней, летящих в сторону милицейских шеренг.

По Садовому кольцу продолжается автомобильное движение, и эта неожиданно вспыхнувшая агрессия приводит в замешательство водителей. По всем двенадцати полосам кольца слышится визг тормозов, глухие удары камней по машинам, звон разбитых стекол. Неизвестно откуда взявшийся отряд молодых людей начинает строить новую баррикаду взамен той, которую власти снесли вчера, но, по известной московской халатности, вывезли только частично — сгребли весь мусор за обочину дороги, от глаз начальства, и успокоились. Сейчас все эти обгорелые доски, бревна и арматурные прутья вновь оказываются на мостовой.

Милиция не тратит времени на перестроение. Омоновцы в казках группами бегут к «строителям» и начинают их размашисто бить дубинками. Поскольку вся эта вспышка была неожиданна не только для властей, но и для журналистов, фоторепортеры и видеооператоры невольно оказываются в самой гуще побоища.

Над головой со свистом проносятся камни. Ударившись о милицейские щиты, они ricochetт по ногам. На моих глазах отлетевший от щита камень попадает в голову фотокорреспондентке «Рейтер» Фредерик Ленгень, а вслед за камнем по многострадальной журналистке ударяет и дубинка. Видимо, в последнюю долю секунды омоновец передумывает бить ее во всю силу, и дубинка пролетает вскользь, оставив приличную шишку.

Мне приходится смотреть во все глаза, наблюдая не только за тем, что делается в видеоискателе камеры, но и что происходит сбоку и за спиной. Нельзя упускать из виду и поступающее обеим сторонам подкрепление.

Заканчивается эта вспышка так же неожиданно, как и началась. Милиционеры, разогнав толпу, возвращаются на исходные рубежи. На дороге остаются лежать несколько человек, которым досталось особенно сильно. К работе приступают врачи «скорой помощи»...

3—е октября. День.

Проходит слух, что на Калужской, бывшей Октябрьской площади собирается новый несанкционированный митинг. Вроде бы его организаторы обращались в мэрию, но мэрия запретила митинговать. Но, раз собрался народ, почему бы не провести митинг. Откуда разнеслась весть о митинге, никто не может толком сказать. Одни говорят — было объявление по радио, другие слышали от знакомых.

Я заканчиваю съемку на «Смоленке» и отдаю кассеты коллегам. Движение на Садовом кольце приоткрывают ненадолго, но через несколько минут закрывают снова, так как митинг в полном составе решает двигаться к Белому Дому. Организаторы «явочным порядком» решают преобразоваться в шествие. Мне удастся втиснуться в салон частного автомобиля, который едет в направлении Калужской площади.

Перед въездом на Крымский мост поперек дороги стоит милицейская шеренга и весь транспорт направляет на набережную. Шагах в десяти от первой шеренги выстраивается новая — из солдат внутренних войск. Пока я бегу к Калужской площади, возле парка Горького выстраивается еще одна шеренга из курсантов милицейских училищ. Проходить через курсантский заслон уже нет необходимости. С Калужской площади на Садовое кольцо спускается черная масса народа. Кое-где над толпой полощутся красные и черно-желто-белые знамена, золотистые хоругви и флаги.

В связи с запретом на проведение митинга на Калужской площади организаторы принимают решение идти на Ленинский проспект. Но он перекрыт частями ОМОНа, и тогда вся толпа сворачивает на Садовое. Милицейские и курсантские шеренги только издалека выглядят внушительными и грозными. На самом деле под экипировкой скрываются обычные перепуганные мальчишки.

Глядя на тучу народа, спускающуюся с Калужской площади, я не очень верю, что эти мальчишки смогут задержать решительно настроенную толпу. На всякий случай залезаю на бетонный парапет. Буквально под ногами начинается эта шеренга. Толпа приближается.

Впереди толпы идут крепкие ребята в камуфляже и в масках. На пять-шесть шагов впереди колонны идут фотографы и операторы. До милицейской шеренги они не доходят, а быстро расходятся на «зрительские» места по краям колонны. Толпа даже не снижает скорости. Боевики почти синхронно прыгают и ногами пробивают в шеренге внушительные бреши. Буквально через минуту бойцы,

стоящие в оцеплении, занимают круговую оборону, прижавшись испуганной кучкой к опорам моста. И вся битва происходит у меня под ногами.

Боевики толпы и солдаты находятся явно в неравных условиях. Солдаты связаны приказами командиров, которые, не ожидая такого поворота событий, не давали команды бить или открывать огонь «на поражение». Боевики же этими «условностями» не отягощены и действуют применительно к обстоятельствам, бьют тем, что с собой прихватили. Многие здесь же выхватывают у молодых милиционеров щиты, каски и дубинки. Большинство из нападающих прошли армейскую школу, которой так не хватает ребятам — срочникам.

Под мостом, на желтой траве жухлого газона, окружающего Выставочный центр, располагается полевой медсанбат, в котором фельдшеры тут же оказывают помощь пострадавшим.

К перилам прижата бабушка — божий одуванчик с хозяйственной сумкой. Но в сумке у нее не пучки редиски с морковкой, а несколько килограммов камней, которыми она одаривает всех желающих.

Вдоль длинной аллеи сквера у Выставочного центра Центрального Дома художников, где множество авторов продают свои творения, проходит агрессивная толпа. Художники, видя судьбу припаркованных вдоль дороги автомобилей, у которых разбиваются стекла, фары, габариты, — начинают собирать свои работы и прятать их в сумки и свертки.

— Не бойтесь, мазилы! Идите к нам! — советуют из толпы. — Вот победит Ельцин, он вас всех навеки запретит... Второе «Измайлово» устроит... Или «бульдозерную» выставку...

— Нет, спасибо, мы как-нибудь сами... — нервно отвечают художники, скручивая свои полотна и складывая мольберты...

Пока я снимаю раненых и пострадавших милиционеров, толпа, набирая темп, прорывает еще два кордона заграждения.

Никогда не думал, что Зубовская площадь так велика. В обычные дни, покрытая множеством автомобилей, она кажется маленькой и тесной. Никогда не могу перебежать ее необъятный простор. Основная масса уже прошла, и сейчас по ней идут маленькие и редкие кучки людей, спешащих, как и я, к Белому Дому.

На повороте с Садового кольца на Новый Арбат стоит еще одна милиционерская шеренга, усиленная бронетехникой. «Протестанты» проходят мимо нее. В адрес милиции и внутренних войск из толпы летят оскорбления и камни. Реденькая цепочка солдат захвачена

врасплох. Попутно толпа делает безуспешную попытку перевернуть многотонную поливочную машину. Одну из машин восставшие заводят, и она становится в их руках мощным тараном.

Уже у многих манифестантов видны пистолеты и автоматы. Как правило, это оружие находилось в руках милиции и стало трофеем наступающих. Звучат первые выстрелы, пока в воздух. Но и это нервирует толпу. Люди ускоряют шаг, стараясь попасть в спасительную тень Верховного Совета. Оружие попадает в руки людей, реагирующих на действительность, мягко говоря, неадекватно.

На пандусе стоит огромный армейский грузовик «Урал», где-то по пути конфискованный у военных. Сев за его руль, боевик из передового отряда таранит широкие витринные окна бывшего здания Совета экономической взаимопомощи, а ныне – Московской мэрии. Толстое стекло со звоном лопается и осыпается под ударом мощной машины. В верхней части рамы остаются висеть большие острые куски стекла. Поглядывая на них с опаской, в мэрию проускаивают вооруженные автоматами люди.

Отовсюду доносится стрельба. Судя по тому, что не видно убитых, стрельба носит, скорее, психологический характер.

Милицейские цепи перекрывают Калининский мост, Новый Арбат и другие улицы. Впечатление такое, что если бы восставшие начали развивать наступление, они могли бы полностью захватить Москву. Все начальство деморализовано и оглядывается на Кремль. А оттуда не исходит ни одного внятного приказа. По всей вероятности, Президент слишком уж уверовал в свою силу и недооценил решимость мятежников. Вместе с толпой прохожу внутрь оцепления, которое носит уже больше символический характер. Восставшие расширяют зону своего влияния. Вот уже в нее попадает здание мэрии со всеми документами...

Стрельба продолжается. К стуку автоматных очередей добавляется раскатистое «буммм» помповых ружей, стреляющих гранатами со слезоточивым газом. Газ восставших пока не очень беспокоит, но от ветерка, приносящего его, глаза начинают слезиться. Депутаты, стоя в окнах Белого Дома, приветственно машут людям, прорвавшимся к Белому Дому. Начинается митинг на той самой площади, с которой Ельцин начал в 91-м победное шествие к власти.

Народу собирается столько, что яблоку негде упасть. Стою на той самой балюстраде, на которой стоял в 91-м, и так же балансирую над толпой. «Руцкой — президент!», «Вся власть — Советам!», «Банду Ельцина — под суд!» — кричит площадь.

Солнце переваливает к закату, когда на балконе появляется Руцкой. Он окружен телохранителями, которые держат знакомые бронированные кейсы, защищая жизненно важные органы...

— Если сегодня не хватит сил взять мэрию и «Останкино», сделаем это завтра! — кричит он. — Мужчины, создавайте отряды для защиты конституционного строя! Вперед, на «Останкино»!

По-прежнему откуда-то доносятся выстрелы. Пользуясь всеобщей неразберихой, оружием завладевают все кому не лень. Боевые отряды, сформированные генералами Ачаловым и Макашовым, окончательно занимают здание мэрии. В руки восставших попадают и три бронетранспортера, захваченные у мэрии.

После выступления Руцкого в толпе начинается какое-то брожение. Чуть не кубарем скатываюсь с балкона и по лестнице бегу на площадь. После захвата мэрии отряды Макашова не успокаиваются и пытаются штурмом взять гостиницу «Мир».

У входа в гостиницу стоят бойцы спецподразделений, с которыми шутки плохи. Они уже заняли позиции для стрельбы «на поражение», но пока огня не открывают. Я проскакиваю за спиной штурмового отряда повстанцев. Группу боевиков численностью примерно в два взвода возглавляет Макашов. В повседневной генеральской форме, с автоматом Калашникова на сгибе локтя, он командует зычным басом:

— Милицionеров не бить! — и чуть тише добавляет: — Если они не сопротивляются. Забирать оружие и амуницию!!!

В это время в скверик возле гостиницы с улицы прилетает газовая граната. Она шипит, крутится на асфальте и плюется серым вонючим дымом, от которого перехватывает дыхание, жестко свербит в носу и слезы заливают глаза.

Макашов отдает новую команду: «Вперед!» Подбежав к низенькому заборчику, который чисто символически делит территории мэрии и гостиницы «Мир», останавливается и, как истинный командир, пропускает вперед своих бойцов. Не генеральское это дело лезть под пули.

Остановившись чуть в стороне, я снимаю его молодцеватую фигуру. Некоторое время он делает вид, что не замечает камеру. Он сосредоточенно хмурит брови, глядя вперед, туда, где его бойцы уже вступают в схватку. Человек пять избивают мальчишку-курсанта, который уже даже не кричит от боли, а только чуть-чуть повизгивает по-щенячьи, когда десантный ботинок в очередной раз вонзается в его измученное тело.

Наконец в генеральском мозгу появляется беспокоящая мысль. Он переводит взгляд на камеру, на оператора:

— А ты... — Камера работает. Кажется, даже снаружи видно, как безуспешно ищет генерал подходящие к случаю слова. Наконец находит: — Пошел на х...!

— Но-о... Господин генерал! Как можно-с?! — Макашова, кажется, сейчас хватит удар. Лицо багровеет, рука непроизвольно хватается за автомат...

Я поворачиваюсь к нему спиной и медленно отхожу в сторону. Несколько секунд он взглядом словно сверлит спину. Потом его кто-то окликает. Генерал идет вдоль стены и невысокой оградки, за которой лежит избитый курсант. Истязатели снимают с него бронезилет, забирают каску, дубинку, пластиковый щит. Макашов проходит мимо, даже не взглянув на полумертвого солдата.

Лицо мальчишки под ударами превратилось в кровавую маску. Дыхание вырывается из него сквозь розовую пену, — видимо, сломанное ребро проткнуло легкое. И я, бросив всю эту политику, бегу на Новый Арбат в поисках машины «скорой помощи». Буквально через минуту нахожу врачей, спрятавших машину в кусты возле дома, примыкающего к мэрии. Еще через пару минут мы с врачами и носилками подбегаем к курсанту, грузим его и относим в машину. Врач говорит, прощаясь:

— Если до реанимации довезем — жить будет...

3-е октября. Вечер. Ночь.

Пока я, вместо того чтобы снимать, бегаю за врачами, штурм мэрии, не успев начаться, заканчивается. Здание в руках повстанцев, и я успеваю снять, как на флагшток привязывают и поднимают красный флаг с серпом и молотом. По Девятинскому переулку ходят ликующие группы. Одна из них в сопровождении гармониста проходит весь переулок с песнями. Солнце садится, но восстание на пяточке у Белого Дома продолжается. Примерно пять тысяч человек устраивают переворот и возвращают Советскую Власть на площади полтора гектара и в двух зданиях — Доме Советов и мэрии.

На пересечении Нового Арбата и набережной выстраивается колонна военных машин, которые «протестанты» сумели отбить у армии и внутренних войск. Растерянность высоких начальников дорого обходится подчиненным. Уже убиты и покалечены множество солдат и офицеров, которые не имеют права применять оружие против распоясавшихся хулиганов.

Призыв Рудкого: «На «Останкино»!» выполняется в считанные минуты. Вооруженные автоматами и гранатометами люди грузятся на машины, и колонна трогается. Быстро темнеет. Машины мчатся по Садовому кольцу, по проспекту Мира, практически по самому центру огромного города с ясной и недвусмысленной целью — захватить телецентр. И никто, ни один милиционер, ни один командир из десятков генералов, которые отвечают за безопасность жителей, не может этому помешать или хотя бы затормозить колонну.

По отдельным репликам людей, стоящих в кузове, я понимаю, что в Останкино уже находятся около трех тысяч человек, но у них нет оружия, а телецентр охраняет спецназ.

Я стою на подножке машины, держась одной рукой за открытое окно кабины, а второй пытаюсь что-то снимать. Но машины идут быстро, под 100 километров в час, и я бросаю эту самоубийственную затею. Наконец машины притормаживают перед поворотом, и я соскакиваю с подножки. К семи часам вечера сгущаются сумерки, и телецентр висится на фоне темнеющего неба черной громадой. Огромную площадь освещают только редкие уличные фонари. Возле главного подъезда темнеет толпа людей. Многочисленные телекамеры выхватывают из темноты сам подъезд, зеленый военный грузовик...

В свете телекамер Макашов вызывает к выходу командира спецназа и требует сдать оружие. Что ему отвечает офицер в камуфляже, не слышно, но генерал выскакивает из вестибюля как ошпаренный. Он машет рукой, давая команду на штурм. Грузовик трогается и через огромные витринные окна въезжает прямо в вестибюль телецентра. А в это время раздается хлопок, который издает ручной гранатомет. Из окон помещений первого этажа начинает валить черный дым. Вслед за гранатой внутрь влетают и с хрустальным звоном разбиваются бутылки с зажигательной смесью — так называемым «коктейлем Молотова».

Помня о спецназовцах, которым дана команда стрелять на поражение, я потихонечку сдвигаюсь поближе к углу здания. «Ночью все кошки серы» — спецназу не полагается разбираться, кто перед ним, вооруженный боевик или репортер с камерой. Первые трассы автоматных очередей летят в сторону «Останкино». Темное здание телецентра отвечает шквалом огня. Трассы летят со всех этажей. Пули высекают искры из камней парапетов, с чмоканьем тонут в асфальте. Толпа рассеивается немного и падает на землю. От угла

видно, что среди множества безоружных людей, оказавшихся под пулями только из любопытства, на земле лежат телеоператоры.

У меня возникает новая задача — привезти отснятую пленку в бюро. Но поставить задачу гораздо легче, чем ее выполнить. Сейчас, прижавшись к стене под бетонным козырьком, безопасно, так как я нахожусь в «мертвой зоне». Ни тем ни другим стрелкам меня не видно, хотя вижу и снимаю все. Но стоит мне оторваться от стены, я сразу стану мишенью для защитников здания. Ведь наверняка они поставили бойцов по всему периметру.

Ощущение очень противное, если не сказать хуже. Нужно попробовать использовать складки местности. Это в лесу. А в городе? Есть ступени, бордюры, балюстрады... Сделав огромный прыжок, который я, наверное, уже не смог бы повторить, перелетаю тротуар и оказываюсь прямо на мокром газоне. Теперь меня немного защищает балюстрада. Проползаю по газону до ее конца и встаю, когда между мной и зданием оказывается дерево.

Улица Королева освещается сильным пожарищем. Возле первого подъезда стоит машина «скорой помощи» с включенными фарами и ярким поисковым фонарем. Наверняка все внимание как защитников, так и нападающих направлено туда. Я иду в самую неосвещенную часть улицы. Наконец между мной и зданием «Останкино» оказывается достаточное расстояние, чтобы чувствовать себя в относительной безопасности.

Обхожу здание по большому кругу и оказываюсь среди множества стоящих и наблюдающих за боем людей. Они видят, что я выбираюсь из самой гущи событий.

— Что там происходит?

— Стреляют...

— А что горит?

— «Останкино». Какая-то аппаратная... Не знаю, но горит здорово...

— Ну вот, — вздыхает какая-то женщина, — из-за их «политики» теперь и кино не посмотришь...

— Ой, что будет-то...

Я выхожу на Аргуновскую улицу. Вся она заставлена автомобилями. Здесь встречаю первый увиденный мной за целый день наряд дорожно-патрульной службы:

— Ребята, помогите! Нужно срочно в «Склиф» добраться...

— Что, ранили тебя?

— Да нет, друга ранили...

— Кто в ту сторону поедет? — обращается гаишник к толпе водителей.

— А что, пропустишь?

— Да хоть все езжайте... Мне — то что? Я же за вас беспокоюсь. Слышите, стрельба какая...

— Садись в «Жигуль», — говорит мне один из водителей. — По дороге расскажешь, что там было...

— Держись за «скорой»!

Мы снова мчимся по проспекту Мира, по которому я ехал на подножке грузовика всего пару часов назад. Пара часов и десяток жизней назад... «Скорая помощь», за которой мы пристраиваемся, летит по проспекту со скоростью далеко за сотню километров в час. В считанные минуты мы оказываемся рядом с пандусом, который ведет к «приемному покою» Института скорой помощи имени Склифосовского, знаменитому «Склифу».

На пандусе, ведущем в приемный покой, уже стоят три машины, из которых выгружают раненых. Все врачи в смотровых комнатах, которые широкими дверями в противоположные стороны выходят в два длинных коридора. Никогда не было такого, чтобы все смотровые были заняты. Иду по приемному коридору, заглядывая в распахнутые двери. В комнатах лежат, стоят, сидят окровавленные люди. Врачи в основном мне знакомы, поэтому на короткий вопрос: «Откуда раненый?» — так же коротко отвечают: — «Останкино!»

Санитар провозит мимо меня каталку с пустыми носилками. В углублениях покрывающей их старой клеенки в лужах свежей крови, натекающей из ран, отражаются обшарпанный потолок и редкие лампы дневного света...

Пока я устанавливаю на штатив камеру, возвращается санитар, но уже без носилок. На его плечо опирается человек, который идет, немного волоча правую ногу. В его фигуре я вижу что — то знакомое. Но самое знакомое — это репортерский кофр в руке санитара. Через некоторое время вхожу в смотровую комнату, чтобы выяснить, кого же из репортеров ранило. В комнате никого не видно. Только из угла доносится слабое:

— Эй! Привет!

— Привет, — откликаюсь я. — Марк?

— Конечно...

— Что случилось?

— Да вот... Не повезло.

Фотокорреспондент журнала «Огонек» Марк Штейнбок лежит на боку в верхней куртке, но ... без брюк.

— Куда тебя зацепило?

— В бедро... Ударило. Потом ничего не помню... Очнулся в «скорой помощи»...

— Кто подстрелил?

— Из «Останкино». Спецназ, наверное... Я за балюстрадой лежал, а выстрел был сверху...

— Это что тут за собрание? — в смотровую входит врач. — Вы кто больному? Родственник?

— Не совсем. Коллега...

— Не беспокойтесь, коллега. Жить будет. Задница быстро за-растет...

— Удачи! Выздоровливай...

В палате реанимации на третьем этаже «вавилонское столпо-творение». Заполнены не только кровати и кушетки — раненые по-легче лежат прямо на каталках, на которых их подняли из прием-ного покоя. Писк приборов, негромкие голоса работающих врачей, стоны раненых наполняют большой зал. Непередаваемая смесь запахов — крови, пота, лекарств и страданий — быстро выгоняют меня из зала. Мой неожиданный помощник ждет в коридоре:

— Ну что? Все снял? Поехали?

И мы снова мчимся по ночной притихшей Москве, чтобы через несколько минут по каналам CNN мир увидел то, что увидел сего-дня я, — русский бунт. Бессмысленный и беспощадный.

4 — е октября. Ночь. Утро.

Всю ночь над Москвой висит гул мощных моторов. По улицам в город подтягивается бронетехника. Если учесть то количество оружия, которое сейчас находится в Доме Советов, то с ним мож-но начинать маленькую локальную войну с неисчислимым количе-ством жертв. Ночная посадка вертолета прямо в Кремль делает свое дело. Ельцин готовится к решительным действиям.

Все сотрудники Московского бюро уже которые сутки не ухо-дят домой. Горничная Лена, отвечающая за чистоту и порядок в помещениях, не успевает выносить коробки из — под пиццы, пакеты с оранжевыми дугами от Макдоналдса, десятки банок из — под на-питков. Приезжие американцы не успевают адаптироваться после перелета и работают ночами, протягивая с третьего этажа на кры-шу сотни метров кабеля. С крыши видны бесконечные колонны бронетехники, стоящие вдоль всех основных магистралей.

Если в 91 — м году Белый Дом считался «оплотом» демократии и грядущих перемен, то в 93 — м он становится штабом «красно —

коричневых», как бойкие журналисты успевают окрестить противостоительный союз коммунистов с националистами. В CNN оценок не ставят. В коридорах и студиях, оборудованных на скорую руку, можно встретить политиков всех мастей. Благодаря постоянно дежурящей в осажденном Белом Доме съемочной группе слово в эфире довольно часто получают и «сидельцы» — Руцкой, Хасбулатов и многие другие опальные депутаты. Но они не особенно охотно идут на контакт с американцами...

Около 4 часов утра с крыши прибегает Майкл Джонсон. После неудачного «столкновения» с автоматным прикладом все его лицо приобрело синюшный оттенок:

— Там, наверно, штурм! Стреляют! — запыхавшись, сообщает он. Взгляды всех присутствующих скрещиваются на мне. Я, вернувшись полчаса назад с улицы, где снимал все входящие в город воинские колонны, только что устроился вздремнуть на стопке сложенных в углу бронежилетов.

— Этого не может быть!

— Но — стреляют!.. — резонно возражает Майкл.

— Мало ли кто стреляет... — ворчу я, поднимаясь из своего уютного гнезда.

Главный продюсер Брюс Коновер говорит:

— Выясни, в чем там дело... Если это не штурм, позвони, а в бюро не приезжай, отдохни дома...

От бюро до Белого Дома идти недалеко. Взвалив на плечо сильно потяжелевшую за минувшие сутки сумку с камерой, плетусь на выход. Вход во двор, помимо постоянных сотрудников, контролируют наряды милиции. Охрана появляется даже на нашем этаже. Огромный парень с короткой стрижкой проверяет всех проходящих в бюро. Откуда он взялся, я не знаю, но документы ему показываю исправно.

Контроль на улицах заметно усиливается. Сейчас, в предсветных сумерках, на всех углах видны милицмейские наряды. Все они вооружены уже не щитами с дубинками, а короткоствольными десантными автоматами. Судя по обстановке вокруг БД, «демократия почилa в бозе». Власть решает разговаривать с бунтовщиками с позиции силы.

Вдоль перил Калининского моста, возле гостиницы «Украина», на набережной — всюду расставлена бронетехника. Выхлопы дизелей создали плотный синий туман над водой Москвы — реки. Помимо войсковых нарядов, которые охраняют технику, ходят и стоят сотни милиционеров. Из — за реки доносятся звуки нешуточного боя.

С большим трудом, раз десять показав документы, перехожу мост. Пытаюсь выяснить у милиции, что происходит — не штурм ли это?

— Не-е! Не штурм! — говорят простодушные милиционеры. — Штурмовать после 10 утра будем...

— Тогда что там за стрельба? — Милиционеры растерянно пожимают плечами. И хотя у многих из них рации, ничего узнать не удастся. Милиция соблюдает режим радиомолчания. У осажденных точно такие же рации и настроены на ту же волну.

Идти туда, в неизвестность, совсем не хочется... В такой ситуации, прежде чем делать опрометчивые шаги, нужно сначала разведать обстановку, позиции сторон, словом, сделать все, чтобы иметь максимальную информацию. Иду в обход здания мэрии, вдоль бронированной цепи, окружившей все кварталы, которые находятся под контролем осажденных.

Наконец, обойдя все «поле сражения», я вновь оказываюсь на Краснопресненской набережной, только уже с другой стороны. На набережной идет перестрелка между войсковыми подразделениями и бойцами Отдельной дивизии особого назначения имени Дзержинского. Возле огромного рефрижератора бойцы оказывают помощь окровавленному человеку в гражданской одежде. Но, похоже, в помощи он уже не нуждается.

Прячась за деревьями, в сторону БТРов внутренних войск стреляют ветераны Афганистана, которые приходят на помощь своим бывшим сослуживцам из Таманской дивизии. Примерно в половине восьмого утра «побежденные» скрываются во дворе дома и начинают выносить из своих машин убитых и раненых.

В этот момент вспыхивает ураганный огонь прямо на стадионе «Красная Пресня». Похоже, что это уже штурм, решаю я и бегу по переулку, прячась за стволы толстых деревьев. Однако так же внезапно, как и началась, перестрелка заканчивается, и я снова попадаю на место боя, когда солдаты и офицеры, на этот раз Таманской дивизии, эвакуируют с поля боя своих убитых и раненых. На стоянках возле жилых домов польхают гражданские машины... Их владельцы, боясь попасть под пули, вынуждены в бессильной ярости наблюдать за тем, как сгорает в огне их частная собственность.

— Алло, Брюс! — кричу я в телефон. — Никакого штурма нет и пока не будет... — В трубке слышу, как он переводит мои слова кому-то в бюро...

— А почему так стреляли?

— Это они приняли своих за защитников Белого Дома... Министерство обороны забыло предупредить МВД о том, что их солдаты тоже будут в оцеплении...

Я чувствую, что мне очень трудно объяснить американцам, почему командиры подразделений, ведущих совместную военную операцию, даже такую простую, как оцепление, устраивают многочасовой бой посреди города, в котором подбивается бронетехника, гибнут и получают ранения солдаты и офицеры...

— Я тебе потом все расскажу, — кричу я в трубку. — Это — не телефонный разговор... Долго объяснять, никакой батареей не хватит...

— Хорошо. Ты что —нибудь снял?

— Конечно. Все снято...

— Давай срочно в бюро, скоро выход в прямой эфир...

Пока перегоняется материал в Атланту, шеф бюро Стив Херст ведет репортаж прямо с крыши здания, в котором находится бюро CNN. В режиме реального времени камера показывает ослепительно блестящий на осеннем солнце Дом Советов, улицы, забитые бронетехникой, и крупные планы моей утренней съемки. Потом камера начинает показывать приближающиеся к Белому Дому вертолеты. На их консолях видны установки для пуска НУРСов — неуправляемых реактивных снарядов...

— А если они ракетами промахнутся? Что будет?

— Если промахнутся, то лучше спроси, чего не будет... Американского посольства не будет. Вот этих домов — тоже не будет... Нас тут тоже — может не быть. Смотря куда стрельнут... Ладно, я пошел к Белому Дому...

— Возвращайся быстро. У нас включение каждые полчаса...

Усталость остается в прошлом. Чтобы не терять времени, сажусь за руль и быстро проскакиваю через открытый для транспорта Бородинский мост. Загоняю машину во двор жилого дома, который стоит прямо напротив мэрии...

Двор полон людей. Все жильцы, чьи окна выходят в сторону БД и мэрии, спускаются во двор и, затаив дыхание, наблюдают за снайпером, который, крадучись, идет вдоль стены, внимательно осматривая балконы и крыши. Немножко странно наблюдать, как до зубов вооруженный воин, осторожно, словно по лесу, идет по двору, заполненному перепуганным полусонным народом в домашних халатах, пижамах и в тапочках на босую ногу...

Проскочив арку, выводящую на Новый Арбат, выбегаю на улицу и тут же, отшатнувшись, прячусь обратно в арку. Над городом, словно злые шершни, летают пули. Стрельба идет ураганная...

4—е октября. День.

На огромном пространстве под выцветшим осенним небом автоматные очереди воспринимаются словно далекие и безобидные щелчки. Если бы не короткие шуршания пролетающих над головой пуль, то на щелчки эти можно было бы не обращать внимания. Спрятавшись за каменным бордюром, прямо напротив меня располагается, подстелив на холодную землю куртку, знакомый испанский журналист. Он внимательно вглядывается в открывающуюся ему панораму и время от времени делает записи в лежащем прямо на траве блокноте.

За ним и за дорогой горит мэрия. На фоне ее голубого фасада хорошо видно, как на уровне 10—го этажа пламя «пожирает» внутренние помещения. Из окон выходит черный дым, а над Новым Арбатом, словно опадающие листья, летают и медленно опускаются на землю серыми пепельными хлопьями горящие документы.

Установив камеру на прочный штатив, я навожу объектив на окна Дома Советов. Теперь, при увеличении изображения, отчетливо вижу, как в стены и стекла попадают пули. Стекла уже пробиты во многих местах и держатся в рамах каким—то чудом. Пули, попадающие в стены, высекают из них видные даже на ярком солнце искры. По безлюдной площади время от времени пробегают какие—то молодые люди, сгибаясь не только под пулями, но и под тяжестью компьютеров, мониторов, принтеров, которые они то ли крадут, то ли спасают от обстрела. Поразмыслив, склоняюсь все—таки к мысли, что это мародеры спешат поживиться тем, что плохо лежит, — ради общественной собственности жизнью так рисковать вряд ли кто будет...

Вертолеты продолжают кружить над Белым Домом. Помня «нурсовку» на таджикско—афганской границе, я не очень верю в точность обстрела такими снарядами. Реактивный снаряд, выпущенный с вертолета, начинает жить собственной, независимой от стрелков жизнью. Он не обязательно полетит именно туда, куда его направит летчик. Слишком много разных случайных факторов влияют на его полет. Именно поэтому их выпускают десятками, чтобы гарантированно накрыть цель. При всей своей громадности, Дом Советов для НУРСов — цель незначительная, и, как минимум, треть ракет полетят туда, куда им заблагорассудится. Вокруг жи—

лые многоэтажные дома, квартал американского посольства. Чуть дальше — Центр международной торговли...

Наверное, Бог внимает моим молитвам, и вертолеты исчезают. Но плотность обстрела многократно возрастает. Такое впечатление, что в ответ со стороны Дома Советов почти не стреляют.

Короткая перебежка от арки к испанцу за бордюрором. Пересидев и оглядевшись, делаю еще одну перебежку до подземного перехода. Спустившись вниз, обнаруживаю большое количество готовых к бою милиционеров. В касках и бронезилетах, вооруженные автоматами, они собираются у выхода, который ведет к мэрии.

Протиснувшись через их жесткую от брони толпу, оказываюсь в первом ряду. Молодые, еще не обстрелянные милиционеры расступаются, глядя на меня как на сумасшедшего. Чуть приподнявшись над ступеньками выхода, дожидаясь очередного усиления стрельбы со стороны нападающих и спокойно перехожу в новое укрытие под бетонными пандусами, ведущими к входу в мэрию.

Я уже приблизился к осажденному Белому Дому метров на сто, но этого недостаточно. Нужно быть на углу моста и улицы. Только оттуда открывается хороший обзор, где мне будет видно и обороняющихся, и нападающих. По асфальту щелкают пули. От мэрии через улицу путь кажется таким далеким. На некоторое время стрельба вдруг замолкает совсем. То ли противники не видят друг друга, то ли меняют магазины с патронами. Выскакиваю из-под пандуса и делаю несколько спокойных шагов. Тихо... На секунду останавливаюсь и достаю из кофра маленькую видеокамеру. В следующую секунду пригибаюсь и мчусь по выбранному маршруту большими скачками. Наверное, со стороны я выгляжу как сумасшедший, сбежавший из «желтого дома». Но меня в этой ситуации вид со стороны заботит только в том смысле, чтобы в меня не было удобно целиться.

Перескочив через оставшиеся со вчерашнего дня милицейские барьеры, врываюсь в толпу, стоящую на мосту. Чем это место отличается от той пустой и опасной площади, которую я только что преодолел? Практически — ничем. Но, начиная с дороги и загородки, вдоль перил моста стоит плотная толпа, которая наблюдает за всем, что происходит в этом безумном «театре военных действий».

Наконец я нахожу себе достойную точку съемки. Прямо передо мной в двухстах метрах — отлично освещенный Дом Советов. Слева, на дорожной развязке, стоят в ряд восемь бронетранспортеров с крупнокалиберными пулеметами. За их массивными зелеными телами прячутся снайперы подразделения «Альфа». Через

мощные оптические прицелы они отслеживают любое шевеление за окнами. Каждый из снайперов отслеживает свой квадрат фасада. За рекой, у подножия гостиницы «Украина», к стрельбе прямой наводкой выстроено с десяток танков. Стреляют со стороны гостиницы «Мир» и отбитой у мятежников мэрии — такая стройная телевизионная картинка. Складывается впечатление, что в построении бронетехники участвовал талантливый телережиссер. Теперь у меня только одна проблема — часть Белого Дома загораживает неизвестно откуда взявшийся военный грузовик. Он стоит, принимая на себя все удары шальных пуль. В нем никого нет и за ним никто не спрячется, потому что пуля пробивает его «на раз»...

То высоко, то совсем низко раздается мгновенное шуршание пролетающих над головами пуль. Вдруг из толпы доносится короткий вскрик. Молодой милиционер, стоящий в оцеплении у перил моста, шагах в пяти от меня, бледнеет и начинает медленно сползать по перилам. Ни бронезилет, ни каска его не спасают. Пуля впивается в ногу. Соседи его поддерживают, а он, чтобы заглушить боль, громко матерится и стучит кулаком по стальному ограждению. По замыслу отцов-командиров, эта цепь милиционеров должна справляться с моста всех зевак. Но зеваки — народ упрямый, и вскоре немногочисленное подразделение просто теряется в толпе, в то же время оставаясь на самом опасном месте — у перил.

Через три-четыре минуты подъезжает «скорая помощь» и увозит раненого постового. Этот инцидент заставляет и меня позаботиться о своей безопасности. «Броник» на мне надет, его даже снайперская винтовка не пробьет — отделаюсь синяком. Но он прикрывает только верхнюю часть тела...

После нескольких секунд размышления я забираю от фонарного столба толстую чугунную опору, которая призвана гасить колебания в случае сильного ветра. Эта массивная защита мне нравится, так как она дает возможность снимать, поставив камеру на ее верхний обрез. Пока я перетаскиваю «чугунину» на свою точку съемки, настроение зрителей меняется.

Из-за поворота с моста выбегает человек и, зажав что-то в руке, бежит к главному входу. Не успевает он сделать нескольких шагов по газону, как его скашивает пуля. Судя по тому, что пуля попадает ему прямо в грудь, можно сделать вывод, что у мятежников снайперы ничуть не хуже. Мужчина, упавший на газон, делает несколько судорожных движений в попытке подняться, но потом замирает неподвижно.

Откуда возникает на газоне молодой человек в спортивном костюме и бронежилете, я рассмотреть не успеваю. Только вижу, как парень подползает к упавшему и пытается понять, жив ли тот. Распластавшись на траве, он начинает тянуть его за воротник бушлата. Видимо, у него не очень получается, и он, лежа на траве, машет рукой, подзывая людей из толпы. Потом происходит и вовсе неожиданное. На его призыв откликаются сразу восемь или девять человек. Одного из них я знаю — это мой коллега, журналист Андрей Бинев.

Совершенно ничем не защищенные, без экипировки, они перебегают вначале под защиту «живой изгороди», которая, конечно, никакая не защита. Пригибаясь под этим «прикрытием», они быстро хватают за одежду раненого и, прячась за кустами, несут его к машине «скорой помощи». Из толпы зрителей им подаются носилки. Они укладывают раненого на них и поднимают, намереваясь нести его ногами вперед. Кто-то из толпы кричит, что так несут только покойников. Ребята перехватывают носилки и при попытке развернуться падают сами и роняют ношу. Толпа издает дружный полувздых, полустон...

Перетаскивая свой импровизированный чугунный «окоп», я постепенно оказываюсь в непосредственной близости от первого БТРа, стоящего на газоне напротив главного входа. За его массивной тушей спрячутся снайперы из спецподразделения «Альфа». Увидев мое сооружение, они смеются и одобрительно показывают большой палец.

Сами они одеты в серо-зеленые каски-сферы, оборудованные приборами ночного видения и переговорными устройствами. Я жестом прошу у них разрешения снять их. Они кивают, но быстро натягивают на лица черные шерстяные маски, из-под которых видны только глаза. Конечно, я их снимаю, но чувствую, что маски им здорово мешают.

Съемка, в принципе, закончена, и мне нужно быстро перекинуть материал в бюро. Дождавшись некоторого затишья в перестрелке, быстро отрываюсь от своего чугунного «щита» и перебегаю под защиту толпы...

До бюро — несколько минут ходу. Измученный нервным напряжением и ярким солнцем, от которого уже начинают болеть усталые глаза, спокойно иду по мосту. В это время на него въезжает первый танк. Он идет по «полосе встречного движения». Это обстоятельство я отмечаю чисто машинально. Здесь я проезжаю по

много раз в день. Чуть поодаль на мост в окружении множества людей тяжело вползает и второй танк.

Похоже, что милиция уже плюнула на охрану порядка, так как по всей улице буквально гуляют под пулями толпы народа. Наблюдая камерой за вторым танком, я как — то упускаю из вида первый.

А он тем временем ревет двигателем и поворачивает башню в сторону Белого Дома. Еще через мгновение оглушительно грохочет выстрел его 120-миллиметрового орудия. Мост сотрясается и, кажется, проседает. Все, кто здесь находится, одновременно приседают, а в воздух поднимается поднятый взрывной волной клуб пыли.

На стене Белого Дома словно прорывается «водопад». Половину фасада закрывает белое пыльное облако. Я успеваю перевести туда камеру, а рядом с первым разрывом возникает второй... Это уже я успеваю снять...

Несколько крупных планов — и мне уже нужно быстро мчаться в бюро. Бегу по улице под аккомпанемент артиллерийской канонады. Заскочив в аппаратную, вижу столпившихся перед экранами мониторов журналистов. На всех экранах, в том числе и на том, что показывает сигнал из Атланты, одинаковая, изумительной красоты картинка. На фоне спокойной панорамы Москвы и безмятежно синего неба танки расстреливают Дом Советов. Прямой наводкой.

Картинка идет без комментария и сопровождается только «интершумом». Это — посвист ветра, далекие крики толпы и чуть запаздывающий грохот танковых пушек.

«Не верь, не бойся, не проси!»

Послесловие

Если ты читаешь эти строки, значит, ты уже познакомился со всеми предыдущими главами. Сейчас ты теоретически знаешь почти все то, что знаю я, и мне уже нечему тебя учить. Надеюсь, «учеба» не была тебе в тягость. Собственно, это была и не учеба вовсе, а так, более или менее занимательное «чтиво», описание некоторых случаев «из жизни репортера».

Выводы и суждения, высказанные выше, принадлежат автору и находятся целиком на его совести. Ты можешь с ними спорить или соглашаться — дело твое. Эти заметки не претендуют на истину «в последней инстанции». Это я так думаю. Возможно, я не прав...

Но не выводы и определения были целью этой книги.

Профессия репортера требует не только самоотдачи, то есть — отдачи самого себя. Невелика потеря, скажете вы, всякая профессия требует самоотдачи. Всякая, но не настолько... Профессия становится образом жизни и способом существования. Скорее и вернее всего это может выразить жена, оставшаяся верной профессии, избранной мужем.

Как ни странным это покажется, но репортер — это по натуре своей очень одинокий человек. Да — есть жена, семья... Есть, но они существуют где-то там, в другом измерении. Ты здесь в короткие часы и минуты отдыха что-то делаешь в семье, но мозг твой — далеко отсюда. Он переживает и анализирует события предыдущей командировки либо готовится к следующей.

Когда я познакомился, совершенно случайно, кстати, со своей, надеюсь, последней женой, она казалась беззаботной девочкой с шапкой темных густых волос. Они с подружкой пришли посплетничать и заняли места за шестиместным столиком в ресторанчике, на который, совершенно случайно, меня усадила метрдотель перекусить перед поездкой. Случайно так получилось или намеренно, но сейчас я благодарю судьбу и эту женщину — метрдотеля.

Беззаботная девочка оказалась верным другом и отличной женой, не ноющей от одиночества, отсутствия денег или недостатка общения во время командировки мужа, не задающей лишних вопросов. Главный и самый «лишний» из них: «Когда ты вернешься?»

Такой простой вопрос оказывается таким сложным. Тебе приходится или врать, или подстраиваться под собственное обещание... И то и другое — крайне нежелательно, так как здорово мешает работе...

* * *

Я, возможно, выражу крамольную мысль, сказав, что только в одном случае из десяти журналисты становятся жертвами роковой случайности или злой воли. В остальных девяти случаях репортеры гибнут или попадают в неприятности из-за собственного непрофессионализма. В каждой работе есть «правила»: дорожного движения, техники безопасности, которые необходимо соблюдать. Правда, в нашем случае сначала их надо для себя написать.

Никогда и никому не придет в голову идея сунуть пальцы во вращающийся шпиндель токарного станка или под зубья циркулярной пилы. Или поехать на машине по встречной полосе движения.

Зачем же совать голову в шестеренки огромной государственной машины? Чтобы потом кричать, что тебя ненароком или намеренно придавило? Все эти «детские» крики — твой, прежде всего, непрофессионализм.

Армия — это смертельно опасная часть государственной машины. Она опасна прежде всего для самой себя, для всех частей, ее составляющих, для солдат, офицеров и, особенно, для тебя — чужака. Опасна не только смертоносным оружием, но и наличием «человеческого фактора». Оружие само не стреляет. Нужен палец, чтобы нажать на кнопку, гашетку или курок.

С годами работы на пике событий, в так называемых «горячих точках», вырабатывается сумма навыков, появляется какой-то опыт. В самом начале, в первых главах, я уже говорил, что человеку свойственно получать собственные шишки, прежде чем он вырабатывает для себя какую-то «сумму правил» поведения, реакцию на те или иные внешние обстоятельства. Была поставлена неблагодарная задача — уберечь от лишних шишек человека, избравшего себе суровый и тернистый путь репортера. Я тебя предупредил?

А теперь —

ИДИ И ПОМНИ:

Ты — в зоне боевых действий:

1. Не наступай на землю в незнакомом месте в городе.

2. «По газонам не ходить!» Там может быть мина. Лучше иди по асфальту, внимательно глядя под ноги.

3. Еще внимательней — прислушивайся. Растяжку можно заметить и перешагнуть. Ни одна граната не срабатывает бесшумно, и, услышав щелчок взрывателя, моментально падай лицом вниз, ногами к звуку. Если это «пшенка», пусть над тобой смеются — утись и посмейся тоже. Если же это «рабочая» граната, у тебя будет больше шансов выжить лежа.

4. Не заходи в дом, если там нет людей. Там за любой дверью тоже может поджидать граната на растяжке.

5. Если твой путь лежит по неасфальтированной земле, старайся идти по колее, оставленной танком или другой тяжелой машиной. При этом следи за тем, чтобы колея не была повреждена, а потом присыпана землей.

6. Ни на секунду не расслабляйся. Если тебя угораздило наступить на мину (щелчок под ногой), не паникуй — замри. Жестами или криком привлеки к себе внимание — именно внимание окружающих! Имей совесть, не подзывай товарища или любого другого человека. Сам вляпался — самому и расхлебывать! Большинство противопехотных мин взрываются не тогда, когда на них наступаешь, а когда с них сходишь.

7. Противотанковые мины под весом человека обычно не взрываются. Но лучше все равно на них не наступать.

8. Ни в коем случае не поднимай с земли никаких предметов в незнакомых местах (да и в знакомых — тоже не стоит!), если не ты их туда положил, сколь бы безобидными они ни казались. Убить может и шариковая ручка.

9. Бойся снайперов. Прицельная дальность полета пули из винтовки СВД — километр. Если есть подозрение, что участок простреливается снайпером, двигайся быстро, но неравномерно, по возможности по синусоиде. Делай резкие рывки: шагом — бегом...

10. Снимая из дома, находишься в глубине комнаты, не старайся подходить близко к окну или балконной двери. Осколок или пуля не знают, что ты всего лишь оператор или фотограф.

11. Смелость — отличное качество, если она не граничит с глупостью и безрассудством. Тебе важно не только снять сюжет, но и привезти его в «контору».

12. Не рискуй напрасно и не заставляй других из-за тебя рисковать жизнью. Везде, где это необходимо, передвигайся под броней, но только в том случае, если твое пребывание под ней не заставляет других подставлять голову под пули.

13. Оружие и камера — несовместимы. Никогда, ни при каких условиях в зоне боевых действий не вооружайся. Не бери в руки оружия даже в шутку. У тебя другая профессия — ты должен быть НАД схваткой. Но если ты находишься на одной из сторон с оружием в руках — оставь камеру. Иди, вой! Армия получит одного плохого бойца — миллионы потеряют журналиста.

14. Помни, что твое оружие — камера (перо, фотоаппарат). И, пожалуй, оно мощнее того, чем обладает армия.

15. Не будь жлобом — делись с коллегами информацией, куском хлеба и глотком воды. Завтра они ответят тебе сторицей.

16. Не отказывайся доставить в бюро, агентство, редакцию материал (пленку, кассету) коллеги даже из конкурирующей фирмы...

17. Будь щедрым, делись с коллегами всем, что имеешь, даже если имеешь немного. Доброта не забывается, как не забывается и жадность...

18. Одевайся так, чтобы при взгляде с дальнего расстояния ты не выделялся в толпе, становясь заманчивой целью для снайперов, но при ближайшем рассмотрении важно отличаться от окружающих, чтобы тебя не считали «своим»...

19. Научись смеяться над собой. Хорошо смеется тот, кто смеется по собственному желанию. Если не умеешь смеяться над собой первым, лучше не ездить в «точки» вообще.

20. Забудь о «регулярном» и «полноценном» питании. Всегда лучше иметь вместо лишнего бутерброда — «лишний» объектив или пленку. Не пей воду из случайных источников и не принимай пищу от «случайных» людей — они могут быть недоброкачественными или попросту отравленными. Два-три дня вынужденного поста еще никому не вредили...

21. «Лучше плохая картинка, лучше даже никакой картинкой, чем мертвый фотограф (оператор)...». Так говорил фоторедактор Московского бюро «Ассошиэйтед Пресс» Лю Хенг Шинг. Он знал, что говорил...

22. Во время работы в «горячей точке» полезно иметь смелого и осторожного напарника, у которого в моменты твоей съемки голова крутится на 360 градусов и который ведет все переговоры и отвечает на все вопросы, нестати возникающие у окружающих. Если есть возможность выбирать сопровождающего, выбирай не самого шустрого или сильного, а самого спокойного и уравновешенного. Этот не подставится сам и не даст сделать того же тебе.

23. Не ошибись при ответе на вопрос: «Кого вы представляете?» Если издание или телеканал слишком политизированы и под-

держивают какую — то одну сторону в конфликте, то ошибка в выборе смертельно опасна, она может стоить головы.

24. Вообще, вероятность наткнуться на хорошую картинку при бесконечно большом числе повторов, в нашем случае поездок в «горячие точки», естественно, возрастает, как, впрочем, возрастает и вероятность попасть под колесо судьбы. Как говорят: «Повадился ковшик по воду ходить, тут ему и голову сложить...»

25. Твоя информация обязана носить нейтральный характер. Факты, ничего кроме фактов. Выводы пусть делают твои читатели или зрители.

26. Прежде чем ехать в «горячую точку», изучи хотя бы на бытовом, «кухонном» уровне подлинную историю конфликта, по возможности из нейтральных источников.

27. Перед поездкой подготовь камеру. Прежде всего, она не должна быть новой, только что из магазина. В крайнем случае она не должна таковой выглядеть. Очень помогают изолента и скотч. Ими вдоль и поперек обклеивается камера. После такой несложной операции камера выглядит так, словно она работает только благодаря этой изоленте.

28. Не пижонься! Не одевай ничего нового из одежды. И ничего из категории «экстра — ультра», даже если это всего лишь хорошие ботинки. Тебя могут пристрелить только для того, чтобы ими завладеть.

29. Будь снисходителен к глупцам! Ошибочно мнение обывателя, которого придерживаются и отдельные наши руководители всех уровней, — что иностранцев интересует только «негатив». Конечно, можно случайно снять какую — нибудь эпохальную помойку и попасть «в струю», заработать какие — то деньги. Но говорю с полной ответственностью за свои слова: в съемке для западного эфира главное — честность и точность...

30. Будь разумным трусом! Пока ты боишься — ты как — то бережешься. После двух недель под пулями наступает равнодушие, и ты уже не обращаешь внимания на обстрелы... Срочно покинь зону боевых действий. Через три — четыре дня страх вернется...

31. Не рассчитывай на случай! Это — глупо, но для того чтобы ухватить за хвост удачу, ты и твоя камера должны быть, как юные пионеры — «всегда готовы!». Случай, везение на войне — вещь не последняя.

32. Держись подальше от сведений о численности войск, количества и качества вооружения и прочих «шпионских штучек», даже если тебе их будут предлагать. Не исключена подставка или

провокация. Все эти сведения получай официальным путем. Здесь, как нигде, действует принцип: «Чем меньше знаешь, тем крепче спишь».

33. В зоне боевых действий с наступлением темноты будь на «базе». Что станет твоей «базой» на ближайшую ночь — номер в гостинице, штаб, госпитальная палатка, окоп, — зависит от обстоятельств и твоего везения. Что бы ни случилось, передвижение по расположению военных без сопровождающих, которых знают в лицо, которые знают пароли, — подлежит самому жесткому табу.

Немного армейских законов Мерфи:

1. Не выгляди броско — это привлекает на тебя огонь противника.
2. Не привлекай на себя огонь противника — это раздражает людей, которые тебя окружают.
3. Никогда не дели окоп с кем-либо более храбрым, чем ты.
4. Короткий путь всегда заминирован.
5. Если противник в пределах досягаемости, то и вы тоже.
6. Существует лишь одна вещь точнее огня противника — это когда по вас стреляют свои.
7. Пули не осведомлены, что «старший по званию имеет привилегии».

* * *

Умение работать, добывая информацию, взаимодействовать с чиновниками из пресс-служб и высокими, как им кажется, начальниками — это один из самых серьезнейших разделов «школы выживания».

И тут ты начинаешь понимать, что твоя «четвертая» — она еще далеко не власть. В самом деле, что это за власть такая, которую запросто, по какой-то смехотворной причине можно лишить аккредитации, а то и вовсе ее не дать...

Если ты не умеешь расположить к себе лопающегося от собственной значимости начальника, если не можешь достать (выпросить или угнать) машину для поездки по делам, если...

Да можно вспомнить тысячу «если», когда ты, проклиная судьбу, тащишься по грязной ночной дороге после «перегона», нагруженный камерой, кассетами, батареями и черт-те чем еще, а пресс-служба не соизволила послать за тобой машину. А через пять минут твой сюжет то ли пройдет, то ли его испортят в эфире. И к эфиру, чтобы хоть посмотреть на свою работу, ты не успеваешь...

Грош тебе цена в базарный день, если ты не смог заставить мелкого чиновника уважать себя и свой труд, за которым — миллионы твоих зрителей и слушателей. Не выживешь...

Все вышеизложенное — опыт работы в условиях **бывшей страны — СССР!** Другие страны имеют свои особенности. И прежде чем начать работу, постарайся уловить их, пойми людей, окружающих тебя.

Вспомни классиков: «Не верь! Не бойся! Не проси!» и: «Будь проще, и народ потянется к тебе...»

Успехов тебе, конкурент!!!

О ЦЕНТРЕ ЭКСТРЕМАЛЬНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

Центр экстремальной журналистики — правозащитная организация в составе Союза журналистов России (СЖР) — создан 1 февраля 2000 года на основании Устава СЖР.

Из Устава Союза журналистов России, принятом на VI съезде СЖР 22 мая 1998 года, раздел 2.1 «Цели и задачи»:

— содействие утверждению и реализации свободы массовой информации, дальнейшему укреплению правовой базы деятельности всех сторон информационного процесса;

— защита прав и свобод журналистов, их экономических и профессионально — творческих интересов, авторских прав, чести и достоинства;

— содействие внедрению международных норм, касающихся деятельности средств массовой информации, в российское законодательство и практику.

Основные направления деятельности:

— мониторинг нарушений прав журналистов и СМИ в странах СНГ;

— распространение информации о конфликтах и нарушениях прав журналистов и прессы на территории СНГ;

— подготовка и издание бюллетеня «Опасная профессия»;

— изучение особо тяжелых категорий нарушений прав журналистов: убийства, избиения, покушения, угрозы и др., создание групп журналистского расследования;

— изучение условий и правового статуса работы журналистов в «горячих точках» (Чечня, Карабах, Абхазия, Приднестровье), подготовка и выпуск справочников, оказание юридической помощи;

— изучение законодательства в области СМИ стран СНГ, анализ и рекомендации;

— проведение обучающих семинаров для журналистов, работающих в экстремальных условиях;

— подготовка и издание специальной литературы.

Работа Центра экстремальной журналистики поддерживается: Институтом «Открытое общество», Будапешт; Фондом USAID, Вашингтон.

ПОДПИСКА НА РАССЫЛКУ ИНФОРМАЦИИ О КОНФЛИКТАХ В СФЕРЕ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Дорогие коллеги, Центр экстремальной журналистики, правозащитное подразделение Союза журналистов России, созданный 1 февраля 2000 года, в течение года регулярно собирает и рассылает информацию о конфликтах и нарушениях прав журналистов в странах СНГ.

Каждый день обрабатывается и рассылается до 20–25 сообщений, в том числе и на английском языке, объемом по 5–10 КБт каждое. Таким образом, у нас создается что-то вроде информационного центра, который, во-первых, дает возможность знать о количестве и «качестве» конфликтов и нарушений прав журналистов, во-вторых, помогает понимать ситуацию, в том числе и применительно к себе. Иначе: чтобы бороться за свои права, необходимо знать о том, что происходит с коллегами.

Мы предлагаем вам подписаться (БЕСПЛАТНО) и получать эту информацию.

Информация распределяется по нескольким блокам:

- из России;
- из стран Европейской части СНГ (Беларусь, Украина, Молдова);
- из стран Кавказа (Азербайджан, Армения, Грузия)
- из стран Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан);
- из всех стран СНГ, включая Россию;
- а также информация на английском языке (которая не всегда совпадает с той, что распространяется на русском).

Для того чтобы получать информацию, необходимо прислать письмо на адрес: lyuda@monitoring.ru или panfilov@monitoring.ru с уточнением того блока, в получении которого вы определились.

Но мы хотели бы, чтобы наши отношения были взаимно полезными, и мы с удовольствием бы рассылали информацию, исходящую от вас, опубликованную в вашем издании, в новостных программах вашего ТВ или радиостанции. Мы сохраним ваше авторство и ссылку на ваше издание, и, если в этом будет необходимость, используем ваш псевдоним.

Мы уже знаем, как распространение информации о конфликтах сплачивает журналистов, особенно, если необходимо поддержать акцию протеста или подписаться под обращением.

Надеемся на сотрудничество в борьбе за свободную прессу.

Юрий Романов.
«Я снимаю войну...» Школа выживания

Художник *В. Т□*
Компьютерная верстка *Л. Крюкова*
Корректор *М. Крючкова*

ИД □ 02184 от 30.06.2000
Подписано в печать 18.05.2001. Формат 60х90/16
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 1000 экз. Заказ □

Издательство «Права человека»,
119021, Москва, Зубовский бульвар, 17

Отпечатано на фабрике офсетной печати
г. Обнинск, ул. Королева, 6